

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главный редактор:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андошин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, куратор направления юридических наук (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Головчин М. А., кандидат экономических наук, научный сотрудник АНУ ВО «Агентство мониторинга и социологических исследований» (г. Вологда, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудряцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Левин С. Н., доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Маликина М. Ю., доктор экономических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Петрянин А. В., доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Подольный Н. А., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (г. Казань, Россия)

Тарасенко Н. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

Щепельков В. Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Апосталис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческого средиземноморского университета (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, научный консультант кафедры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор философии в области психологии, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., доктор философии в области права, профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в Университете Марибора; президент Европейского криминологического общества (ЕСО) (г. Марибор, Словения)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, член научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрих Д., доктор экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 28,75. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 26.05.2025. Заказ № 38.

Дата выхода в свет 27.06.2025. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова», ООО «ТЦО «Таглитат», 2025.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК

по специальности:

5.2.1. Экономическая

теория;

5.2.3. Региональная

и отраслевая экономика;

5.1.4. Уголовно-правовые

науки

Индексируется в HeinOnline,
CyberLeninka, RePec, DOAJ,
ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному
каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков
Республики Татарстан
Е. Н. Беляева

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

G. B. Kleyner, Dr. Sci. (Economics), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

I. I. Bikeev, Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

S. A. Andryushin, Dr. Sci. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

P. A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Law section (Kazan, Russia)

T. V. Kramin, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Economic section (Kazan, Russia)

Executive secretary:

R. A. Grigoryev, PhD (Economics), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

I. I. Antonova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. M. Baranov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

V. V. Volchik, Dr. Sci. (Economics), Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Ya. I. Gilinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

O. G. Golichenko, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Golovchin, Cand. Sci. (Law), researcher of Agency for Monitoring and Sociological Research (Vologda, Russia)

T. V. Efimtseva, Dr. Sci. (Law), Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

R. M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

M. A. Korytcev, Dr. Sci. (Economics), Professor in Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

O. V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

V. V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Professor (Moscow, Russia)

Yu. V. Latov, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

S. N. Levin, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

S. V. Lipen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

O. A. Makarova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Corporate Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Malkina, Dr. Sci. (Economics), Professor in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

A. V. Petryanin, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Nizhny Novgorod branch of Saint Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

N. A. Podolny, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

O. A. Tarasenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Z. I. Khisamova, Cand. Sci. (Economics), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

V. M. Shafirov, Dr. Sci. (Law), Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

D. A. Shestakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

A. I. Shinkevich, Dr. Sci. (Economics), Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

V. F. Shchepelkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

A. Apostolakis, PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleion, Greece)

J. Shabbar, PhD (Economics), Professor of University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

V. S. Kamenkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Scientific Consultant of the Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

H. Kury, Dr. Sci. (Psychology), Professor of Universität Freiburg (Freiburg, Germany)

G. Meško, Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

A. Serrano-Maillo, Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology of Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

N. N. Turetskiy, Dr. Sci. (Law), Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Ja. Fidrmuc, Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:
ПН № 0С77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 28,75. Circulation 1000 copies. Signed for printing 26.05.2025. Order № 38.

Date of publishing 27.06.2025. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2025.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center
"Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: rusjel@ieml.ru
Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:
Economic Theory;
Regional and Branch
Economics;
Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal
through the United
Catalogue "Press of Russia"
Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

Cand. Sci. (Pedagogics),
member of the Republic
of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

239

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Шахова Д. И.** Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды..... 239

257

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Колобов Р. Ю.** Влияние концепций промышленного симбиоза на формирование нормативно-правовой базы экономической деятельности: российский и зарубежный опыт..... 257
- Манушин Д. В.** Уточнение понятий банкротства, несостоятельности и неплатежеспособности юридических лиц в условиях санкций и импортозамещения 273

312

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Жарова А. К.** Неабсолютное право на тайну цифровых сообщений, или Европейская система достоверной идентификации человека 312
- Кабанов П. А.** Криминальная антропология мужеубийства в России. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Женская преступность в связи с ранними браками» 328

345

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

- Симшоу Д.** На пути к национальному регулированию правовых технологий: метод повышения доступа к правосудию..... 345
- Норрис Дж. Дж., Грол-Прокопчик Х.** Различия в вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг. 390

239

ECONOMIC THEORY

- D. I. Shakhova.** Main problems of reforming the Russian higher education system: regulations and the view of the professional community 239

257

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- R. Yu. Kolobov.** Impact of industrial symbiosis concepts on the formation of regulatory framework for economic activity: Russian and foreign experience 257
- D. V. Manushin.** Clarifying the concepts of bankruptcy, non-creditworthiness and insolvency of legal entities in the context of sanctions and import substitution 273

312

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

- A. K. Zharova.** Non-absolute right to the secrecy of digital messages, or the European system of reliable identification of a person 312
- P. A. Kabanov.** Criminal anthropology of mariticide in Russia. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya "Female criminality in connection with early marriages" 328

345

TRANSLATED ARTICLES

- D. Simshaw.** Toward national regulation of legal technology: a path forward for access to justice 345
- J. J. Norris, H. Grol-Prokopczyk.** Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018 390

420

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ

Иншаков С. М., Казакова В. А. «Многоэтажное право»: субъектность ответственности за коррупцию..... 420

433

ДИСКУССИИ

Афиногенов Д. А., Смирнова О. О. Цивилизационно-ценностный подход в стратегическом планировании 433

Шутова А. А., Бегишев И. Р. Этические принципы создания и применения биопринтных технологий 448

464

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

420

INTERDISCIPLINARY ARTICLES

S. M. Inshakov, V. A. Kazakova. "Multi-storey law": subjectivity of liability for corruption..... 420

433

DISCUSSIONS

D. A. Afinogenov, O. O. Smirnova. Civilizational-value approach in strategic planning 433

A. A. Shutova, I. R. Begishev. Providing digital security of healthcare system with criminal-legal means 448

464

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.239-256>

УДК / UDC 378.014(470+571)

JEL: H52, H75, I2, I23, P46

Д. И. Шахова¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды

Шахова Дарья Игоревна, аспирант, Южный федеральный университет
E-mail: dmokrousova@sfedu.ru
eLIBRARY SPIN-код: 4747-7440

Аннотация

Цель: выявление особенностей сложившейся институциональной среды системы высшего образования в России, в том числе определение уровня доверия как в обществе, так и внутри самой системы образования, существующего уровня асимметрии информации относительно предстоящих изменений в связи с уходом от Болонской системы, а также ожиданий основных акторов от проводимого реформирования. Выявление существующих в профессиональной среде нарративов необходимо для повышения успеха предстоящего внедрения новых формальных норм и снижения вероятности появления стимулов к оппортунистическому поведению, которое возможно в случае «неустановления внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними».

Методы: при решении исследовательской задачи главным образом использовались методы нарративного анализа и дискурс-анализа, а также проведение глубинных интервью с преподавателями вузов.

Результаты: выявлено, что для России характерен низкий уровень доверия в обществе, колебания которого коррелируют с происходящими изменениями в экономической и социальной сферах, а также низкий уровень информированности населения и непосредственных акторов системы высшего образования о предстоящих изменениях. Результаты проведенных интервью показали наличие осторожного отношения со стороны профессорско-преподавательского состава к любым изменениям (в том числе и к текущим), которые, по их мнению, могут привести скорее к повышению уровня бюрократизации, чем к решению существующих проблем недостатка финансирования образования и науки, повышенной нагрузки преподавателей. Также отмечены особенности поведенческих паттернов студентов в виде низкой вовлеченности во внеучебную деятельность вуза, относительно невысокой оценки уровня престижности профессии ученого, а также межпоколенческие отличия, влияющие на стимулы обучения в высшей школе.

Научная новизна: обоснование значимости анализа и мониторинга существующего уровня доверия, сложившегося у акторов в системе высшего образования для более эффективного реформирования данной системы.

Практическая значимость: положения и выводы могут быть использованы в дальнейшем для изучения влияния проводимых реформ на систему высшего образования.

Ключевые слова:

экономическая теория, система высшего образования, доверие, реформа системы высшего образования, Болонская система образования, асимметрия информации, неформальная среда вуза, престиж профессии ученого, коммуникация вузов в Интернете

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шахова, Д. И. (2025). Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 239–256. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.239-256>

Scientific article

D. I. Shakhova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Main problems of reforming the Russian higher education system: regulations and the view of the professional community

Daria I. Shakhova, post-graduate student, Southern Federal University
E-mail: dashamokrousova@mail.ru
eLIBRARY SPIN-code: 4747-7440

Abstract

Objective: to identify the features of the current institutional environment of the higher education system in Russia; in particular, to determine the level of trust both in society and within the education system, as well as the existing level of information asymmetry regarding upcoming changes due to the exit from the Bologna system and the main actors' expectations from the ongoing reform. It is necessary to identify the existing narratives in the professional environment in order to promote the upcoming introduction of new formal norms and reduce the likelihood of incentives for opportunistic behavior, which is possible if "internal relations are not in accordance with external ones".

Methods: when solving the research problem, the methods of narrative analysis and discourse analysis were mainly used, as well as in-depth interviews with university professors.

Results: the research revealed that Russia faces a low level of trust in society, fluctuations in which correlate with ongoing changes in the economic and social spheres. Another feature is a low level of awareness among the population and direct actors of the higher education system about upcoming changes. The interviews showed a cautious attitude of the teaching staff towards any changes (including current ones), which, in their opinion, may lead to an increased bureaucratization rather than to solving the existing problems, such as low funding of education and science and high workload of professors. The author also noted students' behavioral patterns, such as low involvement in extracurricular activities at university, a relatively low opinion about the prestige of academic profession, and intergenerational differences affecting the incentives for higher education.

Scientific novelty: the author substantiates the importance of analyzing and monitoring the existing level of trust among actors in the higher education system in order to increase the effectiveness of its reform.

Practical significance: the provisions and conclusions can be used in the future to study the impact of ongoing reforms on the higher education system.

Keywords:

economic theory, higher education system, trust, reform of the higher education system, Bologna system of education, information asymmetry, informal environment of a university, prestige of the academic profession, communication of universities on the Internet

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shakhova, D. I. (2025). Main problems of reforming the Russian higher education system: regulations and the view of the professional community. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 239–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.239-256>

Введение

Ускорение изменений в технологической сфере приводит к все большей необходимости формирования подходящих институциональных условий для распространения и усвоения знаний. При параллельном развитии технологий и повышении уровня человеческого капитала формируется «благодетельный цикл», который заключается в следующей закономерности: ускорение технического прогресса увеличивает спрос на человеческий капитал, развитие которого в свою очередь приводит к дальнейшим технологическим сдвигам (Perry et al., 2006. Рр. 13, 80).

Проблема реформирования системы высшего образования имеет достаточно богатую историю изучения, в частности, изучения различных механизмов управления, а также их влияния на результаты проводимой государственной политики (McLendon, 2003. Р. 57). Исследователями высказываются противоположные мнения относительно вопросов уровня автономии университета, предполагающего различный уровень участия государства в финансировании и управлении системой высшего образования: некоторые исследователи считают расширение самостоятельности при принятии решений, связанных с развитием образовательного и научного процессов, важным этапом по преодолению существующих ограничений развития университетов (Васильев и др., 2020. С. 898). Важность повышения автономии отмечалась также и респондентами в ходе проводимых в рамках настоящего исследования интервью (Приложение 1. Высказывание 9). Но при этом важность участия государства в данном процессе исследователями не оспаривается (Кошелева, 2021. С. 73). Существуют различные критерии оценки эффективности проводимой политики в области высшего образования, например, некоторые авторы считают, что основной задачей данного реформирования является создание необходимой институциональной среды для претворения в жизнь идеи «образования длинной жизнью» (*lifelong learning process* (Alt & Raichel, 2022. Рр. 370–371) и способствование дальнейшему развитию цифровизации данной сферы (Mozelius et al., 2024. Р. 27). Другие авторы подходят к вопросу реформирования университета более глобально и считают, что так как роль университета постоянно меняется, то сначала крайне важно определить глобальную миссию университета: «Больше уже непонятно, ни каково место университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества, интеллектуалы не могут позволить себе игнорировать это изменение институциональной формы университета» (Ридингс, 1996. С. 11). Изучение данных исследований крайне актуально в условиях планируемых масштабных изменений в системе высшего образования в нашей стране.

Согласно подписанным в феврале 2024 г. указам президента о Стратегии научно-технологического развития России и национальных целях развития страны, период с 2022 г. является «этапом мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления»¹. Также в 2022 г. было впервые объявлено о планах ухода от Болонской системы образования, действовавшей с 2003 г., к новой модели образования, основными целями которой, по словам министра образования В. Фалькова, являются «усиление фундаментальных начал и качественная практикоориентированность»². Результаты перехода к Болонской системе оцениваются различными исследователями достаточно противоречиво: О. С. Гилязова и А. Н. За-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. (2024). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

² Валерий Фальков провел совещание «О предварительных итогах 2024 года и планах на 2025 год» с ректорами российских университетов. (2024, 17 декабря). Минобрнауки России. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/92854/>

мощанская (2023. С. 311) отмечают, что в целом в рамках реализации Болонской декларации Россия не получила желаемых результатов и особого прорыва в развитии образовательной сферы в стране не произошло. Другие авторы отмечают, что существующие проблемы в системе высшего образования связаны не только с Болонской системой, многие из них в форме снижения качества высшего образования и подготовки научных кадров носят комплексный характер и появились еще до перехода к Болонской системе (Бермус, 2025. С. 45). О необходимости разработки собственного пути развития системы высшего образования в России начали говорить задолго до намерения выйти из Болонского процесса (Андропова, Лаптева, 2020; Васкевич, 2017; Воронин, 2021; Григорьевский и др., 2021). Однако, несмотря на достаточно активные дискуссии в академическом сообществе относительно поиска наиболее подходящих для отечественной системы образования путей развития, исследователями отмечается, что «количество исследований, посвященных проблемам текущего реформирования высшего образования в России в настоящее время относительно невелико по причине отсутствия данных о результатах реализации пилотного проекта³, на основании которого можно было бы выявить какие-то закономерности» (Бермус, 2025. С. 45).

Целью предпринятого нами исследования является подтверждение гипотезы о существовании низкого уровня доверия основных акторов системы высшего образования (преподавателей вузов) к процессу реформирования, что является ограничением эффективности проводимого реформирования и актуально ввиду планируемых в настоящий момент изменений в виде ухода от Болонской системы. Недопонимание и недооценка проблемы доверия в контексте реформирования университетов могут быть причиной неэффективности реформ, проводимых в Высшей школе (Шуклина, Певная, 2017. С. 120). Предполагается, что низкий уровень доверия, в свою очередь, обусловлен следующими причинами:

- 1) отсутствием системности проведения реформирования, связанным со все ускоряющимися изменениями, нестабильностью в экономических, внешнеполитических, социальных отношениях;
- 2) тем, что проводимые реформы не решают существующие в системе высшего образования проблемы, что в свою очередь влияет на уровень доверия акторов к ним. Это связано с тем, что уровень доверия к институту зависит в том числе от степени достижения данным институтом значимых для акторов целей, недостижение которых снижает успешность взаимодействия акторов и, соответственно, вызывает недовольство (Ширяев и др., 2019. С. 3).

Для понимания степени достижения значимых для акторов высшего образования целей необходимо выявление основных проблем, существующих в системе высшего образования, и ожиданий акторов в отношении планируемого реформирования системы высшего образования. Существующие в системе высшего образования ожидания ее акторов, стимулы их деятельности формируют те самые внутренние отношения, которые, согласно Веблену, должны быть «установлены в соответствии с внешними отношениями для обеспечения движения общества вперед» (Веблен, 1984. С. 203) или, иными словами, для достижения институциональной устойчивости важно, чтобы неформальные институты⁴ являлись дополнением к формальным.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- анализ влияния процесса реформирования на уровень доверия акторов, в адрес которых данное реформирование проводится;
- анализ существующих различий между формальными и неформальными институтами, а также способов их взаимовлияния друг на друга;
- проведение качественного исследования в форме глубинных интервью с целью выявления существующих в профессиональной среде (среди преподавателей вузов) нарративов относительно их осведомленности о планируемом реформировании системы высшего образования и выявления существующих в данной

³ В данном пилотном проекте по апробации новой модели высшего образования участвуют: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Национальный исследовательский университет «Московский авиационный институт», Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», Московский педагогический государственный университет, Санкт-Петербургский горный университет и Томский государственный университет. (Минобрнауки России и вузы в рамках пилотного проекта подготовили новые перечни специальностей для национальной системы высшего образования. (2023). Минобрнауки России. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/69686/>).

⁴ Согласно Д. Норт, неформальные институты в совокупности с формальными институтами и механизмами принуждения исполнения правил создают систему стимулов, действующих в экономике и других сферах общества (Бахарева, 2012).

системе проблем, решение которых является тем результатом, который ожидается от реформаторов в рамках проведения реформирования системы высшего образования;

- обоснование значимости изучения особенностей неформальной среды для понимания процесса институциональных изменений и экономического развития;
- анализ сложившейся неформальной среды системы высшего образования.

Статья состоит из введения, пяти параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 35 источников.

Влияние процесса реформирования на уровень доверия акторов, в адрес которых данное реформирование проводится

Данную «дилемму» законодательного органа наглядно демонстрирует концепция «динамической непоследовательности экономической политики», согласно которой непоследовательность экономической политики может привести к повышению репутационных издержек, что в будущем может снизить доверие общества к проводимым изменениям. Таким образом, законодатель в условиях асимметрии и неполноты информации выступает «канатоходцем», который в условиях необходимости проведения изменений сталкивается с выбором между повышением репутационных рисков, а также повышением уровня недоверия со стороны общества и проведением последовательной политики, заимствующей содержание старых, уже продемонстрировавших свою неэффективность, но привычных институтов. Ввиду существующих неформальных норм в обществе степень недоверия и принятия проводимых реформ может варьироваться, так же как и степень «абсорбционной» способности той или иной страны в случае внедрения/заимствования эффективных, зарекомендовавших себя институтов.

При этом, согласно теории шума при принятии решений, автором которой является известный представитель поведенческой экономики Д. Канеман, решение законодателя о введении нового закона/правила ограничено не только выбором, описанным выше, но и выбором между двумя формами планируемых изменений – жестких правил или стандартов⁵. Установление жестких правовых норм оправдано в том случае, если целью является устранение возможности применения альтернативных решений и, соответственно, ограничение возможности принятия решений на основании экспертных суждений, основным недостатком которых являются субъективность и высокая вариативность⁶. Стандарты же, напротив, предполагают широкую вариативность суждений, так как не содержат четкого руководства к действию, а лишь задают рамки, в пределах которых эксперты (в виде судей, врачей, учителей и др.) будут выстраивать свое поведение. И ввиду существующей неоднородности общества, в рамках функционирования которого планируется введение той или иной нормы, а также асимметрии и неполноты информации относительно существующих в данном обществе внутренних неформальных правил, выработка единого жесткого правила всегда чревата потенциальным отклонением от правила части группы (проявление оппортунистического поведения). Именно поэтому создание жестких норм достаточно трудозатратно ввиду необходимости учета большого количества факторов для создания единого правила, отклонение от которого будет минимальным.

Также при осуществлении выбора между правилами и стандартами необходимо учитывать влияние следующих факторов⁷:

1. Цена решения (высока в случае применения стандартов, так как требует временных и интеллектуальных затрат для принятия решения).
2. Цена ошибки (некомпетентность экспертов отразится на принятии решения).

Интересно, что применение той или иной формы законотворчества (так же, как и само принятие решения законодателя о смене нормы) зависит в том числе и от существующего в данном обществе уровне доверия⁸.

⁵ Канеман, Д., Сибони, О., Санстейн, К. (2021). Шум. Несовершенство человеческих суждений. Litres. С. 419.

⁶ Для описания широкого разброса принимаемых решений ввиду влияния посторонних факторов в тех случаях, когда вариативность не предусмотрена, Д. Канеман использует термин «шум при принятии решений».

⁷ Канеман, Д., Сибони, О., Санстейн, К. (2021). Шум. Несовершенство человеческих суждений. Litres. С. 419.

⁸ А. Б. Купрейченко отмечает «высокое значение доверия в регуляции жизнедеятельности различных индивидуальных и групповых субъектов» (Купрейченко, 2008. С. 21).

Если уровень доверия низкий, то гибкость принятия решения также будет ниже и, соответственно, будет востребована форма применения жестких правил, снижающая вариативность суждений, которым не доверяют. И напротив, в обществе с высоким уровнем доверия, в том числе к экспертам, стандарты будут доминировать над правилами.

Институциональный контекст проведения реформ в России

В России, согласно количественным показателям индекса доверия, наблюдается исторически низкий уровень доверия в обществе (его сильное падение с 35 до 23 % произошло в период с 1993 по 1998 г. (рис. 1) – время экономических «шоковых» реформ), что в совокупности с высоким индексом избегания неопределенности, высоким индексом дистанции власти, измеренным по методике Хофстеде⁹, приводит к тому, что население не отождествляет себя с институтами государственной власти и, соответственно, с созданными этими институтами правилами (в виде нормативных актов и иных форм законодательства) (Шахова, 2023. С. 39; 2024. С. 69).

В связи с этим могут возникать практики оппортунистического поведения, так как если индивид, в отношении которого направлены изменения, на внутреннем уровне принимает тот или иной институт, то он будет следовать ему по привычке без принуждения, если же, наоборот, данного принятия нет, то данный институт будет действовать как механизм ограничения поведения и будут возникать стимулы к оппортунистическому поведению (Шахова, 2023. С. 67).

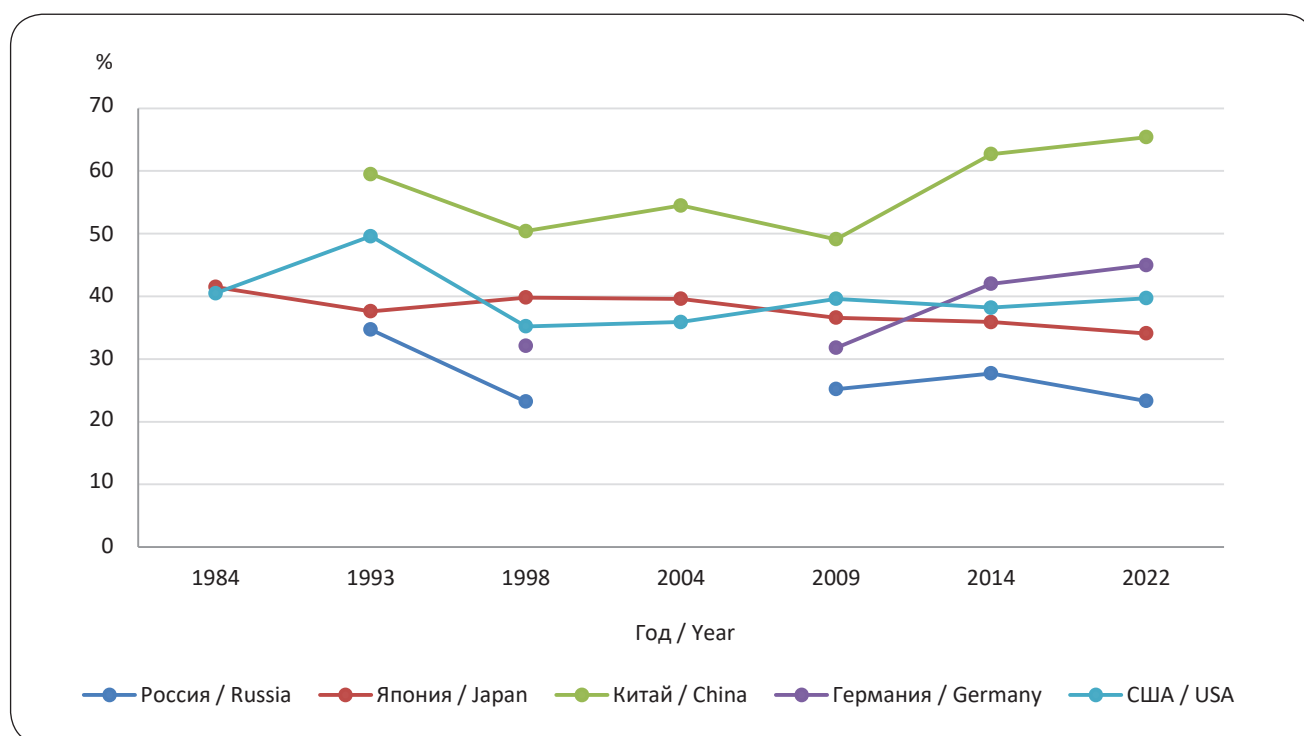

Рис. 1. Изменение доли населения, согласной с утверждением, что большинству людей можно доверять

Источник: составлено автором на основе Ortiz-Ospina, E., Roser, M., & Arriagada, P. (2024, April). Interpersonal trust around the world. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/trust>

Fig. 1. Share of the population supporting the statement that most people can be trusted

Source: compiled by the author based Ortiz-Ospina, E., Roser, M., & Arriagada, P. (2024, April). Interpersonal trust around the world. Our World in Data. <https://ourworldindata.org/trust>

⁹ Данная методика позволяет изучать «ментальные программы» общества на основе собранных анкетных баз данных (Латова, 2016).

Как было отмечено выше, для достижения институциональной устойчивости важно, чтобы неформальные институты являлись дополнением к формальным, заполняли существующие лакуны в формальной институциональной структуре – именно в этом случае можно говорить о возможности приближения к институциональному равновесию (Фуруботн, 2005. С. 34). Существует большое количество определений различий между формальными и неформальными нормами, например, В. Л. Тамбовцев в качестве данного различия указывает наличие/отсутствие механизма принуждения к исполнению (Тамбовцев, 2020. С. 10) – в случае с формальными нормами данные механизмы специализированы, с неформальными – нет. К. Уильямсон в качестве данного критерия выделял спонтанность – неформальные правила возникают спонтанно (Williamson, 2012. Р. 4) и не являются частью юридической системы (Попов и др., 2018. С. 221). Стоит здесь также добавить, что неформальные нормы «зачастую основаны на религиозных, идеологических и эмоциональных факторах и обеспечиваются внутренними установками человека» (Либман, 2006. С. 54–55).

Степень взаимосвязи существующих в обществе формальных и неформальных норм можно описать с помощью следующей типологии, предложенной Г. Хелмке и С. Левитски (Helmke & Levitsky, 2012. Р. 12):

1. Взаимодополняющие: в обществе функционируют формальные институты, к которым у членов общества есть доверие и которые в той или иной мере согласуются с существующими неформальными нормами. Более того, существующие в формальных нормах лакуны (данные пустоты – это какие-то проблемы или нестандартные ситуации, регулирование которых законодательно не закреплено) заполняются неформальными нормами без нарушения системной целостности формальной структуры.

2. Согласующие: существует некоторый конфликт формальных и неформальных институтов, но его последствия могут быть минимизированы путем механизма их согласования, который заключается в некоторой модификации формальных норм в соответствии с неформальными нормами – ярким примером является политика *Gedogen* в Нидерландах (Barendregt, 2011. Р. 6). Данная политика подразумевает смягчение или отсутствие наказания в определенных случаях, в том числе в случае возникновения конфликта в связи со следованием определенному формальному правилу.

3. Конкурирующие: из-за несоответствия формальных институтов с существующими культурными нормами, обычаями у представителей данного общества возникает выбор либо следовать неформальным, либо формальным, так как одновременное следование обоим невозможно ввиду их явной разнонаправленности.

4. Замещающие: неэффективные формальные нормы не просто конкурируют с неформальными, но и в некоторых случаях замещаются ими. Примером может служить способ избрания президента в Мексике не согласно правилам, описанным в Конституции, в избирательном праве и иных нормативных актах, а по принципу *dedazo* («большой палец») (Зазнаев, Сидоров, 2019. С. 30) – действующий президент мог по этому правилу выбрать круг своих преемников и ограничить участие в выборах других кандидатов.

Понимание существующей в обществе конфигурации формальных и неформальных норм может снабдить законодательный орган полезной информацией относительно потенциальных ограничений, которые могут возникнуть в ходе процесса реформирования. Данную информацию можно использовать, согласно В. М. Полтеровичу, для построения в случае необходимости промежуточных институтов (Полтерович, 2012. С. 26), которые сделают процесс перехода к новым формальным нормам более плавным и безболезненным.

Важность данной предварительной «институциональной настройки» демонстрирует понимание причин падения уровня доверия в России – согласно данным рис. 1, это произошло как раз в период проведения «шоковой терапии». Эта закономерность демонстрирует негативную реакцию части населения на резкие изменения без предварительной «институциональной настройки», без проведения промежуточных, более мягких реформ. Ввиду исторической памяти среди населения могло закрепиться «осторожное» отношение к будущим реформам, и в данном случае проблема повышения социального доверия становится крайне важной, особенно накануне проводимых реформ, в том числе в системе высшего образования.

Влияние асимметрии информации на уровень доверия

В сфере высшего образования доверие выступает «скрепляющим базисом для всех акторов, обеспечивает устойчивость, стабильность высшего образования как института и его дальнейшее развитие» (Ширяев и др., 2019. С. 151) или своеобразным клеем, скрепляющим общество и сдерживающим его от дальнейшей фрагментации (Амбарова и др., 2019. С. 11). Снижение уровня недоверия возможно при условиях повы-

шения уровня прозрачности и закономерности проводимых реформ, снижения уровня асимметрии и неполноты информации. Согласно проведенным опросным исследованиям среди 1 200 человек в возрасте от 18 до 55 лет, лишь каждый пятый респондент знаком с планируемыми изменениями в системе высшего образования, что показывает существующую асимметрию информации в области предстоящих достаточно серьезных изменений (рис. 2).

Степень серьезности проводимых реформ можно оценить с точки зрения степени влияния на основные элементы образовательного процесса (структуру, методологию и содержание образовательного процесса). На основании анализа интервью с министром науки и высшего образования¹⁰ отметим, что планируемые изменения коснутся всех трех основных элементов образовательного процесса:

1. Структуры: в рамках пилотного проекта предложена следующая структура образовательного процесса: базовое высшее образование со сроком обучения от четырех до шести лет в зависимости от направления и профиля подготовки (вместо бакалавриата). Магистратура остается в качестве специализированного высшего образования и может быть реализована либо в виде этапа образования для углубления практической подготовки, либо в виде этапа углубления исследовательской, научной подготовки. Сроки обучения гибкие – от одного до трех лет. Важным отличием от Болонской системы образования может стать предполагаемый запрет на обучение в магистратуре лиц, не имеющих базового высшего образования соответствующего профиля (Гребенкин, 2024. С. 516). Аспирантура же утрачивает статус ступени образования и становится специализированным обучением, направленным на подготовку научных кадров. Таким образом, можно заметить, что увеличение срока обучения и отсутствие возможности учиться в магистратуре не по полученной специальности компенсируются новыми возможностями в выборе траектории своего развития, гибкими сроками обучения в зависимости от конкретной образовательной программы, и при этом данные шаги обеспечат улучшение качества подготовки студентов.

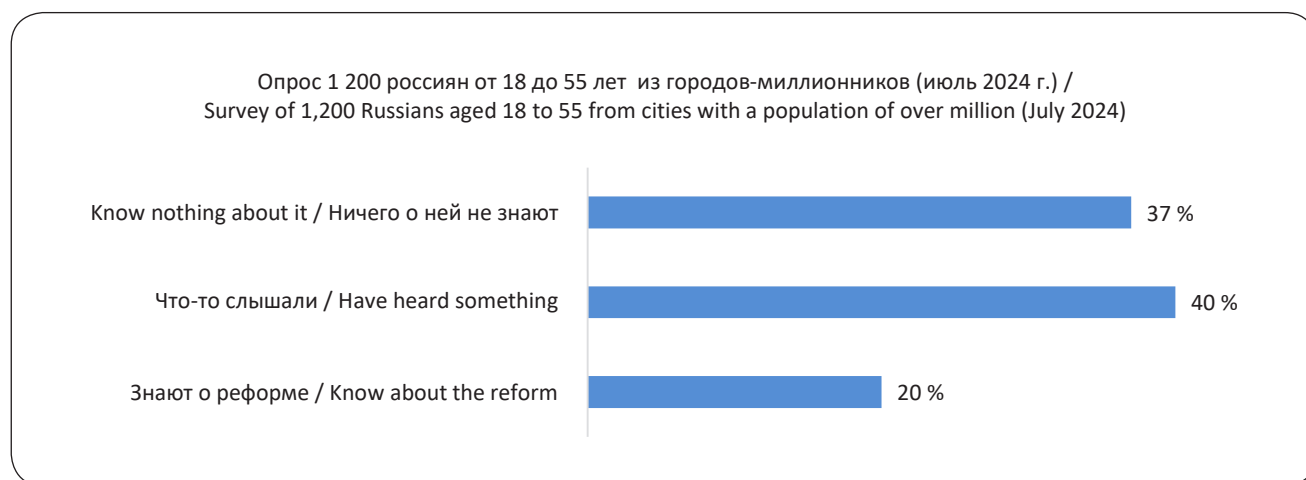

Рис. 2. Результаты проведенного опроса россиян о реформе высшего образования

Источник: Цифры: о реформе системы высшего образования, похоже, знает лишь каждый пятый россиянин. Skillbox. <https://skillbox.ru/media/education/tsifry-o-reforme-sistemy-vysshego-obrazovaniya-pokhozhe-znaet-lish-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin/>

Fig. 2. Results of a survey of Russians on the higher education reform

Source: Figures: Only one in five Russians seems to know about the reform of the higher education system. Skillbox. <https://skillbox.ru/media/education/tsifry-o-reforme-sistemy-vysshego-obrazovaniya-pokhozhe-znaet-lish-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin/>

¹⁰ Интервью министра науки и высшего образования РФ В. Фалькова в Томском государственном университете. Новости Томского государственного университета. https://news.tsu.ru/media/pochemu-v-rf-menyayut-sistemu-vysshego-obrazovaniya/?sphrase_id=525805/

2. Содержания: изменения коснутся не только структуры образовательного процесса, но и его содержания – образовательные программы будут трансформироваться ввиду изменения самого содержания существующих и привычных нам профессий (иллюстрация влияния тренда на высокую скорость изменений). Более того, образовательные программы будут ориентированы равно на получение как фундаментальных (в том числе через возможность мобильности студентов между разными вузами для прохождения курса в том университете, который зарекомендовал себя лучшим в конкретной сфере), так и профессиональных знаний благодаря активному взаимодействию с работодателями через учебные практики уже начиная со второго года обучения.

3. Методологии – планируется увеличение гибкости учебного расписания, которое позволяет учитывать разнонаправленные предпочтения как студентов, так и преподавателей в области выбора метода обучения – предпочтительное соотношение аудиторных и дистанционных часов, методы оценивания, оперативное предоставление аудиторий и др.

Таким образом, планируемая реформа является не просто корректировкой существующей системы высшего образования, а предполагает масштабные изменения и существующий уровень осведомленности населения (часть которого будет или уже является полноценными участниками образовательного процесса), согласно опросу, описанному выше, демонстрирует необходимость повышения уровня информированности в будущем с целью нивелирования потенциального снижения уровня доверия к реформам. Безусловно, результаты одного опроса могут быть нерепрезентативными по отношению ко всему населению, но на данный момент описанное исследование опроса мнений по поводу предстоящих реформ является единственным масштабным «барометром» общественного мнения по поводу реформы высшего образования.

Результаты качественного исследования в виде глубинных интервью, проведенных с преподавателями вузов

С целью выявления существующих в профессиональной среде (среди преподавателей вузов) нарративов относительно их отношения к планируемым изменениям в рамках реформирования системы высшего образования и выявления существующих на данный момент в системе высшего образования проблем, влияющих на уровень доверия акторов к реформам, в целом было проведено 16 глубинных интервью с действующими преподавателями вузов. Отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (*peer-referrals constituting network sampling*), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (*targeted samples*). Выбор респондентов осуществлялся с учетом необходимости дифференциации по регионам (участвовали респонденты из Ростова-на-Дону, Москвы, Новосибирска, Керчи, Новочеркасска, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга). Также соблюдалась дифференциация по направлениям преподавания (гуманитарные науки (экономика, политология), естественные науки (физика, математика, автоматизация производства, механика) и медицина).

На вопрос, касающийся происходящего перехода от Болонской системы высшего образования, респонденты отмечают недостаточную осведомленность о планируемых изменениях: есть понимание о происходящих изменениях, но без деталей относительно содержания данных изменений (проявление асимметрии информации, см. Приложение 1. Высказывания 1 и 2).

Помимо вопросов, связанных с осведомленностью относительно происходящих изменений, обсуждались направления улучшения текущей системы образования с целью формирования понимания существующих ожиданий непосредственных участников образовательного процесса от будущего реформирования системы. Были отмечены следующие проблемы, влияющие на уровень доверия к проводимым реформам (Приложение 1. Высказывания 3–7):

- 1) низкий объем финансирования научных лабораторий;
- 2) низкий уровень средней заработной платы преподавателей, которая вынуждает увеличивать нагрузку, «добирать часы»;
- 3) высокий уровень «бюрократизации» учебного процесса – необходимость заполнения большого объема документов: однако здесь стоит отметить, что уровень бюрократизации в вузах с использованием системы ЭДО оценивается ниже благодаря электронизации некоторых выполняемых ранее вручную действий, связанных с документооборотом;

4) низкий уровень системности, последовательности реформирования системы высшего образования: высказывалось мнение о том, что изменения системы образования, как и любой другой институциональной системы, должны быть более последовательными без резких колебаний, насколько это возможно в существующих условиях геополитической нестабильности.

Непоследовательность проводимых изменений в совокупности с отмечаемым недостаточным уровнем финансирования при одновременно высокой нагрузке преподавателей, согласно мнению респондентов, негативно сказывается на уровне доверия, существующем в системе высшего образования у ее акторов к проводимым изменениям. Повышение доверия к реформам, в свою очередь, связано со степенью сонаправленности проводимых реформ с существующими ожиданиями относительно функционирования данной системы у ее основных акторов и в сложившейся неформальной среде университета.

Неформальная среда университета

Среди направлений улучшения образовательного процесса в высшей школе важное значение придается поддержанию неформальной среды университета, которая является важнейшим фактором формирования высокого качества человеческого капитала. Под неформальной средой подразумеваются в данном случае существующие взаимоотношения между студентами и преподавателями, ощущение ответственности студентов за свой будущий профессионализм не только ради получения заветного диплома как «билета» в будущую карьеру, но и ради формирования внутри себя системы структурированных знаний, применение которых будет решать существующие проблемы в самых различных сферах общественной жизни.

Крайне важно понимание глобальной миссии университета, его основных целей в текущих условиях быстрых изменений. Традиционные представления о двух миссиях университета как об образовательной и научной дополняются еще одной, третьей миссией университета, направленной на решение социальных проблем. При этом определение третьей миссии университета варьируется в различных публикациях. Одни авторы включают в данную миссию, помимо социального, также предпринимательский фактор, что является достаточно дискуссионным ввиду того, что, с одной стороны, «университеты предлагают наибольшую концентрацию ресурсов знаний для поддержки местного и регионального развития и не использовать этот потенциал было бы слишком большой роскошью в условиях глобализации» (Montesinos & Martinez, 2008. P. 262). С другой – существует объективное противоречие в сочетании научно-образовательной и предпринимательской сторон университета (Кудряшова, Сорокин, 2020. С. 20). Именно поэтому третью миссию университета часто рассматривают более масштабно в виде формирования научно ориентированного мировоззрения и повышения открытости научного сообщества. Данные нарративы по поводу открытости науки присутствовали и у респондентов, участвующих в интервью:

«Одной из задач университета должна быть тотальная борьба с безграмотностью, с какими-то ложными убеждениями, которые далеки от науки. Ведь в науке же многие вещи, которые сейчас у людей вызывают какой-то эвристический восторг, уже давно описаны. И вопросы, в которых не могут разобраться, тоже давно описаны. Конечно, университету нужно, в том числе в виде реализации третьей миссии, как-то участвовать в этом. С этой целью я, например, с удовольствием читаю бесплатные публичные лекции» (доцент, 39 лет, стаж преподавательской деятельности – 11 лет).

В некоторых российских вузах даже ведется мониторинг осуществления третьей миссии, например в Высшей школе экономики в рамках данного мониторинга за 2021 г. был приведен отчет о деятельности вуза по достижению 17 целей¹¹, среди которых выделены как сугубо социальные сферы в виде ликвидации нищеты (получение права на бесплатное обучение абитуриентами, нуждающимися в поддержке, но не имеющими государственных льгот, функционирование программ поддержки студентов в виде предоставления скидки (от 25 до 70 % от годовой стоимости) на обучение за академические успехи), ликвидации голода. Также к преследуемым целям относится обеспечение качественного образования как для студентов в виде более раннего их вовлечения в исследовательскую деятельность, повышения открытости университета в рамках сотрудничества с региональными вузами (стажировки, проведение образовательных интенсивов командам вузов-партнеров,

¹¹ Отчет НИУ ВШЭ. (2021). <https://3mission.hse.ru/mirror/pubs/share/570785024>

проведение регулярных социологических и статистических исследований системы образования), так и для взрослых граждан в виде бесплатных курсов и программ. Данные отчеты публикуются также на сайтах зарубежных университетов (Канады, США, Великобритании и др.) и связаны с осуществлением миссии университета по устойчивому развитию, по экономическому, экологическому вкладу в развитие региона и др.¹²

В качестве характеристик неформальной среды вуза можно выделить следующие:

1. Цель получения диплома: согласно представленным в ноябре 2024 г. результатам опроса, проведенным ВЦИОМ, около 18 % респондентов воспринимают получение высшего образования как социальный лифт (что на 5 процентных пунктов выше, чем в 2019 г.) и 11 % респондентов в качестве своей мотивации указывают социальное давление («так принято»). Около 60 % респондентов тесно связывают получение диплома с дальнейшей возможностью построения карьеры, трудоустройства на хорошую работу¹³.

2. Формат проведения занятий – использование дистанционных методов в образовательном процессе, согласно мнению респондентов интервью, влияет на снижение эмоциональной вовлеченности студентов во время занятий и, как следствие, не способствует повышению уровня доверия и взаимопонимания.

3. Низкая вовлеченность студентов в студенческие активности: участие во внеучебной внутривузовской деятельности способствует формированию чувства принадлежности к внутриуниверситетскому сообществу. В России данный уровень вовлеченности исторически ниже, чем, например, в США: согласно проведенному Высшей школой экономики мониторингу, в 2020/21 учебном году около 68 % студентов не участвовали в различных видах научной/проектной деятельности (рис. 3).

Процент вовлечения в студенческие организации составляет 32 % от общего количества студентов¹⁴. В качестве сравнения приведем исследование, регулярно проводимое Калифорнийским университетом для оценки поведенческих паттернов студентов данного вуза: в 2022 г. среди опрошенных 60 000 студентов около 73 % участвовали хотя бы в одном виде внеучебной деятельности¹⁵ и 53 % были вовлечены в деятельность студенческой организации.

4. В ходе проведения исследования межпоколенческих особенностей В. Радаев отмечал наличие особенностей поколения миллениалов и зумеров, которые напрямую влияют на уровень усваиваемости знаний в высшей школе. Данные поколения с социологической точки зрения характеризуются такими чертами, как сниженная способность к длительной концентрации, параллельная вовлеченность в несколько коммуникативных сред и «раздербанность сознания» (Радаев, 2019. С. 185). Более низкий уровень длительной концентрации у студентов данных поколений приводит в том числе к изменению внутренних запросов студентов относительно корректировки роли университетов, которое видится не только в приобретении большого объема знаний, но и в передаче смыслов и интереса к обучению (мотивация на обучение длиной в жизнь). Также в рамках все увеличивающегося уровня информационного шума требуется развитие навыков структурирования, осмысливания информации и выделения ключевой проблемы.

5. Научно-исследовательская культура студентов.

Выбор научной карьеры студентами является важным показателем уровня доверия выпускников вузов к системе высшего образования в целом, так как это выбор в пользу долгосрочного сотрудничества с данной системой. Если говорить о динамике выбора студентами научной траектории развития, то респонденты во время интервью отмечали стабильность размера доли выпускников, остававшихся в вузе после выпуска для обучения в аспирантуре, защите кандидатской диссертации и т. д. Данную стабильность связывают со специфичностью деятельности, которая по своему содержанию не может подходить всем. Однако если говорить о студентах, предрасположенных к ней, но при этом все равно делающих выбор не в пользу науки, то здесь все респонденты в виде барьеров отмечают низкую заработную плату и связанную с этим неопределенность относительно своего будущего.

¹² Третья миссия в зарубежных университетах. Высшая школа экономики. <https://3mission.hse.ru/catalog3m>

¹³ Высшее образование в России: мониторинг. (2024, 26 ноября). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring>

¹⁴ Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов. (2022). Мониторинг экономики образования, 10(27). НИУ ВШЭ. [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf)

¹⁵ Institutional research and academic planning. (2023). University of California. https://www.ucop.edu/institutional-research-academic-planning/_files/extra-curricular-participation-and-student-success.pdf

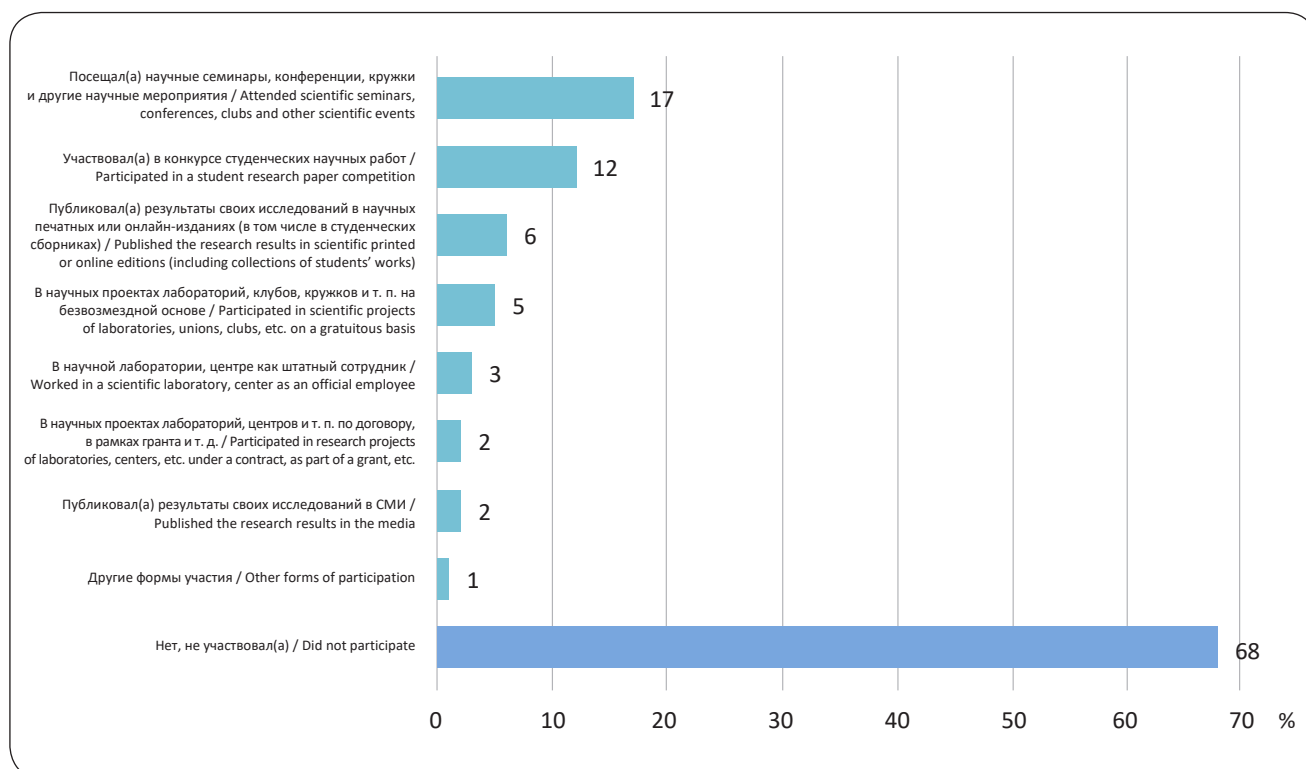

Рис. 3. Участие студентов в различных видах научной/проектной деятельности

Источник: Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов. (2022). Мониторинг экономики образования, 10(27). НИУ ВШЭ. [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf)

Fig. 3. Students' participation in various types of scientific/project activities

Source: Extracurricular activities as a factor of students' academic success. (2022). *Monitoring of the economy of education*, 10(27). HSE Research University. [https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10\(27\)_2022.pdf](https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf)

Помимо внутренней предрасположенности студента и внешней мотивации в виде заработной платы, важную роль играет существующий в обществе нарратив относительно уровня престижа профессии ученого. Согласно проведенному в июне 2023 г. опросу 1 600 человек от 18 до 55 лет, среди молодежи лишь 56 % опрошенных отметили престижность данной профессии (для сравнения в 2013 г. данный показатель составлял 55 %) ¹⁶. При этом, если сравнивать этот показатель со среднемировыми значениями, то можно увидеть, что в 16 странах (участвующих в масштабном опросе относительно уровня престижа разных профессий ¹⁷) профессия ученого по важности для общества сопоставима с профессией врача. Данный уровень измерялся в баллах, и на графике показан уровень проставленных респондентами оценок для профессий ученого и врача, которые набрали наибольшее количество баллов по сравнению со всеми остальными профессиями (рис. 4).

Понимание необходимости повышения престижа данной профессии крайне важно ввиду того, что снижение количества молодых людей, выбирающих науку в качестве карьерного пути, может приводить к разрушению преемственности научных школ, затруднению передачи опыта и знаний будущим поколениям, снижению мотивации молодых ученых к ведению научной деятельности. Тем не менее уже сейчас можно наблюдать положительные сдвиги в данном направлении в проводимой политике: например, в Стратегии научно-техно-

¹⁶ Ученый и инженер: престижность профессий. (2023, 13 июля). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-glazami-rossijan>

¹⁷ Опрос проведен международной группой, специализирующейся на онлайн исследованиях, – Yougov. <https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data>

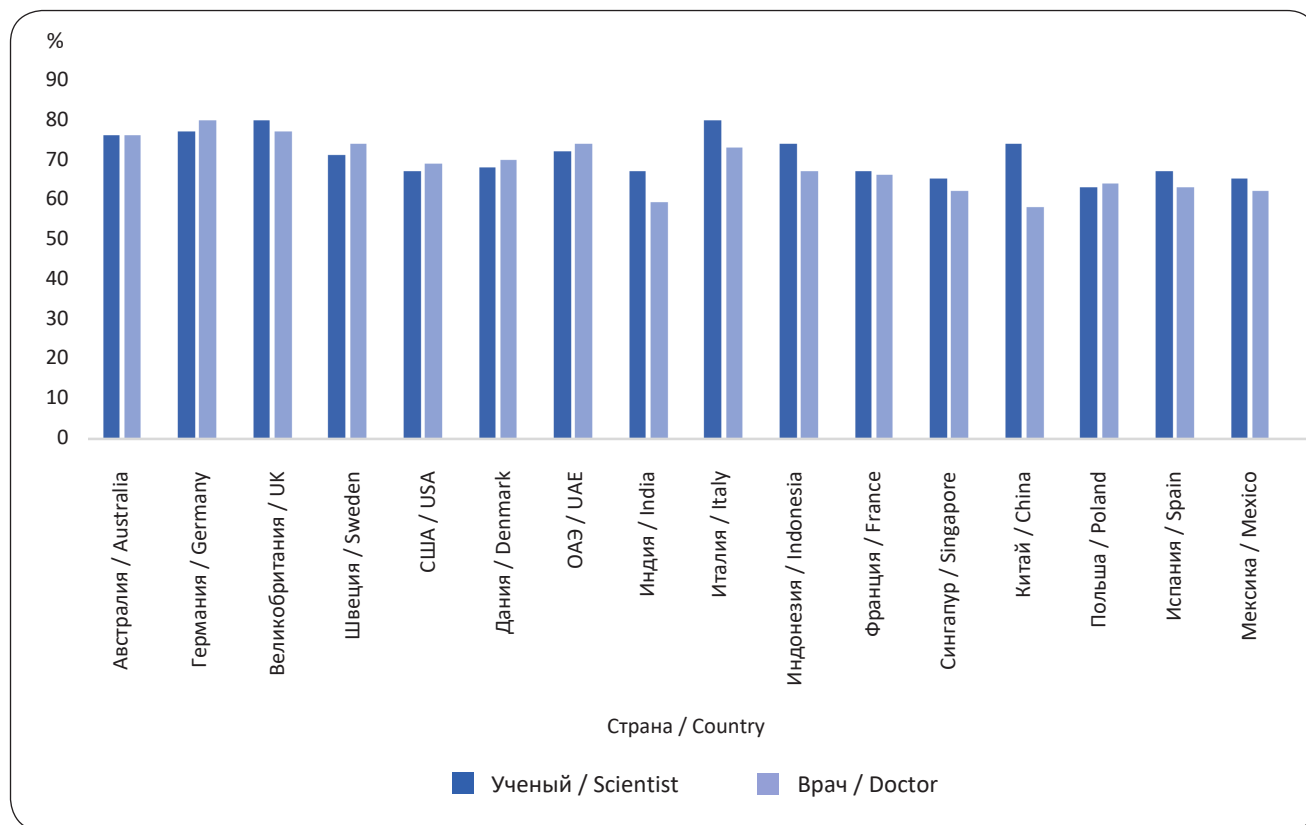

Рис. 4. Присвоенные респондентами разных стран оценки профессиям по критерию «наиболее уважаемая профессия»

Источник: составлено автором на основании данных проведенного международной группой Yougov онлайн-исследования. Опрос проведен в ноябре – декабре 2020 г. <https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data>

Fig. 4. Ranking assigned by respondents from different countries to professions according to the “the most respected profession” criterion

Source: compiled by the author based on data from an online study conducted by the international Yougov group. The survey was conducted in November – December 2020. <https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data>

логического развития РФ¹⁸ в числе способов создания возможностей для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки выделена необходимость повышения авторитета ученых в обществе¹⁹. Некоторые респонденты также отмечают, что уже есть «положительные сигналы» в данной политике поддержки молодых ученых, но тем не менее «работы еще предстоит достаточно много» (Приложение 1. Высказывание 8).

6. Достаточно низкий уровень коммуникации вузов в Интернете, что является показателем открытости вуза на различных платформах. Согласно Московскому международному рейтингу вузов по количеству подписчиков в социальных сетях, российские вузы могут быть отнесены к аутсайдерам: у вузов в России средний показатель составляет 30 тыс. человек, что в 6 раз ниже среднемирового уровня²⁰.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. (2024). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

¹⁹ Там же.

²⁰ Три миссии университета: Московский международный рейтинг. (2021, август). https://mosiur.org/files/analytics/RU_MosiUR_2021_Analytical_Commentary.pdf

Вышеперечисленные особенности неформальной среды университета в совокупности с выявленными нарративами преподавателей относительно существующего уровня доверия к проводимым реформам и ожиданий от данных реформ позволяют по-новому взглянуть на институт высшего образования как сложную систему взаимодействия внутренних и внешних акторов, колебание уровня доверия которых может влиять на эффективность текущего и будущего реформирования.

Заключение

Процесс реформирования требует баланса между необходимостью проведения изменений и сохранением доверия акторов (которое может снизиться ввиду повышения уровня неопределенности), в отношении которых эти изменения внедряются. Низкий уровень доверия – одна из причин возникновения барьеров в осуществлении институциональных изменений и в крайнем случае распространения оппортунистического поведения ввиду непринятия новых формальных правил. Данный фактор приобретает особую важность в России ввиду исторически низкого уровня доверия в обществе, колебания которого коррелируют с происходящими изменениями в экономической и социальных сферах. Система высшего образования в России как институт генерации и распространения знаний достаточно эластична по отношению к проводимым изменениям, и результаты проведенных интервью показали наличие осторожного отношения ее акторов к любым изменениям.

В рамках исследования подтверждена гипотеза о существовании низкого уровня доверия основных акторов системы высшего образования (преподавателей вузов) к проводимым реформам в системе высшего образования. В частности, подтверждено предположение о низком уровне осведомленности преподавателей относительно планируемых изменений в связи с уходом от Болонской системы (наличие асимметрии информации), что в совокупности с отмеченными респондентами проблемами, существующими в системе высшего образования на протяжении уже длительного времени (см. ниже), ограничивают возможность повышения данного уровня доверия:

- 1) недостаточный уровень финансирования научных лабораторий;
- 2) низкий уровень заработной платы преподавателей, вынуждающий увеличивать нагрузку, «добирать часы», что влияет на качество обучения студентов;
- 3) высокий уровень бюрократизации учебного процесса;
- 4) необходимость повышения системности, последовательности реформирования системы высшего образования, а также снижения частоты проведения данных изменений.

Таким образом, для повышения успеха внедрения новых формальных норм необходимо учитывать сложившиеся ожидания акторов реформируемой системы, а также создать прозрачную систему информирования о предстоящих изменениях, что позволит повысить уровень доверия к предстоящим реформам.

Список литературы

- Амбарова, П. А., Зборовский, Г. Е., Шаброва, Н. В. (2019). Старое и новое доверие в высшем образовании. *Образование и наука*, 21(1), 9–36. EDN: VVQUBO. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-9-36>
- Андропова, И. В., Лаптева, Н. В. (2020). Болонский процесс как фактор политики реформирования системы высшего образования в современной России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, 20(4), 464–469. EDN: KPUKHS. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>
- Бахарева, Т. В. (2012). Неформальные институты как объект научного анализа. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 5(44), 12–16. EDN: PLRKNN
- Бермус, А. Г. (2025). Проблемы и перспективы постболонского реформирования системы высшего образования в России: теоретический обзор. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 10(1), 43–51. EDN: XMQNNH. DOI: <https://doi.org/10.30853/ped20250006>
- Васильев, И. А., Дивеева, Н. И., Дмитрикова, Е. А., Кашаева, А. А., Шевелева, Н. А. (2020). Автономия университетов: необходимое условие развития российского высшего образования в условиях цифровизации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 11(4), 877–902. EDN: BKVQRN. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.404>
- Васкевич, Т. В. (2017). Унификация национальных образовательных систем Европы как следствие Болонского процесса: проблемы и утраты. *Современное образование*, 4, 85–100. EDN: YLTAAN. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2017.4.24916>
- Веблен, Т. (2021). *Теория праздного класса*. Litres.

- Воронин, Г. П. (2021). Болонская система образования: будущее страны в опасности? *Стандарты и качество*, 5, 1–1. EDN: YVHFHA
- Гилязова, О. С., Замошанская, А. Н. (2023). Дилемма «советские традиции – болонские инновации»: к вопросу о выборе модели российского высшего образования. *ЦИТИСЭ*, 2, 308–317. EDN: LEIRFS. DOI: <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.26>
- Гребенкин, А. Н., Фомина, М. Г. (2024). Система российского высшего образования в контексте ухода из Болонского процесса. *Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет – 25 лет развития: материалы XIV Международной научно-практической конференции*. Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского.
- Григорьевский, Л. Б., Иващенко, Г. А., Фрейберг, С. А. (2021). Болонский процесс в России: история, противоречия и перспективы. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, 1, 97–103. EDN: TWDUND. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-1-97-103>
- Зазнаев, О. И., Сидоров, В. В. (2019). Модели контролируемой передачи президентской власти. *Политическая наука*, 4, 16–37. EDN: BRFNDA
- Кошелева, Е. Г. (2021). Государственное регулирование системы образования: теоретико-концептуальный подход. *Образование и проблемы развития общества*, 4(17), 67–74. EDN: GNPPTS
- Кудряшова, Е. В., Сорокин, С. Э. (2020). «Третья миссия» университетов как предмет научного анализа. *Вестник Вятского государственного университета*, 2(136), 17–24. EDN: WGQCPJ. DOI: <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.20.020>
- Купрейченко, А. (2015). *Психология доверия и недоверия*. Москва: Институт психологии РАН.
- Латова, Н. В. (2016). Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда). *Вестник Института социологии*, 4(19), 155–179. EDN: XWETNN. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>
- Либман, А. М. (2006). Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация. *Общественные науки и современность*, 6, 53–65. EDN: HVUGIH
- Полтерович, В. (2012). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты. *Montenegrin Journal of Economics*, 8(2), 25–44.
- Попов, Е. В., Веретенникова, А. Ю., Наумов, И. В., Козинская, К. М. (2018). Неформальная институциональная среда социального предпринимательства. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11(4), 217–234. EDN: XYLJCH. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.14>
- Ридингс, Б. (2022). *Университет в руинах*. Litres.
- Радаев, В. (2019). *Миллениалы. Как меняется российское общество*. Litres. EDN: STOTFS. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
- Тамбовцев, В. Л. (2020). Методология эмпирического анализа неформальных институтов. *Журнал институциональных исследований*, 12(3), 6–23. EDN: OPHNLS. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.006-023>
- Фуруботн, Э. Г. (2005). *Институты и экономическая теория*. Санкт-Петербург: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та. EDN: QQLPBF
- Шахова, Д. И. (2023). Культурный код или особый путь России. *Вопросы регулирования экономики*, 14(2), 33–43. EDN: ZTVDJC. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.2.033-043>
- Шахова, Д. И. (2024). Влияние социокультурных факторов на стабильность экономических институтов в России. *Вопросы регулирования экономики*, 15(1), 66–75. EDN: FIVAOC. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.066-075>
- Ширяев, И. М., Фурса, Е. В., Маскаев, А., Мокроусова, Д. И. (2019). Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки. *Вопросы регулирования экономики*, 10(4), 146–161. EDN: VNLRWE. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161>
- Шуклина, Е. А., Певная, М. В. (2017). Доверие как институциональная проблема высшего образования. *Университетское управление: практика и анализ*, 21(5(111)), 120–131. EDN: ZXYKNT
- Alt, D., & Raichel, N. (2022). Problem-based learning, self-and peer assessment in higher education: towards advancing lifelong learning skills. *Research Papers in Education*, 37(3), 370–394. EDN: TNZVPB. DOI: <https://doi.org/10.1080/0267152.2.2020.1849371>
- Barendregt, W. (2011). *Gedogen – the psychological aspects of Dutch tolerance*. Enschede: University of Twente.
- Helmke, G., & Levitsky, S. (2012). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. In *International Handbook on Informal Governance*. (pp. 85–113). Edward Elgar Publishing. EDN: ROHYLV. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781781001219.00011>
- McLendon, M. K. (2003). State governance reform of higher education: Patterns, trends, and theories of the public policy process. In *Higher education: Handbook of theory and research* (pp. 57–143). https://doi.org/10.1007/978-94-010-0137-3_2
- Montesinos, P., Carot, J. M., Martinez, J. M., & Mora, F. (2008). Third mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. *Higher Education in Europe*, 33(2-3), 259–271. <https://doi.org/10.1080/03797720802254072>
- Mozelius, P., Cleveland-Innes, M., Lindqvist, M. H., & Jaldemark, J. (2024). Critical Aspects of a Higher Education Reform for Continuous Lifelong Learning Opportunities in a Digital Era. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 22(1), 26–39. EDN: HUBKRX. DOI: <https://doi.org/10.34190/ejkm.22.1.3258>
- Perry, G. J., Lopez, H., Maloney, W. F., Arias, O., & Servén, L. (2006). *Poverty reduction and growth: virtuous and vicious circles*. World Bank Publications. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-6511-3>
- Williamson, C. R. (2012). Contracting Institutions. *SSRN*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2191298>

References

- Alt, D., & Raichel, N. (2022). Problem-based learning, self-and peer assessment in higher education: towards advancing lifelong learning skills. *Research Papers in Education*, 37(3), 370–394. EDN: TNZVPB. DOI: <https://doi.org/10.1080/02671522.2020.1849371>
- Ambarova, P. A., Zborovsky, G. E., & Shabrova, N. V. (2019). “Old” and “new” trust in higher education. *The education and Science Journal*, 21(1), 9–36. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-9-36>
- Andronova, I. V., & Lapteva, N. V. (2020). Bologna process as a factor of higher education system. Reformation policy in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 20(4), 464–469. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>
- Bachareva, T. V. (2012) Informal Institutions as focus of Scientific Analysis. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo soczjalno-ekonomicheskogo universiteta*, 5(44), 12–16.
- Barendregt, W. (2011). *Gedogen – the psychological aspects of Dutch tolerance*. Enschede: University of Twente.
- Bermus, A. G. (2025). Problems and prospects of post-Bologna reform of the higher education system in Russia: A theoretical review. *Pedagogy. Theory and practice*, 10(1), 43–51. <https://doi.org/10.30853/ped20250006>
- Furubotn, E. G. (2005). *Institutions and Economic Theory*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University.
- Gilyazova, O. S., & Zamoshchanskaya, A. N. (2023). The dilemma “Soviet traditions – Bologna innovations”: On the issue of choosing a model of Russian Higher education. *Citise*, 2, 308–317. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.26>
- Grebenkin, A. H., & Fomina, M. G. (2024). *Russian higher education system in the context of withdrawal from the Bologna process. Russia and the world: development of civilizations. World, country, university – 25 years of development: works of the 14th International scientific-practical conference*. Zhirinovskiy University of World Civilizations.
- Grigorevsky, L. B., Ivashchenko, G. A., & Freiberg, S. A. (2021). The Bologna Process in Russia: history, contradictions and prospects. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 1, 97–103. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-1-97-103>
- Helmke, G., & Levitsky, S. (2012). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. In *International Handbook on Informal Governance*. (pp. 85–113). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781781001219.00011>
- Kudryashova, E. V., & Sorokin, S. A. (2020). “Third mission” of universities as a subject of scientific analysis. *Herald of Vyatka State University*, 2(136), 17–24. <https://doi.org/10.25730/vsu.7606.20.020>
- Kupreichenko, A. (2015). *Psychology of trust and distrust*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- Kosheleva, E. G. (2021). State regulation of the education system: a theoretical and conceptual approach. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*, 4(17), 67–74.
- Latova, N. V. (2016). Russians’ Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede’s Concept). *Vestnik Instituta sociologii (Bulletin of the Institute of Sociology)*, 4(19), 155–179. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>
- Libman, A. M. (2006). Institutional competition and post-Soviet transformation. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 53–64.
- McLendon, M. K. (2003). State governance reform of higher education: Patterns, trends, and theories of the public policy process. In *Higher education: Handbook of theory and research* (pp. 57–143). https://doi.org/10.1007/978-94-010-0137-3_2
- Montesinos, P., Carot, J. M., Martinez, J. M., & Mora, F. (2008). Third mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. *Higher Education in Europe*, 33(2-3), 259–271. <https://doi.org/10.1080/03797720802254072>
- Mozelius, P., Cleveland-Innes, M., Lindqvist, M. H., & Jaldemark, J. (2024). Critical Aspects of a Higher Education Reform for Continuous Lifelong Learning Opportunities in a Digital Era. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 22(1), 26–39. EDN: HUBKRX. DOI: <https://doi.org/10.34190/ejkm.22.1.3258>
- Perry, G. J., Lopez, H., Maloney, W. F., Arias, O., & Serven, L. (2006). *Poverty reduction and growth: virtuous and vicious circles*. World Bank Publications. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-6511-3>
- Polterovich, V. (2012). Reform design: How to search for interim institutions. *Montenegrin Journal of Economics*, 8(2), 25–44.
- Popov, E. V., Veretennikova, A. Yu., Naumov, I. V., & Kozinskaya, K. M. (2018). Non-formal institutional environment of social entrepreneurship. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(4), 217–234. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.14>
- Radaev, V. (2019). *Millennials. How the Russian society is changing*. Litres. EDN: STOTFS. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
- Readings, B. (2022). *The University in Ruins*. Litres.
- Shakhova, D. I. (2023) Cultural code of the Third Way of Russia. *Journal of Economic Regulation*, 14(2), 33–43. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.2.033-043>
- Shakhova, D. I. (2024). The Influence of social and cultural factors on the stability of economic institutions in Russia. *Journal of Economic Regulation*, 15(1), 66–75. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2024.15.1.066-075>
- Shiriaev, I. M., Fursa, E. V., Maskae, A., & Mokrousova, D. I. (2019). Trust and institutional traps in education and science. *Journal of Economic Regulation*, 10(4), 146–161. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161>
- Shuklina, E. A., & Pevnaya, M. V. (2017). Trust as an institutional problem of higher education. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 21(5), 120–131.
- Tambovtsev, V. (2020). Methodology for empirical analysis of informal institutions. *Journal of Institutional Studies*, 12(3), 6–23. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.006-023>

- Tambovtsev, V. (2021). *Economic theory of informal institutions*. Litres.
- Vasiliev, I. A., Diveeva, N. I., Dmitrikova, E. A., Kashaeva, A. A., & Sheveleva, N. A. (2020). University autonomy: a prerequisite for the development of Russian higher education in the context of digitalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 11(4), 877–902. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.404>
- Vaskevich, T. V. (2017). Unification of national education systems in Europe as a Consequence of the Bologna Process: Problems and Losses. *Modern Education*, 4, 85–100. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2017.4.24916>
- Veblen, Th. (2021). *The Theory of the Leisure Class*. Litres.
- Voronin, G. P. (2021). Bologna system of education: the country's future is in danger? *Standard and Quality*, 5, 1–1.
- Zaznaev, O. I., & Sidorov, V. V. (2019). Models of controlled transfer of presidential power. *Political Science*, 4, 16–37.
- Williamson, C. R. (2012). *Contracting Institutions*. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2191298>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ответы респондентов

Высказывание 1. «Обсуждаемые в рамках перехода от Болонской системы изменения пока что не происходят в нашем вузе. Я знаю только из обсуждений, которые посвящены данному переходу, что это в значительной степени возвращение к советской системе образования, что является достаточно спорным. Реальные изменения начнутся только с 2026 г. А сейчас только несколько вузов в порядке эксперимента тестируют новую систему образования» (профессор, 70 лет, стаж преподавательской деятельности – 35 лет).

Высказывание 2. «Все зависит от того, в каком формате реализуют сам отход от Болонской системы, потому что есть понимание, что мы от нее уходим, но мы пока не в полной мере понимаем, к чему приходим. И, соответственно, не видя новую реальность, сложно ее сравнивать со старой реальностью. Если реформа пройдет успешно, то что-то удастся улучшить. Но пока непонятны контуры этих реформ. Кроме смены вывески, что у нас теперь по-другому называются уровни образования, я пока не до конца для себя это осмысливаю» (преподаватель, 26 лет, стаж преподавательской деятельности – 4 года).

Высказывание 3. «Первое – это более частое обновление образовательных программ с учетом реальной ситуации на рынке труда и прогностической ситуации. Второе – де бюрократизация. Третье – реформирование системы показателей с целью вовлечения преподавателей для большего взаимодействия со студентами. Потому что преподаватели больше заняты бумагами, чем людьми. Должно быть наоборот. И, в-четвертых, что мне кажется важным, – это нормальная, адекватная заработная плата. Потому что человек с зарплатами в региональных вузах 30–40 тысяч думает о выживании, а не о том, как учить людей» (преподаватель, 26 лет, стаж преподавательской деятельности – 4 года).

Высказывание 4. По загрузке мне достаточно 400 часов, из них лекционных 150 часов – это минимальная нагрузка, и это значит, что ваша зарплата будет очень невысокой. Поэтому все ищут нагрузку с выпученными глазами, потому что иначе ты не получишь хоть какие-то деньги, которые были бы более-менее. Ну, и когда у тебя загрузка уже 900 часов, то времени на написание статей остается очень немного» (профессор, 66 лет, стаж преподавательской деятельности – 37 лет).

Высказывание 5. «Мы же все институциональную экономику в той или иной степени знаем. Все институциональные сдвиги даются очень болезненно. Тем более когда это делается достаточно быстро, иногда в авральном порядке. Я понимаю, что есть общая логика, внешние переменные, очень серьезные, и пр. Но по возможности, если бы мы систему не трогали, мне кажется, это было как раз главным плюсом» (профессор, 38 лет, стаж преподавательской деятельности – 16 лет).

Высказывание 6. «Не надо резко шарахаться из стороны в сторону. Когда переходили на Болонскую систему, нашу систему образования буквально сломали о колено. Был сильный спад по качеству образования. Это сменилось дальнейшей настройкой, формированием нормальных требований. В настоящий момент Болонская система настроена и функционирует. Мы прошли большой путь. Главное для системы образования – эволюционное развитие без резких шагов, последовательность действий» (доцент, 38 лет, стаж преподавательской деятельности – 15 лет).

Высказывание 7. «Постоянно происходят какие-то усовершенствования, усложнения. Мы уже запутались просто. Те же самые компетенции можно так написать, чтобы подошло под актуальные на данный момент требования. Ну, собственно, все так и делают. Огромную кучу времени тратят на формулировку так, чтобы туда все подошло. И нужно что-то с этим делать. Вот эта рутинная работа: расписывать компетентностную модель, потом какие-то единицы, потом какие-то показатели. Потом пришло письмо о том, что нужно переписать все тестовые задания по всем дисциплинам так, чтобы были и закрытые, и открытые тесты. И вот мы сидели и кучу времени тратили на то, чтобы перерабатывать все тестовые задания. Вот скажите, зачем это нужно было? Это вот наша правовая ловушка. Правовая в чем? Правовая в смысле формирования нормативно-правовых актов в нашем Министерстве науки и высшего образования. Мы бы лучше действительно еще статью написали, если уж сравнивать. Поэтому, исходя из того, что иногда мы получаем в качестве нормативно-правовых документов, и формируется недоверие к реформам в образовании» (доктор экономических наук, профессор, 2025 год, интервью).

Высказывание 8. «Вообще, мне кажется, что в последние годы не только у нас на факультете, но и в целом в стране есть положительные сигналы, которые говорят о том, что да, наверное, всегда можно и нужно требовать большего, чтобы было больше грантовых программ, чтобы и поддержка молодых ученых была получше. Но, в принципе, делается немало. Мне кажется, у ведущих, по крайней мере, университетов много что делается и на местах, для того чтобы молодым коллегам создать мало-мальски комфортные условия. Еще раз подчеркну, нужно делать, наверное, больше, это наша совместная задача, но в целом положительные сдвиги, наверное, есть, хотя, конечно, работы предстоит много» (доктор экономических наук, профессор).

Высказывание 9. «В качестве желаемых изменений выделяю следующее: меньше регламентации, меньше бюрократизации, больше децентрализации и условий для свободы творчества»²¹ (доцент, 52 года, стаж преподавательской деятельности – 27 лет).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 19.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.05.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

²¹ Согласно А. Б. Веберу, свобода творчества является одним из необходимых условий формирования инновационной экономики.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.257-272>

УДК / UDC 346:334.7:338.2:338.45:504

Р. Ю. Колобов¹

¹ *Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского»
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия*

Влияние концепций промышленного симбиоза на формирование нормативно-правовой базы экономической деятельности: российский и зарубежный опыт

Колобов Роман Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского» Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: roman.kolobov@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1488-7530>
Web of Science Researcher ID: H-4644-2016
Scopus Author ID: 57210558887
eLIBRARY SPIN-код: 4471-2350

Аннотация

Цель: установление зависимости концепций промышленного симбиоза на формирование нормативно-правовой базы экономической деятельности.

Методы: использование комплекса исторических методов позволяет выявить особенности становления концепции промышленного симбиоза и его реализации в хозяйственной деятельности. Широкое использование получил сравнительно-правовой метод, выражающийся в сопоставлении и осмыслении отражения анализируемой концепции в зарубежном законодательстве и доктрине. Исследование нормативно-правовых актов осуществляется с помощью формально-юридического метода.

Результаты: на примере промышленного симбиоза исследуются особенности отражения категорий промышленной экологии в правовом регулировании. Констатируется необходимость юридической адаптации экономических понятий перед их закреплением в актах позитивного права. Показывается история развития представлений о промышленной экологии как учении, обосновывающем наличие сходств в развитии биологических и социально-экономических систем. Обобщаются подходы к определению промышленного симбиоза как опорного понятия промышленной экологии. На примере государств с различными экономическими, политическими и правовыми системами демонстрируется опыт применения симбиотических подходов в эффективной организации производства. В качестве основной юридической формы, позволяющей применять подходы промышленного симбиоза, выделяется экопромышленный парк. В составе международной нормативной системы выявляются наиболее значимые документы, посвященные особенностям использования рассматриваемых подходов в национальных экономических системах. Отдельному анализу на предмет закрепления категорий промышленной экологии подвергается российское законодательство. Констатируется несистемный характер такого закрепления, несмотря на существование общего понятия экотехнопарка в подзаконных актах.

© Колобов Р. Ю., 2025

Научная новизна: в российской науке отсутствуют комплексные исследования влияния концепции промышленного симбиоза на развитие нормативно-правового регулирования. В работе обосновывается необходимость детального закрепления понятия промышленного симбиоза и его основных признаков в законодательстве, обращается внимание на важность проведения междисциплинарных исследований способов юридического закрепления экономических подходов в нормативных актах, подчеркивается значительный потенциал симбиотических подходов для обеспечения регионального развития. Формулируются рекомендации о возможных направлениях совершенствования международно-правового регулирования создания экпромышленных парков.

Практическая значимость: предложения и выводы исследования могут быть использованы для совершенствования российского законодательства и практики его применения.

Ключевые слова:

региональная и отраслевая экономика, промышленная экология, промышленный симбиоз, промышленная политика, экономика замкнутого цикла

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Колобов, Р. Ю. (2025). Влияние концепций промышленного симбиоза на формирование нормативно-правовой базы экономической деятельности: российский и зарубежный опыт. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 257–272. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.257-272>

Scientific article

R. Yu. Kolobov¹

¹ Federal Research Centre “A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of Siberian Branch of Academy of Sciences”, Irkutsk, Russia

Impact of industrial symbiosis concepts on the formation of regulatory framework for economic activity: Russian and foreign experience

Roman Yu. Kolobov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Federal Research Centre “A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of Siberian Branch of Academy of Sciences”

E-mail: roman.kolobov@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1488-7530>

Web of Science Researcher ID: H-4644-2016

Scopus Author ID: 5721055887

eLIBRARY SPIN-code: 4471-2350

Abstract

Objective: to establish the correlation between the industrial symbiosis concepts and the formation of a regulatory framework for economic activity.

Methods: the features of the formation of the industrial symbiosis concept and its implementation in economic activity were identified with a set of historical methods. The comparative-legal method has widely used, which is expressed in comparing and understanding the reflection of the analyzed concept in foreign legislation and doctrine. The study of normative-legal acts was carried out using the formal-legal method.

Results: by the example of industrial symbiosis, the author investigated the peculiarities of the industrial ecology categories reflected in legal regulation. The author states the need to legal adaptation of economic concepts before their consolidation in acts of positive law. The article shows the history of the industrial ecology ideas as a doctrine that substantiates the similarities in the biological and socio-economic systems development. The approaches to the definition of industrial symbiosis as a basic concept of industrial ecology are summarized. The author demonstrated the use of symbiotic approaches for effective organization of production by the example of states with different economic, political and legal systems. An eco-industrial

park is showed as the main legal form allowing the application of industrial symbiosis approaches. Within the international regulatory system, the author identifies the most significant documents, devoted to using these approaches in national economic systems. Russian legislation was analyzed separately to consolidate the industrial ecology categories. The unsystematic nature of such consolidation is stated, despite the existence of a general concept of an ecotechnopark in by-laws.

Scientific novelty: Russian science lacks comprehensive studies of the impact of the industrial symbiosis concept on the regulation development. This paper substantiates the need for detailed consolidation of the industrial symbiosis concept and its main features in legislation. The author draws attention to the importance of interdisciplinary research on ways to legally consolidate economic approaches in regulations, and emphasizes the significant potential of symbiotic approaches to ensure regional development. Recommendations on possible ways to improve the international legal regulation of eco-industrial parks are given.

Practical significance: the proposed suggestions and conclusions can be used to improve Russian legislation and its application.

Keywords:

regional and branch economy, industrial ecology, industrial symbiosis, industrial policy, closed-loop economics

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kolobov, R. Yu. (2025). Impact of industrial symbiosis concepts on the formation of regulatory framework for economic activity: Russian and foreign experience. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 257–272. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.257-272>

Введение

Новые экономические категории могут достаточно оперативно (по историческим меркам) проникать в юриспруденцию и позитивное право. Такие новые понятия также нуждаются в придании им юридической формы как в правовой действительности в целом, так и в нормативно-правовых актах, принимаемых в конкретных социально-исторических условиях. В этой связи чрезвычайно важными представляются междисциплинарные исследования, осуществляемые с привлечением потенциала экономических, юридических, инженерных и естественных наук.

В настоящем исследовании анализу подвергнутся проблемы юридического закрепления экономико-правовых подходов, выработанных в промышленной экологии. Эта молодая отрасль знаний предлагает достаточно широкий набор новаторских понятий, которые получают различное правовое закрепление в разных правовых порядках как на уровне законодательства, так и в разнообразных документах политического характера.

Исходя из сказанного, *объектом* настоящего исследования являются категории экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики), промышленного симбиоза и экопромышленных парков, а *предметом* – юридические формы их закрепления в международной нормативной системе и национальных правовых порядках. Его *цель* состоит в выявлении закономерностей такого закрепления и потенциала взаимодействия общественных наук, наук естественного и инженерного циклов для обеспечения развития промышленного производства и технологического суверенитета Российской Федерации.

Проводимое исследование имеет и ярко выраженный *региональный* аспект. В субъектах Российской Федерации реализуются масштабные проекты промышленного развития, в том числе путем создания экотехнопарков – новой организационно-технологической формы рационального обращения с ресурсами, появившейся в 2022 г. Эти причины обуславливают необходимость использования потенциала *социальных* наук в повышении эффективности юридических форм организации рационального использования природных и иных ресурсов.

На современном этапе развития российской юридической науки специализированные исследования юридических форм симбиотических отношений в экономике отсутствуют. В экономической науке рассматриваемая проблематика становилась предметом анализа О. А. Черновой применительно к оценке регионального потенциала промышленного симбиоза (Чернова, 2024), А. Л. Белых в части моделей формирования промышленного симбиоза (Белых, 2023), Т. О. Толстых, А. А. Гераськиной и К. А. Щелкова по вопросам выработки

критериев эффективности производств, построенных по модели промышленного симбиоза (Толстых и др., 2024). Зарубежная доктрина представлена значительным числом профильных экономических исследований, обзор которых будет проведен далее в настоящей статье.

В первой части работы раскрываются содержание заявленных к анализу экономических понятий и практика их реализации в некоторых странах. Во второй части описываются подходы международной нормативной системы к закреплению принципов и механизмов промышленного симбиоза. Третья часть посвящена выявлению проблем и перспектив юридической регламентации рассмотренных понятий.

Результаты исследования

Промышленный симбиоз как экономическая и правовая категория

Углубление экологического кризиса цивилизации и появление комплексного дискурса устойчивого развития не могли не обусловить возникновение новых теоретических моделей организации производства и устройства человеческой жизнедеятельности. К одним из наиболее ранних попыток выработать такие новые подходы относится концепция экономики замкнутого цикла¹. Первое ее формулирование в современном варианте обычно датируется 1966 г. и связывается с публикацией статьи К. Булдинг (Boulding, 1966). Но ее теоретическое развитие и практическое внедрение в нормативные акты в разных странах относится к более поздним периодам конца 80-х гг. XX в. В рамках концепции экономики замкнутого цикла возник обширный дискурс разнообразных теоретических и прикладных подходов, и в этом смысле она стала «зонтичной» концепцией, в рамках которой происходило развитие разных направлений осмысления рационального использования ресурсов.

К таким направлениям науки относится и промышленная экология, взявшая за исходную гипотезу своего развития идею общности биологических экосистем и социально-экономических процессов развития производства (Allenby & Cooper, 1994). Это сходство отмечалось на протяжении всей 2-й половины XX в. (Erkman, 1997), однако формальным моментом, с которого обычно отсчитывают зарождение промышленной экологии, является публикация в 1989 г. статьи Р. Фроша и Н. Галлопулоса, в которой авторы призвали отказаться от классической модели производства, предполагающей переработку сырья в продукт и отходы, в пользу интегрированной модели *промышленной экосистемы* (англ. *industrial ecosystem*)². За более чем тридцать лет своего развития промышленная экология, несмотря на существование развернутой критики, предостерегающей от упрощенных аналогий с категориями биологии (Gibbs & McManus, 2008; Ayers, 2004), развилась в междисциплинарную отрасль знания, представленную собственными научными журналами и концепциями. Причем, как отмечается в современных исследованиях, в ней прослеживается доминирование инженерной и естественно-научной составляющих, а науки общественного цикла вносят недостаточный вклад в ее развитие (Yu & Zhang, 2021. P. 14)³.

Среди абстракций, разрабатываемых в промышленной экологии, центральное значение имеет понятие промышленного симбиоза (англ. *industrial symbiosis*). В литературе представлены различные его дефиниции. Так, он определяется как раздел промышленной экологии, вовлекающий отдельные организации в совместную деятельность, включающую физический обмен сырьем, энергией, водой и побочными продуктами. Такое сотрудничество и синергетические возможности обуславливаются географической близостью экономических субъектов (Chertow, 2000. P. 314). Это определение, сформулированное М. Chertow в 2000 г., стало основой для дальнейшего развития представлений о промышленном симбиозе. Дальнейшие определения, разрабатываемые

¹ В трудах по экономике эту концепцию называют по-разному, в частности, предлагается говорить о циркулярной экономике по причине необходимости избегать смешения с понятиями теории экономических циклов (Валько, 2018. С. 1415). Поскольку настоящее исследование носит юридический характер, мы будем использовать термин «экономика замкнутого цикла», в том числе ввиду его использования в нормативно-правовых документах.

² Как указывают цитируемые авторы, в такой системе потребление энергии и сырья оптимизировано, образование отходов минимизировано, и в то же время такие отходы служат сырьем для других производственных процессов (Frosch & Gallopoulos, 1989. P. 144).

³ Нельзя не отметить, что при подготовке настоящей статьи автору не удалось обнаружить ни одной публикации по юридической тематике в области промышленной экологии в каталогах ScienceDirect и Wileys.

в науке, как правило, направлены на расширение понятия промышленного симбиоза и на уточнение его отдельных черт. П. Дойц предлагает вводить в дефиниции некоторые дополнительные признаки, позволяющие отграничить анализируемое понятие от схожих явлений: «Промышленный симбиоз – это поток недостаточно используемых ресурсов (включая вещества и (или) объекты, и (или) энергию) от организации, которая в ином случае исключила бы их применение, другой организации, которая использует их в качестве заменителя новых ресурсов» (Deutz, 2014. Р. 5). Цитируемый автор подчеркивает, что речь не идет об утилизации отходов в принимающей организации, а об альтернативе такой утилизации, что является отличительной чертой промышленного симбиоза. С тех же позиций подходит к этому вопросу и М. Чертов, предлагающая использовать так называемый критерий «3-2» для уточнения понятия промышленного симбиоза. Это означает, что в схему производственного взаимодействия должны быть вовлечены как минимум три субъекта, обменивающиеся, по крайней мере, двумя ресурсами. Такой подход позволит отграничить анализируемое явление от обычных линейных обменов ресурсами. В качестве базового примера приводится структура отношений, в которой станция по очистке сточных вод снабжает водой для охлаждения электростанцию, которая, в свою очередь, подает образующийся пар заводу (Chertow, 2007. Р. 11).

Промышленный симбиоз может складываться в реальной практике экономических отношений спонтанно, а может представлять собой намеренно проводимую государствами экономическую политику, выражающуюся в том числе и через *юридические* средства.

Примером первой группы случаев является комплекс производственных отношений, сложившихся в г. Калуннборг (Дания). Как показано в экономических исследованиях, с 1961 по 2009 г. в этом поселении сложилось тридцать проектов сотрудничества, из которых 16 работали с отходами производства, что представляет собой промышленный симбиоз в собственном смысле. Остальные 14 квалифицировались как предоставление услуг или продажа товаров в качестве продуктов производства, и в этом смысле они представляли собой «обычные коммерческие отношения» (Branson, 2016).

К классическим примерам симбиотических отношений в Калуннборге можно отнести подачу пара местной угольной электростанцией на фармацевтический завод *Novo Nordisk* через специально построенный трубопровод, что, с одной стороны, в течение двух лет окупало его строительство, с другой – прекратило тепловое загрязнение близлежащего к электростанции фьорда. Также электростанция поставляла попутно образующийся диоксид серы компании по производству гипсовых стеновых панелей, а зольную пыль и клинкер – цементному заводу. Завод *Novo Nordisk* осуществлял производство с использованием процессов ферментации, при проведении которых образуются твердые отходы. С 1976 г. они бесплатно распределялись среди близлежащих ферм в качестве удобрений по причинам ужесточения природоохранного законодательства, запрещающего их сброс в море (Ehrenfeld & Gertler, 1997. Рр. 70–71).

Для описания целенаправленного стимулирования развития симбиотических отношений в экономической науке и международной практике используют понятие эоиндустриального парка (англ. *eco-industrial parks*). Анализ зарубежной промышленной политики показывает, что целенаправленные усилия органов публичной власти по созданию эоиндустриальных парков характерны для государств с различными отличительными чертами экономической системы. В частности, к ним относятся Республика Корея, в которой степень государственного регулирования экономических процессов весьма велика, и Соединенные Штаты Америки, политико-экономические элиты которых, по крайней мере номинально, до последнего времени сдержанно-критически относились к самой возможности осуществления промышленной политики (Wade, 2012).

Корея представляет собой образец создания экопромышленных парков на основе существующих производственных комплексов. Пятнадцатилетний план развития корейских эоиндустриальных парков с 2005 по 2020 г. предполагал прохождение трех этапов, начиная с пяти пилотных проектов и заканчивая формированием общенациональной сети экопромышленных парков (Park et al. 2016. Р. 37). К 2019 г. эта система достигла значительных показателей (Son et al. 2023. Р. 3). К числу наиболее известных и успешных примеров развития симбиотических отношений в Республике Корея относится экопромышленный парк «Улсан». В соответствии с пятнадцатилетним планом был сформирован координирующий центр парка, на основании исследований которого выявлено 40 потенциально прибыльных проектов развития симбиотических связей, из которых по состоянию на 2012 г. реализовывалось 13 (Behera et al., 2012. Р. 108), на 2015 г. – 34 (Shah et al., 2020. Р. 5). К числу примеров таких связей относится использование тепла, получаемого при сжигании отходов в печах компании «Юсунг», для образования пара, который поставляется на близлежащую фабрику по производ-

ству бумаги, принадлежащую компании «Ханкук». До формирования этой связи вырабатываемое тепло не выполняло полезных функций и высвобождалось в окружающую среду. Схожий процесс организован на мусоросжигательном заводе «Хёндэ Хеви Индастриз». Образующий пар подается на заводы «Хёндэ Моторс» и «Хёндэ Хиско», которые ранее для получения пара сжигали газ (Behera et al., 2012. Рр. 108–109).

Выявление и формализация симбиотических отношений осуществлялись специально созданными в каждом экопромышленном парке центрами. В рамках таких центров проводилась политика *R & DB* (англ. *research and development into business*), т. е. внедрение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в бизнес-процессы, выражавшаяся, в частности, в многоступенчатой оценке проектов-кандидатов, причем до 75 % расходов финансировалось посредством реализации государственной программы (Behera et al., 2012. Р. 104).

В США создание экопромышленных парков также происходило «сверху»: в 1994 г. президентский совет по устойчивому развитию совместно с Агентством по охране окружающей среды (англ. *Environmental Protection Agency*) приступил к реализации проекта их создания, предлагая финансирование в размере 300 тысяч долларов (Chertow, 2000. Р. 320). Их дальнейшее развитие оценивалось в науке весьма критично. Так, по результатам исследования, проведенного в 2002 г., из 35 экоиנדустриальных парков функционировало только 6 (17 %), 16 либо прекратили деятельность, либо продолжили работу вне парадигмы промышленного симбиоза (Gibbs et al., 2005. Р. 177), а менеджмент таких парков отмечал чрезвычайную сложность поиска компаний, готовых реализовывать подобные проекты (Gibbs et al. 2005. Р. 457)⁴.

Интересный опыт развития системы экопромышленных парков демонстрирует Китай. Сочетание плановых и рыночных начал в организации экономики проявили себя и в развитии анализируемого явления. В научной литературе первым примером развития промышленного симбиоза признается практика оптимизации процессов по производству сахара в группе компаний «Гуанси-Гуйтан Групп» (англ. *Guangxi Guitang Group*). Эти процессы возникали спонтанно по примеру рассмотренной модели в датском Калуннборге. Предприятие создано в 1956 г., а затем на протяжении десятилетий происходило формирование производственных цепочек по симбиотической модели. В числе основных ее звеньев выступает производство сахара и бумаги. Сахарный тростник, поступающий в первую цепь, перерабатывается в пищевой сахар, а ее побочный продукт в виде мелассы (кормовой патоки) используется для производства алкоголя. В свою очередь отходы от этого производства используются для производства удобрений, потребителями которых являются фермеры, поставляющие сахарный тростник на фабрику. Образующийся фильтрационный осадок переработки сахарного тростника поступает на цементный завод, функционирующий в периметре рассматриваемой производственной группы.

Вторая производственная цепочка использует образующуюся при производстве сахара багассу (волокнистые остатки сахарного тростника). В процессе варки целлюлозы из-за использования значительного объема щелочи образуется черный щелок. Его переработка также позволяет получать сырье для производства цемента.

Помимо собственно производственных цепей, симбиотические процессы охватывают и выработку тепловой энергии путем сжигания остатков тростника. Образующиеся в системах очистки (скрубберах и электростатических фильтрах) вещества передаются фермерам для подкисления почв⁵. Описанные производственные отношения являются внутренним симбиозом, проходящим в границах промышленной группы. У него же есть и внешнее измерение – вовлечение в эти процессы фермеров как поставщиков и его потребителей сырья⁶. Важнейшую роль играют и органы власти, осуществляющие регулирование закупочных цен сахарного тростника, обеспечивающие необходимый доход сельскому населению и создающие стимулы для снижения издержек производства (Zhu & Cote, 2004. Р. 1033).

В контексте проводимого *юридического* исследования представляет интерес изменение политики Китая в сторону государственного стимулирования создания экоиנדустриальных парков. В 2001 г. Гуанси-Гуйганский сахаропроизводительный комплекс был признан первым пилотным экопромышленным парком страны, а уже в 2003 г. была создана нормативно-правовая база учреждения и управления такими парками (Shi et al., 2012. Р. 9). Центральное место в сформированной нормативно-правовой базе занимают стандарты экопромышленных

⁴ В числе успешно реализуемых проектов обычно отмечается парк, созданный на основе прекратившей существование военной базы в Кемп Девенсе (Veleva et al., 2015; Lowitt, 2008).

⁵ Процессы промышленного симбиоза приводятся по (Zhu & Lowe, 2007).

⁶ Промышленная группа осуществляла проект технологической поддержки производств тростника, что выразилось в увеличении содержания сахара и объема растений на гектар площади (Zhu & Cote, 2004. Р. 1033).

парков, закрепляющие показатели результатов их деятельности. Обновленная в 2016 г. редакция таких стандартов закрепляет отдельную группу показателей, отражающих уровень развития промышленного симбиоза. В частности, приобретение статуса экопромышленного парка предполагает необходимость создания не менее шести производственных цепочек, достижение уровня утилизации твердых промышленных отходов должно составлять не менее 70 %, а уровня использования возобновляемых ресурсов – не менее 80 % (Huang B. et al., 2019. P. 140). Обращают на себя внимание и критические оценки обновленных стандартов (Huang B. et al., 2019. P. 140). Так, административный персонал китайских экопромышленных парков и научное сообщество указывали на необходимость расширения понятия симбиоза, поскольку он не сводится исключительно к использованию твердых промышленных отходов и возобновляемых ресурсов. Определение не включает в себя процесс обмена различными видами энергии, который весьма часто встречается в отношениях симбиоза. Таким образом отмечалась необходимость введения оценки социальных последствий деятельности (к примеру, в части соблюдения трудовых прав), а также проанализированных «внешних» аспектов симбиоза.

Таким образом, несмотря на отмеченные сложности в развитии экопромышленных парков, такого рода проекты реализуются во многих странах мира с самыми разными экономическими системами, а их количество в мировом масштабе возросло с 245 в 2001 г. до 438 в 2020 г. (Aggeri, 2021. P. 60).

Особенности закрепления понятия промышленного симбиоза в международной нормативной системе

Юридическое закрепление концепции промышленного симбиоза и его основного проявления – экопромышленных парков – возможно как в национальных правовых системах, так и в наднациональных, таких как правопрядок Европейского союза, а также в международной нормативной системе.

Анализ состава последней показывает, что основное развитие регулирования создания и организации деятельности экопромышленных парков происходит в сегменте мягкого международного права. Такое положение вещей отражает закономерности современного этапа развития рассматриваемого явления и объясняется разными факторами. Проанализированные конструкции промышленной экологии появились по историческим меркам относительно недавно, трансграничная проблематика их существования только возникает, и еще не сформировался потенциальный предмет регулирования со стороны инструментов «строгого» международного права в виде международных договоров.

Основную роль в рассматриваемых организационно-правовых процессах взяли на себя ЮНИДО – Организация международных наций по промышленному развитию (англ. *United Nations Industrial Development Organization* – UNIDO), организации группы Всемирного банка (англ. *World Bank*) и Немецкая корпорация международного сотрудничества (нем. *Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH*). Их усилиями разработаны различные документы рекомендательного характера, определяющие направления развития экопромышленных парков и необходимого организационно-правового инструментария⁷. Анализ некоторых из них, носящих наиболее общий характер, позволяет прийти к выводу о значительном «размытии» понятия экоиндустриального парка в их содержании.

Первым документом, носящим в известной мере обобщающий характер, является подготовленная в 2021 г. «Международная основа для экоиндустриальных парков (второе издание)»⁸. Естественно, что основой для такого рода документа должно стать определение экоиндустриального парка, позволяющее выделить его существенные признаки, обуславливающие формирование специального инструментария. Однако приходится признать, что как предлагаемая дефиниция, так и меры, рекомендуемые для развития экоиндустриальных парков, вызывают вопросы с точки зрения содержательности. Так, во введении к анализируемому документу указывается, что экоиндустриальный парк представляет собой территорию промышленного использования в подходящем месте, которая поддерживает устойчивость посредством интеграции социального, экономического и экологического аспектов качества в его расположении, планировании, управлении и деятельности⁹. В отдельном разделе, посвященном определению экоиндустриальных парков, в общем определении

⁷ Resources and Publications for Eco-Industrial Parks. UNIDO. <https://hub.unido.org/eco-industrial-parks-publications>

⁸ UNIDO, World Bank, GIZ. (2021). An International Framework for Eco-Industrial Parks. Version 2.0. <https://hub.unido.org/sites/default/files/publications/International%20EIP%20Framework%20v2%20online%20high%20final%20%281%29.pdf>

⁹ Там же. P. 13.

указывается, что они представляют собой управляемую промышленную территорию, которая стимулирует взаимодействие промышленности и общественности (англ. *community*) для получения общих выгод, относящихся к экономической, социальной и экологической эффективности. При этом промышленный симбиоз лишь упоминается в качестве примера «аспектов» деятельности экоиндустриальных парков наряду с обеспеченностью изменением климата, загрязнением, социальными стандартами, общей инфраструктурой, усовершенствованной системой управления рисками и др.¹⁰ Равным образом, промышленный симбиоз назван в качестве одного из частных показателей в закрепляемых критериях экологичности¹¹.

Еще одним документом, призванным выполнять более прикладные функции, является Практический справочник по экоиндустриальным паркам¹². В этом объемном 194-страничном документе собственно вопросам организации промышленного симбиоза посвящен третий раздел, состоящий из 25 страниц, в котором содержатся рекомендации общего характера.

Содержание двух указанных документов даже в части определения экоиндустриальных парков позволяет выявить некоторые тенденции и закономерности во взаимодействии экономических и юридических (пусть даже в части мягкого права) категорий. Очевидно, что современный дискурс *ESG*-повестки расширяется и «захватывает» тематику экоиндустриальных парков, насыщая ее несвойственными конститутивными признаками. Содержательная оценка подходов *ESG* выходит за пределы настоящего исследования, но мы полагаем, что их эклектичный характер способен оказать негативное размывающее влияние на развитие экотехнопарков, изначально построенное на идеологии промышленного симбиоза. Иначе говоря, слово «эко» в рассматриваемом случае означает «экосистемный», подразумевающее наличие неразрывных взаимовыгодных связей элементов в рамках их упорядоченного сочетания, а не экологичный (или экономичный), притом что достижение таких целей развития промышленных парков, разумеется, желательно¹³. Сохранение четких критериев позволит не потерять ценный (пусть и штучный в мировом масштабе) инструмент развития промышленности, который рискует стать еще одним наименованием более благоприятного для окружающей среды и человека производства (в отличие от традиционного)¹⁴.

Более четкое выражение понятие промышленного симбиоза получает в политических актах Европейского союза. В 2020 г. был принят «Новый план действий по построению экономики замкнутого цикла», в п. 2.3 которого Европейская комиссия выражает намерение осуществлять мероприятия по стимулированию промышленного симбиоза¹⁵.

В рамках Европейской комиссии готовятся доклады об использовании механизма промышленного симбиоза, содержащие оценку реализуемых проектов и анализ препятствий для дальнейшего применения рассматриваемого явления. Так, в 2018 г. был подготовлен объемный доклад, отдельный раздел которого посвящен отличиям промышленного симбиоза и переработки отходов (англ. *recycling*). В нем, в частности, отмечается, что первый представляет собой не способ обращения с отходами, а системный подход к рациональному использованию ресурсов и повышению их стоимости. Причем он распространяется не только на материалы, но и энергию, попутно образующиеся тепло, пространство и другие нематериальные ценности¹⁶.

¹⁰ Там же. Р. 21.

¹¹ Там же. Рр. 42–43.

¹² UNIDO, World Bank, GIZ. (2018) A Practitioner's Handbook For Eco-Industrial Parks Implementing the International EIP Framework. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/d38f8a76-27d5-58fc-a998-c86508b7612c/content/>. В создании этого документа также принимали участие специалисты Министерства торговли, промышленности и энергетики Республики Корея.

¹³ На опасность использования обозначения промышленного парка в качестве «экопарка» сугубо в маркетинговых целях внимание обращалось достаточно давно (Gibbs & Deutz, 2005. Р. 462).

¹⁴ При этом нельзя не признать, что появление новых оттенков смыслов у рассматриваемого явления неизбежно, поскольку оно соприкасается с многогранным экономико-политическим контекстом, который способен к сильному преломлению изначального значения любого общественного феномена. В связи с этим в экономической науке разрабатываются подходы к созданию типологии экопромышленных парков, способной служить основой для проведения сравнительных исследований (Boons & Chertow, 2017).

¹⁵ A new Circular Economy Action Plan for a cleaner and more competitive Europe. COM (2020) 98 final. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:9903b325-6388-11ea-b735-01aa75ed71a1.0017.02/DOC_1&format=PDF

¹⁶ European Commission. Cooperation fostering industrial symbiosis: market potential, good practice and policy actions. <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/174996c9-3947-11e8-b5fe-01aa75ed71a1/language-en>

В контексте проводимого *юридического* исследования представляют интерес правовые проблемы, выявленные на пути внедрения подходов промышленного симбиоза на практике. К ним относится, в частности, отсутствие стандартов отчетности и критериев оценки эффективности применяемого подхода¹⁷, а также четких определений побочного продукта и отходов¹⁸.

Нельзя не отметить и то, что в документах стратегического планирования промышленного развития в Евросоюзе активно используется и другое основное понятие промышленной экологии – промышленная экосистема. Например, данный термин используется в стратегии развития промышленности¹⁹ и стратегических документах, определяющих развитие химической промышленности²⁰.

Вместе с тем конкретно-юридическое регулирование использования промышленного симбиоза на общеевропейском уровне не сложилось. На настоящий момент в нем наблюдается использование средств мягкой организации содействия его развитию. К их числу относится развитие инструментария (англ. *toolkit*) и создание базы знаний по организации этого процесса.

Промышленный симбиоз в российской правовой системе

В российском правовом порядке существуют различные нормативно-правовые акты, отражающие экономические концепции, направленные на обеспечение рационального отношения к ресурсам. В Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 г. и на период до 2035 г.²¹ большое внимание уделяется производству продукции из вторичного сырья. В Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.²² не только указывается на необходимость заимствования российского и международного опыта по управлению отходами и вторичными ресурсами, но и напрямую закрепляется потребность в изучении мирового опыта построения экономики замкнутого цикла. С 2022 по 2030 г. реализуется федеральный проект «Экономика замкнутого цикла», предусматривающий реализацию широкого круга мероприятий. Таким образом, очевидно, что опорной категорией в сфере обеспечения рационального обращения с ресурсами в российском законодательстве является экономика замкнутого цикла. Такой подход соответствует и зарубежному опыту. В Китае концепция экономики замкнутого цикла была признана в качестве стратегии экономического развития еще в 2002 г. (McDowall et al., 2017. Р. 652), а затем получила отражение в одноименном законе, принятом в 2008 г. (Bleischwitz et al., 2022. Р. 3), разработка которого в настоящее время осуществляется и в Российской Федерации.

Понятия промышленного симбиоза и экоиндустриального парка как основного организационного средства, его обеспечивающего, используются в российских документах стратегического планирования несистемно, а их юридическое отражение в документах, обеспечивающих прямое нормативно-правовое регулирование, достаточно лаконично. Словоупотребление «промышленный симбиоз» в *нормативно-правовых актах* не отражается вообще. Его можно обнаружить в документах *стратегического планирования* и в документах, близких по своей природе к *документам технического регулирования*, – например, в национальных стандартах²³ или

¹⁷ Там же. Рр. 40–41.

¹⁸ Там же. Рр. 110–112.

¹⁹ European Commission. (2020). A New Industrial Strategy for Europe COM/2020/102 final. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102>

²⁰ European Commission. (2023, March 6). Transition pathway for the chemical industry. <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/54595>

²¹ Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства РФ № 1512-р от 06.06.2020. (2020). Собрание законодательства РФ, 24. Ст. 3843.

²² Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ № 84-р от 25.01.2018. (2018). Собрание законодательства РФ, 6. Ст. 920.

²³ См., например, ГОСТ Р ИСО 14097-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Управление парниковыми газами и связанные виды деятельности. Общая схема, включающая принципы и требования к оценке и отчетности по инвестиционной и финансовой деятельности, связанной с изменением климата: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта № 938-ст от 25.09.2023. СПС «КонсультантПлюс». В указанном стандарте понятие промышленного симбиоза упоминается один раз.

в Территориальной схеме в области обращения с отходами Республики Татарстан²⁴. В них констатируется слабое развитие кооперационных связей промышленных предприятий по типу промышленного симбиоза, при этом он определяется через использование одними предприятиями отходов других в качестве сырья. Как было показано ранее в настоящей статье, этот подход является лишь частным проявлением данного явления. Вместе с тем промышленный симбиоз рассматривается в последнем документе как наиболее перспективный подход при организации обращения с опасными производственными отходами.

Более развернутое обращение к понятию «промышленный симбиоз» можно обнаружить в паспорте отраслевой программы «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве»²⁵. В ней показывается актуальность создания экотехнопарков, которые могут объединять промышленные предприятия и объекты коммунальной сферы на принципах *коммунально-промышленных симбиозов*. Однако особое внимание мы хотели бы обратить на поставленные в программе задачи в части проведения профильных научно-технических исследований. Одним из направлений таких исследований признается анализ технических решений в направлении развития промышленного симбиоза, определяемого как использование выходных потоков одного предприятия в качестве сырья другим предприятием. Как было показано ранее в настоящей статье, проведение таких исследований предполагает, прежде всего, использование междисциплинарных подходов, в связи с чем мы полагаем, что такая необходимость вполне может быть отражена в программных документах.

Юридические формы, отражающие рассматриваемые экономические категории, могут быть обнаружены в различных *нормативных* актах, основным из которых является Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»²⁶. К числу подобных форм в рамках анализируемой проблематики относятся индустриальные (промышленные) парки, промышленные технопарки и промышленные кластеры. Определения первых двух понятий, содержащиеся в ст. 3 указанного закона, не содержат в себе каких-либо признаков, относящихся к концепции промышленного симбиоза. Промышленный кластер в той же статье определен через наличие связанности отношениями в сфере промышленности в силу территориальной близости и функциональной зависимости. При этом такие связи могут складываться и между субъектами экономических отношений, находящимися в разных регионах. В Постановлении Правительства № 779 от 31.07.2015²⁷ закреплены более подробные требования к структуре отношений участников промышленного кластера, однако их анализ также не позволяет констатировать наличие государственного стимулирования к развитию промышленного симбиоза, скорее речь в данном случае идет о производственной кооперации.

В подзаконном регулировании особенностей предоставления государственной поддержки индустриальным (промышленным) паркам и промышленным технопаркам можно обнаружить некоторые элементы подходов промышленного симбиоза. Так, в 2022 г. были внесены дополнения в Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 794²⁸, определяющие понятие экопромышленного парка. В качестве его квалифицирующих признаков выделена деятельность по утилизации отходов, и (или) их обработке, и (или) обезвреживанию отходов, и (или) вовлечению отходов в хозяйственный оборот в качестве вторичного сырья при производстве промышленной продукции и выполнении работ.

Предлагаемое в Постановлении Правительства РФ № 1863 от 27.12.2019²⁹ определение экотехнопарка предполагает осуществление не только производственной, но и научно-технической, а также инновационной

²⁴ Об утверждении Территориальной схемы в области обращения с отходами Республики Татарстан: утв. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан № 149. (2018). Собрание законодательства Республики Татарстан, 24. Ст. 0948.

²⁵ Паспорт отраслевой программы «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве». СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ О промышленной политике в Российской Федерации. № 488-ФЗ от 16.12.2014. (2015). Собрание законодательства РФ, 1. Ст. 41.

²⁷ О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров: Постановление Правительства РФ № 779 от 31.07.2015. (2015). Собрание законодательства РФ, 32. Ст. 4768.

²⁸ Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков: Постановление Правительства РФ № 794 от 04.08.2015. (2015). Собрание законодательства РФ, 33. Ст. 4827.

²⁹ О промышленных технопарках и управляющих компаниях промышленных технопарков: Постановление Правительства РФ № 1863 от 27.12.2019. (2020). Собрание законодательства РФ, 2 (часть I). Ст. 164.

деятельности в целях освоения промышленного производства вторичного сырья, продукции из него, а также коммерциализации полученных результатов.

Как было показано ранее в настоящем исследовании, промышленный симбиоз не сводится только к переработке отходов, равно как само по себе включение отходов в хозяйственный оборот также не может рассматриваться в качестве симбиотических отношений.

Оценка практики реализации проектов, использующих идеологию промышленного симбиоза в России, затрудняется недостаточностью специализированных научных исследований. По открытым данным, размещенным в сети Интернет, в России действует проект «Балтийский промышленный симбиоз»³⁰, но последнее обновление информации о его деятельности датировано 2021 г. Равным образом, судя по представленной информации, в России действует проект «Экосистема промышленного симбиоза в России»³¹, однако достоверные данные о результатах его деятельности и построенных симбиотических цепочках отсутствуют.

Использование концепции промышленного симбиоза, воплощенной в различных юридических формах, обладает значительным многоплановым потенциалом усиления и ускорения процессов социально-экономического развития при одновременном соблюдении ужесточающихся в большинстве государств природоохранных требований. В наиболее общем плане это качество придает промышленному симбиозу, как и другим категориям промышленной экологии, роль одного из основных инструментов обеспечения устойчивого развития общества. Идеология использования общих с естественными экосистемами принципов построения позволяет обеспечивать развитие экономики, рациональное использование природных ресурсов и минимизировать негативное влияние на окружающую среду. Тем самым происходит согласование интересов экономического развития, сохранения природы и учета интересов как людей, живущих в настоящий момент, так и будущих поколений.

Проведенное исследование показывает относительную сложность транспонирования экономических категорий промышленного симбиоза в юридические формы. В практике разных стран и в международной нормативной системе одной из основных таких форм стали экоиנדустриальные парки. В российском правовом порядке, как было показано, это понятие получило законодательное закрепление. Мы полагаем, что развитию рассматриваемых правовых конструкций весьма способствовала бы практика подготовки документов предварительного обсуждения предлагаемых инициатив с использованием моделей *green* и *white paper*, в которых орган государственной власти, планирующий принятие определенных правил, излагает собственную позицию по определенному вопросу и приглашает всех заинтересованных лиц к участию. Обладает определенным потенциалом в смысловом насыщении правовых конструкций и практика разработки развернутых преамбул нормативных актов. С одной стороны, преамбула может быть изложена менее формализованным языком, чем текст нормативного акта, с другой – она представляет собой его часть, что наделяет ее непосредственной юридической силой для правоприменителя. К примеру, преамбула европейского Регламента о цифровых услугах составляет 156 пунктов, в которых разъясняются как причины, обусловившие его принятие, так и содержание основных юридических конструкций³². Вместе с тем не стоит недооценивать и потенциал существующих механизмов, прежде всего пояснительных записок к законопроектам. Они также могут структурировать и направлять дискурс употребления экономических понятий в праве. В российской законодательной практике существуют примеры подготовки объемных и содержательно насыщенных пояснительных записок. К ним относятся, к примеру, законопроекты, разработанные в рамках масштабной реформы гражданского законодательства³³.

Основными направлениями совершенствования нормативно-правового закрепления симбиотических подходов в развитии промышленности является более развернутое и точное закрепление их основных при-

³⁰ Балтийский промышленный симбиоз. Tyreman Group. <https://tyreman.ru/bis?ysclid=m6oyuyncjc850954466#rec228157400>

³¹ Экосистема промышленного симбиоза в России. Санкт-Петербургский кластер чистых технологий для городской среды. <https://spbcleantechcluster.nethouse.ru/page/1424147>

³² См.: Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). (2022). <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R2065&qid=1705667143854>

³³ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». <https://sozd.duma.gov.ru/download/42BF60BD-EFB2-41C5-B336-D110076D982B>

знаков. Мы полагаем, что наиболее общие из таких признаков должны быть закреплены в Федеральном законе «Об экономике замкнутого цикла». Одновременно с этим целесообразна проработка вопроса о создании региональных (межрегиональных) центров развития экоиндустриальных парков в собственном смысле, которые могут взять на себя значительную часть работ по разработке проектов их развития и предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере на уровне субъектов Российской Федерации.

Весьма желательной является дальнейшая разработка показателей деятельности экоиндустриальных парков, среди которых центральное значение должны иметь индикаторы, отражающие развитие симбиотических связей.

Творческое развитие потенциала промышленной экологии зависит в первую очередь от усилий представителей различных отраслей науки, способных разработать адекватные и реалистичные способы практической реализации промышленного симбиоза и сохранить необходимую строгость в ее определении. Концепция устойчивого развития, несмотря на свое признание в планетарном масштабе и разработку системы целей, к достижению которых стремится современное международное сообщество, нуждается в постоянной актуализации используемого инструментария их достижения. Китайский опыт показывает, что уже через десять лет проведения государственной политики по поддержке развития системы экоиндустриальных парков удалось сформировать кадровый потенциал для осуществления как исследовательской, так и текущей управленческой и технической деятельности, хотя в первые годы существования программы происходило активное привлечение иностранных специалистов, имеющих опыт реализации подобного рода проектов (Shi et al. 2012. P. 10).

В этой связи чрезвычайно важным является создание центров междисциплинарных исследований как рассмотренного специального вопроса о промышленном симбиозе, так и более общих организационно-правовых, экономических и иных проблем построения экономики замкнутого цикла. Одним из передовых проектов в этой сфере может стать создание Федерального центра химии в г. Усолье-Сибирское. Научную основу его деятельности обеспечит Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского». В его составе созданы подразделения по исследованию экономических и правовых проблем развития высокотехнологичных отраслей производства, в задачи которых входит разработка общих моделей развития устойчивых и симбиотических региональных производственных цепочек и юридических форм их закрепления. Особый случай представляют собой населенные пункты, на территории которых находятся объекты накопленного экологического вреда, образовавшиеся, прежде всего, в результате деятельности предприятий химической промышленности. Разработка общих моделей ремедиации таких территорий и обеспечения их дальнейшего устойчивого развития требует использования потенциала взаимодействия общественных, естественных и инженерных наук.

Опыт проведения работ по устранению последствий деятельности ООО «Усольехимпром» и планирования устойчивого развития г. Усолье-Сибирское свидетельствует о важности развития сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления, организаций науки и образования, а также коммерческих и некоммерческих предприятий. Вовлечение столь широкого круга субъектов также требует выработки типовых правовых моделей, способных к масштабированию на территории других поселений. Должная юридическая формализация подходов к устойчивому развитию поможет предотвратить недостатки в координации действий различных субъектов, которые отмечались в ходе осуществления работ на территории г. Усолье-Сибирское (Мальцев и др., 2021. С. 145), и внести вклад в обеспечение дальнейшего развития городских и сельских агломераций.

Заключение

Развитие концепции экопромышленных парков в странах с различными экономическими, политическими и правовыми системами показывает и их значительный потенциал в решении социальных проблем. Внешний контур экопромышленного парка способен обеспечивать населенные пункты энергией, инициировать спрос на квалифицированную рабочую силу и научные исследования, поддерживать развитие коммунальной инфраструктуры.

Одним из ключевых элементов в разработке таких моделей станет формирование так называемых якорных субъектов, поскольку зарубежная практика развития промышленного симбиоза показывает их чрезвычайно важную роль (Mortensen & Kornov, 2019. P. 65). В примерах как спонтанно развивающихся отношений

промышленного симбиоза, рассмотренных в настоящей статье, так и в организуемых посредством влияния «сверху» экоиндустриальных парках просматривается организующая роль, которую могут выполнять различные субъекты. К примеру, таковым может являться крупное предприятие (котельная или завод), вокруг которого начнет выстраиваться система экономических отношений. При этом в литературе описано и существование так называемых *институционных якорных* субъектов. Они могут быть не включены в структуру производственных связей и не находиться физически на конкретной территории, однако осуществлять координирующую, политическую и финансовую поддержку (Sun et al., 2017. Р. 6).

Перспективным видится и проведение междисциплинарных научных исследований возможности создания международной нормативной базы в сфере развития отношений промышленного симбиоза между хозяйствующими субъектами в рамках стран БРИКС. Этому может способствовать государственное стимулирование притока иностранных инвестиций из дружественных стран в создаваемые на российской территории экопромышленные парки. Одним из юридических средств такого стимулирования может стать практика заключения дополнительных протоколов к соглашениям о защите и поощрении капиталовложений, определяющих особенности гарантий, предоставляемых при участии в подобных экономических «симбиотических» проектах.

Плодотворными могут стать и исследования возможностей создания трансграничных экопромышленных парков. Как отмечается в исследованиях практики создания и деятельности зарубежных экопромышленных парков, территориальная близость действительно является важным фактором возникновения промышленного симбиоза, но его значение для развития данной деятельности со временем снижается. К примеру, в отдельном исследовании, посвященном роли географической близости в развитии промышленного симбиоза в Великобритании, было отмечено, что в 792 симбиотических связях три четверти ресурсов используются или утилизируются в радиусе 62,5 километра при измерении расстояний по прямой. Усредненное расстояние, которое проходили ресурсы по дорожной сети, составляет 40 километров (Jensen et al., 2011. Р. 705). Прикладные экономические исследования могут показать жизнеспособность планов по созданию симбиотических цепочек на более удаленных расстояниях, а также в приграничных районах.

Список литературы

- Белых, А. Л. (2023). Модели формирования промышленного симбиоза. *Управление*, 11(1), 51–63. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-1-51-63>
- Валько, Д. В. (2018). Циркулярная экономика: теоретическая модель и эффекты реализации. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 8, 1415–1429. <https://doi.org/10.24891/ni.14.8.1415>
- Мальцев, С. А., Вебер, Е. В., Иноземцев, В. А., Цапок, М. В., Беляков, П. Е., Ковтун, В. А., Антохин, А. А. (2021). О ходе выполнения первоочередных мероприятий по устранению накопленного вреда окружающей среде от деятельности химических предприятий на территории г. Усолье-Сибирское Иркутской области. *Вестник войск РХБ защиты*, 5(2), 136–148. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-2-136-148>
- Толстых, Т. О., Гераськина А. А., Щелчков К. А. (2024). Подходы к формированию критериев оценки эффективности промышленных симбиозов. *Регион: системы, экономика, управление*, 65(2), 113–125. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2024-65-2-113-125>
- Чернова, О. А. (2024). Оценка регионального потенциала промышленного симбиоза. *Journal of New Economy*, 25(3), 90–111. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-3-5>
- Aggeri, F. (2021). Industrial eco-parks as drivers of the circular economy. *Field Actions Science Reports*, Special Issue 23, 60–61.
- Allenby, B. R., & Cooper, W. E. (1994). Understanding Industrial Ecology from a Biological Systems Perspective. *Environmental Quality Management*, 3(3), 343–354. <https://doi.org/10.1002/tqem.3310030310>
- Ayres, R. U. (2004). On the life cycle metaphor: where ecology and economics diverge. *Ecological Economics*, 48(4), 425–438. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2003.10.018>
- Behera, S. K., Kim, J. H., Lee, S. Y., Suh, S., & Park, H. S. (2012). Evolution of ‘designed’ industrial symbiosis networks in the Ulsan Eco-industrial Park: ‘research and development into business’ as the enabling framework. *Journal of Cleaner Production*, 29–30, 103–112. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2012.02.009>
- Bleischwitz, R., Yang, M., Huang, B., Xu, B., Zhou, J., McDowall, W., Andrews-Speed, P., Liu, Z., & Yong, G. (2022). The circular economy in China: Achievements, challenges and potential implications for decarbonisation. *Resources, Conservation & Recycling*, 183, 106350. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2022.106350>
- Boons, F., & Chertow, M. (2017). Industrial Symbiosis Dynamics and the Problem of Equivalence Proposal for a Comparative Framework. *Journal of Industrial Ecology*, 21(4), 938–952. <https://doi.org/10.1111/jiec.12468>

- Boulding, K. (1966). The Economics of the Coming Spaceship Earth. In *Environmental Quality in a Growing Economy: Essays from the Sixth RFF Forum (RFF Environmental and Resource Economics Set)* (pp. 3–14).
- Branson, R. (2016). Re-constructing Kalundborg: the reality of bilateral symbiosis and other insights. *Journal of Cleaner Production*, 112, 4344–4352. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.07.069>
- Chertow, M. R. (2000). Industrial Symbiosis: Literature and Taxonomy. *Annual Review of Energy and the Environment*, 25(1), 313–337. <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.25.1.313>
- Chertow, M. R. (2007). “Uncovering” Industrial Symbiosis. *Journal of Industrial Ecology*, 11(1), 11–30. <https://doi.org/10.1162/jiec.2007.1110>
- Deutz, P. (2014). Food for Thought: Seeking the Essence of Industrial Symbiosis. In R. Salomone, & G. Saija (Eds.), *Pathways to Environmental Sustainability* (pp. 3–11). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-03826-1_1
- Ehrenfeld, J., & Gertler, N. (1997). Industrial Ecology in Practice: The Evolution of Interdependence at Kalundborg. *Journal of Industrial Ecology*, 1(1), 67–79. <https://doi.org/10.1162/jiec.1997.1.1.67>
- Erkman, S. (1997). Industrial ecology: an historical view. *Journal of Cleaner Production*, 5(1–2), 1–10. [https://doi.org/10.1016/S0959-6526\(97\)00003-6](https://doi.org/10.1016/S0959-6526(97)00003-6)
- Frosch, R. A., & Gallopoulos, N. E. (1989). Strategies for Manufacturing. *Scientific American*, 261(3), 144–152. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0989-144>
- Gibbs, D., & Deutz, P. (2005). Implementing industrial ecology? Planning for eco-industrial parks in the USA. *Geoforum*, 36, 452–464. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2004.07.009>
- Gibbs, D., & McManus, P. (2008). Industrial ecosystems? The use of tropes in the literature of industrial ecology and eco-industrial parks. *Progress in Human Geography*, 32(4), 525–540. <https://doi.org/10.1177/0309132507088118>
- Gibbs, D., Deutz, P., & Proctor, A. (2005). Industrial ecology and eco-industrial development: A potential paradigm for local and regional development? *Regional Studies*, 39(2), 171–183. <https://doi.org/10.1080/003434005200059959>
- Huang, B., Yong, G., Zhao, J., Domenech, T., Liu, Z., Chiu, S. F., McDowall, W., Bleischwitz, R., Liu, J., & Yao, Y. (2019). Review of the development of China's Eco-industrial Park standard system. *Resources, Conservation & Recycling*, 140, 137–144. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.09.013>
- Jensen, P. D., Basson, L., Hellawell, E. E., Bailey, M. R., & Leach, M. (2011). Quantifying ‘geographic proximity’: Experiences from the United Kingdom’s National Industrial Symbiosis Programme. *Resources, Conservation and Recycling*, 55, 703–712. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2011.02.003>
- Lowitt, P. (2008). Devens Redevelopment. The Emergence of a Successful Eco-Industrial Park in the United States. *Journal of Industrial Ecology*, 12(4), 497–500. <https://doi.org/10.1111/j.1530-9290.2008.00078.x>
- McDowall, W., Geng, Y., Huang, B., Bartekova, E., Bleischwitz, R., Turkeli, S., Kemp, R., & Domenech, T. (2017). Circular Economy Policies in China and Europe. *Journal of Industrial Ecology*, 21(3), 651–661. <https://doi.org/10.1111/jiec.12597>
- Mortensen, L., & Kornov, L. (2019). Critical factors for industrial symbiosis emergence process. *Journal of Cleaner Production*, 212, 56–69. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.11.222>
- Park, J. M., Park, J. Y., & Park, H-S. (2016). A review of the National Eco-Industrial Park Development Program in Korea: progress and achievements in the first phase, 2005–2010. *Journal of Cleaner Production*, 114, 33–44. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.08.115>
- Shah, I. H., Dong, L., & Park, H-S. (2020). Tracking urban sustainability transition: An eco-efficiency analysis on eco-industrial development in Ulsan, Korea. *Journal of Cleaner Production*, 262, 121286. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121286>
- Shi, H., Tian, J., & Chen, L. (2012). China’s Quest for Eco-industrial Parks, Part I. *Journal of Industrial Ecology*, 16(1), 8–10. <https://doi.org/10.1111/j.1530-9290.2012.00454.x>
- Son, C. H., Oh, D., & Ban, Y. U. (2023). Eco-industrial development strategies and characteristics according to the performance evaluation of eco-industrial park projects in Korea. *Journal of Cleaner Production*, 416, 137971. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137971>
- Sun, L., Spekkink, W., Cuppen, E., & Korevaar, G. (2017). Coordination of Industrial Symbiosis through Anchoring. *Sustainability*, 9(4), 1–21. <https://doi.org/10.3390/su9040549>
- Veleva, V., Todorova, S., Lowitt, P., Angus, N., & Neely, D. (2015). Understanding and addressing business needs and sustainability challenges: lessons from Devens eco-industrial park. *Journal of Cleaner Production*, 87, 375–384. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.09.014>
- Wade, R. H. (2012). Return of Industrial Policy? *International Review of Applied Economics*, 26(2), 223–239. <https://doi.org/10.1080/02692171.2011.640312>
- Yu, X., & Zhang, Y. (2021). An economic mechanism of industrial ecology: theory and evidence. *Structural Change and Economic Dynamics*, 58, 14–22. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.03.008>
- Zhu, Q., & Cote, R. P. (2004). Integrating green supply chain management into an embryonic eco-industrial development: a case study of the Guitang Group. *Journal of Cleaner Production*, 12(8–10), 1025–1035. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2004.02.030>
- Zhu, Q., & Lowe, E. (2007). Industrial Symbiosis in China: A Case Study of the Guitang Group. *Journal of Industrial Ecology*, 11(1), 1–12. <https://doi.org/10.1162/jiec.2007.929>

References

- Belykh, A. L. (2023). Models of industrial symbiosis formation. *Management (Russia)*, 11(1), 51–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-1-51-63>
- Valko, D. V. (2018). Circular Economy: A Theoretical Model and Implementation Effects. *National Interests: Priorities and Security*, 14(8), 1415–1429. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/ni.14.8.1415>
- Maltsev, S. A., Veber, E. V., Inozemtsev, V. A., Tsapok, M. V., Belyakov, P. Y., Kovtun, V. A., & Antokhin, A. A. (2021). Implementation of Priority Measures to Eliminate the Accumulated Environmental Damage Caused by Chemical Enterprises in the City of Usolye-Sibirskoye, Irkutsk Region. *Journal of NBC Protection Corps*, 5(2), 136–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-2-136-148>
- Tolstykh, T. O., Geraskina, A. A., & Shchelchikov, K. A. (2024). Approaches to the formation of criteria for evaluating the effectiveness of industrial symbioses. *Region: Systems, Economics, Management*, 65(2), 113–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2024-65-2-113-125>
- Chernova, O. A. (2024). Assessing the regional potential for industrial symbiosis. *Journal of New Economy*, 25(3), 90–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-3-5>
- Aggeri, F. (2021). Industrial eco-parks as drivers of the circular economy. *Field Actions Science Reports*, Special Issue 23, 60–61.
- Allenby, B. R., & Cooper, W. E. (1994). Understanding Industrial Ecology from a Biological Systems Perspective. *Environmental Quality Management*, 3(3), 343–354. <https://doi.org/10.1002/tqem.3310030310>
- Ayres, R. U. (2004). On the life cycle metaphor: where ecology and economics diverge. *Ecological Economics*, 48(4), 425–438. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2003.10.018>
- Behera, S. K., Kim, J. H., Lee, S. Y., Suh, S., & Park, H. S. (2012). Evolution of ‘designed’ industrial symbiosis networks in the Ulsan Eco-industrial Park: ‘research and development into business’ as the enabling framework. *Journal of Cleaner Production*, 29–30, 103–112. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2012.02.009>
- Bleischwitz, R., Yang, M., Huang, B., Xu, B., Zhou, J., McDowall, W., Andrews-Speed, P., Liu, Z., & Yong, G. (2022). The circular economy in China: Achievements, challenges and potential implications for decarbonisation. *Resources, Conservation & Recycling*, 183, 106350. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2022.106350>
- Boons, F., & Chertow, M. (2017). Industrial Symbiosis Dynamics and the Problem of Equivalence Proposal for a Comparative Framework. *Journal of Industrial Ecology*, 21(4), 938–952. <https://doi.org/10.1111/jiec.12468>
- Boulding, K. (1966). The Economics of the Coming Spaceship Earth. In *Environmental Quality in a Growing Economy: Essays from the Sixth RFF Forum (RFF Environmental and Resource Economics Set)* (pp. 3–14).
- Branson, R. (2016). Re-constructing Kalundborg: the reality of bilateral symbiosis and other insights. *Journal of Cleaner Production*, 112, 4344–4352. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.07.069>
- Chertow, M. R. (2000). Industrial Symbiosis: Literature and Taxonomy. *Annual Review of Energy and the Environment*, 25(1), 313–337. <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.25.1.313>
- Chertow, M. R. (2007). “Uncovering” Industrial Symbiosis. *Journal of Industrial Ecology*, 11(1), 11–30. <https://doi.org/10.1162/jiec.2007.1110>
- Deutz, P. (2014). Food for Thought: Seeking the Essence of Industrial Symbiosis. In R. Salomone, & G. Saija (Eds.), *Pathways to Environmental Sustainability* (pp. 3–11). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-03826-1_1
- Ehrenfeld, J., & Gertler, N. (1997). Industrial Ecology in Practice: The Evolution of Interdependence at Kalundborg. *Journal of Industrial Ecology*, 1(1), 67–79. <https://doi.org/10.1162/jiec.1997.1.1.67>
- Erkman, S. (1997). Industrial ecology: an historical view. *Journal of Cleaner Production*, 5(1–2), 1–10. [https://doi.org/10.1016/s0959-6526\(97\)00003-6](https://doi.org/10.1016/s0959-6526(97)00003-6)
- Frosch, R. A., & Gallopoulos, N. E. (1989). Strategies for Manufacturing. *Scientific American*, 261(3), 144–152. <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0989-144>
- Gibbs, D., & Deutz, P. (2005). Implementing industrial ecology? Planning for eco-industrial parks in the USA. *Geoforum*, 36, 452–464. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2004.07.009>
- Gibbs, D., & McManus, P. (2008). Industrial ecosystems? The use of tropes in the literature of industrial ecology and eco-industrial parks. *Progress in Human Geography*, 32(4), 525–540. <https://doi.org/10.1177/0309132507088118>
- Gibbs, D., Deutz, P., & Proctor, A. (2005). Industrial ecology and eco-industrial development: A potential paradigm for local and regional development? *Regional Studies*, 39(2), 171–183. <https://doi.org/10.1080/003434005200059959>
- Huang, B., Yong, G., Zhao, J., Domenech, T., Liu, Z., Chiu, S. F., McDowall, W., Bleischwitz, R., Liu, J., & Yao, Y. (2019). Review of the development of China's Eco-industrial Park standard system. *Resources, Conservation & Recycling*, 140, 137–144. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2018.09.013>
- Jensen, P. D., Basson, L., Hellowell, E. E., Bailey, M. R., & Leach, M. (2011). Quantifying ‘geographic proximity’: Experiences from the United Kingdom’s National Industrial Symbiosis Programme. *Resources, Conservation and Recycling*, 55, 703–712. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2011.02.003>
- Lowitt, P. (2008). Devens Redevelopment. The Emergence of a Successful Eco-Industrial Park in the United States. *Journal of Industrial Ecology*, 12(4), 497–500. <https://doi.org/10.1111/j.1530-9290.2008.00078.x>

- McDowall, W., Geng, Y., Huang, B., Bartekova, E., Bleischwitz, R., Turkeli, S., Kemp, R., & Domenech, T. (2017). Circular Economy Policies in China and Europe. *Journal of Industrial Ecology*, 21(3), 651–661. <https://doi.org/10.1111/jiec.12597>
- Mortensen, L., & Kornov, L. (2019). Critical factors for industrial symbiosis emergence process. *Journal of Cleaner Production*, 212, 56–69. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.11.222>
- Park, J. M., Park, J. Y., & Park, H-S. (2016). A review of the National Eco-Industrial Park Development Program in Korea: progress and achievements in the first phase, 2005–2010. *Journal of Cleaner Production*, 114, 33–44. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.08.115>
- Shah, I. H., Dong, L., & Park, H-S. (2020). Tracking urban sustainability transition: An eco-efficiency analysis on eco-industrial development in Ulsan, Korea. *Journal of Cleaner Production*, 262, 121286. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.121286>
- Shi, H., Tian, J., & Chen, L. (2012). China's Quest for Eco-industrial Parks, Part I. *Journal of Industrial Ecology*, 16(1), 8–10. <https://doi.org/10.1111/j.1530-9290.2012.00454.x>
- Son, C. H., Oh, D., & Ban, Y. U. (2023). Eco-industrial development strategies and characteristics according to the performance evaluation of eco-industrial park projects in Korea. *Journal of Cleaner Production*, 416, 137971. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137971>
- Sun, L., Spekkink, W., Cuppen, E., & Korevaar, G. (2017). Coordination of Industrial Symbiosis through Anchoring. *Sustainability*, 9(4), 1–21. <https://doi.org/10.3390/su9040549>
- Veleva, V., Todorova, S., Lowitt, P., Angus, N., & Neely, D. (2015). Understanding and addressing business needs and sustainability challenges: lessons from Devens eco-industrial park. *Journal of Cleaner Production*, 87, 375–384. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.09.014>
- Wade, R. H. (2012). Return of Industrial Policy? *International Review of Applied Economics*, 26(2), 223–239. <https://doi.org/10.1080/02692171.2011.640312>
- Yu, X., & Zhang, Y. (2021). An economic mechanism of industrial ecology: theory and evidence. *Structural Change and Economic Dynamics*, 58, 14–22. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.03.008>
- Zhu, Q., & Cote, R. P. (2004). Integrating green supply chain management into an embryonic eco-industrial development: a case study of the Guitang Group. *Journal of Cleaner Production*, 12(8–10), 1025–1035. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2004.02.030>
- Zhu, Q., & Lowe, E. (2007). Industrial Symbiosis in China: A Case Study of the Guitang Group. *Journal of Industrial Ecology*, 11(1), 1–12. <https://doi.org/10.1162/jiec.2007.929>

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.12.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 04.02.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.273-311>

УДК 330:346:347.736

JEL: A10, F51, G33, H12, K2

Д. В. Манушин¹¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Уточнение понятий банкротства, несостоятельности и неплатежеспособности юридических лиц в условиях санкций и импортозамещения

Манушин Дмитрий Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента экономического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: predmet22@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2799-9235>
Web of Science Researcher ID: L-9620-2016
eLIBRARY SPIN-код: 8588-3619

Аннотация

Цель: предложение нового видения терминов «банкрот», «банкротство», «банкротство юридических лиц», «несостоятельность» и «неплатежеспособность», соответствующих современной ситуации борьбы с санкциями и развития импортозамещения в российской экономике.

Методы: абстрактно-логический, сравнительного правоведения, толкования права, теоретико-правового моделирования.

Результаты: обобщены и критически оценены понятия «банкрот», «банкротство», «несостоятельность». Сопоставлены этапы модели банкротства и выхода из несостоятельности юрлиц в России с сутью понятий «несостоятельность» и «банкротство». Ключевые признаки неоклассического, кейнсианского и институционального подходов сопоставлены с законодательством о банкротстве в Российской Федерации. В результате предложены уточненные понятия «банкрот», «банкротство», «банкротство юридических лиц», «несостоятельность» и «неплатежеспособность».

Научная новизна: оригинальность предложенных понятий «банкрот», «банкротство», «банкротство юридических лиц» в рамках неоклассического подхода заключается в определении новой границы момента завершения банкротства. Новизна кейнсианского подхода состоит в предложении учитывать интересы государства путем введения в состав процедур банкротства моратория на банкротства для особо важных государству компаний. В институциональном подходе, помимо интересов государства, предлагается учитывать интересы социума.

Практическая значимость: предложенные понятия охватывают широкий спектр возможного развития институтов банкротства: прокредиторский, прогосударственный, социальный и компромиссный подходы. Все они позволят снизить число банкротств в России. В то же время законодатель, учтя специфику их применения, может выбрать тот вариант, который в наибольшей степени соответствует будущему развитию российского государства.

Ключевые слова:

банкрот, банкротство, несостоятельность, неплатежеспособность, банкротство юридического лица, упрощенный порядок банкротства, списание долгов, субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, ликвидация компании, мораторий на банкротство, восстановление платежеспособности

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Манушин, Д. В. (2025). Уточнение понятий банкротства, несостоятельности и неплатежеспособности юридических лиц в условиях санкций и импортозамещения. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 273–311. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.273-311>

Scientific article

D. V. Manushin¹

¹ *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Clarifying the concepts of bankruptcy, non-creditworthiness and insolvency of legal entities in the context of sanctions and import substitution

Dmitriy V. Manushin, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Financial Management, Faculty of Economics, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: manushin@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2799-9235>

Web of Science Researcher ID: L-9620-2016

eLIBRARY SPIN-code: 8588-3619

Abstract

Objective: to propose a new vision of the terms “bankrupt”, “bankruptcy”, “bankruptcy of legal entities”, “non-creditworthiness” and “insolvency”, corresponding to the current situation of counteracting sanctions and developing import substitution in the Russian economy.

Methods: abstract-logical, comparative law studies, interpretation of law, theoretical-legal modeling.

Results: the concepts of “bankrupt”, “bankruptcy” and “insolvency” were summarized and critically evaluated. The author compared stages of bankruptcy and exit from insolvency of legal entities in Russia with the essence of the “insolvency” and “bankruptcy” concepts. The key features of the neoclassical, Keynesian, and institutional approaches were compared with bankruptcy legislation in the Russian Federation. As a result, the refined concepts of “bankrupt”, “bankruptcy”, “bankruptcy of legal entities”, “non-creditworthiness” and “insolvency” were proposed.

Scientific novelty: the originality of the proposed concepts of “bankrupt”, “bankruptcy” and “bankruptcy of legal entities” within the framework of the neoclassical approach consists in defining a new boundary of the bankruptcy completion. The novelty of the Keynesian approach consists in the proposal to take into account the state interests by introducing a bankruptcy moratorium for companies that are particularly important to the state. Under the institutional approach, it is proposed to take into account the interests of society in addition to the state interests.

Practical significance: the proposed concepts cover a wide range of possible development of bankruptcy institutions: pro-creditor, pro-government, social, and compromise approaches. All of them will help reduce the number of bankruptcies in Russia. At the same time, the legislator, taking into account the specifics of their application, can choose the option that best suits the future development of the Russian state.

Keywords:

bankrupt, bankruptcy, non-creditworthiness, insolvency, bankruptcy of a legal entity, simplified bankruptcy procedure, debt cancellation, subsidiary responsibility, persons controlling the debtor, liquidation of a company, moratorium on bankruptcy, restoration of solvency

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Manushin, D. V. (2025). Clarifying the concepts of bankruptcy, non-creditworthiness and insolvency of legal entities in the context of sanctions and import substitution. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 273–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.273-311>

Введение

В современной санкционной и анτισанкционной российской экономике (Манушин, 2023; Анисимова, Плотников, 2024; Малкина, Балакин, 2024) очень остро стоят проблемы недопущения банкротства юридических лиц и повышения вероятности восстановления платежеспособности организаций, находящихся на одной из стадий несостоятельности. Для решения этих проблем российским законодателем был временно введен массовый мораторий на банкротство всех организаций и изменены критерии банкротства компаний. Эти и другие меры дали заметный позитивный эффект¹, но из-за слабой их сочетаемости с целями импортозамещения максимально возможный результат не был достигнут. Это обуславливает особую важность учета современных тенденций в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – ФЗ № 127-ФЗ) (в части банкротства юридических лиц), в связанных с ним нормативных актах и в арбитражной практике. В связи с тем, что в основе всех действий ФЗ № 127-ФЗ должны лежать понятия, применяемые в этом законе, первостепенным является уточнение понятий «несостоятельность организаций» и «банкротство юридических лиц». Так, правильное отражение в этих понятиях обновленной сути банкротства позволит системно подойти к коррекции этапов и процедур банкротства. В то же время автору не удалось найти исследований, посвященных уточнению указанных понятий в условиях санкций и импортозамещения. Большая часть немногочисленных работ, в которых поднимались вопросы взаимосвязи банкротства, санкций и импортозамещения, посвящена изучению экономических проблем. В оставшихся исследованиях изучаются либо особенности применения моратория на банкротство (Пучкова и др., 2023), либо вопросы банкротства иностранных компаний в санкционных условиях (Иванова, 2023; Скопцова, 2023; Дегтярев, 2024; Скаргина, 2024; Shalpegin et al., 2023; Paulus et al., 2024). При изучении работ, исследующих понятия «банкротство» и «несостоятельность» без учета санкций, обнаружено, что множество ученых указывают на необходимость пересмотра сути этих понятий, но большая их часть ограничивается констатацией факта о нетождественности дефиниций «несостоятельность» и «банкротство» (Ткачев, 2003; Любушин, Опарина, 2007. С. 7; Сааков, 2013. С. 49; Власенко, 2015. С. 206; Куликова, 2016. С. 59; Глухова, Шевяков, 2017; Загоруйко, 2017. С. 52; Дюженков, Иванова, 2022. С. 184; Сотникова, Грибанова, 2022. С. 8; Золотоотрубова, 2023. С. 41–42).

В этой связи автор планирует отразить изменившуюся суть банкротства в понятиях «банкрот», «банкротство», «банкротство юридических лиц» и иных сопутствующих им понятий для лучшего их соответствия условиям санкций и импортозамещения и раскрыть направления их практического применения с целью снижения числа банкротств в России.

В рамках этой цели поставлены следующие задачи:

- оценить и соотнести суть понятий «несостоятельность», «неплатежеспособность», «банкрот» и «банкротство» с юридической и экономической позиции, на основе современных и исторических взглядов, отечественных и зарубежных нормативных актов;
- определить ключевые этапы и особенности банкротства в современных санкционных и импортозамещающих условиях и соотнести их с изучаемыми терминами;
- уточнить исследуемые понятия (банкрот, банкротство, банкротство юридических лиц, несостоятельность, неплатежеспособность) на основе неоклассического, кейнсианского и институционального подходов;
- раскрыть направления практического применения уточненных терминов.

Обзор, обобщение, оценка и соотношение понятий «банкротство», «банкрот», «неплатежеспособность» и «несостоятельность»

При изучении позиций о сути банкротства и несостоятельности обнаружено два основных подхода к этим понятиям: юридический и экономический.

Кроме того, выявлены видения ученых, рассматривающих вопросы несостоятельности с позиции экономики, а банкротства – с позиции юриспруденции (Юлова, 2004. С. 13; Жданов, Рыгин, 2013; Сотникова,

¹ Например, снизилась доля предпринимателей, оценивающих свое текущее (в 2022 г. – 24 %, а в 2024 г. – 20 %) и будущее состояние (в 2022 г. – 36 %, а в 2024 г. – 17 %) как плохое (Овчаренко, Халамбашиян, 2024).

Грибанова, 2022). Данный подход представляется неверным, так как оба этих аспекта регулируются нормативными актами и участвуют в экономических процессах. Верным пониманием банкротства или несостоятельности или иного объекта, использующегося разными субъектами, будет признание единства сути этого объекта и, возможно, разное восприятие граней этого объекта разными субъектами.

Юридический подход

В ФЗ № 127-ФЗ под «несостоятельностью (банкротством) (далее – банкротство) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам»².

При детальном изучении данного закона обнаружено двойственное понимание сути банкротства и несостоятельности. Так, название ФЗ № 127-ФЗ и его определение в тексте ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ прямо указывают на отождествление терминов «банкротство» и «несостоятельность». В то же время из определений процедур банкротства, указанных в ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ, вытекает, что до момента введения процедуры конкурсного производства юридическое лицо признается должником³ и, лишь когда имущество должника распродается для удовлетворения требований кредиторов, должник признается банкротом.

Двойственное толкование понятия «банкрот» встречается и в другом отечественном законе о банкротстве. Так, в ст. 1 Устава о банкротах от 19 декабря 1800 г. указано, что «банкрот есть тот, который не может сполна заплатить своих долгов»⁴, а в ст. 131 этого Устава беспорочного банкрота призывается называть «пришедшего в несостояние упавшим, т. е. несчастного, а не бесчестного» и лишь «неосторожного и злостного» нужно называть банкротом⁵. Устав о торговой несостоятельности 1832 г. в ст. 5, 7, 8 содержит такую же позицию по отношению к неосторожным и злостным банкротам, а обанкротившегося из-за несчастных обстоятельств в нем призывается называть несостоятельным⁶. Столь разное отношение к причинам возникновения несостоятельности заложено еще в ст. 54–55 Русской Правды⁷ и связано с высокой частотой несчастных случаев в то время (кораблекрушения, нападения, пожары и др.). Этот подход с незначительными изменениями сохранялся в России вплоть до революции 1917 г. (эти аспекты отражены в труде Г. Ф. Шершеневича (1898. С. 473–490)).

В связи с существенным снижением частоты несчастных случаев к настоящему моменту и наличием хорошо развитой страховой системы можно утверждать, что число компаний, обанкротившихся из-за несчастных обстоятельств, которые невозможно было застраховать, исчезающе мало. Это указывает на справедливость современного законодателя, удалившего из свода законов указание на особый порядок судопроизводства для лиц, обанкротившихся из-за несчастных случаев (как отмечает А. В. Скоробогатов они получали полное освобождение от имущественного взыскания (2012. С. 170)). В то же время исключение льгот для лиц, обанкротившихся из-за несчастных случаев, не означает, что они оставлены на произвол судьбы. Просто порядок и формы компенсации пострадавшим от несчастных случаев сейчас регулируются другими нормативными актами.

Разграничение несостоятельности и банкротства принято и в других странах. Так, А. В. Пустяков, О. В. Кадникова, А. В. Козлов, Е. Л. Поцелуев, Р. В. Чаленко и Е. Н. Макарова, В. Д. Росляков отмечают, что в Германии и Франции сохранилось разделение сути понятий «несостоятельность» и «банкротство». Так, в этих странах простое банкротство (по неосторожности) называется несостоятельностью или неплатежеспособностью, а злостное банкротство признается банкротством (Пустяков, 2006. С. 198; Макарова, 2008. С. 55; Чаленко, 2014. С. 137; Поцелуев, Чистяков, 2018. С. 76; Кадникова, Козлов, 2019. С. 12; Росляков, 2024. С. 284). Осо-

² О несостоятельности (банкротстве). № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. (последняя редакция). (2002). СПС «КонсультантПлюс».

³ Под «должником понимается лицо, оказавшееся неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам» (ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ).

⁴ Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. (1800). Санкт-Петербург: Сенат. тип. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_23633/?ysclid=m413tdz77y866787296

⁵ Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. (1800). Санкт-Петербург: Сенат. тип. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_23633/?ysclid=m413tdz77y866787296

⁶ Устав о торговой несостоятельности, утвержденный 25 июня 1832 г. (1834). Санкт-Петербург: тип. Департамента внешней торговли. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004873290/?ysclid=m413utrsyr383649851

⁷ Правда Русская, т. I, с. 89–457. Издаваемый текст Троицкого I списка сверен с его факсимильным воспроизведением: Правда Русская. (1963) (т. III, с. 43–67). Москва. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14

бенностью немецкого положения о банкротстве (*Insolvenzordnung*) является использование в нем вместо слов «банкрот» и «банкротство», слов «должник» и «неплатежеспособность». О банкротстве упоминается только в ст. 283–283d Уголовного кодекса Германии (*Strafgesetzbuch*). В Торговом кодексе Франции (*French Commercial Code*) в Книге VI «Трудности в бизнесе» есть раздел V «Ответственность и санкции», содержащий главу IV «Банкротство и другие правонарушения» (ст. с L654-1 по L654-20), в которой раскрывается состав злоумышленных действий в рамках банкротства и наказаний за банкротство. В отношении простых банкротов во Франции обычно используются формулировки «должник» и «несостоятельность». Лингвисты указывают, что российскому термину «банкротство» во Франции соответствует понятие *cessation des paiements* (прекращение платежей или ситуация, когда у должника нет свободных денег для погашения подлежащих уплате долгов), а под дефиницией *banqueroute* понимается совершение правонарушения в области присвоения или сокрытия активов должника, умышленного завышения долгов, ведения фиктивного бухгалтерского учета и т. п. (Власенко, Галимов, 2012. С. 22). При проекции этих позиций на российское законодательство становится очевидным, что в этих странах под банкротством понимаются раскрытые в ст. 196 и 197 УК РФ действия в рамках преднамеренного и фиктивного банкротства, а также действия, обуславливающие возникновение субсидиарной ответственности из ст. 61 ФЗ № 127-ФЗ. В этой связи следует согласиться с лингвистами в том, что российское понимание банкротства ближе к англоязычному (Англия, США, Канада), в котором любое банкротство отождествляется с неплатежеспособностью (Власенко, Галимов, 2012. С. 24). В то же время часть российских ученых (Г. Ф. Шершеневич, А. Трайнин, М. В. Телюкина, М. И. Кулагин, В. Ф. Попондопуло, Е. В. Смирнова, Е. А. Васильев, В. В. Степанов, М. В. Талан, В. В. Зайцева и др.) предлагают под банкротством понимать лишь злостное банкротство (Карелина, 2008. С. 62–65).

Использование отдельного слова для злонамеренного банкротства выглядит разумным для стран, в которых уже сложилась подобная практика. Подобный подход для них логичен, так как есть существенная разница между процессом и последствиями злоумышленного и незлоумышленного банкротства. В России под термином «банкротство» более 30 лет понимают все виды банкротства. В этой связи переход к использованию этого слова в официальных документах лишь для обозначения злоумышленного банкротства придаст негативный окрас всем видам банкротства в период преодоления социальной инерции (в зависимости от силы насаждения нового значения этого слова это может занять от 10 до 30 лет). Эта мера, очевидно, является вредной и не должна быть реализована в России, вне зависимости от степени обоснованности аргументов разделения злоумышленного банкротства и незлоумышленной несостоятельности. Введение же нового слова для злоумышленного банкротства представляется нерациональным, так как практическая значимость этой меры неочевидна, а процесс ее внедрения слишком длителен.

При изучении текста ФЗ № 127-ФЗ становится очевидным, что предложенное определение несостоятельности (банкротства) в реальности отражает несостоятельность должника, а банкротство для должника может не наступить. Если оно наступает, то лишь тогда, когда должник утрачивает возможность осуществлять свою дальнейшую деятельность. В связи с тем, что, согласно ст. 150 ФЗ № 127-ФЗ, мировое соглашение может быть заключено на любой стадии банкротства, даже на стадии конкурсного производства, банкрот еще может превратиться в несостоятельное лицо, потенциально способное заплатить свои долги и стать платежеспособным лицом. В результате несостоятельность – это более широкое понятие, чем банкротство, а термин «банкротство» отражает только ту ситуацию, когда признается отсутствие возможности должника продолжать свою деятельность.

В Гражданско-правовом кодексе (далее – ГПК) РСФСР от 1923 г. дефиниция «банкротство» не рассматривалась. В нем раскрывалось лишь понятие «несостоятельность». Так, в ст. 318 ГПК РСФСР указано, что несостоятельным признается «должник, прекративший платежи по долгам или долженствующий прекратить их по состоянию своих дел, если судом будет установлена неспособность его к полной оплате денежных требований кредиторам»⁸. Во многом эта трактовка схожа с понятием «несостоятельность (банкротство)» из ФЗ № 127-ФЗ, что дополнительно подтверждает необходимость разграничения этих терминов и предложение отдельного определения для терминов «банкротство» и «банкротство юридического лица».

⁸ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 10 июля 1923 г. https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks?ysclid=m413oh3fx5393306447

В то же время в ГПК РСФСР от 1923 г. шире трактовалась суть несостоятельности, чем в современном законодательстве. Так, в период с 1923 по 1931 г.⁹, с одной стороны, суд мог признать лицо несостоятельным при наличии фактической неплатежеспособности должника, до момента юридически подтвержденного факта несостоятельности. С другой – ликвидация должника не всегда приводила к прекращению деятельности компании. Так, при отсутствии в действиях должника «социально опасных» признаков он мог быть восстановлен в своих правах и продолжить свою экономическую деятельность, так как ликвидационная комиссия опиралась на интересы государства, а не должника или кредитора. Если в интересах государства было сохранение данного предприятия, то оно восстанавливало свою деятельность после прекращения работы ликвидационной комиссии. После этого кредиторы могли предъявить требования к должнику, пока не закончился общий срок давности обязательств должника.

В утратившем силу Законе «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19 ноября 1992 г. № 3929-І под предприятием-должником также понималось «предприятие, которое не выполняет или в ближайшее время не сможет выполнить свои обязательства перед кредиторами»¹⁰. Однако процедуры банкротства в нем были направлены на удовлетворение интересов кредиторов, а не государства. Из-за этого оговорка о невозможности в ближайшее время погасить свои долги часто использовалась для рейдерского захвата успешных предприятий и в последующих законах была отменена.

Поднимая вопрос о злоупотреблениях, важно отметить, что в ФЗ № 127-ФЗ нет фразы из устаревшего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ¹¹ о возможности должника признать себя банкротом путем объявления об этом. Это сделано для исключения возможности должника без участия суда стать банкротом и избежать проверки на предмет ущемления интересов кредиторов путем фиктивного или преднамеренного банкротства.

Все это подтверждает важность каждого элемента, входящего в состав изучаемых понятий. Для понимания ключевых элементов этих понятий ниже изучены основные свойства и понятия «банкротство».

В ст. 1 Кодекса Украины по процедурам банкротства под банкротством понимается «признанная хозяйственным судом несостоятельность должника восстановить свою платежеспособность с помощью процедуры санации и реструктуризации и погасить установленные в порядке, определенном настоящим Кодексом, денежные требования кредиторов иначе, чем через применение ликвидационной процедуры»¹².

В ст. 1 Закона об экономической несостоятельности Белоруссии банкротство – это «неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией или прекращением деятельности должника»¹³.

При изучении сути банкротства с позиции юриспруденции выявлено несколько групп мнений, трактующих данный термин как:

1. Юридический процесс:

– юридический состав, под которым понимается совокупность юридических фактов, накопленных в определенном порядке, ведущих к соответствующим юридическим последствиям¹⁴ (Карелина, 2008. С. 48–62; Галкин, 2015. С. 155; Хашимова, 2018. С. 91; Майстренко, Майстренко, 2022. С. 109);

⁹ В период с 1931 по 1991 г. частные предприятия прекратили свою деятельность в СССР, что привело к прекращению применения правовых положений о несостоятельности должников.

¹⁰ О несостоятельности (банкротстве) предприятий. № 3929-І от 19 ноября 1992 г. (утратил силу). (1992). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1250/7d2f4fbe7333c7f5254f542331426e9b4a44d7cd/?ysclid=m413nlymhv831816260

¹¹ О несостоятельности (банкротстве). № 6-ФЗ от 8 января 1998 г. (утратил силу). (1998). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17408/?ysclid=m413xk3voc497259037

¹² Кодекс Украины по процедурам банкротства № 2597-VIII от 18 октября 2018 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.05.2024). (2018). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38934172

¹³ Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь № 415-З от 13 июля 2012 г. (2012). <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11200415>

¹⁴ Например, «А. А. Пахаруков для признания должника несостоятельным предлагает использовать следующий юридический состав: 1) признаки банкротства; 2) отсутствие оснований для оставления заявления о признании должника банкротом без рассмотрения; 3) отсутствие оснований для введения финансового оздоровления; 4) отсутствие оснований для введения внешнего управления; 5) отсутствие оснований для утверждения мирового соглашения; 6) отсутствие оснований для прекращения производства по делу о банкротстве; 7) соответствующее решение арбитражного суда» (Карелина, 2008. С. 53).

– судебный процесс по долговым проблемам юридических или физических лиц (Ванин, Ткачев, 2010);
 – процедура (Суворов, 2020. С. 22; Дарбаков, 2020. С. 99), четко устанавливающая ее участников и регламентирующая их права и обязанности (Котляров, Микульская, 2010. С. 18) или установленный порядок действий по реализации процедур банкротства (Карелина, 2008. С. 48–62);

– юридический процесс, посредством которого финансово неблагополучные фирмы, частные лица или правительства погашают свою задолженность (White, 2007. Р. 4).

2. Элементы юридического процесса (ниже они изложены с момента появления предпосылок банкротства и заканчивая его результатами):

– особое состояние имущества должника, не позволяющее исполнить обязательства перед кредиторами (Карелина, 2008. С. 48–62);

– экономическое состояние (особое состояние, юридический факт) должника, означающее такое состояние его активов и пассивов, которое не позволяет ему рассчитываться по созревшим обязательствам (Карелина, 2008. С. 48–62; Суворов, 2020. С. 22; Майстренко, Майстренко, 2022. С. 109; Акбашева и др. 2023. С. 325);

– неспособность удовлетворить требования кредиторов (Марина, 2018. С. 78; Суворов, 2020. С. 22; Шайхутдинов, 2024. С. 99–100);

– стечение кредиторов, т. е. банкротство наступает, когда кредитор или кредиторы подадут заявление о банкротстве должника (Карелина, 2008. С. 48–62);

– возражение должника против требования об исполнении обязательства (Суворов, 2020. С. 22);

– признанная судом неспособность должника удовлетворить требования кредиторов (Шахова, 2018. С. 28; Ибрагимов, 2018. С. 156; Суворов, 2020. С. 22);

– «степень несостоятельности должника, подтвержденная судебным актом (решением) о введении процедуры конкурсного производства, при которой восстановление способности по полному удовлетворению требований кредиторов по денежным обязательствам и/или исполнению обязанностей по уплате обязательных платежей становится объективно невозможным» (Свириденко, 2011. С. 42);

– производство по делу, где целью являются расчеты с конкурсными кредиторами (Суворов, 2020. С. 22);

– основание для специального режима удовлетворения требований кредиторов (Суворов, 2020. С. 22);

– сам специальный режим удовлетворения требований конкурсных кредиторов (Суворов, 2020. С. 22);

– признанный арбитражным судом статус должника, выражающий невозможность продолжения его деятельности и влекущий его ликвидацию (Улакова, 2020. С. 355);

– форма юридической ответственности, выражающаяся в вынужденном прекращении деятельности должника (Карелина, 2008. С. 48–62);

– разновидность исполнительного производства (Суворов, 2020. С. 22);

– судебное разбирательство по распределению активов неплатежеспособного лица среди его кредиторов¹⁵;

– основание и порядок ликвидации юридического лица (Попова и др., 2016. С. 174; Суворов, 2020. С. 22; Шайхутдинов, 2024. С. 99–100).

3. Методику¹⁶:

– правовой инструмент защиты предприятия и его кредиторов (Жумадилова, 2020);

– управленческая модель (Суворов, 2020. С. 22);

– способ разрешения несостоятельности должника, т. е. действия по восстановлению его платежеспособности (Суворов, 2020. С. 22).

4. Систему:

– система норм, регулирующих специальное производство, рассматриваемое и разрешаемое в рамках арбитражного производства (Колиева, 2021. С. 156);

– система правовых и экономических механизмов, позволяющих государству регулировать процессы банкротства предприятий (Кольцова, Блошенко, 2023. С. 29).

¹⁵ Flynn, W. J. (1976). A Handbook of Canadian Legal Terminology. Ontario: New Press.

¹⁶ Под методикой понимается совокупность методов, приемов и мер, предназначенных для изучения поставленной проблемы, и решения ее путем достижения выбранной единой цели (Манушин, 2015. С. 58–59).

При изучении этих понятий обнаружено, что почти все внимание ученых приковано к исследованию банкротства как одного или нескольких элементов юридического процесса в рамках применения норм о банкротстве. Это связано с тем, что такой подход позволяет лучше всех остальных позиций применить на практике предложенный учеными взгляд на банкротство, четко указав момент начала и завершения банкротства. В результате данную группу мнений следует признать приоритетной с точки зрения юриспруденции. В рамках этой группы высказываний преобладают трактовки банкротства как процесса, начинающегося с момента введения конкурсного производства и заканчивающегося ликвидацией компании.

В результате термины «банкротство» и «несостоятельность» не являются тождественными. В реальности банкротство является частью процесса несостоятельности. Законодатели Украины и Белоруссии, а также многие российские ученые полагают, что банкротство начинается с процедуры конкурсного производства и заканчивается при ликвидации организации (Ле Хоа, 1998; Макарова, 2008; Перфилов, 2018. С. 79). Законодатели Германии и Франции под банкротством понимают злостное банкротство, а банкротство по неосторожности они называют несостоятельностью или неплатежеспособностью. В то же время неочевидны моменты начала и окончания процессов несостоятельности и банкротства и полный комплект элементов, входящий в их состав. В результате дать независимую оценку сути банкротства, несостоятельности и их ключевых элементов можно только после сопоставления этапов банкротства юридического лица с его понятием.

Экономический подход

В настоящее время вопросы неплатежеспособности, как правило, изучаются лишь с экономической позиции. При этом неплатежеспособность обычно трактуют как одну из предпосылок банкротства и почти не упоминают с позиции юриспруденции. Верность этого мнения подтверждается позицией Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, указавшей на недопустимость отождествления способности оплатить долги перед конкретным кредитором и неплатежеспособности¹⁷ (Колиева, Мочалов, 2024). В этой связи в данном исследовании неплатежеспособность не будет рассматриваться как критерий банкротства, а будет восприниматься как среда, в которой находится несостоятельное юридическое лицо.

Многие ученые справедливо указывают на то, что сначала наступает неплатежеспособность, а потом несостоятельность. В качестве критерия несостоятельности часто предлагается использовать такой критерий, как превышение стоимости созревших обязательств над реальной стоимостью ликвидных активов (Суворов, 2020, с. 23, 25). С. А. Карелина полагает, что под несостоятельностью следует понимать наличие неисполненного долга и неспособность последующего восстановления платежеспособности (Карелина, 2008. С. 45–47). Если учитывать только формальные аспекты деятельности организаций, то эти позиции следует признать формально верными, но они не позволяют понять, как соотносятся эти два термина.

Ученые, соотносящие эти понятия, обычно отождествляют несостоятельность и неплатежеспособность (Ле Хоа, 1998; Клюб, 1998).

Независимая оценка неплатежеспособности и несостоятельности позволила заключить, что экономическая суть этих понятий будет тождественна в случае отсутствия на неплатежеспособном предприятии резервов¹⁸ и при неблагоприятной внешней среде. При наличии резервов неплатежеспособная компания станет несостоятельной в момент исчерпания этих резервов или решения собственника о нерациональности сохранения данного бизнеса (даже при введении государством моратория на банкротство за собственником компании сохраняется право ее обанкротить).

Вопросы несостоятельности и банкротства отождествляются многими экономистами. Следует согласиться с С. А. Карелиной в том, что подобная ситуация возникла из-за частого отождествления этих терминов в русском языке, что подтверждается определением значения одного слова через другое во многих словарях (Карелина, 2008. С. 42). Есть юристы, предлагающие отождествлять понятия «несостоятельность» и «банкрот-

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396 по делу № А09-1924/2013. (2016). Бюллетень Верховного Суда РФ. Гарант. <https://base.garant.ru/71315686/>

¹⁸ Например, временных, нематериальных, финансовых и иных материальных резервов, готовности собственника или руководителя компании бороться за сохранение своего бизнеса, наличие способности руководителя к управлению компанией в период явного кризиса, крепости неформальных связей собственника или руководителя с персоналом организации, кредиторами и иными контрагентами.

ство» из-за единства или схожести их сути¹⁹ (Лытова, 2023. С. 55) или полагающие, что эффект от внесения изменений не окупит затраты, понесенные на исправление всех актов, использующих слова «несостоятельность (банкротство)» (Мельник, Матвеева, 2017. С. 68). В то же время для специалистов подобный подход неприемлем, так как суть этих понятий различна, различны и результаты их применения. Следует согласиться с С. А. Карелиной в том, что это не просто дискуссия о словах – она имеет практическое применение (эту позицию поддерживают В. С. Белых, А. А. Дубинчин, М. Л. Скуратовский, А. А. Пахаруков и др.) (Карелина, 2008. С. 43). Дело в том, что в России к банкротам обычно относятся как к безнадежным должникам, которые неизбежно прекратят свою деятельность. В этой связи разграничение несостоятельных компаний и банкротств увеличит число организаций, восстановивших свою платежеспособность.

Мнения, трактующие банкротство с экономической позиции, можно разделить на следующие группы:

1. Трактовки с макроэкономической позиции:

1.1. Неоклассический подход:

– «естественный процесс, позволяющий очистить рынок от неэффективных структур» (Бурганов, 2009. С. 115–116; Закирова, 2024. С. 72);

– инструмент оздоровления рыночной экономики, способ согласования интересов всех участников товарообмена (Островская, 2013. С. 48);

– система передачи богатства между различными группами общества (Османова, 2024. С. 157);

– «провал», «крушение», «упадок»²⁰ (Воронцова, Малюшкин, 2009. С. 116–117);

– механизм, направленный на удаление с рынка неэффективных его участников, стабилизацию уровня финансового состояния должников и защиту прав и интересов кредиторов (Коротченко, 2017. С. 188).

1.2. Институциональный подход:

– процесс перераспределения прав собственности (Бурганов, 2009. С. 117; Осипов, Шульженко, 2023. С. 300);

– система распределения прав собственности (Onakoya & Olotu, 2017. С. 708);

– дисфункциональная конфликтная ситуация (Эрлих, 2014. С. 7–8);

– цивилизованная форма разрешения конфликта, возникшего между кредиторами и должниками²¹ (Амирозда, 2022. С. 193);

– система формальных и неформальных норм взаимодействия субъектов рынка, обеспечивающая экономически приемлемое разрешение конфликтных ситуаций, вызванных несостоятельностью партнера путем ликвидации либо трансформации условий функционирования неэффективного собственника с установкой на санирование экономики в целом (Гаврилова, 2008. С. 51);

– несоответствие институциональной среды внутреннему потенциалу предприятий (Мартиросян, 2021. С. 164);

– институциональная форма несостоятельности (Фролов, 2012. С. 88).

2. Трактовки с микроэкономической позиции:

2.1. Предпосылки и критерии банкротства:

– неспособность должника финансировать текущую операционную деятельность и погасить срочные обязательства из-за нехватки ликвидных активов (Шеремет, Сайфуллин, 1995. С. 78; Мстоян, Мохамед, 2013. С. 66);

– результат хронического состояния, возникающего, когда общие обязательства фирмы превышают ее общие активы, оцененные по справедливой стоимости (Valencia et al., 2019; Makoro, 2019; Chelba & Grosu, 2021);

– состояние неликвидности, обуславливающее неспособность компании выплачивать свои долги, даже если ее активы превышают ее обязательства (Makoro, 2019);

– логическое продолжение незаконного присвоения средств компании (MacCarthy, 2017);

– результат ненадлежащего управления компанией (MacCarthy, 2017; Майоров, 2019. С. 82);

¹⁹ Баренбойм, П. Д. (1995). Правовые основы банкротства: учебное пособие. М.: Белые альвы: ТОО «ТЕИС». С. 59.

²⁰ Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/9550?ysclid=m3znm4nrl391181380>

²¹ Бреславцева, Н. А., Попова Т. Д., Колесникова Е. В. (2018). Управленческий учет в сфере услуг: учебное пособие. М.: Феникс.

- факт финансовой неспособности или нежелания продолжать свой бизнес и выполнять свои обязательства (Mada & Tilahun, 2009);
- нерентабельность бизнеса (Мартиросян, 2021. С. 164).

2.2. Процесс банкротства:

- процесс, направленный на ликвидацию несостоятельного предприятия путем продажи его имущества с целью соразмерного удовлетворения требований кредиторов и исключения должника из госреестра юрлиц (Степанов и др., 2006. С. 69);
- процесс, позволяющий юридическому или физическому лицу официально объявить о своей неспособности выплачивать долги перед кредиторами и реструктуризировать или ликвидировать свои долги²²;
- процедура, в которой сталкиваются должник и гражданско-правовое сообщество его кредиторов (Васильева, 2023. С. 48).

2.3. Результат банкротства:

- распределение активов компании, которых недостаточно для удовлетворения всех требований кредиторов (Onakoya & Olotu, 2017. Р. 708);
- необратимая несостоятельность, при которой должник не может восстановить платежеспособность, а единственный способ расчета с кредиторами – реализация имущества (Коренная, 2021. С. 30);
- конечное состояние существования бизнеса, состояние недостаточности денежных средств, несмотря на сохранение прибыли (Biddle et al., 2020);
- прекращение деятельности компании и ликвидация ее активов (Jennergren, 2013);
- неплатежеспособность, повлекшая отзыв разрешения на ведение деятельности и решение суда о ликвидации банка (Силивончик, 2021. С. 32);
- полное или частичное списание долгов с лица с присвоением ему статуса «банкрот»²³.

Критическая оценка этих позиций позволила заключить, что в настоящее время преобладает неоклассический подход к банкротству, который постепенно дополняется институциональным подходом. При этом ярко выражено понимание банкротства как состава основных элементов процесса банкротства. Представляется, что наличие подобных взглядов на банкротство демонстрирует тесную связь между юридическим и экономическим подходом к пониманию банкротства. С позиции экономики суть банкротства полнее всего отражало бы его понимание как системы, включающей ключевые субъекты, объекты и систему методов, применяемую в определенной последовательности для облегчения взаимодействия субъектов в рамках банкротства. В то же время это понятие усложнило бы понимание практического применения процесса банкротства²⁴. В этой связи объединение экономического и юридического подходов указывает на необходимость понимать под банкротством основные элементы процесса банкротства. Кроме того, следует отметить, что некорректно отождествлять неплатежеспособность и банкротство (Шеремет, Сайфуллин, 1995. С. 78; Силивончик, 2021. С. 32), или ликвидацию компании и ее банкротство (Jennergren, 2013; Силивончик, 2021. С. 32), или банкротство и злонамеренное банкротство (MacCarthy, 2017). Многие из изученных понятий, трактуемых с позиции макроэкономики, являются слишком общими. С тем же успехом под банкротством можно понимать:

- среду, в которой юридические лица поставлены на грань выживания и в зависимости от давления внешней среды, действий контролирующего их лица и сотрудников организации погибают или восстанавливают свою жизнеспособность, приобретая неоценимый жизненный опыт;
- один из проектов, реализуемых арбитражным управляющим;
- неизбежный результат существования неконкурентоспособной компании;
- неблагоприятное стечение обстоятельств для конкурентоспособной компании, существование, которой стало зависеть от субъектов, руководствующихся нормативными актами о банкротстве организаций;

²² Иванов, Д. В. Банкротство физических лиц через суд. Банкрот проект. <https://www.банкротпроект.рф/blog/bankrotstvo-fizicheskikh-lits-cherez-sud/>

²³ Банкротство физлиц в 2023 году – как стать банкротом через МФЦ или суд. (2023, 16 июня). Известия. <https://iz.ru/1529686/2023-06-16/bankrotstvo-fizlitc-v-2023-godu-kak-stat-bankrotom-cherez-mftc-ili-sud>

²⁴ В этом определении процесс банкротства стал бы одним из компонентов системы, в которой основное внимание уделялось бы не ему, а взаимодействию субъектов этой системы.

– нарушение институционального равновесия из-за заметного превышения издержек, возникающих при сохранении текущего статуса-кво над величиной ожидаемых расходов и доходов, которые возникнут в процессе банкротства проблемного контрагента.

В то же время изучение этих определений позволило, во-первых, соотнести их с ключевыми экономическими теориями (рис. 1), а во-вторых, выявить, что часть авторов считают, что в основе этого термина лежит дефиниция «банкрот». В этой связи ниже обобщены мнения об этом понятии:

- сломанный стол (скамья) (досл. пер. с итал. «*Banko rotto*»), или разорившийся должник (литер. пер. с итал.). Однако общепринятый литературный перевод не учитывает публичность ломания стола, так как столы менял (они назывались «банко») находились на одной из городских площадей, рядом с эталонными весами. Правильный перевод: «публичное объявление (официальная фиксация факта) о разорении должника»;
- лицо, не имеющее денежных средств, чтобы уплатить свои долги кредиторам (неплатежеспособное)²⁵;
- лицо, признанное судом неплатежеспособным²⁶;
- предприятие на грани разорения или ликвидации (Васильева, 2018. С. 7);
- должник, в отношении которого принято решение о ликвидации (Ле Хоа, 1998. С. 4);
- ликвидированная компания (Копелев, 2014. С. 111).

При изучении этих понятий можно заметить, что все они являются этапами процесса банкротства юридического или физического лица и раскрывают ряд промежуточных состояний лиц, признаваемых банкротами. Все это подтверждает важность изучения процесса банкротства и необходимость выявления банкротных состояний юридического лица.

По итогам обобщения изученных позиций можно выделить три подхода к пониманию сути банкротства (рис. 1). Единственную схожую попытку систематизировать суть банкротства предпринимал Р. А. Бурганов, но, во-первых, он выделял не понятие, а теорию и концепции, раскрывая их основные признаки, но не выявляя в их рамках какие-либо понятия. Во-вторых, он предлагал другой состав этих концепций: неоклассические, социокультурные и институциональные (Бурганов, 2009. С. 115–118). В-третьих, его социокультурные концепции должны были входить в состав институциональной концепции, так как институционализм изучает взаимосвязь социальных, культурных и иных аспектов с экономикой.

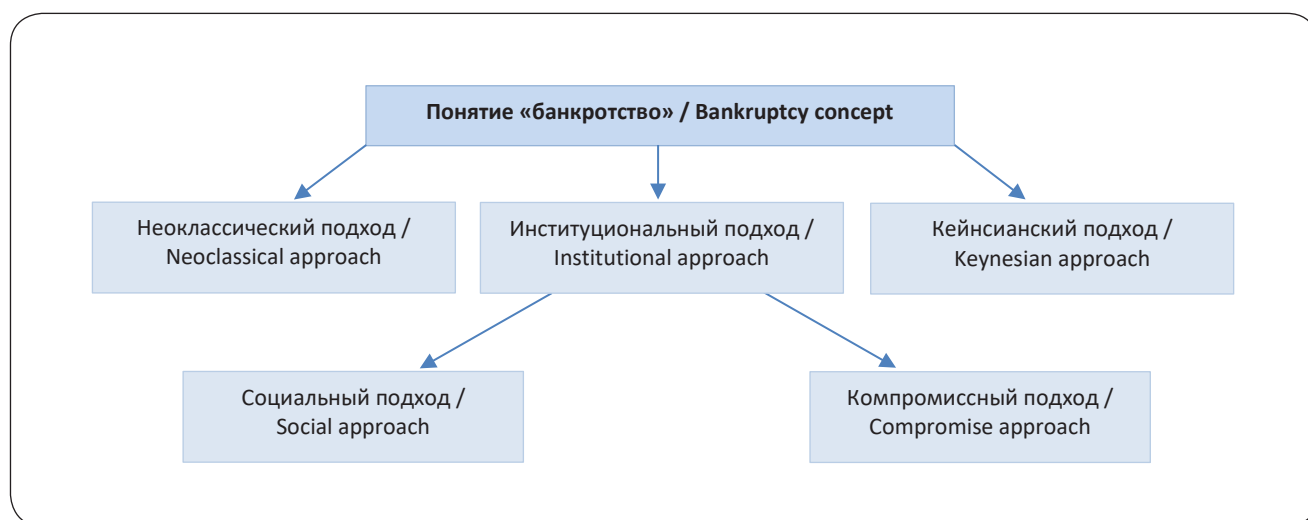

Рис. 1. Понятие «банкротство», основанное на неоклассическом, кейнсианском и институциональном подходах
Fig. 1. Bankruptcy concept based on neoclassical, Keynesian and institutional approaches

²⁵ Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/118>

²⁶ Как произошли слова «банкрот» и «банкротство». <https://novoeblago.ru/raznoe/kak-proizoshli-slova-bankrot-i-bankrotstvo.html>

В основе **неоклассического подхода** к экономике лежит мнение о «невидимой руке», которая сама регулирует рынок без участия государства. Делается допущение, что этот рынок (рынок совершенной конкуренции) подчиняется только формальным правилам и на нем действует лишь экономический человек (абсолютно независимый, абсолютно информированный и абсолютно рациональный эгоист). Основное внимание неоклассики уделяют изучению проблемы распределения ограниченных ресурсов на основе ценового механизма, который, как они полагают, отражает всю необходимую информацию о состоянии рынка.

В настоящее время неоклассический подход наиболее точно отражает процессы, происходящие в рамках банкротства в РФ. Так, государство почти не вмешивается в процессы банкротства в РФ. Из материала И. В. Фролова следует, что прокредиторский подход не применяется к стратегическим предприятиям (для них типичен продолжниковый подход – 175 компаний²⁷) и к банкам (Фролов, 2011) (им присущ прогосударственный подход – 314 кредитных организаций²⁸). В связи с крайне незначительной долей этих компаний в общем числе организаций в РФ следует согласиться с О. А. Львовой и А. Л. Белоусовым в том, что в России ярко выражен прокредиторский подход к банкротству (Львова, 2021; Белоусов, 2024), позволяющий очистить рынок от неэффективных организаций. Все процессы банкротства регулируются формальными правилами, не содержащими механизмы господдержки или соцподдержки несостоятельных компаний (подобная поддержка возможна, но на общих основаниях, когда государство или организации вмешиваются в процесс банкротства как обычные юрлица). В процессе банкротства оценивается только рыночная стоимость активов и обязательств организации и не учитываются политические, социальные, психологические и иные последствия ликвидации компании. В этой связи под неоклассическим подходом к банкротству будет пониматься современный прокредиторский подход, отражаемый в законодательстве о банкротстве.

В основе **кейнсианского подхода** лежит идея о необходимости активного участия государства в развитии и существовании экономики, в том числе в виде инвестиционного и бюджетного финансирования, общественных работ, оптимизации налогообложения и величины процентных ставок. Под кейнсианским подходом будет пониматься прогосударственный подход в законодательстве о банкротстве. В отличие от 1923 г. в 2025 г. в законодательстве о банкротстве присутствуют лишь минимальные проявления прогосударственного подхода. К ним можно отнести введение моратория на банкротство и меры по господдержке предприятий в санкционных условиях.

В основе **институционального подхода** лежит идея о необходимости учета влияния общественных отношений (исторических, политических, социальных, психологических, юридических и иных) на экономику. Традиционный институционализм предполагает изучение экономики методами социальных, психологических, юридических и иных наук. Неинституционализм основан на изучении социальных, политических, психологических, юридических и иных аспектов экономическими методами. Объектом изучения традиционного институционализма являются неформальные правила и социальный человек, которому присущи иррациональность поведения, зависимость от мнения общества, культурных особенностей и традиций (акцент сделан на изучении социальных групп). Объектом изучения неинституционализма являются формальные правила, явные неформальные правила и институциональный экономический человек (относительно независимый, относительно информированный и относительно рациональный оппортунист²⁹) (акцент сделан на изучении индивидов). С позиции институционализма сохранение неэффективных объектов обусловлено наличием такой величины затрат, которая недоступна субъектам, взаимодействующим с ними. Институциональное равновесие нарушается, когда субъектам становится выгодно тратить ресурсы на изменение правил.

В результате в рамках институционального подхода будет выделено два подхода: социальный и компромиссный. В рамках **социального подхода** на первое место в процессе банкротства будут поставлены интересы социума. Под **компромиссным подходом** к банкротству будет пониматься компромисс между прокредиторским и продолжниковым подходами.

²⁷ Профессор Катасонов: «Стратеги» России статус утратили. (2022, 15 ноября). Рамблер. https://finance.rambler.ru/business/49688158/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

²⁸ Банк России. (2025, 1 января). Банковский сектор. https://cbr.ru/banking_sector/

²⁹ Под оппортунистом понимается индивид, стремящийся к личной выгоде с использованием коварства, включающего прощитанные усилия по сбиванию с правильного пути, обману, сокрытию информации и другим действиям, мешающих реализации интересов организации или государства.

В настоящее время социальный подход присутствует в законодательстве о банкротстве лишь в части приоритета как выплат сотрудникам обанкротившегося предприятия или их родственникам в случае их гибели, так и расходов на ликвидацию угрозы возникновения экологической или техногенной катастрофы перед погашением долгов прочих кредиторов.

Компромиссный подход в законодательстве о банкротстве реализуется в основном в рамках заключения мировых соглашений. В связи с невысокой долей заключенных мировых соглашений в России с 2015 по 2024 г. (табл. 1) можно утверждать об относительно несильном влиянии компромиссного подхода на процессы банкротства. В то же время непрерывное и значительное увеличение доли заключенных мировых соглашений указывает на повышение степени влияния компромиссного подхода на должников и кредиторов в процессе банкротства организаций.

Проанализировав табл. 1, можно сделать ряд прогнозов:

- в 2025–2027 гг. кредиторы все больше будут настроены не банкротить должников, а договариваться с ними о вариантах облегчения выплаты ими своих долгов с сохранением их деятельности. Это подтверждают устойчивые закономерности роста доли заключенных мировых соглашений (небольшое падение этой доли в 2024 г. связано с увеличением общего числа банкротств, так как абсолютное число заключенных мировых соглашений с 2020 по 2024 г. непрерывно возрастало);

- при признании должника несостоятельным вероятность реализации в отношении него реабилитационных процедур (внешнее управление и финансовое оздоровление) с каждым годом после 2024 г. будет снижаться (это подтверждают устойчивые закономерности снижения доли введенных реабилитационных процедур). В то же время следует отвергнуть идеи ряда ученых по отмене этих процедур (Петрова и др., 2021), так как даже относительно небольшое число спасенных подобным образом компаний (в 2024 г. их было 81) окупает наличие в ФЗ № 127-ФЗ этих процедур;

- при введении последующих мораториев на банкротство без доработки этой меры в первый год его применения возрастет доля процедур упрощенного банкротства по инициативе должника (это подтверждает факт популярности этой процедуры в период других мораториев на банкротство (с 3 апреля 2020 г. по 7 января 2021 г. и с 28 марта по 2 октября 2022 г.), т. е. в период, когда кредиторы не имели права инициировать дела о банкротстве), а после его завершения вклад упрощенного банкротства в общее число дел о банкротстве в следующем году заметно сократится;

- прокредиторский подход к банкротству, типичный для Российской Федерации минимум с 2015 по 2024 г., будет ужесточаться путем усиления субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. Это утверждение и прогноз подтверждают данные табл. 1, информация О. А. Львовой о том, что процедурой реорганизации в США пользуются 20–32 % компаний-должников, а в прокредиторской Англии – 7–12 % (Львова, 2021. С. 259)³⁰; данные статистики о средней успешности процедуры финансового оздоровления (около 50 % этих процедур переходят на стадию конкурсного производства) и низкой успешности процедуры внешнего управления (около 80 % этих процедур переходят на стадию конкурсного производства)³¹; данные В. Н. Алферова и М. М. Кориговой о том, что восстановление платежеспособности предприятий в период 2014–2017 гг. в среднем в рамках финансового оздоровления происходило в 6,25 % случаев, а на процедуре внешнего управления – в 3,82 % (Алферов, Коригова, 2018). Эти результаты позволяют опровергнуть позиции ученых, которые, опираясь на наличие в РФ реабилитационных процедур банкротства, полагают, что в России продолжниковый (Киракосян, 2020. С. 259; Рябичева и др., 2022. С. 705) или нейтральный (Чернова, 2008. С. 65) подход к банкротству.

³⁰ Важно понимать, что значения для США не сопоставимы с российскими результатами. Так, В. В. Королев и А. Ю. Чупров отмечали, что в США типична ситуация, когда несостоятельный дебитор (неспособный оплатить долги при наступлении сроков платежа) добровольно подает заявление для введения процедуры реорганизации с целью получения моратория (на 120 дней) на взыскание кредиторами долгов компании, за время которого он, сохраняя контроль над своей фирмой, может найти деньги для оплаты своих долгов (в США кредиты, взятые в период банкротства, более приоритетны для погашения, чем кредиты, полученные не на стадии банкротства) (Королев, Чупрова, 2007. С. 45). Из этого следует, что добровольное банкротство в США является частью обычной деятельности компании, которая пользуется им для ликвидации кассовых разрывов в обмен на некоторое снижение своей репутации перед нынешними и будущими кредиторами. В России же должник в состоянии банкротства либо теряет контроль над своим бизнесом, либо утрачивает возможность распоряжаться 95 % активов без согласования с временным управляющим (при введении процедуры наблюдения) или кредиторами (в рамках процедуры финансового оздоровления).

³¹ Кредиторы 70 % должников в РФ не получают ничего в ходе конкурсного производства. (2016, 26 мая). Клерк. <https://www.klerk.ru/law/news/444455/>

Таблица 1

Частота введения разных процедур банкротства по отношению к числу процедур конкурсного производства, %
Table 1. Frequency of various bankruptcy procedures in relation to the number of bankruptcy proceedings, %

Процедуры или этапы банкротства / Bankruptcy procedures or stages	Год / Year									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Конкурсное производство / Bankruptcy proceedings	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Наблюдение / Supervision	78	84	85	80	82	78	83	58	102	72
Мировое соглашение / Composition of creditors	5	6	7	10	12	12	15	18	22	19
Внешнее управление / Receivership	3,3	3,0	2,7	2,1	1,7	1,5	1,5	1,5	1,2	0,8
Финансовое оздоровление / Financial rehabilitation	0,29	0,41	0,24	0,14	0,15	0,22	0,21	0,10	0,12	0,14
Упрощенный порядок банкротства / Truncated bankruptcy proceedings	22	16	15	20	18	22	17	42	-2*	28
Обычный порядок банкротства / Ordinary bankruptcy proceedings	78	84	85	80	82	78	83	58	102*	72

* Доли обычного и упрощенного порядка банкротства за 2023 г. являются некорректными, так как в 2023 г., после завершения моратория на банкротства (2 октября 2022 г.), число процедур конкурсного производства стало меньше числа процедур наблюдения, из-за чего методика их расчета в 2023 г. оказалась несостоятельной. Так, число процедур конкурсного производства в 2023 г. заметно снизилось по сравнению с 2022 г. (на 1 647 процедур), из-за того что должники, хотевшие обанкротиться по упрощенной процедуре, в 2022 г. уже сделали это, а не желающие этого затягивали процесс банкротства, аргументируя возникновением новых обстоятельств, возникших в период моратория на банкротство. При этом число процедур наблюдения заметно возросло в 2023 г. по сравнению с 2022 г. (на 2 307 процедур), из-за того что кредиторы получили возможность обанкротить тех должников (с использованием обычного порядка банкротства), которых они не могли обанкротить в период действия моратория на банкротство.

* The shares of the ordinary and truncated bankruptcy procedures for 2023 are incorrect, since in 2023, after the end of the bankruptcy moratorium (October 2, 2022), the number of bankruptcy proceedings became less than the number of supervision procedures; hence, the methodology for calculating them in 2023 is untenable. For example, the number of bankruptcy proceedings in 2023 decreased significantly compared to 2022 (by 1,647 procedures), because debtors who wanted to go bankrupt under a truncated procedure in 2022 have already done this, and those who did not – delayed the bankruptcy process, referring to the emergence of new circumstances that arose due to the moratorium on bankruptcy. At the same time, the number of supervision procedures increased significantly in 2023 compared to 2022 (by 2,307 procedures), because creditors could bankrupt (using the ordinary bankruptcy procedure) those debtors whom they could not bankrupt during the period of the bankruptcy moratorium.

Примечание: За 100 % взято число введенных процедур конкурсного производства (это самая распространенная процедура банкротства, так как при упрощенном порядке банкротства применяется только эта процедура, а по данным статистики, в рамках обычного порядка банкротства в 80 % случаев после процедуры наблюдения вводится процедура конкурсного производства³²), доля же упрощенного порядка банкротства определена путем вычитания доли процедур наблюдения из доли процедур конкурсного производства. Доля обычного порядка банкротства отождествлена с долей процедур наблюдения, так как эта процедура может быть введена только при обычном порядке банкротства и является самой часто реализуемой процедурой в рамках обычного порядка банкротства.

Note: The number of bankruptcy proceedings introduced is taken as 100% (this is the most common bankruptcy procedure, since it is the only one used in a truncated bankruptcy procedure, and according to statistics, in 80% of cases, bankruptcy proceedings are introduced after the supervision during ordinary bankruptcy). The share of the truncated bankruptcy procedure is determined by subtracting the share of supervision from the share of bankruptcy proceedings. The proportion of the ordinary bankruptcy procedure is identified with the proportion of supervision, since this procedure can only be implied in the ordinary bankruptcy and is the most frequent procedure during the ordinary bankruptcy.

Источники: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. (2021, 31 декабря). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Федресурс опубликовал результаты процедур банкротства за прошлый год. (2024, 14 февраля). Берега Невы. <https://bereganevy.ru/news/fedresurs-opublikoval-rezultaty-procedur-bankrotstva-za-proshlyy-god/>; Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024. (2025, 6 марта). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>; Договориться с кредитором: когда это возможно. (2023, 14 ноября). Право. ru. <https://pravo.ru/story/249688/?ysclid=m3pkuijg18629719080>; Арбитражное судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел. (2024). Судебная статистика РФ. <https://stat.apprpcc.pf/stats/arb/t/41/s/1?ysclid=m3pl215c2j574472701>

Source: Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy. (2021, December 31). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Federal Resource Agency published the results of bankruptcy procedures for the previous year. (2024, February 14). Berega Nevy. <https://bereganevy.ru/news/fedresurs-opublikoval-rezultaty-procedur-bankrotstva-za-proshlyy-god/>; 2024 Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy. (2025, March 6). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>; Settle it with the creditor: when is this possible? (2023, November 14). Pravo.ru. <https://pravo.ru/story/249688/?ysclid=m3pkuijg18629719080>; Arbitration proceedings. Indices of certain categories of cases. (2024). Sudebnaya statistika RF. <https://stat.apprpcc.pf/stats/arb/t/41/s/1?ysclid=m3pl215c2j574472701>

³² Кредиторы 70 % должников в РФ не получают ничего в ходе конкурсного производства. (2016, 26 мая). Клерк. <https://www.klerk.ru/law/news/444455/>

В результате можно сделать прогноз о развитии подходов к пониманию сути банкротства. Так, при неизменности государственной политики в области банкротства организаций будет преобладать и активно развиваться неоклассический (прокредиторский) подход. Институциональный подход будет развиваться лишь в части развития компромиссного подхода. Причем скорость развития неоклассического подхода (в основном в части усиления субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц) будет преобладать над скоростью развития компромиссного подхода.

Уточнение понятий «несостоятельность», «неплатежеспособность», «банкрот», «банкротство», «банкротство юридических лиц»: неоклассический подход

В связи с тем, что многие изученные понятия раскрывали разные элементы этапов банкротства, уточнение понятий «банкротство» и «несостоятельность» будет осуществлено на основе сопоставления сути этих терминов с этапами банкротства и выхода из несостоятельности юрлиц в РФ (рис. 2). Это позволит понять, какие этапы действительно входят в состав изучаемых понятий, с какого момента начинаются и когда заканчиваются процессы, происходящие в рамках исследуемых понятий.

Эта схема работы в наибольшей степени относится к неоклассическому подходу, так как почти все элементы современного законодательства РФ о банкротстве направлены на реализацию прокредиторского подхода.

На рис. 2 полностью раскрыты все ключевые элементы процесса несостоятельности и этапов банкротства должника, соотношение и разграничение сути несостоятельности и банкротства юрлиц, раскрыты правильные взаимосвязи и приоритеты всех элементов этого процесса; предложен новый подход в понимании изучаемых определений.

Новизной рис. 2 является, во-первых, включение этапов «Оценка наличия субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника», «Признание невиновности лиц, контролирующих должника, в его банкротстве», «Взыскание всех или части долгов должника с лиц, его контролирующих» в состав этапов банкротства юридического лица. По мнению авторов всех других источников литературы, процесс банкротства должника заканчивается в момент ликвидации юридического лица.

В ФЗ № 127-ФЗ раскрыты предпосылки ухода от этой позиции. Так, согласно п. 5, 6 ст. 213.28 ФЗ № 127-ФЗ, задолженность, возникшую в результате наступления субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, нельзя списать путем объявления физическим лицом о своем банкротстве. По мнению автора, это свидетельствует о сохранении за этим долгом статуса долга юридического лица, которое возложено до момента его погашения на физическое лицо. В то же время в ФЗ № 127-ФЗ банкротство должника раскрыто лишь до момента ликвидации юридического лица, т. е., несмотря на предпосылки, предложенный автором подход не реализован.

Во-вторых, установление новых приоритетов в реализации этапов банкротства. Так, в этой области на первое место принято выдвигать обычный порядок банкротства, а на второе – упрощенный порядок. В то время как на рис. 2 на втором месте по частоте использования находится этап списания долгов должника, который лишь частично раскрыт в ФЗ № 127-ФЗ (часть его элементов регулируется арбитражной практикой). На четвертом месте находится этап признания платежеспособности должника (он полностью регулируется арбитражной практикой). Снижение частоты реализации этапов банкротства отражено убыванием толщины линий на рис. 2.

Верность предложенных приоритетов подтверждается цифрами, представленными в табл. 1 и на рис. 3.

При изучении рис. 3 сделано допущение, что доля должников – юридических лиц, долги которых списываются при обнаружении их невозможности финансировать процесс банкротства, близка к доле должников с нулевыми активами после инвентаризации, т. е., согласно рис. 3, она составляет в среднем около 39 %. При сравнении цифр из табл. 1 и рис. 3 очевидна верность первых трех авторских приоритетов (сравнение абсолютных цифр из первоисточников за период с 2015 по 2021 г. и за 2024 г. это подтверждает).

Нахождение последнего приоритета на четвертом месте обусловлено тем, что, по статистике, лишь в 0,3 % дел суд отказывается признать должника банкротом³³. Так, неисполнение организацией установленной суммы своих обязательств в течение трех месяцев, по мнению суда, не является основанием для признания

³³ Кредиторы 70 % должников в РФ не получают ничего в ходе конкурсного производства. (2016, 26 мая). Клерк. <https://www.klerk.ru/law/news/444455/>

Fig. 2. Main stages of the bankruptcy implementation model and the exit from insolvency of legal entities in the Russian Federation: clarification of the concepts studied

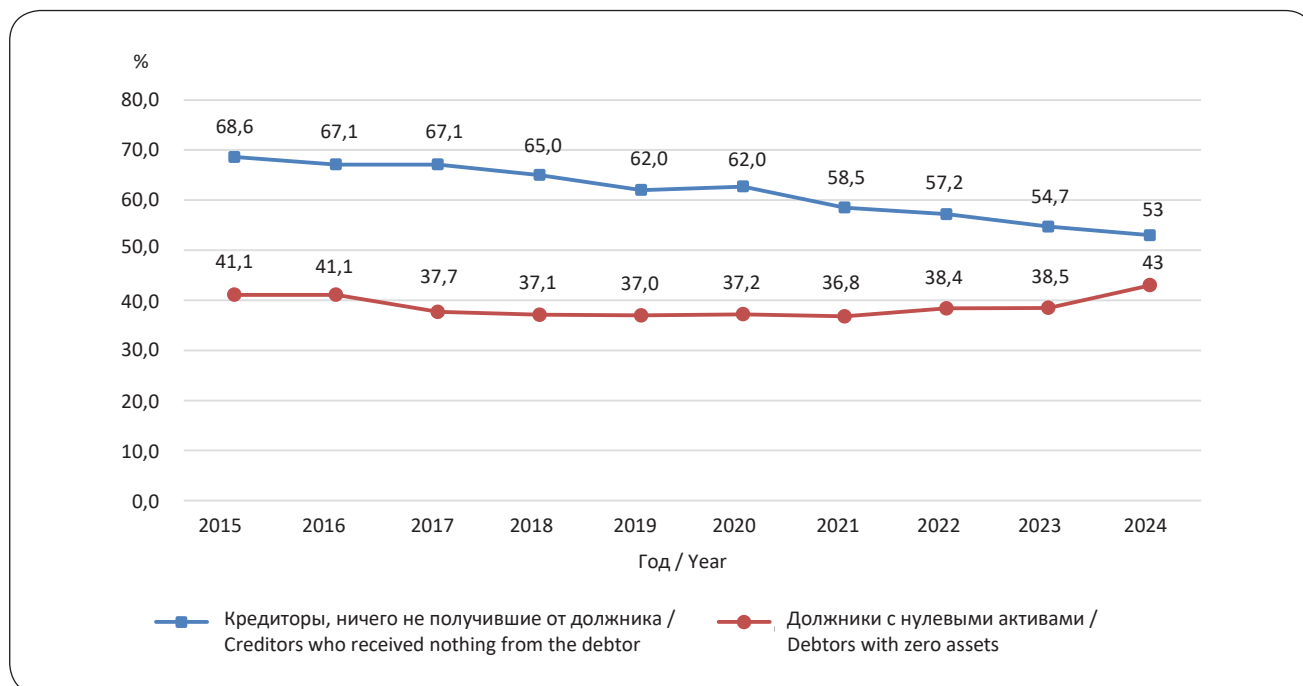

Рис. 3. Доля судебных дел с нулевыми результатами для кредиторов по итогам конкурсного производства

Источники: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству (2021, 31 декабря). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Федресурс опубликовал результаты процедур банкротства за прошлый год. (2024, 14 февраля). Берега Невы. <https://bereganevy.ru/news/fedresurs-opublikoval-rezultaty-procedur-bankrotstva-za-proshlyy-god/>; Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024. (2025, 6 марта). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

Fig. 3. Share of cases with zero results for creditors by the results of bankruptcy proceedings

Source: Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy (2021, December 31). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Federal Resource Agency published the results of bankruptcy procedures for the previous year. (2024, February 14). Berega Nevy. <https://bereganevy.ru/news/fedresurs-opublikoval-rezultaty-procedur-bankrotstva-za-proshlyy-god/>; 2024 Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy. (2025, March 6). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

должника банкротом, если компания является платежеспособной (например, ее высоколиквидная готовая продукция и дебиторская задолженность превышают сумму долга). В этом случае суды могут отказаться признать должника банкротом по формальным признакам³⁴.

В связи с тем, что процессы списания задолженности должников реализуются чаще, чем процедуры упрощенного банкротства, возникает необходимость доработки ФЗ № 127-ФЗ путем регламентации каждой операции процесса списания задолженности. Некоторые из этих операций уже включены в ФЗ № 127-ФЗ (например, гл. 3), но весь процесс списания задолженности до сих пор не раскрыт в данном законе.

В этой связи предлагается повысить значимость такого этапа банкротства, как списание долгов юридического лица при нехватке у него средств для оплаты судебных расходов. Стоит отметить, что подобный этап либо вообще не упоминается учеными и экспертами, либо упоминается мимоходом (преимущественно экспертами) как один из вариантов завершения банкротства юридического лица. В результате данный аспект необходимо **включить в ФЗ № 127-ФЗ в виде ст. 56.2 «Последствия принятия арбитражным судом решения о прекращении производства по делу о банкротстве из-за отсутствия у должника средств для возмещения судебных расходов»**. В ней нужно пояснить механизм списания долгов должника; сообщить,

³⁴ Споры по вопросам банкротства. Из практики работы арбитражных судов по делам о несостоятельности (банкротстве) предприятий (1994, 15 февраля). Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. <https://sudrf.cntd.ru/document/4500045?ysclid=m3zhtkefjs172628885>

когда должник становится банкротом (с даты отклонения судом заявления из-за отсутствия у должника имущества или с даты прекращения производства по делу при выявлении по итогам инвентаризации, что имущества должника не хватает для погашения судебных расходов); указать на право кредитора сделать запрос на оценку допустимости возложения на контролирующих должника лиц субсидиарной ответственности; раскрыть другие элементы процесса списания этих долгов.

Скептики могут спросить, зачем дополнять ФЗ № 127-ФЗ, внося в него весь процесс списания долгов должника, если отсутствующие в нем элементы уже раскрыты в арбитражной практике. Для подтверждения важности этой меры достаточно вспомнить, что возможность возложения субсидиарной ответственности на контролирующих должника лиц появилась еще в 1994 г. (в ст. 56 первой части ГК РФ), позже Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ давали разнообразные пояснения по этому вопросу, и лишь 29 июля 2017 г. данный аспект был внесен в ФЗ № 127-ФЗ. В результате достаточно посмотреть на рис. 5, чтобы убедиться в том, что именно с 2017 г. наблюдается заметный рост частоты привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. В этой связи после внесения всех аспектов списания долгов должника в ФЗ № 127-ФЗ понимание этого механизма улучшится у всех сторон этого процесса, что приведет к большей частоте внедрения данной процедуры, которая будет включать в том числе оценку наличия или отсутствия необходимости возложения субсидиарной ответственности на лиц, контролирующих должника.

Уточненные понятия и ключевые элементы их новизны

В ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ предлагается уточнить понятия «несостоятельность» и «неплатежеспособность», а также дополнить эту статью понятиями «банкрот», «банкротство» и «банкротство юридического лица». Эти понятия предлагается трактовать следующим образом:

1. Банкрот – это должник, неспособный восстановить свою платежеспособность.
2. Банкротство – это состояние несостоятельности должника, неспособного восстановить свою платежеспособность, целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с должника.
3. Банкротство юридического лица – это состояние несостоятельности юридического лица, неспособного восстановить свою платежеспособность, целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с юридического лица и с контролирующих его лиц.
4. Несостоятельность – это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам.
5. Неплатежеспособность – это прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью высоколиквидных средств. При этом недостаточность высоколиквидных средств должника предполагается, если не доказано иное.

В основе новизны понятий «несостоятельность», «банкротство», «банкрот» и «банкротство юридических лиц» лежит ключевая идея об отождествлении несостоятельного должника с должником, имеющим возможность восстановить свою платежеспособность, а банкрота – с должником, неспособным восстановить свою платежеспособность. Сама по себе идея не является новой. Оригинальность авторского подхода заключается в выдвижении новых границ реализации этой идеи. Наиболее ярко они прослеживаются в уточненном термине «банкротство юридических лиц». Так, моментом признания юрлица банкротом должно стать не принятие судом заявления о банкротстве должника или введение конкурсного производства, а установленная невозможность должника восстановить платежеспособность или заключить мировое соглашение со своими кредиторами. В связи с тем, что схожие идеи высказывались другими учеными, новизна этого положения состоит в уточнении формулировки момента признания юрлица банкротом. Моментом завершения банкротства предложено считать не момент ликвидации юридического лица, а момент взыскания всех долгов, которые допустимо взыскать с организации и с контролирующих должника лиц. Изменение момента завершения банкротства является полностью новой идеей.

В связи с тем, что ФЗ № 127-ФЗ содержит положения о банкротстве юридических и физических лиц, понятия «банкрот» и «банкротство» должны быть связаны не только с банкротством юрлиц, но и с банкротством физлиц. Из-за этого установление новых границ использованной идеи не прослеживается в термине «банкрот» и слабо очевидно в термине «банкротство». В этой связи новизна понятия «банкрот» состоит только в уточнении формулировки этого понятия. Новизна понятия «банкротство» состоит в указании границы начала банкротства (момента понимания того, что изучаемый несостоятельный субъект уже никоим

образом не сможет восстановить платежеспособность) и границы окончания банкротства (взыскания всех долгов, которые допустимо взыскать с должника).

В связи с тем, что суть несостоятельности уже отражена в ФЗ № 127-ФЗ, новизной этого понятия станет, во-первых, удаление слов «(банкротство) (далее также – банкротство)» из определения несостоятельности, изложенного в ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ. Во-вторых, устранение казуса, когда из арбитражной практики следует, что несостоятельность наступает в момент принятия судом заявления о признании должника банкротом³⁵, а ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ указывает на то, что несостоятельность наступает в момент признания ее судом. В этой связи новацией является идея скорректировать законодательство о банкротстве так, чтобы компания признавалась неплатежеспособной в период с даты принятия судом заявления о банкротстве до момента признания судом обоснованности или необоснованности этого заявления. В случае признания судом обоснованности этого заявления компания должна сменить статус с неплатежеспособной на несостоятельную. Эту идею подтверждает то, что сейчас при признании судом необоснованности этого заявления компания объявляется платежеспособной и дело о ее банкротстве прекращается.

Новизна понятия «неплатежеспособность»³⁶ состоит в замене слов «денежные средства» на «высоколиквидные средства». Подобная замена возможна, так как в судебной практике есть случаи, когда суды отказывались признавать должника банкротом даже при отсутствии денежных средств для покрытия обязательств с истекшим сроком погашения в ситуации, когда у должника имелись другие активы, легко превращаемые в деньги³⁷.

Обоснование и детализация новизны уточненных понятий, раскрытие их практической значимости

Для лучшего восприятия предложенной новизны порядок ее изложения будет соответствовать процессу банкротства компании.

В отличие от классических позиций законодателей ряда других стран и многих отечественных ученых, отсчитывающих **момент начала банкротства** с введения конкурсного производства, автором данного исследования предлагается захватить только часть данной процедуры (см. рис. 2). Дело в том, что даже в процессе конкурсного производства может быть заключено мировое соглашение, которое способно вывести предприятие из состояния банкротства. Согласно статистике, вероятность заключения мирового соглашения на процедуре конкурсного производства составляет 2 %³⁸. С одной стороны, это очень малая величина. С другой – в среднем с 2015 по 2024 г. частота введения финансового оздоровления в РФ составляла 0,2 %, а внешнего управления – 1,9 % (см. табл. 1). В этой связи величина в 2 % является достаточной, чтобы часть процедуры конкурсного производства именовать должника несостоятельным, а не банкротом.

Для реализации этой идеи предлагается внедрить один из двух изложенных ниже вариантов. Оба варианта будут основаны на изложенной выше ключевой идее о том, что юридическим составом фактов перехода от состояния несостоятельности к состоянию банкротства станет отсутствие оснований для введения реабилитационных процедур (на стадии конкурсного производства невозможность их введения уже обоснована) и для подписания мирового соглашения.

Первый вариант основан на формальном подходе. В его рамках предполагается введение дополнительного документа – отчета конкурсного управляющего о возможности или невозможности заключения мирового соглашения между должником и кредиторами. Моментом переименования должника из несостоятельного

³⁵ Постановление Пленума ВАС РФ № 35 от 22.06.2012 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». (2012). <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/18100/?ysclid=m5tly4fnkt854695863>

³⁶ Согласно ст. 2 ФЗ № 127-ФЗ, «неплатежеспособность – прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное».

³⁷ Споры по вопросам банкротства. Из практики работы арбитражных судов по делам о несостоятельности (банкротстве) предприятий. (1994, 15 февраля). Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. <https://sudrf.cntd.ru/document/4500045?ysclid=m3zhtkefjs172628885>

³⁸ Кредиторы 70 % должников в РФ не получают ничего в ходе конкурсного производства. (2016, 26 мая). Клерк. <https://www.klerk.ru/law/news/444455/>

в банкротства станет момент принятия судом отчета, в котором конкурсный управляющий укажет на невозможность заключения мирового соглашения между должником и кредиторами.

Второй вариант основан на неформальном подходе. Так, известно, что в реальности средний срок конкурсного производства в 2015 г. составил 1,55 года (567 дн. / 365 дн.), а в 2024 г. был равен 3,23 года (1 179 дн. / 365 дн.) (рис. 4). Эти сроки существенно превышали максимально возможную продолжительность этой процедуры, указанную в ФЗ № 127-ФЗ (1 год).

По статданным, в 2015 г. при отсутствии активных недружественных кредиторов и лояльности арбитражного управляющего сроки банкротства составляли около 1,25 года³⁹. Исходя из предположения, что при активных недружественных кредиторах и нелояльности арбитражного управляющего собрание кредиторов и должник не смогут заключить мировое соглашение, можно предположить, что мировое соглашение, если и заключается на процедуре конкурсного производства, то делается это в течение первого года.

В этой связи вторым вариантом действий станет предложение считать несостоятельного должника банкротом через год после введения процедуры конкурсного производства.

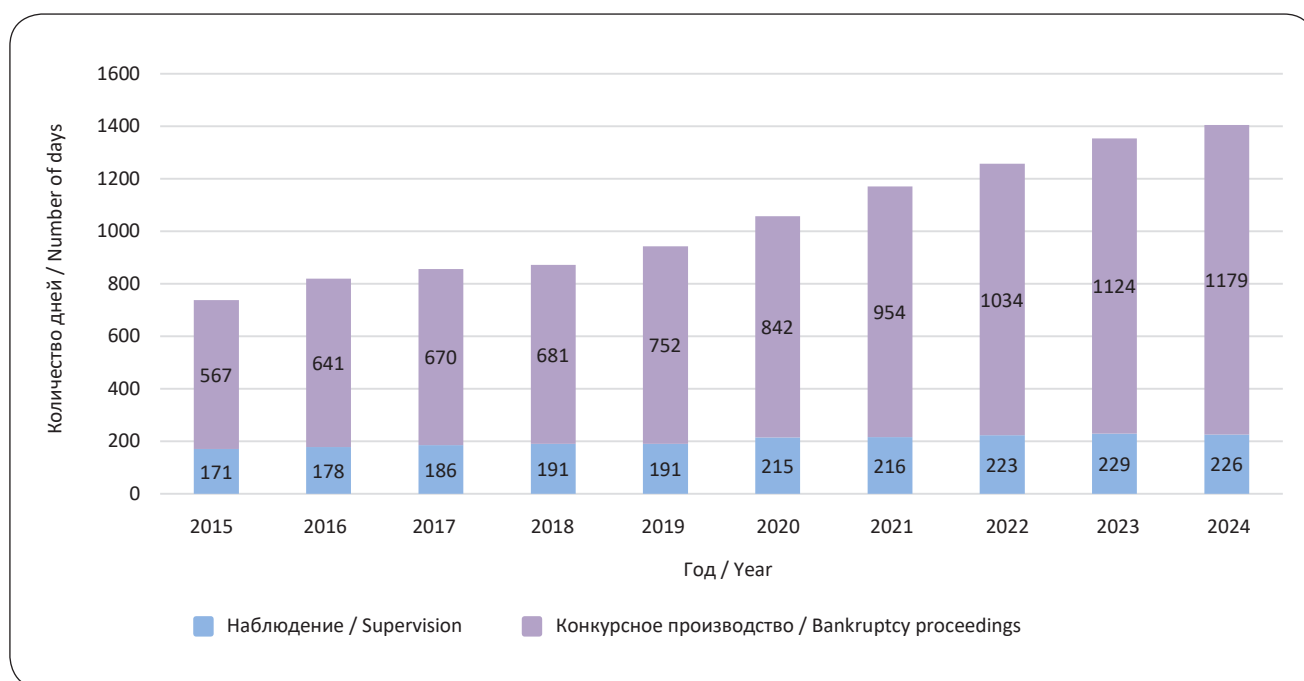

Рис. 4. Средняя продолжительность процедур банкротства юрлиц, дни

Источники: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. (2021, 31 декабря). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Федресурс опубликовал результаты процедур банкротства за прошлый год. (2024, 14 февраля). Берега Невы. <https://bereganevy.ru/news/fedresurs-opublikoval-rezultaty-procedur-bankrotstva-za-proshlyy-god/>; Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024. (2025, 6 марта). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

Fig. 4. Average duration of bankruptcy procedures for legal entities, days

Source: Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy. (2021, December 31). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Federal Resource Agency published the results of bankruptcy procedures for the previous year. (2024, February 14). Berega Nevy. <https://bereganevy.ru/news/fedresurs-opublikoval-rezultaty-procedur-bankrotstva-za-proshlyy-god/>; 2024 Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy. (2025, March 6). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

³⁹ Методические рекомендации Комитета по оценочной деятельности Ассоциации банков Северо-запада. По оценке стоимости долгов непубличных компаний. (2016, 22 марта). <https://rgud.ru/documents/Методические%20рекомендации%20по%20оценке%20стоимости%20долгов%20непубличных%20компаний.pdf?ysclid=m5tm1mfyt0403563946>

В результате суд и кредиторы будут считать должника не банкротом, а несостоятельным должником до момента признания невозможности заключения с ним мирового соглашения в рамках конкурсного производства. Это увеличит число должников, которые смогут перейти к финансовому оздоровлению, внешнему управлению или заключить мировое соглашение в процессе процедур банкротства, а потом восстановить свою платежеспособность, а также позволит суду более точно сформировать свою позицию по отношению к должнику. Уверенность в подобном исходе основана на результатах исследований, подтверждающих, что внешняя среда оказывает существенное влияние на личность и ее решения. Так, Л. В. Малышева сообщает, что вклад влияния генов и внешней среды на личность составляет примерно по 50 % (Малышева, 2008. С. 363). А. С. Алдекен с соавт. указывают на то, что влияние генов на личность составляет 20–60 %, а остальное влияние оказывается внешней средой (Алдекен и др., 2024. С. 72). В этой связи предложенная новация, повлияв на изменение отношения к должнику (до момента признания его банкротом к нему будут относиться как к должнику, который еще способен стать платежеспособным), уменьшит число банкротств. Это связано с тем, что, когда окружающие верят в возможность решения должником своих проблем, вероятность их решения будет выше, чем когда окружающие будут уверены, что единственным выходом из сложившейся ситуации будет распродажа должником своего имущества.

В отличие от позиций множества исследователей **моментом завершения банкротства** предлагается считать не момент ликвидации юридического лица, а момент взыскания всех долгов, которые допустимо взыскать с организации и с контролирующих должника лиц. Проблема принятия этой позиции связана с инерцией мышления, из-за которой другие ученые не учитывали, что доли принятых и удовлетворенных судом заявлений о признании субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц постепенно увеличились от крайне низких до весьма высоких (рис. 5).

В результате сейчас процесс банкротства юридического лица, как правило, не заканчивается в момент ликвидации организации, а продолжается, пока кредиторы не смогут взыскать все долги, которые допустимо взыскать с контролирующих должника лиц. Основанием продления данной процедуры до предложенного момента является одинаковая экономическая сущность конкурсного производства и субсидиарной ответственности – удовлетворение требований кредиторов путем продажи имущества должника.

К проблемам применения российских норм о субсидиарной ответственности должника можно отнести:

- п. 10 ст. 61.11 ФЗ № 127-ФЗ об обязательности доказательства своей невиновности контролирующего должника лица не всегда применяется на практике. Как отмечает С. Прокопьев, Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ придерживаются противоположных позиций по поводу того, должен ли должник доказывать сам свою невиновность⁴⁰ или его вину должны доказать кредиторы⁴¹. В итоге арбитражные суды принимают разные решения в схожих ситуациях⁴²;

- по данным О. А. Львовой, реальная исполнимость решений в отношении лиц, контролирующих должника, составляет около 5 %, а права требований к этим лицам продаются с огромными скидками. Это обусловлено долгим периодом между признанием должника банкротом и возникновением субсидиарной ответственности, сложностью обнаружения имущества контролирующих должника лиц, отсутствием стандартных инструментов для фиксации «объективного банкротства» (Львова, 2021. С. 259).

Кроме того, принимая экономический критерий в качестве основы отнесения или неотнесения того или иного действия к процедуре банкротства, можно утверждать, что преднамеренное и фиктивное банкротство являются частью сути банкротства, так как одним из итогов их обнаружения является взыскание долгов со злонамеренных должников в пользу их кредиторов (в том числе в пользу государства при наличии долгов перед госструктурами). Подобный подход не является полностью новым, так как многие ученые предлагали отно-

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук». (2021). <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21052021-n-20-p/?ysclid=m42dnqs0ml749359276>

⁴¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2023 № 307-ЭС22-18671 по делу № А56-64205/2021. (2023). <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30012023-n-307-es22-18671-po-delu-n-a56-642052021/?ysclid=m42dpj5e8k992568376>

⁴² Прокопьев, С. (2023, 28 августа). Субсидиарная ответственность. О чем говорят цифры и судебная практика? [zakon.ru. https://zakon.ru/blog/2023/08/28/subsidiarnaya_otvetstvennost_o_chem_govoryat_cifry_i_sudebnaya_praktika](https://zakon.ru/blog/2023/08/28/subsidiarnaya_otvetstvennost_o_chem_govoryat_cifry_i_sudebnaya_praktika)

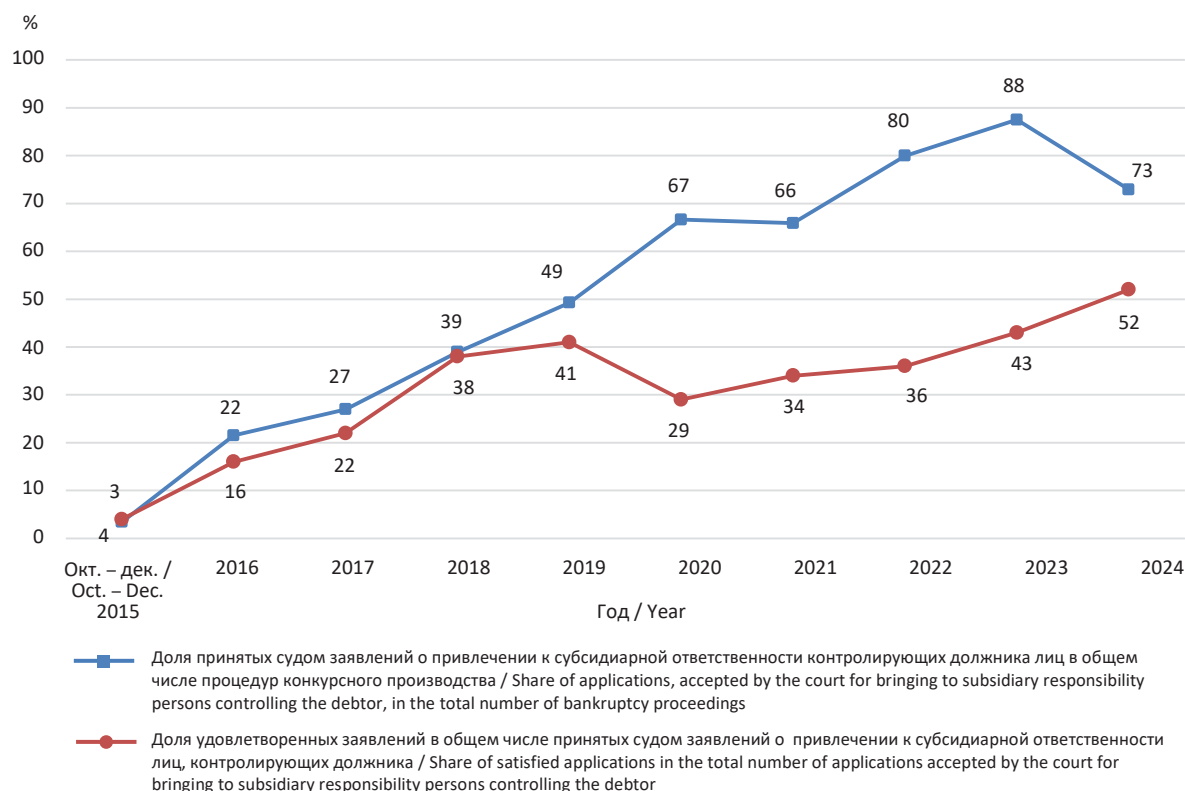

Рис. 5. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника

Fig. 5. Subsidiary liability of persons controlling the debtor

Источники: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству (2021, 31 декабря). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024. (2025, 6 марта). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

Source: Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy (2021, December 31). <https://www.urso.ru/01.01.09.01/1136>; 2024 Statistical bulletin of the Federal Resource Agency for bankruptcy. (2025, March 6). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

силь вопросы несостоятельности к гражданско-правовой сфере, а банкротство к уголовному законодательству (например, Г. В. Шершеневич, М. И. Кулагин, П. П. Цитович, Е. А. Васильев, В. В. Степанов, В. В. Зайцева, В. Н. Ткачев и др. (Жильцова, Страхов, 2021)). В то же время вместо разделения этого термина по отраслям права автором предложен экономический критерий, позволяющий включить в состав этого понятия многие аспекты, в том числе и уголовно-правовые положения банкротства.

В результате ключевым элементом научной новизны рис. 2 является включение в понятие «банкротство» оценки наличия или отсутствия субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника и при наличии этой ответственности, взыскание долгов компании с контролирующих ее лиц. Все другие ученые и законодатели завершением банкротства предлагают считать ликвидацию юридического лица.

Практическая значимость предложенной новизны состоит в том, что, во-первых, прямое указание на то, что банкротство завершится не после ликвидации компании, а после справедливого взыскания долгов с контролирующих должника лиц, заставит их более ответственно относиться к деятельности контролируемых ими компаний. Это в свою очередь приведет к сокращению числа банкротств. Во-вторых, принятие единства действий в рамках конкурсного производства и взыскания долгов в рамках субсидиарной ответственности

приведет к признанию необходимости проведения опережающей инвентаризации имущества контролируемых должника лиц в начале процесса банкротства, для своевременной фиксации этой информации на случай признания их виновными в банкротстве должника.

Уточнение понятий «банкротство», «банкрот», «банкротство юридических лиц»: кейнсианский подход

В основе этого подхода лежит прогосударственный подход, в рамках которого каждая организация, вошедшая в состояние несостоятельности, должна быть оценена на предмет необходимости спасения ее государством или получения иного варианта господдержки. Компании, которые государство решит поддержать, будут называться особо важными компаниями. В современной санкционной среде создания особых условий только для стратегических и сельскохозяйственных компаний уже недостаточно. Так, компания может быть не стратегической или относиться к другой сфере деятельности, но являться критически важной для успешного импортозамещения в РФ. В современных условиях завершения перехода от сырьевой к индустриальной экономике (Манушин, 2024a; 2024b; 2024c; Манушин и др., 2023a) к таким направлениям деятельности можно отнести: нано- или микроэлектронику (Тимириясов и др., 2009; Сергеев, 2009; Манушин и др., 2023b), цифровые технологии (Рыболовлева и др., 2011; Лисенкова, 2021; Пугачева и др., 2022; Имашева, Крамин, 2022; Оборин, 2022; Аламов и др., 2022; Титова и др., 2023; Гасанов, 2023; Малкина и др., 2025), вооружение, химическую отрасль, нефтедобычу (Пугачева и др., 2021), машиностроение (Пугачева и др., 2020), высокотехнологичную (Gumerova et al., 2019, Уварова, Старикова, 2022) или инновационную (Оборин, 2020a; Shinkevich et al., 2021; Маньковский, 2022) продукцию, фармацевтику (Оборин, 2020b), деятельность в области госзакупок (Крамин и др., 2015; Крамин и др., 2017), социальную и/или спортивную деятельность (Ларионова, 2008; Ларионова, 2010a; Ларионова, 2010b; Kramin et al., 2014a; Kramin et al., 2014b; Климанова, 2022; Апполонова и др., 2024).

Возможность применения кейнсианского подхода для уточнения изучаемых понятий подтверждает наличие некоторых проявлений прогосударственного подхода в российском и международном законодательстве, связанном с банкротством.

Так, в зарубежном праве в особую группу выделяют кредитные и некредитные финансовые организации (в первую очередь банки), к которым часто применяют правило *too big to fail* («слишком велик, чтобы рухнуть»). Оно ограничивает перечень субъектов, способных подать заявление о банкротстве некредитных финансовых организаций. В ряде стран кредиторы лишены такого права и могут лишь обратить внимание регулятора на неплатежеспособность должника. В этих странах (например, Англия, Германия) начать процедуру банкротства должника могут лишь соответствующие структуры (например, *Bank of England* (Центральный банк Англии) или *Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht* (Федеральное управление финансового надзора Германии)). В то же время кредиторы могут участвовать в процессе банкротства такого должника. Так, в Швейцарии кредиторы с объемом требований более 0,5 % от общей суммы долгов должника могут наложить вето на план реструктуризации, предложенный регулятором. В этом случае в отношении некредитной финансовой организации вводится ликвидационная процедура. Во Франции план реструктуризации долга такого должника должен быть одобрен большинством голосов каждого класса кредиторов⁴³.

К недостаткам этого правила следует отнести: его отраслевую направленность (оно ориентировано в основном на банки); применимость только к большим по размеру компаниям; участие государства во многом заключается в установлении индивидуальных критериев банкротства для таких компаний и в возможности разработать особый план реструктуризации их долгов, который может быть отвергнут кредиторами.

В России часть госкомпаний выведены из-под действия ФЗ № 127-ФЗ (Е. В. Яковенко, опираясь на ряд законов, в их число включает Росавтодор, Росатом, Ростех, Роскосмос и ряд фондов (Ардизинба и др., 2023. С. 48)).

В то же время официальное исключение этих компаний из числа объектов, регулируемых ФЗ № 127-ФЗ, сохраняет прокредиторскую направленность этого закона. Учитывая малое число компаний, исключенных подобным образом из сферы действия ФЗ № 127-ФЗ, можно заключить, что законы, указанные Е. В. Яковенко, несущественно влияют на общее состояние и развитие российской экономики.

⁴³ Банкротство некредитных финансовых организаций. Необходимость реформы. (2018). АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований». https://iclrc.ru/storage/events_materials/23/%D0%A1%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0-%D0%9A%D0%A1-%D0%9D%D0%A4%D0%9E_1649347792.pdf

Уточнение изучаемых понятий

В этой связи предлагается следующая трактовка изучаемых понятий:

1. Банкрот – это должник, неспособный восстановить свою платежеспособность и не получивший статус «особо важный для государства».

2. Банкротство – это состояние несостоятельности должника, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с должника.

3. Банкротство юридического лица – это состояние несостоятельности юридического лица, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с юридического лица и с контролирующих его лиц.

Помимо элементов новизны, раскрытых в рамках неоклассического подхода, новизной всех этих понятий является добавление статуса «особо важный для государства». Во всех других изученных исследованиях (в том числе изложенных в представленном выше обзоре) не предложено подобным образом учитывать интересы государства в процессе банкротства организаций. Так, ученые, настаивающие на учете интересов государства в процессе банкротства, ограничивались идеями о необходимости изменения законодательства о банкротстве (Исаков, 2009; Климушкин, 2024), но не допускали мысли об особом участии государства в процедурах банкротства. Сам по себе прогосударственный подход к банкротству частично раскрыт в данной статье при изучении ГПК РСФСР от 1923 г. (более подробно он изложен в исторических исследованиях (Фольгерова, 2010)).

Преимуществами предложенного подхода являются:

– возможность его применения к любым по видам деятельности и размеру организациям. Так, в условиях санкций и импортозамещения ключевым предприятием может оказаться относительно небольшая компания, выпускающая уникальную для России продукцию⁴⁴. В настоящее время, помимо организаций, упомянутых Е. В. Яковенко (Ардицинба и др., 2023. С. 48), под особым надзором находятся предприятия, связанные с выпуском военной продукции и товаров двойного назначения, а внимание остальным компаниям уделяется по остаточному принципу;

– переход от поиска и выведения организаций из-под действия ФЗ № 127-ФЗ в «ручном» режиме к автоматизированному;

– переход от выделения неприкосновенных компаний «сверху» к возможности получения статуса «особо важный для государства» «снизу». Специалистам по институциональной экономике известно, что эффективность установленных и контролируемых «сверху» правил существенно ниже, чем в ситуации, когда эти правила поддерживаются организациями «снизу». В этой связи предложенное дополнение позволит объединить воздействие «сверху»⁴⁵ и «снизу»⁴⁶ и добиться гармоничного управления несостоятельными предприятиями в условиях санкций и импортозамещения.

Практическая значимость предложенного уточнения состоит в добавлении моратория на банкротство в состав процедур несостоятельности (банкротства). Так, в процессе процедуры «наблюдение» любой должник должен иметь право обратиться к соответствующим государственным структурам с целью присвоения ему статуса «особо важный для государства». В связи с длительностью этой процедуры (см. рис. 4) времени для оценки возможности или невозможности присвоения ему этого статуса должно хватить. В случае отказа государства процесс банкротства пойдет по стандартному сценарию. Если государство наделит должника статусом «особо важный для государства», то должен быть введен мораторий на банкротство данной организации на

⁴⁴ Например, российская компания АО «Монокристал» является уникальным производителем самых больших искусственных сапфиров в мире. По размеру выручки в 2023–2024 гг. она находилась на границе между средней по размеру компаний и крупной (около 2 млрд руб.). По числу сотрудников она превышает нижнюю границу для крупных компаний (250 чел.) примерно в три раза (в 2024 г. – 780 чел.). В то же время цены на искусственные сапфиры продолжают падать, и АО «Монокристал» в 2021–2024 гг. является убыточным, т. е. находится в группе компаний, близких к банкротству.

⁴⁵ В виде назначения государством неприкасаемых для банкротства предприятий.

⁴⁶ В виде самовывыживания организаций в состав неприкасаемых для банкротства компаний или перехода к «продолжниковому» подходу в рамках банкротства этих предприятий.

срок до полугода с возвращением должнику права распоряжаться имуществом компании под наблюдением государственного управляющего. Государственный управляющий должен иметь право продлить этот мораторий на срок не более одного года (в случае если должник успешно реализует установленные государством планы и приоритеты и обнаружена благоприятная тенденция в области погашения долгов перед кредиторами). Кроме того, государство должно определиться с составом мер господдержки данной компании. Так, помимо стандартной судебной рассрочки, фирме могут быть предоставлены субсидия, госкредит (в виде нескольких траншей, чтобы получение каждого транша осуществлялось после достижения установленных государством этапов развития предприятия) или другие варианты господдержки (например, выкуп государством данного предприятия с погашением его долгов перед кредиторами).

Введение моратория на банкротство в состав процедур банкротства повысит качество управления несостоятельными предприятиями. Так, современная практика введения массового моратория на банкротство справедливо критикуется учеными, в том числе за формальный подход к определению «мораторных должников», отсутствие контроля над имуществом должника, концентрацию только на одной реабилитационной мере «судебная рассрочка» (Карелина, 2021); усугубление противоречий (Манушин, 2016) и проблем в российской экономике из-за значительного падения платежной дисциплины во всех организациях, а не только в предбанкротных (Дорожинская, 2022). В этой связи индивидуальный подход к каждой потенциально особо важной для государства компании решит выявленные в этой области проблемы. Для предотвращения массовых запросов на мораторий от предприятий, очевидно не являющихся особо важными для государства, необходимо установить соответствующие автоматические фильтры (например, принадлежность к конкретным видам экономической деятельности, использование предприятием уникальных для России технологий, дефицит продукции или услуг фирмы на российском рынке и т. п.), позволяющие подать подобный запрос лишь действительно особо важным для государства организациям. Кроме того, полезным будет установление госпошлины за право на подобный запрос, которая будет компенсировать время, потраченное госслужащим на проверку права данной компании на получение указанного статуса.

Уточнение понятий «банкротство», «банкрот», «банкротство юридических лиц»: институциональный подход

Компромиссный подход может быть реализован путем более активного участия государства в процессах банкротства. Так, в рамках предложенного выше моратория на банкротство государство может предоставить гарантии кредиторам и должнику, что повысит их доверие друг к другу и, соответственно, шансы на заключение мирового соглашения.

Кроме того, важно повышать прозрачность реальных взаимодействий должников и кредиторов. Так, общеизвестно, что всегда есть некоторое расхождение между субъективным восприятием реальности и объективной действительностью. Это видение хорошо проецируется на ситуацию банкротства, так как ожидания кредиторов и реальные результаты банкротства их контрагентов часто не совпадают. В этой связи представителям суда предлагается на первом судебном заседании предоставлять сторонам актуальную статистику результатов банкротств организаций в России. Например, процент кредиторов, получающих хоть что-то в процессе банкротства (рис. 3); долю удовлетворенных требований кредиторов (в 2019–2024 гг. она составляла: 5,2; 4,5; 3,5; 6,8; 9,9; 7,9 %⁴⁷); долю кредиторов, взыскивающих всю сумму долга с должника. Ожидается, что это повысит вероятность заключения мирового соглашения между сторонами конфликта.

Полезным действием является снижение транзакционных издержек на получение ключевой информации как должником, так и кредитором. Конечно, большую часть этой информации они могут найти сами, но вероятность того, что они будут заниматься этим, является низкой. В этой связи представители суда могли бы предоставлять сторонам процесса банкротства также подборку информации о процессе и результатах успешных мировых соглашений, реабилитационных процедур и т. п.

⁴⁷ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024. (2025, 6 марта). <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185>

В связи с преобладанием в России прокредиторского подхода в первое время компромиссный подход должен быть направлен на усиление продолжникового подхода до момента возникновения баланса между ним и прокредиторским подходом. В то же время не рекомендуется копировать схемы США по списанию долгов законопослушных должников и предоставление им возможности начать бизнес заново (программа «свежий старт»). Это связано с тем, что при появлении некоторых трудностей должники, зная о такой возможности, не будут бороться за существование их нынешней фирмы, надеясь на господдержку в рамках повторного старта их бизнеса. Для устранения этой проблемы предлагается такую господдержку оказывать выборочно (в рамках публичного конкурса), опираясь на психотип личности собственника (руководителя) бизнеса, его способность руководить фирмой, отсутствие подозрительных обстоятельств банкротства компании.

В результате компромиссный подход тоже может отражаться в соответствующих определениях формулировкой «особо важный для государства», но под ней, во-первых, будет пониматься не только полезность для государства самого бизнеса, но и полезность его собственника (руководителя) с точки зрения открытия им нового бизнеса, развивающего российскую экономику. Для снижения степени субъективности чиновничьих оценок и возможных злоупотреблений (Сергеев, 2013; 2014; Манушин, Нуреев, 2022) предлагается в критерии оценки включить отзывы ряда кредиторов, поставщиков и основных клиентов обанкротившейся компании. Предложенное дополнение обуславливает необходимость добавить указание на то, что собственник (руководитель) важен не только для государства, но и для социума, который окружает данного лидера.

Во-вторых, при подаче заявления о моратории на банкротство должна быть предоставлена возможность для поставщиков, основных покупателей и других контрагентов прокомментировать необходимость подобной господдержки. Этот процесс лучше автоматизировать, завязав факт подачи такого заявления с автоматическим оповещением основных контрагентов компании о возможности высказать свою позицию по этому вопросу (например, через личный кабинет организации или госуслуги).

Социальный подход включает в себя не только учет социальных приоритетов государства, реализуемых им в рамках социальной политики, но и непосредственное участие населения и негосударственных фондов в интересных или полезных для них проектах. В настоящее время подобные схемы уже реализуются, например, в рамках краудфандинговых проектов. В этой связи основной формой поддержки государством социальных проектов могла бы стать их популяризация. В связи с тем, что информирование населения о социальных проблемах отдельных людей государством уже осуществляется (например, когда предлагается помочь в оплате операции для какого-либо ребенка), в эти схемы господдержки могут быть включены и разнообразные социальные проекты. В результате в рамках социального подхода должны поддерживаться не только социальные проекты государства, но и проекты, важные для социума страны.

Уточнение изучаемых понятий

В этой связи предлагается следующая трактовка изучаемых понятий:

1. Банкрот – это должник, неспособный восстановить свою платежеспособность и не получивший статус «особо важный для государства или социума».

2. Банкротство – это состояние несостоятельности должника, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства или социума», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с должника.

3. Банкротство юридического лица – это состояние несостоятельности юридического лица, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства или социума», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с юридического лица и с контролирующих его лиц.

Научной новизной уточненных понятий, помимо предложенных выше элементов новизны, является добавление слов «особо важный для государства или социума». Это дополнение другими учеными не предлагалось. В исследованиях на схожие темы их авторы ограничивались раскрытием лишь негативных социальных последствий банкротства (Шувалов, 2021; Трушина, 2020) или факторов, влияющих на него (Осипов и др., 2024). Термины «банкротство», раскрывающие это понятие с использованием институционального подхода, указанные в представленном выше обзоре этой дефиниции, не содержат аспектов, добавленных автором в эти понятия.

К преимуществам уточненных понятий из этого подраздела перед понятиями, предложенными в рамках кейнсианского подхода, следует отнести:

- более тщательный отбор должников, которые могут получить помощь от государств (с учетом мнения социума, окружающего должника);
- получение дополнительных возможностей финансирования несостоятельной компании от населения (в том числе по краудфандинговым схемам);
- повышение числа заключенных мировых соглашений. Так, получение должником дополнительных возможностей снизит степень давления на него кредиторов, которые для получения нужных им результатов будут более склонны договариваться с должником, а не банкротить его;
- предоставление возможности обанкротившемуся должнику начать новое дело при наличии поддержки его социумом.

При этом следует отметить важность сохранения в институциональном и кейнсианском подходах элементов неоклассического подхода (по коррекции границ начала и окончания банкротства). Это связано с тем, что при их реализации, с одной стороны, восстанавливается социальная справедливость (субсидиарная ответственность возлагается лишь на злонамеренных банкротов), а с другой – снижается число банкротных компаний, чему будет способствовать улучшение отношения к должнику в течение длительного времени в процессе прохождения им процедур банкротства.

Результаты уточнения понятий «банкрот», «банкротство», «банкротство юридических лиц», «неплатежеспособность», «несостоятельность»: неоклассический, кейнсианский и институциональный подходы

Все уточненные определения можно представить в табл. 2.

Таблица 2

Основные понятия, связанные с банкротством, уточненные в рамках неоклассического, кейнсианского и институционального подходов

Table 2. Basic concepts related to bankruptcy in the neoclassical, Keynesian and institutional approaches

Понятия / Concepts	Неоклассический / Neoclassical	Кейнсианский / Keynesian	Институциональный / Institutional
Неплатежеспособность / Non-creditworthiness	Прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью высоколиквидных средств / Termination of the debtor's performance of a part of monetary obligations or obligations to pay mandatory payments caused by insufficiency of highly liquid funds		
Несостоятельность / Insolvency	Признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам / The debtor's inability, recognized by the arbitration court, to fully satisfy creditors' claims for monetary obligations		
Банкрот / Bankrupt	Должник, неспособный восстановить свою платежеспособность / A debtor who is unable to restore their ability to pay	Должник, неспособный восстановить свою платежеспособность и не получивший статус «особо важный для государства» / A debtor who is unable to restore their solvency and has not received the status of "particularly important to the state"	Должник, неспособный восстановить свою платежеспособность и не получивший статус «особо важный для государства или социума» / A debtor who is unable to restore their solvency and has not received the status of "particularly important to the state or society"
Банкротство / Bankruptcy	Состояние несостоятельности должника, неспособного восстановить свою платежеспособность, целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с должника / The state of insolvency of a debtor who is unable to restore their solvency, the purpose of which is to collect all debts that are permissible to collect from the debtor	Состояние несостоятельности должника, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с должника / The state of insolvency of a debtor who is unable to restore their solvency and does not have the status of "particularly important to the state", the purpose of which is to collect all debts that are permissible to collect from the debtor	Состояние несостоятельности должника, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства или социума», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с должника / The state of insolvency of a debtor who is unable to restore their solvency and does not have the status of "particularly important to the state or society", the purpose of which is to collect all debts that are permissible to collect from the debtor

Понятия / Concepts	Неоклассический / Neoclassical	Кейнсианский / Keynesian	Институциональный / Institutional
Банкротство юридического лица / Bankruptcy of a legal person	Состояние несостоятельности юридического лица, неспособного восстановить свою платежеспособность, целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с юридического лица и с контролирующих его лиц / The state of insolvency of a legal entity that is unable to restore its solvency, the purpose of which is to collect all debts that are permissible to collect from the legal entity and its controlling persons	Состояние несостоятельности юридического лица, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с юридического лица и с контролирующих его лиц / The state of insolvency of a legal entity that is unable to restore its solvency and does not have the status of “particularly important to the state”, the purpose of which is to collect all debts that are permissible to collect from the legal entity and its controlling persons	Состояние несостоятельности юридического лица, неспособного восстановить свою платежеспособность и не обладающего статусом «особо важный для государства или социума», целью которого является взыскание всех долгов, которые допустимо взыскать с юридического лица и с контролирующих его лиц / The state of insolvency of a legal entity that is unable to restore its solvency and does not have the status of “particularly important to the state or society”, the purpose of which is to collect all debts that are permissible to collect from the legal entity and its controlling persons

В связи с явной ориентированностью государства на реализацию прокредиторского подхода, скорее всего, самыми популярными будут определения, уточненные в рамках неоклассического подхода. В то же время автор отдает приоритет понятиям, уточненным в рамках институционального подхода, так как именно они гармоничнее всего впишутся в процесс банкротства в условиях санкций и импортозамещения и позволят государству получить самый значимый экономический и социальный эффект от предложенных нововведений.

Заключение

В представленном исследовании уточнены понятия «банкрот», «банкротство», «банкротство юридического лица», «несостоятельность», «неплатежеспособность», определены моменты наступления и завершения банкротства, разработаны и другие дополнения ФЗ № 127-ФЗ, демонстрирующие процесс практического применения предложенных терминов в современных условиях санкций и импортозамещения. Все предложенные понятия охватывают широкий спектр возможного развития институтов банкротства: прокредиторский, прогосударственный, социальный и компромиссный подходы. В их рамках предложено усилить внимание к субсидиарной ответственности должника, расширить возможности применения моратория на банкротства и реализовать другие схемы развития российского законодательства о банкротстве. В этой связи законодатель может выбрать тот их вариант, который в наибольшей степени соответствует будущему развитию российского государства. Дальнейшим направлением исследования является доработка подзаконных правовых актов, связанных с банкротством, с целью учета внесенных предложений.

Список литературы

- Акбашева, Д. М., Меремшаова, А. А., Кордик, Ю. Д. (2023). Понятие, виды и сущность банкротства. *Естественно-гуманитарные исследования*, 5, 324–326. EDN: EADHMY
- Аламов, И. Л., Аламова, С. М., Белых, В. С., Бородин, Ж. Н., Гасанов, З. У., Иванников, К. А., Коробейникова, Л. С., Латыпова, Э. Ю., Михайлов, А. В., Никитин, Д. В., Никитина, К. И., Старостина, Е. С., Сушкова, О. В., Тарасенко, О. А., Чернова, В. В., Шавалеев, Б. Э., Шавалеев, Б. Э., Яфизов, А. А. (2022). *Цифровизация и право: монография по итогам Всероссийской научно-практической конференции*. Казань: Учебно-методический центр Федеральной антимонопольной службы. EDN: JSGHAE
- Алдекен, А. С., Исмаилова, Р. Б., Амиргалинова, А. М. (2024). Влияние генетики и окружающей среды на личность человека. *Central Asian Scientific Journal*, 1(5), 69–74. EDN: CJMKJC
- Алферов, В. Н., Коригова, М. М. (2018). Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 9(3), 460–474. EDN: XZPFLN. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.3.460-474>

- Амирзода, Ф. А. (2022). Мафҳум ва аломатҳои муфлисшавии шахсони ҳуқуқӣ. *Идоракунии давлатӣ*, 1(55), 193–200. EDN: RKMNBC
- Анисимова, Я. А., Плотников, В. А. (2023). Экономическая безопасность, санкции и переориентация российских внешнеторговых потоков. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 13(2), 10–23. EDN: YWKZOQ. DOI: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-10-23>
- Апполонова, А. Д., Манушин, Д. В., Сергеев, Д. А. (2024). Перспективы экономического развития и меры управления парками семейного отдыха с учетом особенностей Республики Татарстан и г. Казань. *Экономика и предпринимательство*, 1, 1210–1216. EDN: TICRBD. DOI: <https://doi.org/10.34925/eip.2024.162.1.234>
- Ардизинба, А. А., Новиков, В. В., Новиков, В. В. и др. (2023). *Экономика и право*: монография. Чебоксары: Среда. EDN: FSSQQN. DOI: <https://doi.org/10.31483/a-10501>
- Белоусов, А. Л. (2024). Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 993–1006. EDN: ECKLOR. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.993-1006>
- Бурганов, Р. А. (2009). Теория несостоятельности (банкротства): термины, трактовка, сущность. *Проблемы теории и практики управления*, 12, 112–118. EDN: KYAXRP
- Ванин, В. Э., Ткачев, В. Н. (2010). К вопросу о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство» в праве США. *Законодательство*, 4, 71–74. EDN: TALURH
- Васильева, Н. А. (2023). Судебное банкротство граждан: права должника против интересов кредиторов. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 3, 48–52. EDN: BSVAQM
- Васильева, Е. О. (2018). Экономико-математическая модель оценки конкурентоспособности организации. *Вопросы науки и образования*, 12, 5–7. EDN: VJDSLZ
- Власенко, Р. Н. (2015). Несостоятельность, банкротство и иные смежные понятия в теории права и в законодательстве. *Публичное и частное право*, 2, 197–207. EDN: UKEZMX
- Власенко, С. В., Галимов, А. Р. (2012). Понятие «банкротство» в координатах правовой лингвистики: русско-англо-французские аппроксимации. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*, 2, 21–28. EDN: PETJVL
- Воронцова, Л. В., Малюшкин, П. Н. (2009). Генезис глобального экономического кризиса. *Актуальные проблемы экономики и права*, 1, 116–124. EDN: JWVCQT
- Гаврилова, Н. В. (2008). Формирование института потребительского (гражданского) банкротства: перспективы и важнейшие вопросы. *Имущественные отношения в РФ*, 4, 51–64. EDN: JWVGRT
- Галкин, С. С. (2015). Понятие и признаки должника – юридического лица по российскому законодательству о банкротстве. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 1, 142–155. EDN: UMKMGJ
- Гасанов, З. У. (2023). О вопросах применения цифровых технологий в порядке наследования по завещанию. *Наследственное право*, 3, 9–11. EDN: JEWITS
- Глухова, О. Ю., Шевяков, А. Ю. (2017). Несостоятельность (банкротство) как правовая и экономическая категории. *Социально-экономические явления и процессы*, 12(5), 166–172. EDN: ZTMEBX
- Дарбаков, А. Ю. (2020). Субсидиарная ответственность при банкротстве организации. *Аграрное и земельное право*, 1, 98–100. EDN: UZNJOF
- Дегтярев, Д. Д. (2024). Санкционные ограничения в отношении кредиторов и активов должника при трансграничном банкротстве. *Право и экономика*, 4, 36–43. EDN: IYSXGB
- Дорожинская, Е. А. (2022). Правовые проблемы введения моратория на банкротство корпораций в России в 2022 году. *Вестник Торайгыров университета. Юридическая серия*, 2, 76–87. EDN: CQRDPY. DOI: <https://doi.org/10.48081/oozf2502>
- Дюженков, Н. А., Иванова, С. А. (2022). Доктринальные разграничения межотраслевых понятий «несостоятельность» и «банкротство». *Образование и право*, 4, 181–186. EDN: XTUCLL
- Жданов, В. Ю., Рыгин, В. Е. (2013). Теоретический анализ понятий «несостоятельность» и «банкротство» предприятия. *Регионоведение*, 4, 164–171. EDN: RRSCTL
- Жильцова, Ю. В., Страхов, В. А. (2021). Формирование обособленной парадигмы понятий «банкротство» и «несостоятельность» юридических лиц. *Международный бухгалтерский учет*, 24(7), 826–844. EDN: SCPOCE. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.24.7.826>
- Жумадилова, Н. (2020). Банкротство (несостоятельность) как экономическая и юридическая категории. *Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии*, 2, 123–129. EDN: NMZUSW
- Загоруйко, И. Ю. (2017). Современные подходы к определению и разграничению понятий «несостоятельность» и «банкротство». *Успехи современной науки и образования*, 8(4), 51–53. EDN: YPBSUL
- Закирова, Д. Ф. (2024). Исследование вопросов прогнозирования вероятности дефолта кредитных организаций в Российской Федерации. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 70–87. EDN: ZIZXWY. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.70-87>
- Золототрубова, Н. А. (2023). Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство». *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*, S1-2, 38–43. EDN: IPWUQV

- Ибрагимов, Ю. М. (2018). О понятии и признаках несостоятельности (банкротства). *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 5, 154–156. EDN: LVLRCH. DOI: <https://doi.org/10.23672/sae.2018.5.14121>
- Иванова, П. П. (2023). Отдельные правовые аспекты несостоятельности (банкротства) в условиях санкционной политики «недружественных стран». *Наукосфера*, 9-1, 308–312. EDN: OOBXFX
- Имашева, И. Ю., Крамин, Т. В. (2022). Цифровое неравенство: модернизация кривой кузнеца в цифровую эпоху. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. EDN: CEAVOM. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.4.716-727
- Исаков, О. Р. (2009). Защита интересов государства в процедурах банкротства. *Вестник АКСОР*, 4, 35–38. EDN: LDHTWR
- Кадникова, О. В., Козлов, А. В. (2019). Институты несостоятельности ФРГ и РФ: достоинства и недостатки. *Бизнес и общество*, 2, 10–20. EDN: JJHPDT
- Карелина, С. А. (2008). *Механизм правового регулирования отношений несостоятельности*: монография. Москва: Wolters Kluwer Russia.
- Карелина, С. А. (2021). Мораторий на банкротство: проблемы правового регулирования. *Ученые записки юридического факультета*, 2, 11–14. EDN: YQYKPW
- Киракосян, А. Э. (2020). Сравнительный анализ зарубежных процедур корпоративного банкротства. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, 1, 258–264. EDN: MLVHCV
- Климанова, А. Р. (2022). Социальный капитал как фактор устойчивого развития. *Экономические науки*, 217, 244–248. EDN: JJTUWS. DOI: <https://doi.org/10.14451/1.217.407>
- Климушкин, Н. Е. (2024). Банкротство в контексте интересов государства. *Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета*, 1, 79–84. EDN: NGOHTW
- Клоб, Б. И. (1998). Состав преступления и понятие банкротства. *Законность*, 1.
- Колиева, А. Э. (2021). Особенности несостоятельности (банкротства) гражданина: проблемы современной теории. *Государственная служба и кадры*, 5, 154–157. EDN: PGLWGK
- Колиева, А. Э., Мочалов, Д. С. (2024). К вопросу об определении признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества должника при его банкротстве. *Epomen. Global*, 49, 62–66. EDN: BUSIIV
- Кольцова, Т. А., Блошенко, М. С. (2023). Банкротство юридических лиц как угроза экономической безопасности страны. *Агропродовольственная политика России*, 3, 23–30. EDN: COPTNK
- Копелев, И. Б. (2014). Прогнозирование банкротства компании. *Вестник Университета*, 20, 110–117. EDN: THWGYV
- Коренная, А. А. (2021). Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект. *Юрислингвистика*, 22, 28–32. EDN: UFUSDP. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2205](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2205)
- Королев, В. В., Чупрова, А. Ю. (2007). Особенности законодательства о банкротстве США и Великобритании: сравнительно-правовой аспект. *Бизнес в законе*, 1, 43–74. EDN: JWQGQZ
- Коротченко, А. С. (2017). К вопросу о пределах компетенции органов прокуратуры Российской Федерации, если выявлены признаки преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве). В сб. *Наука и современность – 2017: сборник материалов LI Международной научно-практической конференции* (с. 187–196).
- Котляров, М. А., Миккульская, М. П. (2010). Современные системы организации процедур банкротства кредитных организаций. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, 7, 15–19. EDN: MQIKKN
- Крамин, Т. В., Григорьев, Р. А., Крамин, М. В. (2015). Оценка влияния федеральной контрактной системы России на эффективность государственных закупок: региональный анализ. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 3, 30–33. EDN: UYRZDZ
- Крамин, Т. В., Григорьев, Р. А., Крамин, М. В. (2017). К вопросу об оценке экономической эффективности госзакупок в России. *Актуальные проблемы экономики и права*, 11(4), 96–114. EDN: ZVYXTR. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047x.11.2017.4.96-114>
- Куликова, И. А. (2016). Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в российском законодательстве. *Научный поиск*, 2.1, 58–59. EDN: WGHQPN
- Ларионова, Н. И. (2008). К вопросу формирования рынка социальных услуг. *Вестник Марийского государственного технического университета. Серия: Экономика и управление*, 1, 27–37. EDN: KHQRHJ
- Ларионова, Н. И. (2010а). *Формирование института рынка социальных услуг: теория и методология*: монография. Йошкар-Ола: Марийский гос. технический ун-т. EDN: QUFKRV
- Ларионова, Н. И. (2010б). *Институционализация рынка социальных услуг: теория, методология*: дис. ... д-ра экон. наук. Йошкар-Ола. EDN: QFDNPH
- Ле Хоа (1998). Новый закон РФ о несостоятельности (банкротстве): взгляд зарубежного экономиста. *Экономика и жизнь*, 11, 3–23.
- Лисенкова, К. С. (2021). Информационная безопасность пользователей в условиях цифровой экономики. В сб.: *Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции* (с. 427–432). Казань. EDN: PPKKAW
- Лытова, А. С. (2023). Понятие несостоятельности (банкротства) кредитных организаций: отечественные и зарубежные трактовки. *Финансовые рынки и банки*, 3, 53–57. EDN: PFEOTT

- Львова, О. А. (2021). Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации. *Актуальные проблемы экономики и права*, 15(2), 249–269. EDN: ESOCNM. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047x.15.2021.2.249-269>
- Любушин, Н. П., Опарина, О. И. (2007). Анализ общего и специфичного в понятиях «кризис», «несостоятельность», «банкротство». *Экономический анализ: теория и практика*, 9, 2–7. EDN: HZMKRX
- Майоров, В. В. (2019). Банкротство юридических лиц. *Контентус*, 10, 80–89. EDN: YECRPJ
- Майстренко, А. Г., Майстренко, Г. А. (2022). Вопросу о сущности банкротства и его характеристиках. *Образование и право*, 12, 106–109. EDN: MAXBJH.
- Макарова, Е. Н. (2008). Анализ понятия «несостоятельность» и «банкротство». *Экономический анализ: теория и практика*, 2, 54–56. EDN: IBXLUV
- Малкина, М. Ю., Балакин, Р. В. (2024). Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. EDN: UOTQRV. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>
- Малкина, М. Ю., Плехова, Ю. О., Перова, В. И., Сочков, А. Л. (2025). Исследование влияния отраслевой структуры российских регионов на их экономическое развитие с использованием методов искусственного интеллекта. *Экономический анализ: теория и практика*, 24(2), 123–143. EDN: YCLCJX. DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.24.2.123>
- Малышева, Л. В. (2008). О влиянии среды на развитие личности в контексте исследования интеллекта. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 5, 362–364. EDN: ISWQKZ
- Манушин, Д. В. (2015). Уточнение понятия «методология». *Финансы и кредит*, 41, 50–66. EDN: UNXSTV
- Манушин, Д. В. (2016). Новый взгляд на понятие и особенности экономических противоречий. *Инновации*, 10, 74–85. EDN: ZCHVGN
- Манушин, Д. В. (2023). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 775–799. EDN: ZROIEW. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799>
- Манушин, Д. В. (2024а). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. EDN: OTFHYP. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>
- Манушин, Д. В. (2024б). Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 3: анализ антикризисных мер, управление российскими санкциями и антисанкциями. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 332–368. EDN: RDSWYW. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.332-368>
- Манушин, Д. В. (2024с). Антисанкционная и санкционная экономическая политика 2022–2025: санкции, контрсанкции, проблемы импортозамещения и перспективы. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 250(6), 146–167. EDN: QIUFO. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-250-6-146-167>
- Манушин, Д. В., Нуреев, Р. М. (2022). Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним. *Журнал институциональных исследований*, 14(1), 55–69. EDN: KVVJZR. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.055-069>
- Манушин, Д. В., Сергеев, Д. А., Бикмухаметова, Л. Р. (2024). Анализ и прогноз безработицы, миграции и рождаемости в России, проблемы и меры управления ими в условиях санкций. *Экономика и предпринимательство*, 5, 327–332. EDN: QJLZZP. DOI: <https://doi.org/10.34925/eip.2024.166.5.066>
- Манушин, Д. В., Таишева, Г. Р., Еникеев, Ш. И. (2023б). Российская микроэлектроника: текущее состояние, логистика, проблемы управления, антикризисные меры. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 19(5), 808–842. EDN: GWLZGY. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.19.5.808>
- Манушин Д. В., Шабанова Л. Б., Таишева Г. Р., Еникеев Ш. И. (2023а). *Антикризисное управление в современной национальной и региональной экономике*. Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета. EDN: TJVUOP
- Маньковский, И. А. (2022). Политическая система и система права – основные социальные институты, влияющие на процесс построения инновационной экономики. *Экономика. Право. Общество*, 7(1), 35–50. EDN: FHUJLU
- Марина, М. М. (2018). Банкротство предприятий и организаций: понятие и сущность. *Тенденции развития науки и образования*, 36–4, 76–78. EDN: XQJHID. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-03-2018-74>
- Мартиросян, М. Р. (2021). Научно-теоретические концепции банкротства как состояния экономических систем. *Сервис в России и за рубежом*, 15(5), 158–167. EDN: UDFFCX
- Мельник, Е. А., Матвеева, Е. В. (2017). К вопросу о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство». *Вестник государственного и муниципального управления*, 1, 64–68. EDN: YOSBYD. DOI: https://doi.org/10.12737/article_5901db43a8fae6.17404437
- Михневич, А. В., Оселедко, А. Н. (2018). Понятие контролирующего должника лиц в процедуре банкротства. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 10–2, 151–159. EDN: YNMPYT
- Мстоян, Е. В., Мохаммад, А. В. (2013). Банкротство банка: экономическая сущность, виды и причины. *Науковий вісник: фінанси, банки, інвестиції*, 6, 66–73. EDN: UZCQQP
- Оборин, М. С. (2020б). Проблемы и перспективы импортозамещения в фармацевтической отрасли региона. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*, 3, 185–194. EDN: DERZSE

- Оборин, М. С. (2020а). Инновации как фактор развития строительства. *Экономика строительства и природопользования*, 1, 56–63. EDN: QXYFOS. DOI: <https://doi.org/10.37279/2519-4453-2020-1-56-63>
- Оборин, М. С. (2022). Цифровые инновационные технологии в сельском хозяйстве. *Аграрный вестник Урала*, 220(5), 82–92. EDN: MVGSXW. DOI: <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-220-05-82-92>
- Овчаренко, Р. К., Халамбашиян, Е. В. (2024). К вопросу о возможностях социологической диагностики кризисных явлений в экономических системах. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 3, 265–273. EDN: UAIUVS. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-265-273>
- Осипов, Е. М., Халикова, А. М., Шульженко, А. С. (2024). Междисциплинарное регулирование процедур несостоятельности (банкротства) и социальные обязательства при их осуществлении. *Социально-гуманитарные знания*, 2, 56–59. EDN: VFIDIA
- Осипов, Е. М., Шульженко, А. С. (2023). Правовые аспекты интерпретации понятия «банкротство» как социально-экономического явления. *Вопросы российского и международного права*, 13(1-2-1), 299–308. EDN: OUFNYD
- Османова, Д. О. (2024). Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? *Lex Russica*, 5, 144–161. EDN: ELOYAB. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.210.5.144-161>
- Островская, А. А. (2013). Эволюция понятия и института «банкротство». *Экономические системы*, 4, 48–49. EDN: PLXMOT
- Перфилов, А. В. (2018). Эволюция понятия и признаков несостоятельности (банкротства) в российском праве и законодательстве. В сб. *Эволюция и революция в праве* (с. 77–89). Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет). EDN: VYBOYA
- Петрова, Р. Е., Ревина, В. В., Бегичева, Е. В., Родькина, Н. Л. (2021). Реабилитационный характер процедур банкротства: проблемы и перспективы реформирования. *Мониторинг правоприменения*, 3, 40–45. EDN: YQVQQS. DOI: <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-3-40-45>
- Попова, Н. С., Рябцева, Л. В., Степанов, И. Г. (2016). К вопросу об определении и сущности понятий несостоятельности и банкротства. *Фундаментальные исследования*, 7-1, 171–174. EDN: WHODXZ
- Поцелуев, Е. Л., Чистяков, П. Д. (2018). Основания несостоятельности по законодательству Федеративной Республики Германия. *Наука. Общество. Государство*, 6(2), 75–83. EDN: XZDETB
- Пугачева, М. А., Петрова, Е. А., Габидулина, Л. Б., Файрушина, Л. А. (2022). Монополизация цифровой экономики: проблемы и вызовы. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2(6), 39–43. EDN: EDRVUE. DOI: <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.06.02.006>
- Пугачева, С. Д., Пугачева, М. А., Петрова, Е. А. (2021). Управление и оптимизация бизнес-процессов по капитальному ремонту скважин в компании нефтегазодобывающей отрасли. *Экономика и предпринимательство*, 10, 1020–1025. EDN: CCRIQS. DOI: <https://doi.org/10.34925/eip.2021.135.10.196>
- Пугачева, С. Д., Пугачева, М. А., Ахметова, И. А. (2020). Эффективность применения инструментов бережливого производства на машиностроительном предприятии. *Экономика и предпринимательство*, 8, 977–981. EDN: OKZPYR. DOI: <https://doi.org/10.34925/eip.2020.121.8.195>
- Пустяков, А. В. (2006). Понятие неосторожного банкротства в зарубежном законодательстве (Германия и т. д.). Возможность применения института неосторожного банкротства в российском уголовном законодательстве. *Юридические науки*, 2, 196–208. EDN: JVTSET
- Пучкова, Е. М., Синицына, И. В., Никулина, О. Н., Белоусова, А. А. (2023). Статистика банкротств в условиях санкций и противосанкционной политики России. *Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством)*. *Экономические науки*, 1, 166–171. EDN: AZEVPI
- Росляков, В. Д. (2024). Особенности регламентации уголовной ответственности за криминальные банкротства в ФРГ. *Юридическая наука*, 8, 284–288. EDN: RYMQEY
- Рыболовлева, А. А., Водолажская, Е. Л., Авилова, В. В., Останина, С. Ш. (2011). Основные направления совершенствования управления коммерциализацией интеллектуальной собственности. *Вестник Казанского технологического университета*, 4, 223–230. EDN: NDWUAL
- Рябичева, О. И., Магомедова, З. Г., Султанова, Л. Ш. (2022). Анализ отечественного и зарубежного опыта процедур банкротства предприятий. *Журнал прикладных исследований*, 8(6), 702–706. EDN: NNTPBL. DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_6_8_702
- Сааков, А. С. (2013). Экономическое содержание и развитие дефиниций «несостоятельность» и «банкротство» и пути повышения устойчивости функционирования предприятий. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 6, 113–118. EDN: RYLACF
- Свириденко, О. М. (2011). Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права. *Журнал российского права*, 1, 39–46. EDN: NDQQAL
- Сергеев, Д. А. (2013). Коррупционные риски в ценообразовании при размещении государственных заказов. В сб. *Диалектика противодействия коррупции: материалы III Всероссийской научно-практической конференции* (с. 166–168). Казань: Познание. EDN: UTPUUP

- Сергеев, Д. А. (2014). Некоторые предложения по снижению коррупционных рисков при осуществлении государственных закупок. В сб. *Диалектика противодействия коррупции: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Институт экономики, управления и права (г. Казань)* (с. 156–157). Казань: Познание. EDN: UUOXTD
- Сергеев, Д. А. (2009). Основные направления государственной поддержки nanoиндустрии на современном этапе. *Актуальные проблемы экономики и права*, 3, 85–88. EDN: KVRST
- Силивончик, А. Г. (2021). Особенности определения понятия «банкротство банка». *Труд. Профсоюзы. Общество*, 2, 29–33. EDN: BHSAOS
- Скаргина, М. В. (2024). Влияние санкций на институт трансграничной несостоятельности (банкротства) юридических лиц в России. *Академия права*, 1, 55–60. EDN: UYSXMU
- Скопцова, Е. И. (2023). Влияние санкций на формирование российского подхода к правовому регулированию трансграничной несостоятельности. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 9, 231–240. EDN: HAZUIP. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.109.9.231-240>
- Скоробогатов, А. В. (2012). Правовое регулирование банкротства в России во второй половине XVIII в. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2, 168–175. EDN: OYVFZZ
- Сотникова, Л. Н., Грибанова, Е. В. (2022). Экономическое содержание понятия «финансовая несостоятельность». *Финансовый вестник*, 4, 5–12. EDN: WNNHWV
- Степанов, И. Г., Попова, Н. С., Демидова, М. Н. (2006). Содержание понятий несостоятельности и банкротства. *Сибирская финансовая школа*, 4, 67–69. EDN: JUBOBT
- Суворов, Е. Д. (2020). К вопросу о понятии банкротства. *Lex Russica (Русский закон)*, 73(11), 21–34. EDN: NFHASF. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.021-034>
- Тимирясов, В. Г., Крамин, Т. В., Сергеев, Д. А. и др. (2009). *Нанотехнологии: новый этап в развитии человечества*. Казань: Познание. EDN: QMGIZR
- Титова, С. В., Фролова, И. И., Маратканова, Э. М. (2023). Исследование бизнес-процессов работы с клиентами в IT-компаниях. *Экономика и предпринимательство*, 6, 992–997. EDN: NYDCZO. DOI: <https://doi.org/10.34925/eip.2023.155.6.183>
- Ткачев, В. Н. (2003). Термины «банкротство» и «несостоятельность»: сущность и соотношение. *Адвокат*, 3.
- Трушина, Н. Н. (2020). Банкротство юридических лиц: правовой, экономический и социальный аспекты. *Вектор экономики*, 9, 25–32. EDN: JMZUXX
- Уварова, М. В., Старикова, Е. В. (2022). Акселератор как инструмент развития высокотехнологичных продуктов и инноваций в организации. В сб. *Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. сборник научных статей 4-й Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск* (с. 534–537). EDN: QBOEАН
- Улакова, Ж. В. (2020). Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство». Проблематика теории института банкротства. *Трибуна ученого*, 6, 352–356. EDN: DGZYAW
- Фольгерова, Ю. Н. (2010). Несостоятельность (банкротство) в советском праве: теория и практика. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 4-1, 79–82. EDN: NXNOKB
- Фролов, Д. П. (2012). Несостоятельность и банкротство: институциональная логика модернизации федерального законодательства. *Гражданин*, 3, 86–90. EDN: PDXWPV
- Фролов, И. В. (2011). Проблемы прокредиторской и продолжниковой концепции современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве). *Предпринимательское право*, 4, 20–25. EDN: OPDSBN
- Хашимова, А. К. (2018). Некоторые проблемы в исследовании понятия банкротство (несостоятельность). *Известия вузов Кыргызстана*, 9, 90–95. EDN: COWXMT
- Чаленко, Р. В. (2014). Концепция учетно-аналитической системы управления процедурами несостоятельности и банкротства. *Вестник НГУЭУ*, 1, 134–144. EDN: SMEXQB
- Чернова, М. В. (2008). Сравнительный анализ зарубежных процедур корпоративного банкротства. *Финансы и кредит*, 46, 62–67. EDN: JUSYIP
- Шайхутдинов, Е. М. (2024). Некоторые аспекты понятия несостоятельности (банкротства). *Российский юридический журнал*, 4, 93–100. EDN: SDPNIG. DOI: [10.34076/20713797_2024_4_93](https://doi.org/10.34076/20713797_2024_4_93)
- Шахова, В. Н. (2018). К вопросу о понятии несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя. *Актуальные проблемы правоведения*, 1, 26–28. EDN: XRKNHF
- Шеремет, А. Д., Сайфуллин, Р. С. (1995). *Методика финансового анализа*. Москва: ИНФРА-М. EDN: XFFIMB
- Шершеневич, Г. Ф. (1898). *Конкурсное право* (2-е изд.). Казань: Тип. Имп. Ун-та.
- Шувалов, И. И. (2021). Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса. *Журнал российского права*, 25(12), 98–107. EDN: ZWYJOZ. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.151>
- Эрлих, М. Е. (2014). *Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства)*: монография. Москва: Проспект.
- Юлова, Е. С. (2004). *Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. EDN: NJRCOT
- Biddle, G. C., Ma, M. L., & Song, F. M. (2020). Accounting conservatism and bankruptcy risk. *Journal of Accounting, Auditing and Finance, Forthcoming*, 37(2). <https://doi.org/10.1177/0148558x20934244>

- Chelba, A., & Grosu, P. V. (2021). Application of the continuity principle in the situation of reorganization of activity for companies in insolvency. *European Journal of Accounting, Finance & Business*, 17(27), 34–40. EDN: WYUCKN. DOI: <https://doi.org/10.4316/ejafb.2021.934>
- Gumerova, G. I., Shaimieva, E. Sh., & Shabanova, L. B. (2019). A high-tech enterprise: requirements for professional competences (based on case study). *Academy of Strategic Management Journal*, 18(1), 1–14. EDN: AYOIOS
- Jennergren, L. P. (2013). Firm valuation with bankruptcy risk. *Journal of Business Valuation and Economic Loss Analysis*, 8(1), 91–131. <https://doi.org/10.1515/jbvela-2013-0009>
- Kramin, T. V., Kramin, M. V., & Ismagilova, G. N. (2014a). Assessment of effect of large investment projects on development of investment potential of regions of Russia as exemplified by Universiade 2013 in Kazan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(18), 255–262. EDN: UEXPGV. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n18p255>
- Kramin, T. V., Timiryasova, A. V., & Safiullin, L. N. (2014b). Defining priorities of management of investment attractiveness of the region and their consideration in the framework of implementing large sports events. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(18), 275–282. EDN: UEXWYB. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n18p275>
- MacCarthy, J. (2017). Using Altman Z-score and Beneish M-score models to detect financial fraud and corporate failure: A case study of Enron Corporation. *International Journal of Finance and Accounting*, 6(6), 159–166.
- Mada, M., & Tilahun, A. (2009). *Bankruptcy Law*. Justice and Legal System Research Institute. Addis Ababa, Ethiopia.
- Makoro, L. S. (2019). *A Legal Analysis of the Concept of Insolvency in Boschpoort Ondernemings (Pty) Ltd v Absa Bank Ltd*. University of Johannesburg.
- Onakoya, A. B., & Olotu, A. E. (2017). Bankruptcy and insolvency: An exploration of relevant theories. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 7(3), 706–712.
- Paulus, C., Hrycaj, A., Filipiak, P., & Sierakowski, B. (2024). Tensions between sanctions and insolvency law: Searching for a model solution with a focus on the European Union and Poland. *International Insolvency Review*, 33(3), 448–472. EDN: DCCWYT. DOI: <https://doi.org/10.1002/iir.1552>
- Shalpegin, T., Kumar, A., & Browning, T. R. (2023). Undiversity, inequity, and exclusion in supply chains: The unintended fallout of economic sanctions and consumer boycotts. *Production and Operations Management*, 34(4). EDN: QTNCOB. DOI: <https://doi.org/10.1111/poms.14001>
- Shinkevich, A. I., Yarlychenko, A. A., Ivinskaya, E. Y., & Shaimieva, E. S. (2021). Methodology development for assessing innovation level spread in the state economic area. *Academy of Strategic Management Journal*, 20(3), 1–8. EDN: DFOURU
- Valencia, C., Cabrales, S., Garcia, L., Ramirez, J., & Calderona, D. (2019). Generalized additive model with embedded variable selection for bankruptcy prediction: Prediction versus interpretation. *Cogent Economics & Finance*, 7(1), 1597956. <https://doi.org/10.1080/23322039.2019.1597956>
- White, M. J. (2007). Bankruptcy law. *Handbook of law and economics*, 2, 1013–1072. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1574-0730\(07\)02014-2](https://doi.org/10.1016/s1574-0730(07)02014-2)

References

- Akbasheva, D. M., Meremshaova, A. A., & Kordik, Yu. D. (2023). The concept, types and essence of bankruptcy. *Natural-Humanitarian Research*, 5, 324–326. (In Russ.).
- Alamov, I. L., Alamova, S. M., Belykh, V. S., Borodina, Zh. N., Gasanov, Z. U., Ivannikov, K. A., Korobejnikova, L. S., Latypova, E. Yu., Mikhaylov, A. V., Nikitin, D. V., Nikitina, K. I., Starostina, E. S., Sushkova, O. V., Tarasenko, O. A., Chernova, V. V., Shavaleev, B. E., Shavaleev, B. E., & Yafizov, A. A. (2022). *Digitalization and law: monograph by the results of All-Russia scientific-practical conference*. Kazan: Uchebno-metodicheskiy center Federalnoy antimonopolnoy sluzhby. (In Russ.).
- Aldeken, A. S., Ismailova, R. B., & Amirgalinova, A. M. (2024). Impact of genetics and environment on the personality. *Central Asian Scientific Journal*, 1(5), 69–74. (In Russ.).
- Alferov, V. N., & Korigova, M. M. (2018). Development of the concept of subsidiary liability as a tool to increase the effectiveness of the institution of bankruptcy and ensure the economic security of the country. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 9(3), 460–474. (In Russ.). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.3.460-474>
- Amirzoda, F. A. (2022). The concept and signs of bankruptcy of legal entities. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 1(55), 193–200. (In Tajik).
- Anisimova, Y. A., & Plotnikov, V. A. (2023). Economic Security, Sanctions and Reorientation of Russian Foreign Trade Flows. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 13(2), 10–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-10-23>
- Appolonova, A. D., Manushin, D. V., & Sergeev, D. A. (2024). Prospects for economic development and management measures of family parks taking into account the peculiarities of the Republic of Tatarstan and the city of Kazan. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 1, 1210–1216. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/eip.2024.162.1.234>
- Ardizinba, A. A., Novikov, V. V., & Novikov, V. V. (2023). *Economics and Law*. Cheboksary: Sreda. (In Russ.). <https://doi.org/10.31483/a-10501>

- Belousov, A. L. (2024). Institute of bankruptcy in the Russian Federation: establishment and ways of development of the legal provision. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 993–1006. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.4.993-1006>
- Burganov, R. A. (2009). The insolvency (bankruptcy) theory: terms, interpretation, essence. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 12, 112–118. (In Russ.).
- Chalenko, R. V. (2014). The concept of accounting and analytical control procedures of insolvency and bankruptcy. *Vestnik NSUEM*, 1, 134–144.
- Chernova, M. V. (2008). Comparative analysis of foreign procedures of corporate bankruptcy. *Finance and Credit*, 46, 62–67.
- Darbakov, A. Yu. (2020). Subsidiary responsibility for the bankruptcy of the organization. *Agrarian and Land Law*, 1, 98–100. (In Russ.).
- Degtyarev, D. D. (2024). Sanction restrictions on creditors and debtors' assets in cross-border bankruptcy. *Pravo i Ekonomika*, 4, 36–43. (In Russ.).
- Dorozhinskaya, E. A. (2022). Legal problems of the introduction of a moratorium on corporate bankruptcy in Russia in 2022. *Bulletin of Toraigrov University. Law series*, 2, 76–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.48081/oozf2502>
- Dyuzhenkov, N. A., & Ivanova, S. A. (2022). Doctrinal distinctions of the intersectoral concepts of “insolvency” and “bankruptcy”. *Education and Law*, 4, 181–186. (In Russ.).
- Erlikh, M. E. (2014). *Conflict of interest during insolvency (bankruptcy) procedure*: monograph. Moscow: Prospect.
- Folgerova, Ju. N. (2010). Insolvency (bankruptcy) in the soviet period: theory and practice. *Herald of Vyatka State University*, 4-1, 79–82.
- Frolov, D. P. (2011). Insolvency and bankruptcy: institutional logics of modernization of federal legislation. *Civilist*, 3, 86–90.
- Frolov, I. V. (2011). Problems of pro-creditor and pro-debtor concepts of the modern Russian legislation on insolvency (bankruptcy). *Predprinimatelskoe pravo*, 4, 20–25.
- Galkin, S. S. (2015). Notion and features of a debtor – legal person according to the Russian legislation on bankruptcy. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 1, 142–155. (In Russ.).
- Gasanov, Z. U. (2023). On the application of digital technologies in case of testate succession. *Nasledstvennoe pravo*, 3, 9–11. (In Russ.).
- Gavrilova, N. V. (2008). Forming the institute of consumer (civil) bankruptcy: prospects and topical issues. *Property Relations in the Russian Federation*, 4, 51–64. (In Russ.).
- Glukhova, O. Yu., & Shevyakov, A. Yu. (2017). Insolvency (bankruptcy) as legal and economic categories. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 12(5), 166–172. (In Russ.).
- Ibragimov, Yu. M. (2018). On the notion and features of insolvency (bankruptcy). *Humanities, Social Economic and Social Sciences*, 5, 154–156. <https://doi.org/10.23672/sae.2018.5.14121>
- Imasheva, I. Yu., & Kramin, T. V. (2022). Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(4), 716–727. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>
- Isakov, O. R. (2009). Protecting the state interests in bankruptcy procedures. *Vestnik AKSOR*, 4, 35–38. (In Russ.).
- Ivanova, P. P. (2023). Certain legal aspects of insolvency (bankruptcy) in the context of the sanctions policy of “unfriendly countries”. *Nauko-sfera*, 9-1, 308–312. (In Russ.).
- Kadnikova, O. V., & Kozlov, A. V. (2019). Insolvency institutions of FRG and RF: advantages and disadvantages. *Biznes i obshchestvo*, 2, 10–20. (In Russ.).
- Karelina, S. A. (2008). *Mechanism of legal regulation of insolvency relations*: monograph. Moscow: Wolters Kluwer Russia. (In Russ.).
- Karelina, S. A. (2021). Characteristics and current problems of the implementation of the mechanism of deceased person's bankruptcy procedure. *Academic notes of the faculty of law*, 2, 11–14. (In Russ.).
- Khashimova, A. K. (2018). Some problems in the study of the concept bankruptcy (insolvency). *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*, 9, 90–95.
- Kirakosyan, A. E. Comparative analyze of foreign corporate bankruptcy procedures. *Sciff. Questions of Students Science*, 1, 258–264. (In Russ.).
- Klimanova, A. R. (2022). Social capital as a factor of sustainable development. *Economic Sciences*, 217, 244–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.14451/1.217.407>
- Klimushkin, N. E. (2024). Bankruptcy in the context of state interests. *Vestnik molodykh uchenykh Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 1, 79–84. (In Russ.).
- Klob, B. I. (1998). Corpus delicti and the notion of bankruptcy. *Zakonnost*, 1. (In Russ.).
- Kolieva, A. E. (2021). Features of insolvency (bankruptcy) of a citizen: problems of modern theory. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 5, 154–157. (In Russ.).
- Koliyeva, A. E., & Mochalov, D. S. (2024). On the issue of determining the signs of insolvency and insufficiency of the debtor's property in case of bankruptcy. *Epomen. Global*, 49, 62–66. (In Russ.).
- Koltsova, T. A., & Bloshenko, M. S. Bankruptcy of legal entities as a threat to the economic security of the country. *Agro-Food Policy in Russia*, 3, 23–30. (In Russ.).
- Kopelev, I. B. (2014). Forecasting of bankruptcy. *Vestnik Universiteta*, 20, 110–117. (In Russ.).

- Korennyaya, A. A. (2021). Terminology Analysis of the Categories “Insolvency” and “Bankruptcy”: criminal law aspect. *Legal Linguistics*, 22, 28–32. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2205](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2205)
- Korolev, V. V., & Chuprova, A. Yu. (2007). Features of the USA and British bankruptcy legislation: comparative-legal aspect. *Biznes v zakone*, 1, 43–74. (In Russ.).
- Korotchenko, A. S. (2017). On the limits of the competence of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, under the signs of crimes provided for by the Criminal Code of the Russian Federation revealed during the consideration of insolvency (bankruptcy) cases. In *Science and modernity – 2017: collection of works of the 51st International scientific-practical conference* (pp. 187–196). (In Russ.).
- Kotlyarov, M. A., & Mikulskaya, M. P. (2010). Modern systems for organizing the bankruptcy procedures in credit organizations. *Financial Analytics: Science and Experience*, 7, 15–19. (In Russ.).
- Kramin, T. V., Grigoryev, R. A., & Kramin, M. V. (2015). The assessment of impact of federal purchasing system on the efficiency of state procurements: regional analysis. *Science vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, 3, 30–33. (In Russ.).
- Kramin, T. V., Grigoryev, R. A., & Kramin, M. V. (2017). To the public procurement cost-effectiveness evaluation in Russia. *Actual Problems of Economics and Law*, 11(4), 96–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047x.11.2017.4.96-114>
- Kulikova, I. A. (2016). Relations between the concepts “failure” and “bankruptcy” in the Russian legislation. *Scientific search*, 2.1, 58–59. (In Russ.).
- Larionova, N. I. (2008). To the problem of social services market building. *Vestnik of Mari State Technical University. Series: Economy and Management*, 1, 27–37. (In Russ.).
- Larionova, N. I. (2010a). *Forming the institute of social services market: monograph*. Yoshkar-Ola: Mari State Technical University. (In Russ.).
- Larionova, N. I. (2010b). *Institutionalization of the social services market: theory and methodology*: Dr. Sci. (Economics) thesis. Yoshkar-Ola: Mari State University of technical. (In Russ.).
- Le Khoa (1998). New Russian law on insolvency (bankruptcy): a view of a foreign economist. *Ekonomika i zhizn*, 11, 3–23. (In Russ.).
- Lisenkova, K. S. (2021). Information security of users in the digital economy. In *Vector of development of managerial approaches in digital economy: works of the 3rd All-Russia scientific-practical conference* (pp. 427–432). Kazan. (In Russ.).
- Lvova, O. A. (2021). Russian institution of bankruptcy under its legal transformation. *Actual Problems of Economics and Law*, 15(2), 249–269. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>
- Lytova, A. S. (2023). The concept of insolvency (bankruptcy) of credit institutions: domestic and foreign interpretations. *Financial Markets and Banks*, 3, 53–57. (In Russ.).
- Lyubushin, N. P., & Oparina, O. I. (2007). Analysis of the general and the specific in the notions of “crisis”, “insolvency”, and “bankruptcy”. *Economic Analysis: Theory And Practice*, 9, 2–7. (In Russ.).
- Maistrenko, A. G., & Maistrenko, G. A. (2022). To the question of the essence of bankruptcy and its characteristics. *Education and Law*, 12, 106–109. (In Russ.).
- Makarova, E. N. (2008). Analysis of the notions “insolvency” and “bankruptcy”. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2, 54–56. (In Russ.).
- Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2024). Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 287–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.287-313>
- Malkina, M. Yu., Plekhova, Yu. O., Perova, V. I., & Sochkov, A. L. (2025). Studying the influence of the sectoral structure of Russian regions on their economic development using artificial intelligence methods. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 24(2), 123–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/ea.24.2.123>
- Malysheva, L. V. (2008). On environmental effects on personality development in intelligence research. *Tambov University Review: Series Humanities*, 5, 362–364. (In Russ.).
- Mankovsky, I. A. (2022). Political system and system of law – basic social institutions affecting the process building an innovative economy. *Economy. Law. Society*, 7(1), 35–50. (In Russ.).
- Manushin, D. V. (2015). Refinement of the concept of methodology. *Finance and Credit*, 41, 50–66. (In Russ.).
- Manushin, D. V. (2016). A new look at the concept and features of economic contradictions. *Innovations*, 10, 74–85. (In Russ.).
- Manushin, D. V. (2023). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 1: Analysis and forecast of managing sanctions against Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 775–799. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.775-799>
- Manushin, D. V. (2024a). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 2: Aftermaths of sanctions war, management of changes, clarification of research concepts. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 36–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.36-69>
- Manushin, D. V. (2024b). Anti-sanction and sanction economic policy of Russia in 2022–2025. Part 3: analysis of anti-crisis measures, managing Russian sanctions and anti-sanctions. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 332–368. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.332-368>
- Manushin, D. V. (2024c). Anti-sanctions and sanctions economic policy 2022–2025: sanctions, countersanctions, import substitution problems and prospects. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 250(6), 146–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-250-6-146-167>

- Manushin, D. V., & Nureev, R. M. (2022). Sabotage of Russian Officials and Main Measures to Combat It. *Journal of Institutional Studies*, 14(1), 55–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.055-069>
- Manushin, D. V., Sergeev, D. A., & Bikmuhametova, L. R. (2024). Analysis and forecast of unemployment, migration and birth rates in Russia, problems and measures to manage them under sanctions. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 5, 327–332. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/eip.2024.166.5.066>
- Manushin, D. V., Shabanova L. B., Taisheva, G. R., & Enikeev, Sh. I. (2023a). *Anti-crisis management in the modern national and regional economy*. Kazan: Publishing House 'Poznanie' of Kazan Innovative University. (In Russ.).
- Manushin, D. V., Taisheva, G. R., & Enikeev, Sh. I. (2023b). Russian microelectronics: Current state-of-the-art, logistics, management issues, crisis response measures. *National Interests: Priorities and Security*, 19(5), 808–842. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/ni.19.5.808>
- Marina, M. M. (2018). Bankruptcy of enterprises and organizations: notion and essence. *Tendenczii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 36–4, 76–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.18411/ij-31-03-2018-74>
- Martirosyan, M. R. (2021). Scientific and theoretical concepts of bankruptcy as a state of economic systems. *Services in Russia and Abroad*, 15(5), 158–167. (In Russ.).
- Mayorov, V. V. (2019). Bankruptcy of legal entities. *Kontentus*, 10, 80–89. (In Russ.).
- Melnik, E., & Matveeva, E. (2017). To the question of the ratio of concepts “insolvency” and “bankruptcy”. *Journal of Public and Municipal Administration*, 1, 64–68. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/article_5901db43a8fae6.17404437
- Mikhnevich, A. V., & Oseledko, A. N. (2018). The concept of debtor controlling persons in the bankruptcy proceedings. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 10–2, 151–159. (In Russ.).
- Mstoyan, E. V., & Mokhamad, A. V. (2013). Bankruptcy of a bank: economic essence, types and cause. *Naukovij visnik: finansi, banki, investitsiyi*, 6, 66–73. (In Russ.).
- Oborin, M. S. (2020a). Innovation as a Factor in the Development of Construction. *Construction economic and environmental management*, 1, 56–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.37279/2519-4453-2020-1-56-63>
- Oborin, M. S. (2020b). Problems and prospects of import substitution in the pharmaceutical sector of a region. *Nauchnyy vestnik: finansi, banki, investitsii*, 3, 185–194. (In Russ.).
- Oborin, M. S. (2022). Digital innovative technologies in agriculture. *Agrarian Bulletin of the Urals*, 220(05), 82–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-220-05-82-92>
- Osipov, E. M., & Shulzhenko, A. S. (2023). Legal aspects of the interpretation of the concept of “bankruptcy” as a socioeconomic phenomenon. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(1-2-1), 299–308. (In Russ.).
- Osipov, E. M., Khalikova, A. M., & Shulzhenko, A. S. (2024). Interdisciplinary regulation of insolvency (bankruptcy) procedures and social obligations in their implementation. *Social and humanitarian knowledge*, 2, 56–59. (In Russ.).
- Osmanova, D. O. (2024). Insolvency (Bankruptcy) Procedure: Quo Vadis? *Lex Russica*, 5, 144–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.210.5.144-161>
- Ostrovskaya, A. A. (2013). Evolution of “bankruptcy” as a concept and institution. *Economic Systems*, 4, 48–49. (In Russ.).
- Ovcharenko, R. K., & Khalambashyan, E. V. (2024). On the question of the possibilities of sociological diagnosis of crisis phenomena in economic systems. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 3, 265–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-265-273>
- Perfilov, A. V. (2018). Evolution of the notion and signs of insolvency (bankruptcy) in the Russian law and legislation. In *Evolution and revolution in law* (pp. 77–89). Samara: Samara University. (In Russ.).
- Petrova, R. E., Revina, V. V., Begicheva, E. V., & Rodkina, N. L. (2021). The rehabilitation nature of bankruptcy procedures: problems and prospects for reforming. *Monitoring of Law Enforcement*, 3, 40–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-3-40-45>
- Popova, N. S., Ryabtseva, L. V., & Stepanov, I. G. (2016). To the issue about the determination and essence of definitions of “insolvency” and “bankruptcy”. *Fundamental research*, 7–1, 171–174. (In Russ.).
- Potseluev, E. L., & Chistyakov, P. D. (2018). Bases of insolvency under the legislation of the Federal Republic of Germany. *Science. Society. State*, 6(2), 75–83. (In Russ.).
- Puchkova, E. M., Sinitsyna, I. V., Nikulina, O. N., & Belousova, A. A. (2023). Bankruptcy statistics in the conditions of sanctions and Russia’s anti-sanction policy. *Bulletin Peoples' Friendship Institute of the Caucasus (the Economy and National Economy Management). Economic Sciences*, 1, 166–171. (In Russ.).
- Pugacheva, M. A., Petrova, E. A., Gabidulina, L. B., & Fayrushina, L. A. (2022). Problems of monopolization in the digital economy. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2(6), 39–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.06.02.006>
- Pugacheva, S. D., Pugacheva, M. A., & Petrova, E. A. (2021). Management and optimization of business processes for workover of wells in an oil and gas company. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 10, 1020–1025. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/eip.2021.135.10.196>
- Pugacheva, S. D., Pugacheva, M. A., & Ahmetova, I. A. (2020). Efficiency of lean production in mechanical engineering. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 8, 977–981. (In Russ.). <https://doi.org/10.34925/eip.2020.121.8.195>
- Pustyakov, A. V. (2006). Notion of reckless bankruptcy in foreign legislation (Germany, etc.). Probability of applying the institute of reckless bankruptcy in the Russian criminal legislation. *Yuridicheskie nauki*, 2, 196–208. (In Russ.).

- Roslyakov, V. D. (2024). Peculiarities of the regulation of criminal liability for criminal bankruptcies in Germany. *Legal Science*, 8, 284–288. (In Russ.).
- Ryabicheva, O. I., Magomedova, Z. G., & Sultanova, L. Sh. (2022). Analysis of domestic and foreign experience bankruptcy procedures for enterprises. *Journal of Applied Research*, 8(6), 702–706. (In Russ.). https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_6_8_702
- Rybolovleva, A. A., Vodolazhskaya, E. L., Avilova, V. V., & Ostanina, S. Sh. (2011). Main directions for improving the management of intellectual property commercialization. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 4, 223–230. (In Russ.).
- Sakov, A. S. (2013). Economic content and development of the “insolvency” and “bankruptcy” definitions and ways to increase the sustainability of enterprises. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 6, 113–118. (In Russ.).
- Sergeev, D. A. (2009). Main directions of state support for nanoindustry today. *Actual Problems of Economics and Law*, 3, 85–88. (In Russ.).
- Sergeev, D. A. (2013). Corruption risks in pricing when placing state purchases. In *Dialectics of anti-corruption: works of the 3rd All-Russia scientific-practical conference* (pp. 166–168). Kazan: Poznaniye. (In Russ.).
- Sergeev, D. A. (2014). Some proposals for reducing corruption risks when implementing state purchases. In *Dialectics of anti-corruption: works of the 4th All-Russia scientific-practical conference. Institute of Economics, Management and Law (Kazan)* (pp. 156–157). Kazan: Poznaniye. (In Russ.).
- Shakhova, V. N. (2018). К вопросу о понятии несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя. *Actualnye problemy pravovedeniya*, 1, 26–28.
- Shayhutdinov, E. (2024). Some aspects of the concept of insolvency (bankruptcy). *Russian Juridical Journal*, 4, 93–100.
- Sheremet, A. D., & Sayfullin, R. S. (1995). *Methodology of financial analysis*. Moscow: INFRA-M.
- Shershenevich, G. F. (1898). *Bankruptcy law* (2^d ed.). Kazan: Tip. Imp. Un-ta.
- Shuvalov, I. (2021). The Institution of Bankruptcy and Its Role During Socio-Economic Crisis. *Journal of Russian Law*, 25(12), 98–107. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.151>
- Silivonchik, A. G. (2021). Features of defining the notion “bank’s bankruptcy”. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*, 2, 29–33. (In Russ.).
- Skargina, M. V. (2024). Effect of sanctions on the institution of cross-border insolvency (bankruptcy) of legal entities in Russia. *Academiya prava*, 1, 55–60. (In Russ.).
- Skoptsova, E. I. (2023). Impact of Sanctions on Formation of the Russian Approach to the Legal Regulation of Cross-Border Insolvency. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 9, 231–240. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.109.9.231-240>
- Skorobogatov, A. V. (2012). Legal regulation of bankruptcy in Russia in the second half of the 18th century. *Actual Problems of Economics and Law*, 2, 168–175. (In Russ.).
- Sotnikova, L. N., & Gribanova, E. V. (2022). Economic essence of the concept “financial inconvention”. *Financial Vestnik*, 4, 5–12. (In Russ.).
- Stepanov, I. G., Popova, N. S., & Demidova, M. N. (2006). Content of the “insolvency” and “bankruptcy” notions. *Siberian Financial School*, 4, 67–69. (In Russ.).
- Suvorov, E. D. (2020). On the Issue of the Concept of Bankruptcy. *Lex Russica*, 73(11), 21–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.021-034>
- Sviridenko, O. M. (2011). Institute of insolvency (bankruptcy) in the civil law system. *Journal of Russian Law*, 1, 39–46. (In Russ.).
- Timiryasov, V. G., Kramin, T. V., Sergeev, D. A. et al. (2009). *Nanotechnologies: new stage in the development of humankind*. Kazan: Poznaniye. (In Russ.).
- Titova, S. V., Ivanova, I. I., & Maratkanova, E. M. (2023). Study of business processes of working with clients in an IT-company. *Economika i predprinimatelstvo*, 6, 992–997. EDN: NYDCZO. DOI: <https://doi.org/10.34925/eip.2023.155.6.183>
- Tkachev, V. N. (2003). “Insolvency” and “bankruptcy” notions: essence and correlation. *Advokat*, 3.
- Trushina, N. N. (2020). Bankruptcy of legal entities: legal, economic and social aspects. *Vector Economy*, 9, 25–32.
- Ulakova, Zh. V. (2020). The ratio the concepts of “insolvency” and “bankruptcy”. *Problems of the Theory of the Institution of Bankruptcy. Tribune of Scientists*, 6, 352–356.
- Uvarova, M. V., & Starikova, E. V. (2022). Accelerator as a tool for the development of high-tech products and innovations in an organization. In *Digital Economy: problems and prospects of development: collection of scientific works of the 4th All-Russia scientific-practical conference, Kursk* (pp. 534–537).
- Vanin, V. E., & Tkachev, V. N. (2010). Revisited co-relation between the concepts “insolvency” and “bankruptcy” in American law. *Zakonodatelstvo*, 4, 71–74. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. A. (2023). Judicial bankruptcy of citizens: the rights of the debtor against the interests of creditors. *Property Relations in the Russian Federation*, 3, 48–52. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. A. (2018). Economic and mathematical model for assessing the organization competitiveness. *Science and Education Issues*, 12, 5–7.
- Vlasenko, R. N. (2015). Insolvency, bankruptcy and other adjacent concepts of the theory of law and of the legislation. *Publichnoe i chastnoe parvo*, 2, 197–207. (In Russ.).

- Vlasenko, S. V., & Galimov, A. R. (2012). “Bankruptcy” concept within the legal linguistics coordinates: Russian–English–French approximations. *Vestnik TvGU Series: Philology*, 2, 21–28. (In Russ.).
- Vorontsova, L. V., & Malushkin, P. N. (2009). The genesis of the global economic crisis. *Actual Problems of Economics and Law*, 1, 116–124. (In Russ.).
- Yulova, E. S. (2004). *Legal regulation of insolvency (bankruptcy) of credit organization*: abstract of Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow.
- Zagoruyko, I. Yu. (2017). Modern approaches to the definition and limitation of the concepts of “insolvency” and “bankruptcy”. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 8(4), 51–53. (In Russ.).
- Zakirova, D. F. (2024). On predicting the probability of default of credit organizations in the Russian Federation. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(1), 70–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.70-87>
- Zhdanov, V. Yu., & Rygin, V. E. (2013). Insolvency and bankruptcy at an enterprise: the problem of correlation. *Russian Journal of Regional Studies*, 4, 164–171. (In Russ.).
- Zhiltsova, Yu. V., & Strakhov, V. A. (2021). Formulating a stand-alone paradigm of the concepts Bankruptcy and Insolvency of legal entities. *International Accounting*, 24(7), 826–844. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/ia.24.7.826>
- Zhumadilova, N. (2020). Bankruptcy (insolvency) as an economic and legal category. *Izvestiya Issyk-Kul'skogo foruma bukhgalterov i auditorov stran Czentralnoy Azii*, 2, 123–129. (In Kyrgyz).
- Zolototrubova, N. A. (2023). The correlation of the concepts of “insolvency” and “bankruptcy”. *Journal of Legal Sciences*, S1-2, 38–43. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 13.01.2025
 Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 18.04.2025
 Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики Э. Ю. Латыпова / Rubric editor E. Yu. Latypova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.312-327>

УДК / UDC 342.7:004.056:004.738.5(410)(430)

А. К. Жарова¹

¹ Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Неабсолютное право на тайну цифровых сообщений, или Европейская система достоверной идентификации человека

Жарова Анна Константиновна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук

E-mail: anna_jarova@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-3369>

Scopus Author ID: 56964137900

Web of Science Researcher ID: H-4012-2015

eLIBRARY SPIN-код: 2240-1467

Аннотация

Цель: подтверждение либо опровержение гипотезы о том, что введенные в Германии и Англии требования об обязательном использовании провайдерами (операторами связи) технологий массового перехвата сообщений (данных) в совокупности с технологиями анализа больших данных являются новым этапом развития европейской предиктивной полицейской деятельности, проводимой в режиме, близком к реальному времени, и основой для формирования системы достоверной идентификации интернет-пользователя.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, сравнение) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: автор приходит к выводу о том, что создаваемая в европейских государствах модель идентификации призвана разрешить проблему ложных пользовательских данных. В большинстве стран мира отсутствует требование к интернет-пользователям о регистрации под действительными именем, фамилией и отчеством, если оно предусмотрено национальным обычаем. В результате анализа законодательства указанных стран автор приходит к заключению, что они направлены на создание европейской системы, которая позволит идентифицировать пользователей Интернета с высокой достоверностью, в режиме, максимально приближенном к реальному времени.

Научная новизна: в статье на основании исследования законодательства Англии и Германии, регламентирующего вопросы массового перехвата сообщений, и судебной практики их применения описана формирующаяся европейская система идентификации пользователей в Сети, которая направлена на создание системы узаконенной идентификации человека в Интернете. Доказано, что право на тайну связи в действительности рассматривается как относительное право человека, которое может быть нарушено в целях обеспечения безопасности государства от существующих угроз.

Практическая значимость: исследование поможет ученым, практикам и обучающимся лучше понять тенденции европейского законодательства и риски, которые формируются новой европейской системой идентификации пользователя Сети на основе анализа его цифровых следов.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, технологии больших данных, массовый перехват сообщений, цифровой профиль, тайна электронных сообщений, нарушение прав человека

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Жарова, А. К. (2025). Неабсолютное право на тайну цифровых сообщений, или Европейская система достоверной идентификации человека. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 312–327. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.312-327>

Scientific article

A. K. Zharova¹

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Non-absolute right to the secrecy of digital messages, or the European system of reliable identification of a person

Anna K. Zharova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-3369>
Scopus Author ID: 56964137900
Web of Science Researcher ID: H-4012-2015
eLIBRARY SPIN-code: 2240-1467

Abstract

Objective: to confirm or refute the hypothesis that the requirements, introduced in Germany and Great Britain, for the mandatory use of mass interception of messages (data) by providers (telecommunication operators), combined with big data analysis technologies, constitute a new stage in the development of European predictive policing, conducted in a close to real time regime, and serve as the basis for reliable Internet users' identification systems.

Methods: the article uses the universal dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, comparison) and specific scientific research methods (formal legal method).

Results: the author comes to the conclusion that the identification model being created in European countries is designed to solve the problem of false user data. In most countries, there is no requirement for Internet users to register under a valid first name, last name and patronymic, if it is provided for by national custom. Having analyzed the legislation of these countries, the author concludes that they are aimed at creating a European system that will allow identifying Internet users with high reliability, in a mode as close to real time as possible.

Scientific novelty: based on a study of the legislations of Great Britain and Germany regulating the mass interception of messages and judicial practice of their application, the article describes the emerging European system of user identification on the web, which is aimed at creating a system of legalized identification of a person on the Internet. It is proved that the right to communication secrecy is actually considered as a relative human right that can be violated to ensure the state security against existing threats.

Practical significance: the research will help scientists, practitioners and students to better understand the trends in European legislation and the risks posed by the new European system of network user identification based on the analysis of their digital footprints.

Keywords:

criminal-legal sciences, big data technologies, mass interception of messages, digital profile, secrecy of electronic messages, violation of human rights

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Zharova, A. K. (2025). Non-absolute right to the secrecy of digital messages, or the European system of reliable identification of a person. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 312–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.312-327>

Введение

С каждым днем объем данных растет экспоненциально. По прогнозам, в 2025 г. он достигнет 175 зеттабайт¹. Но уже сейчас в нем содержатся данные, напрямую связанные с повседневной жизнью людей. Ученые предупреждают, что в этом году нас ждет кризис хранения данных², причем такое стремительное возрастание объема данных обусловлено значительным увеличением числа устройств, подключенных к Интернету. Уходит в прошлое эпоха оцифровки данных, ей на смену приходит время, когда оцифрованная информация, данные сами по себе становятся ценным ресурсом не только бизнеса, науки, но и государства с его основными функциями обеспечения безопасности. Перед государством уже не стоит вопрос, сколько у него больших данных, а возник вопрос, как их можно использовать.

Идея ценности больших данных и развития применения методов их анализа давно не является чем-то новым. Концепция «общества знаний», предложенная ООН, получила поддержку в Уфимской декларации VII саммита БРИКС еще в 2015 г. (п. 33)³. В этом документе информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) были названы важным инструментом для перехода от информационного общества к обществу знаний.

Однако в настоящее время государства, которые первыми подчеркнули важность обеспечения прав человека на конфиденциальность данных, неприкосновенность частной жизни, вносят изменения в законодательство, обязывая провайдеров и операторов связи иметь в своем арсенале технологии, позволяющие осуществлять массовый перехват сообщений в Интернете.

Эта ситуация позволяет нам сделать предположение, что либо технологии анализа больших данных не представляют такой угрозы для конфиденциальности личных данных, как это утверждали правительства, либо требования об обязательном использовании технологий массового перехвата сообщений в совокупности с технологиями анализа больших данных являются новой ступенькой развития европейской предиктивной полицейской деятельности, проводимой в режиме реального времени.

Чтобы подтвердить либо опровергнуть эту гипотезу, в статье проводится анализ преимуществ использования в сочетании технологий больших данных и массового перехвата сообщений, а также изменений, произошедших в законодательстве Германии и Англии за период с 2022 по 2024 г., направленных на применение технологии массового перехвата сообщений.

Результаты исследования

Можно ли скрыть данные для систем анализа больших данных?

Технологии анализа данных стали активно применяться в 1990-х гг., когда объемы информации начали стремительно расти. Термин «большие данные» был впервые использован в 2008 г. редактором журнала

¹ Эксперт: объем данных в мире к 2025 году вырастет более чем в пять раз. (2019, 12 марта). ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/6209822>

² Глобальный кризис хранения данных. Почему места в хранилищах на всех не хватит. (2023, 16 января). Хабр. <https://habr.com/ru/companies/first/articles/710838/>

³ Уфимская декларация VII саммита БРИКС (Принята в г. Уфе 09.07.2015). Официальный сайт Президента Российской Федерации. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf>

Nature К. Линчем в статье, посвященной будущему науки⁴. Благодаря революции в области информационных технологий применение подобных технологий стало более доступным (Филипова, 2025; Краулин, 2023). Однако с этих пор люди осознали, что применение технологий анализа данных несет не только удобство, но и риск утраты конфиденциальности персональных данных (Редкоус, 2021; Begishev, 2022). Те инструменты, которые раньше были эффективными для защиты личных данных (Филипова, 2020), начинают терять свою актуальность в эпоху анализа больших данных (Хисамова, Бегишев, 2019). И связано это с возможностями таких технологий, которые позволяют анализировать любую информацию, включая информацию ограниченного доступа, размещенную в Сети (Смирнов, 2018). Так, если информация размещена на странице социальной сети и ее владелец предоставил к ней доступ только для определенной группы людей (Добкач, 2019), например, для друзей, то для технологии анализа больших данных это не имеет значения, важен сам факт ее присутствия в Интернете.

Сложностью для технологий анализа больших данных являются криптографически защищенные данные. Однако с течением времени (Громова, Петренко, 2023), как только будет решена задача создания квантового компьютера, все зашифрованные данные станут доступными для изучения (Жарова, 2023).

Но даже если некоторые персональные данные не размещены в Сети, технологии анализа больших данных позволяют получить их самостоятельно (Жарова, 2019; Уварова, Хроль, 2023) на основе анализа цифровых теней и цифровых следов, оставленных человеком (Bekkulov, 2023; Жарова, 2022). Например, швейцарские ученые провели эксперимент, который позволил убедиться, что большие языковые модели (*LLM*) могут собрать и раскрыть личную информацию пользователей Сети. В качестве примера ученые взяли 1,5 тысячи случайных профилей с площадки *Reddit* и проанализировали их активность с помощью *LLM*. *LLM* смогли точно определить место рождения и жительства, а также уровень дохода людей по вторичной информации, оставленной пользователями Сети. *GPT-4* идентифицировал эти атрибуты с точностью 85 %, а *LlaMA-2-7b* – с точностью 51 %⁵.

В таком случае, если современные технологии анализа данных, например, оставленных человеком в Интернете, представляют серьезную опасность конфиденциальности, поскольку могут сформировать цифровой профиль человека либо достаточно точно идентифицировать его по независимым между собой атрибутам, то возникает вопрос о целесообразности предъявления требований к провайдерам и операторам связи о наличии технологий, позволяющих массово перехватывать сообщения в Интернете с целью идентификации человека?

Ответ кроется в функциональных особенностях каждой технологии. Технологии массового перехвата сообщений и анализа больших данных представляют собой два различных подхода к обработке информации, которые могут применяться в сочетании. Между ними существуют значительные различия, которые заключаются в целях, методах сбора и обработки данных, а также в области их применения.

Цель применения массового перехвата сообщений заключается в собирании данных путем осуществления перехвата максимально возможного объема данных в реальном времени или в режиме, близком к нему, из различных источников, таких как интернет-трафик, телефонные разговоры, сообщения, переданные по электронной почте, размещенные в социальных сетях, и т. д. Все эти данные являются большими данными, они собираются без согласия или уведомления пользователей. Анализ полученных данных идет в режиме, близком к реальному времени, и направлен на выявление потенциально подозрительной активности, отслеживание коммуникаций и сбор разведывательной информации.

Целью применения технологии анализа больших данных является анализ уже собранных данных, например, перехваченных с целью выявления закономерностей, связей и скрытых тенденций. Этот анализ может быть как ретроспективным, так и перспективным.

Для анализа разных цифровых данных (системных и идентификационных) разработаны и используются различные методы и технологии работы с ними (Халапсин, Данилюк, 2022). Например, один из методов – это детерминированная идентификация, которая осуществляется с помощью анализа цифровых данных, уникальных для каждого человека и не меняющихся от устройства к устройству. К таким данным относятся имя,

⁴ История больших данных (Big Data) – часть 1. (2019, 15 января). КомпьюТерра. <https://www.computerra.ru/234239/istoriya-bolshih-dannyh-big-data-chast-1/>

⁵ Нейросети раскрыли личные данные пользователей соцсетей. (2023, 1 ноября). Lenta.ru. <https://lenta.ru/news/2023/11/01/llm/>

фамилия, номер телефона, электронная почта и др. Эти данные человек вводит сам в начале использования устройства, в случае применения интернет-технологий такими данными могут быть регистрационные данные.

Еще один метод анализа данных – вероятностное определение – основывается на анализе различных данных о пользователе, которые сопоставляются с помощью специальных вероятностных моделей. Для этого используются различные системные и идентификационные параметры, такие как *IP*-адрес пользователя, страна его проживания, маска сети и подсети, а также информация об интересах и поведении пользователя, например, скорости нажатия на клавиши клавиатуры, его запросах и другие сведения.

Однако любые технологии анализа данных могут быть использованы, только когда эти данные собраны или перехвачены. Причем перехватить данные можно только на определенных этапах приема-передачи данных в Сети. Технологии массового перехвата могут перехватить данные лишь в случае, если передаваемые по Интернету пакеты данных собрались в интернет-узле. Им может быть маршрутизатор, компьютеры, сотовые телефоны, специальные сетевые устройства, серверы, другие устройства. Перехват может быть реализован в режиме реального времени.

Основным протоколом приема и передачи данных по Сети является протокол *TCP/IP*, он передает данные небольшими пакетами, которые в процессе их передачи по Сети невозможно распознать и оценить на предмет их смысла и содержания. Однако этот же протокол *TCP/IP* собирает данные в целое у получателя информации, в узле Сети, и когда данные представляют целое, то их можно перехватить, а далее технологиями анализа данных оценить.

Таким образом, перехватить пакеты данных в процессе их передачи по Сети с технологической точки зрения невозможно, но можно это сделать в интернет-узле.

Исходя из функциональных возможностей сравниваемых информационных технологий – массового перехвата сообщений и анализа больших данных, мы приходим к выводу, что технологии массового перехвата сообщений значительно расширяют функционал систем обработки больших данных. Они позволяют в режиме реального времени собирать данные из различных интернет-источников для получения разведывательной информации и выявления новых угроз, исходящих от всех пользователей, подключенных к Сети (Жарова, 2019; Кубасов и др., 2020). И, вероятно, истинный смысл массового перехвата сообщений заключается в предоставлении правоохранительным органам инструментов для «первичного отбора» потенциально подозрительной информации, которая затем может быть подвергнута более детальному анализу с помощью технологии больших данных.

Неабсолютное право на тайну электронных сообщений

В период с 2022 по 2024 г. в законодательствах Великобритании и Германии произошли изменения, касающиеся требований к провайдерам и операторам связи о наличии у них технологий, обеспечивающих массовый перехват сообщений в Интернете. Хотя в Европе судебная практика по делам о применении технологии массового перехвата начала формироваться намного раньше. Так, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), рассмотрев дело в закрытых заседаниях 11 июля, 4 и 6 сентября 2019 г. и 17 февраля 2021 г., вынес в последнюю дату решение по делу Максимилиана Шремса, в котором постановил, что американские компании не обеспечивают должную защиту конфиденциальности данных в соответствии с европейскими стандартами. Суд также признал, что законодательство, позволяющее государственным органам получать доступ к содержанию электронных сообщений на общей основе, нарушает фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни⁶.

Однако судебные постановления не смогли остановить формирование системы законодательных документов, которые нацелены на то, чтобы массово перехватывать сообщения. Так, 22 декабря 2023 г. в Германии были внесены изменения в Закон об ограничениях секретности письменных, почтовых сообщений и теле-

⁶ Постановление ЕСПЧ от 25.05.2021 «Дело «Центр правосудия (Centrum for rattvisa) против Швеции» (жалоба № 35252/08). По делу оспариваются массовый перехват трансграничных сообщений разведывательными службами, сам факт существования правового режима скрытого наблюдения, а также пропорциональность и гарантии законодательства Швеции о перехвате информации в разведывательных целях. По делу было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. (2022). Прецеденты Европейского суда по правам человека, 1.

коммуникаций (*Gesetz zur Beschränkung des Brief, Post- und Fernmeldegeheimnisses*⁷ (далее – G 10)), который аналогичен британскому Закону о регулировании следственных полномочий 2000 г.

В декабре 2022 г. в Великобритании вступил в силу Кодекс практической деятельности по перехвату сообщений 2022 г. (*Interception of communications code of practice 2022*) (далее – Кодекс практики)⁸, который дополняет британский Закон о регулировании следственных полномочий 2000 г.⁹ Он устанавливает обязанность провайдеров и операторов связи обеспечить на технологическом уровне перехват и анализ сообщений, отправляемых через Интернет. Хотя еще в 2016 г., в соответствии с положениями британского Закона о полномочиях по проведению расследований 2016 г.¹⁰ (далее – Закон «О проведении расследований»), был разрешен перехват сообщений.

Согласно п. 1.1 Кодекса практики, он применяется при реализации положений, предусмотренных Законом «О проведении расследований», содержит рекомендации по процедурам, которые необходимо соблюдать при перехвате сообщений и/или получении вторичных данных в соответствии с этими положениями. В первую очередь он предназначен для государственных органов, перечисленных в разделе 18 Закона «О проведении расследований», а также для операторов почтовой и телекоммуникационной связи и других заинтересованных организаций, чтобы помочь им соблюсти необходимые процедуры перехвата сообщений.

В п. 1.4 Кодекса практики отмечается, что некоторые права, изложенные в Законе о правах человека 1998 г. и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), являются абсолютными, например, запрет на пытки, в то время как другие являются относительными.

Судя по всему, право на тайну связи, телефонных и почтовых сообщений Великобритания отнесла к относительным правам, нарушение которых возможно при определенных условиях. В Кодексе практики об этом так и написано. Перехват сообщений и получение вторичных данных из этих сообщений, скорее всего, повлекут за собой нарушение прав человека в соответствии с ЕКПЧ (п. 4.10 Кодекса практики). Кроме того, Кодексом практики признается, что «среди прав, подлежащих ограничению, есть право человека на уважение его личной и семейной жизни, жилища и переписки, предусмотренное статьей 8 ЕКПЧ» (п. 1.5. Кодекса практики).

Хотя должны отметить, что в законодательстве Великобритании возможность перехвата данных допускается для достижения законной цели, а действия, направленные на это, должны быть ей соразмерны. Закон «О проведении расследований» требует установления одного или нескольких оснований, указанных в ст. 20 Закона «О проведении расследований», для выдачи ордера, причем в любом случае конечной целью выступает обеспечение национальной безопасности. Основаниями для выдачи ордера на массовый перехват данных могут служить:

- интересы национальной безопасности;
- предотвращение или выявление тяжких преступлений, которые определены в ст. 263(1) Закона «О проведении расследований» как деяния, за которые лицо, достигшее 21 года и не имеющее судимостей, может быть справедливо приговорено к тюремному заключению на срок от трех лет и более. К таким преступлениям могут относиться деяния, связанные с насилием, ведущие к существенной финансовой выгоде или совершаемые группой лиц с общей целью;
- защита экономического благополучия Великобритании, если это соответствует интересам национальной безопасности.

Право на выдачу ордера на перехват с целью обеспечения экономического благополучия может быть реализовано только в том случае, если государственный секретарь сочтет обстоятельства, соответствующими интересам национальной безопасности, а решение будет одобрено судебным комиссаром. При этом право на выдачу ордера на перехват в целях защиты экономического благополучия может быть использовано только

⁷ Gesetz zur Beschränkung des Brief-, Post- und Fernmeldegeheimnisses (Artikel 10-Gesetz – G 10). (2001, 26 June). https://www.gesetze-im-internet.de/g10_2001/BJNR125410001.html

⁸ Interception of communications code of practice 2022. (2022). Gov. UK. <https://www.gov.uk/government/publications/interception-of-communications-code-of-practice-2022/interception-of-communications-code-of-practice-2022-accessible>

⁹ Regulation of Investigatory Powers Act 2000 (RIPA). (2023, 25 July). Gov. UK. <https://www.gov.uk/government/publications/regulation-of-investigatory-powers-act-2000-ripa/regulation-of-investigatory-powers-act-2000-ripa>

¹⁰ The Investigatory Powers Act. (2016, March 1). Gov. UK. <https://www.gov.uk/government/collections/investigatory-powers-bill>

тогда, когда необходимая информация касается действий или намерений лиц, находящихся за пределами Британских островов;

– приведение в действие положений документа о взаимной помощи Европейского союза или международного ордера на оказание взаимной помощи.

В связи с этим особый интерес представляет решение ЕСПЧ, вынесенное в 2021 г., фиксирующее противоречивую позицию¹¹. С одной стороны, в решении ЕСПЧ говорится, что режим массового перехвата или массовой слежки нарушает свободу выражения мнений в соответствии со ст. 10 ЕКПЧ. С другой – Большая палата ЕСПЧ пришла к выводу, что массовый перехват сообщений не является нарушением прав человека¹², учитывая «множество угроз, с которыми государства сталкиваются в современном обществе»¹³. Для исключения нарушения положений ЕКПЧ при осуществлении массового перехвата судьи ЕСПЧ приходят к выводу, что процесс массового перехвата должен сопровождаться комплексными мерами безопасности, подлежать надзору и независимой проверке. Применяемые меры, направленные на массовый перехват, должны отвечать требованиям необходимости и соразмерности. Их проведение должно подчиняться законодательно зафиксированному порядку получения разрешения на его проведение и определения цели и масштабов применяемых мер.

Таким образом, в 2021 г. судьи ЕСПЧ признали возможность проведения массового перехвата в целях противодействия угрозам в современном обществе. Хотя еще в 2008 г. судьи ЕСПЧ подтвердили правомерность действий хостинг-провайдера, который отказался раскрывать информацию о лице, разместившем объявление на сайте. Поскольку, как посчитал хостинг-провайдер, его действия могут быть расценены как нарушение права на уважение частной и семейной тайны на основании ст. 8 ЕКПЧ¹⁴.

Таким образом, мы видим, как за четыре года кардинально меняется мнение судей ЕСПЧ. Хотя Руководящий комитет по правам человека Совета Европы в своем докладе о долгосрочных перспективах развития правовой системы, основанной на ЕКПЧ, отметил, что «длительное неисполнение постановлений ЕСПЧ является вызовом авторитету самого суда и, как следствие, всей правовой системе, основанной на ЕКПЧ»¹⁵.

В таком случае возникает закономерный вопрос: не подрывают ли сами судьи свой авторитет, вынося резко отличающиеся друг от друга решения? Возможным ответом будет то, что в настоящей геополитической ситуации на первое место выходит не столько авторитет судей, сколько формирование европейскими государствами практики массового перехвата информации в Сети на основании аргументов о наличии множества угроз, с которыми государства сталкиваются в современном обществе.

Однако перехват, осуществляемый массово, позволяет нам заключить, что европейские государства исходят из того, что вся информация, передаваемая в Интернете, по умолчанию является запрещенной для распространения или ограниченного доступа. Иначе в связи с чем тогда ведется речь о массовом перехвате? Кроме того, массовый перехват данных предполагает сбор информации обо всех пользователях, что противоречит основным принципам информационного общества.

Мы считаем, что с позиций российского законодательства такая практика является нарушением права на тайну связи. Так, в соответствии со ст. 15 «Тайна связи» Федерального закона «О почтовой связи» «тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, гарантируется государством. Осмотр и вскрытие почтовых отправлений, осмотр их вложений, а также иные ограничения тайны связи допускаются только на основании судебного решения. Все операторы почтовой связи обязаны обеспечивать соблюдение тайны связи. Информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, а также сами эти почтовые от-

¹¹ Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom, Application Nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15 (ECtHR May 25, 2021).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Информация о постановлении ЕСПЧ от 2 декабря 2008 г. по делу «K.U. (K.U.) против Финляндии» (жалоба № 2872/02). По делу обжалуется уклонение от принуждения сервис-провайдера раскрыть данные о личности разыскиваемого за размещение непристойного объявления о несовершеннолетнем на интернет-сайте знакомств. По делу допущено нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. (2009). Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 4.

¹⁵ Human Rights Intergovernmental Cooperation. Council of Europe portal. <https://www.coe.int/web/human-rights-intergovernmental-cooperation/>

правления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения являются тайной связи и могут выдаваться только отправителям (адресатам) или их представителям»¹⁶.

Причем процесс приема-передачи по Сети данных от одного пользователя к другому оставляет множество вторичных данных, которые так или иначе могут быть квалифицированы как персональные данные на основании ч. 1. ст. 3 ФЗ «О персональных данных»: так, персональные данные – «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»¹⁷.

И для того, чтобы получить наиболее полную информацию об интернет-пользователе, законодательства Великобритании и Германии определяют порядок массового перехвата, т. е. перехвата всех возможных цифровых данных – первичных и вторичных (цифровых теней и цифровых следов). На это обращают внимание в совместном мнении судьи Лемменс, Вехаболич и Бошняк по делу «Big Brother Watch и другие против Соединенного Королевства»¹⁸. В своем мнении они указывают на то, что в Интернете содержится гораздо больше коммуникационных данных, чем самого контента. Это связано с тем, что каждый фрагмент контента окружен множеством фрагментов коммуникационных данных¹⁹. Кроме того, получение связанных коммуникационных данных значительно расширяет возможности получения полной информации о человеке²⁰.

Далее они цитируют судью Верховного суда США Уильяма О. Дугласа, который в 1996 г., выражая несогласие по делу Осборн против Соединенных Штатов, описал угрозу массовой слежки: «Может наступить время, когда никто не сможет быть уверен, записываются ли его слова для последующего использования. Каждый будет опасаться, что его самые сокровенные мысли больше не принадлежат ему, а принадлежат правительству. Самые личные и конфиденциальные разговоры всегда будут открыты для нетерпеливых и любопытных ушей. Когда это время настанет, уединение и свобода перестанут существовать»²¹.

Иными словами, судьи говорят именно об опасностях правам человека, которые могут идти от тотального перехвата и анализа всех цифровых данных человека, оставленных им в Интернете. Причем технологии анализа больших данных не ограничиваются открытыми данными, технологии способны проанализировать данные, связанные с зашифрованным контентом. Несмотря на то, что системы анализа данных не могут получить прямой доступ к содержанию и расшифровать какую-либо личную информацию об отправителе или получателе, они могут проанализировать коммуникационные данные, связанные с зашифрованным контентом. Такой контент содержит обширный массив личной информации, включая личность, его друзей, географические координаты отправителя и получателя, а также не только IP устройства передачи сообщения, но и его полные технические характеристики (Смирнов и др., 2021).

В Российской Федерации еще в 2003 г. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что «право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, необходимо получение судебного решения»²². В этом постановлении Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает, что право на тайну сообщения распространяется на любые сведения, связанные с приемом и передачей, включая так называемые второстепенные данные.

¹⁶ О почтовой связи. № 176-ФЗ от 17.06.1999. (1999). СЗ РФ, 29. Ст. 3697.

¹⁷ О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006. (2006). СЗ РФ, 31 (1 ч.). Ст. 3451.

¹⁸ Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom, Application Nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15 (ECtHR May 25, 2021).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Osborn v. United States, 385 U.S. 323 (1966).

²² Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи». (2004). Вестник Конституционного Суда РФ, 1.

Порядок массового перехвата сообщений

Закон G 10 разрешает автоматическое прослушивание внутренних и международных сообщений, а в § 2 G 10 определены обязанности поставщиков почтовых и телекоммуникационных услуг. Часть (1) § 2 гласит: «Любой, кто предоставляет почтовые услуги или участвует в оказании таких услуг в коммерческих целях, должен предоставить уполномоченному органу информацию об обстоятельствах почтовых отправок и передать любые отправления, которые ему поручено собирать, пересылать или доставлять, в соответствии с ордером»²³.

Часть (1a) § 2 G 10 определяет, что «любой, кто предоставляет телекоммуникационные услуги или участвует в оказании таких услуг в коммерческих целях, имеет разрешение уполномоченного органа: предоставлять информацию о более подробных обстоятельствах телекоммуникаций, осуществляемых после вступления в силу ордера, разглашать содержимое, доверенное ему для передачи по телекоммуникационному каналу, разрешить мониторинг и запись телекоммуникаций, в том числе путем предоставления доступа к своим объектам в обычное рабочее время, а также разрешить использование технических средств для выполнения действия, предусмотренного § 11 (1a) G 10, путем оказания помощи уполномоченному органу в перенаправлении телекоммуникаций»²⁴. Параграф 11 (1a) G 10 гласит: «Мониторинг и запись текущих телекоммуникационных сообщений, переданных после даты ордера, также могут осуществляться способом вмешательства в информационно-техническую систему, используемую заинтересованным лицом, когда это необходимо для обеспечения возможности мониторинга и записи, особенно в незашифрованном виде. Содержимое и обстоятельства связи, хранящиеся в информационно-технической системе заинтересованного лица с момента распоряжения, могут контролироваться и записываться, даже если они могли контролироваться и записываться в зашифрованном виде во время текущего процесса передачи в общедоступной телекоммуникационной сети»²⁵.

Федеральное министерство внутренних дел, строительства и внутренних дел Германии, в соответствии с законодательным декретом, наделено полномочиями согласовывать с Федеральным канцлером, Федеральным министерством экономики и энергетики, Федеральным министерством транспорта и цифровой инфраструктуры, Федеральным министерством юстиции и защиты прав потребителей и Федеральным министерством обороны, а также с согласия Федерального совета более детальные технические и организационные меры для выполнения обязательств по содействию массового перехвата сообщений. G 10 подробно определяет полномочия государственных органов и требования к провайдерам и операторам связи о содействии в массовом перехвате сообщений.

В Великобритании в соответствии с п. 4.11 Кодекса практики запросы на массовый перехват или целевое изучение данных могут подаваться только главой разведывательной службы или от его имени в интересах национальной безопасности. В соответствии с законодательством Великобритании перехват сообщений считается законным, если он осуществляется на основании ордера. Хотя возможен перехват сообщений и без ордера, например, такие случаи определены в гл. 12 Кодекса практики. Разделы 15(2)(b) и 136(2)(b) Закона «О проведении расследований» определяют, что ордер на перехват сообщений может разрешать сбор вторичных данных. Эти данные могут быть единственной целью ордера или дополнять основную задачу перехвата сообщений, указанную в документе. Также возможно получение ордера только на сбор вторичных данных, но и в этом случае законодательство допускает возможность перехвата содержимого сообщений, если эти данные необходимы для извлечения вторичных сведений из сообщений, упомянутых в ордере.

Кроме того, вторичные данные законодательством Великобритании разделяются на системные и идентификационные данные (разделы 16 и 137 Кодекса практики и раздел 263 Закона «О проведении расследований»). По нашему мнению, такое разделение проведено специально. Оно помогает технологии анализа данных наиболее точно определить личность пользователя Сети.

²³ Gesetz zur Beschränkung des Brief-, Post- und Fernmeldegeheimnisses (Artikel 10-Gesetz – G 10). https://www.gesetze-im-internet.de/g10_2001/BJNR125410001.html

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

К системным (в соответствии с разделом 263(4) Закона «О проведении расследований») относятся данные, которые содержатся в перехватываемых сообщениях, являются их частью и прикреплены к ним или логически связаны с ними.

Иными словами, под системными данными законодательство Великобритании понимает любые данные, которые связаны с функционированием систем или сервисов. Примерами таких данных могут быть: сообщения, отправляемые между элементами сетевой инфраструктуры, предназначенными для управления потоком данных; данные о конфигурации маршрутизатора или брандмауэра; информация об операционной системе, ее версии; история работы пользователя; альтернативные идентификаторы учетных записей, такие как адреса электронной почты или идентификаторы устройств пользователей; период времени, в течение которого маршрутизатор был активен в Сети.

Если системные данные входят в состав перехваченного сообщения, являются его частью, прикреплены к нему или логически связаны с ним, то они могут рассматриваться в качестве вторичных данных, в соответствии с разделами 16 и 137 Закона «О проведении расследований».

К идентификационным (в соответствии с разделами 263(2) и (3) Закона «О проведении расследований») относятся данные, которые содержатся в сообщении, являются его частью, прикреплены к нему или логически связаны с ним, могут быть логически отделены от остальной части сообщения и после отделения не раскрывают ничего из того, что можно было бы обоснованно считать смыслом (если таковой имеется) сообщения. Это данные, которые могут быть использованы для идентификации или содействия в идентификации пользователя Сети. Например, данные о любом лице, устройстве, системе или услуге; любом событии; местоположении человека, события или вещи. Как сказано в Кодексе практики, во многих случаях эти данные также могут быть системными. Однако бывают ситуации, когда они не обеспечивают или иным образом не способствуют функционированию сервиса или системы и, следовательно, не являются системными данными.

Исследователи утверждают, что разделение данных на системные и идентификационные служит обеспечению конфиденциальности, прозрачности и соразмерности в процессе сбора, обработки и хранения данных (Anyanwu et al., 2024; Sargiotis, 2024; Erdos, 2022; Nadjji, 2024).

Однако, по нашему мнению, разделение цифровых данных на системные и идентификационные сделано преднамеренно. Поскольку анализ системных данных позволяет создать цифровой профиль человека, а анализ идентификационных данных позволяет связать этот цифровой профиль с пользователем. Фактически подтвердить, например, что именно этот конкретный пользователь выходил в Сеть в такой-то промежуток времени, именно он (с его устройства) осуществлял какие-то действия в Сети. Причем чем больше разных данных, связанных с человеком, будет проанализировано, тем точнее будет идентификация человека.

Европейский суд юстиции в нескольких делах рассматривал вопрос о том, является ли массовый сбор метаданных сообщений юридически эквивалентным слежке за их содержанием (Buono & Taylor, 2017; Mulligan, 2016)²⁶, и в результате постановил, что массовый сбор телефонных и интернет-данных со стороны спецслужб является незаконным. Суд ограничил полномочия агентств безопасности во Франции и других странах ЕС, допустив возможность проведения массового перехвата только в тех случаях, «если правительство столкнулось с серьезной угрозой национальной безопасности»²⁷. Но и в такой ситуации полный доступ к пользовательским данным должен быть ограничен «строго необходимым» периодом и проходить под надзором суда или независимой профильной структуры²⁸.

Подобное дело рассматривал Суд ЕС, но по отношению к предприятиям США. В своем постановлении он отметил, что принцип безопасной гавани²⁹, который используется в США, применим только к предприятиям США, которые его придерживаются. Принцип безопасной гавани не распространяется на правительство США. Суд ЕС также отметил, что в США требования национальной безопасности, охраны общественных интере-

²⁶ Европейский суд признал незаконным массовый сбор данных спецслужбами. (2020, 6 октября). Securitylab.ru. <https://www.securitylab.ru/news/512785.php>

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Принцип безопасной гавани – это система законодательства США, в рамках которой существует защита от ответственности, возникающей в результате утечки данных, но для этого предприятия должны внедрять и поддерживать программы кибербезопасности, которые соответствуют признанным в отрасли стандартам передовой практики США.

сов и правопорядка преобладают над принципом безопасной гавани, поэтому предприятия США обязаны игнорировать без каких-либо сомнений как этот принцип, так и ограничение правил защиты, установленных данным принципом. Следовательно, наличие принципа безопасной гавани не препятствует властям США вмешиваться в основные права лиц, поскольку в США не существует норм, которые ограничивали бы такое вмешательство или обеспечивали бы эффективную правовую защиту от вмешательства³⁰.

Таким образом, подводя итог, должны отметить: для того чтобы перехваченные данные служили доказательством, необходимо не только иметь технологические инструменты перехвата данных и их анализа, но и должны быть сформированы правовые и организационные основы установления порядка применения таких технологий перехвата данных, требования к технологиям обработки и анализа данных. Именно это и является целью последних изменений в законодательстве Великобритании и Германии.

Правоприменительная практика

Отметим, что отправной точкой происходящих в настоящее время правовых изменений в области введения требований о применении технологий массового перехвата данных является разработанная Советом Европы и открытая для подписания в 2001 г. Европейская конвенция «О преступлениях в сфере компьютерной информации» (далее – Конвенция). За истекший период времени опубликовано большое число научных исследований как на территории Российской Федерации, так и за рубежом, обсуждающих возможные нарушения прав человека в Сети, связанные с реализацией положений Конвенции. Но большая часть исследователей связывает возникшее внимание к проблеме нарушения конфиденциальности данных о человеке в Сети с разоблачением, проведенным в июне 2013 г. Э. Сноуденом, правительств США и Великобритании в проведении массовой слежки и перехвате данных в Интернете. Хотя эти разоблачения произошли в 2013 г., т. е. спустя 12 лет после того, как Совет Европы открыл Конвенцию для подписания.

Э. Сноуден передал газетам «Вашингтон пост» и «Гардиан» информацию о слежке правительственных организаций США и Великобритании за пользователями в Интернете и собирании данных обо всех звонках пользователей. По данным, опубликованным в СМИ, в рамках сверхсекретной программы под кодовым названием ПРИЗМ (*PRISM*) спецслужбы собирают аудио- и видеофайлы, фотографии, электронную переписку, документы и данные о подключениях пользователей к тем или иным сайтам³¹.

Так, согласно статье *The Guardian*³², *GCHQ* (*Government Communications Headquarters*) имела возможность следить примерно за четвертью мировых кабелей, по которым передавался интернет-трафик, большая часть которого шла из США. Спецслужбы Великобритании регулярно перехватывали данные, идущие по оптоволокну в рамках принятых программ слежки «Управление Интернетом» и «Глобальная эксплуатация телекоммуникаций». Для анализа этих потоков данных было задействовано 300 аналитиков из *GCHQ* и 250 аналитиков из АНБ. После перехвата данных британское правительство использовало «селекторы» и «критерии поиска» для фильтрации контента и собираемых метаданных, поисковых запросов *Google*, покупок на *Amazon*, данных о местоположении и *IP*-адресов и других данных. Все перехваченные данные были собраны в огромную базу данных под кодовым названием «Полиция Кармы».

После опубликования информации последовали решения ЕСПЧ, в которых суд постановил, что использование Великобританией массовой слежки, о которой рассказал Э. Сноуден, нарушает фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни. Однако, несмотря на это, в целях обеспечения национальной безопасности такие действия могут быть осуществлены специальными службами государств.

³⁰ Постановление ЕСПЧ от 25.05.2021 «Дело «Центр правосудия (Centrum for rattvisa) против Швеции» (жалоба № 35252/08). По делу ожалуются массовый перехват трансграничных сообщений разведывательными службами, сам факт существования правового режима скрытого наблюдения, а также пропорциональность и гарантии законодательства Швеции о перехвате информации в разведывательных целях. По делу было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. (2022). Прецеденты Европейского суда по правам человека, 1.

³¹ Разоблачения Эдварда Сноудена. (2013, 24 октября). ТАСС. <https://tass.ru/spravochная-informaciya/695264>

³² *GCHQ taps fibre-optic cables for secret access to world's communications*. (2013, June 21). <https://www.theguardian.com/uk/2013/jun/21/gchq-cables-secret-world-communications-nsa>

В июле 2013 г. в Трибунале по следственным полномочиям Великобритании (*ИПТ*)³³ было проведено разбирательство по поводу несанкционированного «массового перехвата», который называли также массовой слежкой. Жалоба была подана правозащитной организацией *Privacy International* вместе с девятью другими неправительственными организациями со всего мира, включая Американский союз защиты гражданских свобод³⁴.

Но уже в декабре 2014 г. *ИПТ* пришел к выводу, что и массовый перехват данных в Великобритании и США в целом является законным. В ответ десять правозащитных организаций подали иск в ЕСПЧ, оспаривая решение. Результатом этого дела было решение ЕСПЧ, в котором он постановил, что массовая слежка сама по себе не нарушает права человека, поскольку входит в «пределы усмотрения государства в выборе наиболее эффективных способов достижения законной цели – защиты национальной безопасности»³⁵. Однако нарушением прав человека, по мнению ЕСПЧ, является отсутствие должного контроля за прослушиванием оптоволоконных кабелей и анализом собранных данных со стороны *GCHQ*. ЕСПЧ также отметил, что перехват метаданных и их анализ позволит получать более полную информацию о личной жизни человека, нежели сам контент.

Однако мы хотели бы обратить внимание на один интересный момент. В своих обсуждениях возможных нарушений прав, связанных с массовым перехватом данных, *ИПТ* и ЕСПЧ анализируют соответствие национального законодательства статьям ЕКПЧ. При этом они не ссылаются на Европейскую конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации (Конвенция), хотя именно в Конвенции содержатся статьи, определяющие порядок массового перехвата, сбора и анализа данных.

Мы убеждены, что национальное законодательство европейских стран в области применения технологий массового перехвата данных основывается на положениях Конвенции, которая определяет дальнейшие правовые принципы. Этот вывод вытекает не только из анализа правонарушений, который мы провели, но и из положений Конвенции. Так, в ст. 20 Конвенции установлены правовые основания «сбора в режиме реального времени данных о потоках информации». В соответствии с п. «d» ст. 1 Конвенции под данными о потоках понимаются «любые компьютерные данные, относящиеся к передаче информации посредством компьютерной системы, которые генерируются компьютерной системой, являющейся составной частью соответствующей коммуникационной цепочки, и указывают на источник, назначение, маршрут, время, дату, размер, продолжительность или тип соответствующего сетевого сервиса»³⁶.

Пункт «b» ч. 1 ст. 20 Конвенции определяет право каждого государства принимать законодательные и иные меры, необходимые для предоставления ее компетентным органам полномочий в части «обязывания поставщиков услуг в пределах имеющихся у них технических возможностей: i) собирать или записывать с применением технических средств на территории этой Стороны; ii) сотрудничать с компетентными органами и помогать им собирать или записывать в реальном режиме времени данные о потоках информации, связанные с конкретными сообщениями на территории этой Стороны, передаваемыми по компьютерной системе»³⁷.

Требования, аналогичные тем, что зафиксированы в п. «b» ч. 1 ст. 20 Конвенции, зафиксированы и в п. «b» ч. 1 ст. 21 Конвенции, но касаются отношений, возникающих при «перехвате данных о содержании».

В ч. 2 ст. 20 Конвенции определено, что в случае, если одна из Сторон не может собирать или записывать поток данных с применением технических средств на своей территории в связи со спецификой своего внутригосударственного права, то Сторона может принять законодательные и другие обеспечительные меры, которые необходимы для сбора и регистрации данных в режиме реального времени о потоках информации,

³³ *ИПТ* – это суд, который рассматривает и выносит решения по жалобам, в которых утверждается, что государственные органы или правоохранительные учреждения незаконно использовали скрытые методы и нарушали право человека на неприкосновенность частной жизни. Также этот суд рассматривает иски против служб безопасности и разведки за действия, которые нарушают более широкий спектр прав человека.

³⁴ *Privacy International v. Secretary of State for the Foreign and Commonwealth Office et al. (UK Mass Surveillance / UK-US Intelligence Sharing)*. <https://privacyinternational.org/legal-case-files/1619/privacy-international-v-secretary-state-foreign-and-commonwealth-office-et-al>

³⁵ Там же.

³⁶ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) [рус., англ.] (Заклучена в г. Будапеште 23.11.2001). СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ Там же.

относящихся к соответствующим сообщениям, на своей территории с использованием доступных технических средств.

Кроме того, в Конвенции определяются требования к принятию Сторонами всех необходимых мер на законодательном и ином уровне в целях сохранения в тайне поставщиком услуг как самого факта осуществления любых действий, так и информации об этих действиях. Данные требования зафиксированы в ст. 20 и 21 Конвенции.

Полномочия и процедуры, направленные на реализацию положений, закрепленных в ст. 20 и 21 Конвенции, принимаются каждой Стороной самостоятельно в рамках законодательных и иных мер, необходимых для установления полномочий и процедур, предусмотренных процессуальным законодательством Стороны в целях проведения конкретных уголовных расследований или судебного разбирательства (ч. 1 ст. 14 Конвенции).

Для операторов сотовой связи в ст. 18 Конвенции предусмотрены аналогичные требования о собирании сведений об абонентах. Так, ч. 3 ст. 18 под «сведениями об абонентах» понимается любая имеющаяся «у поставщика услуг информация о его абонентах в форме компьютерных данных или любой другой форме, кроме данных о потоках или содержании информации, с помощью которой можно установить: а) вид используемой коммуникационной услуги, принятые с этой целью меры технического обеспечения и период оказания услуги; б) личность пользователя, его почтовый или географический адрес, номера телефона и других средств доступа, сведения о выставленных ему счетах и произведенных им платежах, имеющиеся в соглашении или договоре на обслуживание; с) любые другие сведения о месте установки коммуникационного оборудования, имеющиеся в соглашении или договоре на обслуживание»³⁸.

Таким образом, государства – члены Совета Европы и другие государства, подписавшие Конвенцию, приняли на себя юридические обязательства по внедрению ее положений в национальное законодательство.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в Великобритании и Германии был проведен анализ действующего законодательства для определения того, какие положения Конвенции уже реализованы, а какие требуют дополнительных мер.

В законодательство этих европейских государств внесены изменения, касающиеся мер, необходимых для установления полномочий и процедур сбора компьютерных данных в режиме реального времени и представления их в виде электронных доказательств, определен порядок получения ордеров, соблюдения правил цепочки хранения, определены понятия незаконного доступа, перехвата, повреждения данных. Также разработаны подробные инструкции и руководства для правоохранительных органов, как, например, Кодекс практики. Эти инструкции содержат разделы, в которых раскрываются аспекты перехвата данных, их собирания и анализа, получение ордеров на перехват сообщений, сотрудничество с иностранными правоохранительными органами.

Заключение

Изменения в законодательстве, касающиеся массового перехвата данных, рассмотренные нами на примере Великобритании и Германии, направлены на создание системы узаконенной идентификации человека в Интернете. Право на тайну связи Кодекс практики отнес к относительным правам человека, которое может быть нарушено в целях обеспечения безопасности государства от существующих угроз.

Мнения ЕСПЧ по этому вопросу нельзя оценить однозначно, поскольку решения ЕСПЧ в 2008 и 2021 гг. кардинально отличаются. Однако даже в решении ЕСПЧ от 2021 г. нельзя получить однозначный ответ. С одной стороны, очевидно, что если стоит выбор между обеспечением безопасности государства, общества и нарушением права на тайну связи одного человека – подозреваемого в правонарушении, то предпочтение должно быть отдано общественному благу. С другой стороны, согласно европейскому законодательству, речь идет о массовом перехвате сообщений, что подразумевает возможность доступа ко всем данным в Интернете, в котором присутствуют данные не только подозреваемого в правонарушении.

Кроме того, в формирующейся европейской модели массового перехвата сообщений существует еще один аспект, который требует внимания. Поскольку технологии массового перехвата должны иметь в своем

³⁸ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) [рус., англ.] (Заклучена в г. Будапеште 23.11.2001). СПС «КонсультантПлюс».

арсенале провайдеры и операторы связи, то неизбежен риск нарушения тайны связи третьим лицом, например, сотрудником провайдера или оператора связи при выполнении им своих служебных полномочий. Для минимизации возможного риска должен быть обеспечен контроль за применением технологий массового перехвата. А лицо, которое предполагает, что данные о нем были получены при использовании технологии массового перехвата, должно иметь возможность получить информацию о собранных данных.

Таким образом, за последние несколько лет в европейском законодательстве начала формироваться определенная законодательством модель точной идентификации человека в Интернете. И, несмотря на то, что нами рассмотрены примеры изменения в законодательстве только двух европейских стран, мы можем утверждать, что аналогичные процессы происходят и в других государствах. В свою очередь, это позволяет сделать вывод, что конечной целью таких изменений является создание единой системы идентификации пользователей, которая обеспечивает доступ фактически в режиме реального времени к полной и исчерпывающей информации о действиях человека в Интернете.

Список литературы

- Громова, Е. А., Петренко, С. А. (2023). Квантовое право: начало. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 62–88. EDN: FKAWRT. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.3>
- Добкач, Л. Я., Тарапанова, Е. А. (2019). Законодательный механизм ограничения распространения информации в сети Интернет. *Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере*, 2(32), 30–38. EDN: LIXJZT. DOI: <https://doi.org/10.14529/secur190205>
- Жарова, А. К. (2019). Правовое обеспечение информационной безопасности при использовании интернета вещей. *Информационное право*, 4, 31–34. EDN: PWNKBY
- Жарова, А. К. (2023). Обзор нормативных требований, обеспечивающих национальную безопасность США в сфере квантовых технологий. *Информационное общество*, 3, 69–77. EDN: CCHNJY
- Жарова, А. К., Елин, В. М., Минбалеев, А. В. (2022). *Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления*. Москва: ООО «Русайнс». EDN: DNKVPR
- Краулин, К. К. (2023). Правовое развитие способов идентификации в сети Интернет на примере правил идентификации клиентов провайдера хостинга. В сб. *Шестые Бачиловские чтения: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, Москва, 2–3 февраля 2023 г.* (с. 243–250). Москва: Институт государства и права РАН. EDN: SECJPN
- Кубасов, И. А., Лекарь, Л. А., Кондрущенко, О. М. (2020). Перспективные направления применения методов анализа больших данных в информационно-аналитическом обеспечении оперативно-разыскной деятельности. В сб. И. Г. Чистобородов, А. Л. Ситковский, В. О. Лапин (ред.), *Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2020 г.* (с. 436–442). Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN: OSZJWB
- Редкоус, В. М. (2021). Современные направления правового обеспечения государственной безопасности в Российской Федерации. В сб. *Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Пермь, 6–8 апреля 2021 г.* (Т. 1, с. 67–69). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний. EDN: CUTPJC
- Смирнов, Д. В., Грушо, А. А., Забежайло, М. И., Тимонина, Е. Е. (2021). Система сбора и анализа информации из различных источников в условиях Big Data. *International Journal of Open Information Technologies*, 9(4), 64–71. EDN: VNVDNQ
- Смирнов, Е. В. (2018). Описание проблемы обработки и использования результатов анализа больших данных (Big Data). *Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования*, 6(46), 9. EDN: HDTWPN
- Уварова, А. Г., Хроль, Е. В. (2024). Задачи прогнозной аналитики при обработке больших данных. В сб. *Виртуозы науки: сборник тезисов Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых за 2023 г., Краснодар, 6–15 ноября 2023 г.* (с. 542–543). Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина. EDN: TBAJVV
- Филипова, И. А. (2020). Алгоритмизация: воздействие на сферу труда и ее регулирование. *Российская юстиция*, 11, 12–14. EDN: KLXDJU
- Филипова, И. А. (2025). *Правовое регулирование искусственного интеллекта* (3-е изд., обновл. и доп.). Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.
- Халапсин, А. Б., Данилюк, С. А. (2022). Информационная система интеллектуального анализа больших массивов данных о правонарушениях в Республике Беларусь. *Вестник Белорусского государственного университета транспорта: наука и транспорт*, 2(45), 35–39. EDN: APGIHK

Хисамова, З. И., Бегишев, И. Р. (2019). Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты. *Всероссийский криминологический журнал*, 13(4), 564–574. EDN: QOFRXQ. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).564-574](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574)

Anyanwu, A., Olorunsogo, T., Abrahams, T. O. et al. (2024). Data confidentiality and integrity: a review of accounting and cybersecurity controls in superannuation organizations. *Computer Science & IT Research Journal*, 5(1), 237–253. EDN: PBRTQT. DOI: <https://doi.org/10.51594/csitrj.v5i1.735>

Begishev, I. R. (2022). Criminal-Legal Protection of Robotics: Notion and Content. *International Journal of Law in Changing World*, 1(2), 73–83. EDN: OCYQJG. DOI: <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v1i2.33>

Bekkulov, N. R. (2023). Internet user classification and identification without using personal data. The World of Science without Borders: proceedings of the 10th All-Russian scientific and practical conference (with international participation) for young researchers, Tambov, 21 апреля 2023 года (с. 266–270). Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет». EDN: OPWSFQ.

Buono, I., & Taylor, A. (2017). Mass surveillance in the CJEU: forging a European consensus. *Camb Law J*, 76, 250–253.

Erdos, Dr. D. (2022). Identification in personal data: Authenticating the meaning and reach of another broad concept in EU data protection law. *Computer Law & Security Report*, 46, 105721. EDN: CMORYQ. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105721>

Mulligan, A. (2016). Constitutional aspects of international data transfer and mass surveillance. *Ir Jurist*, 55, 199–208.

Nadji, B. (2024). Data Security, Integrity, and Protection. In McClellan, S. (Eds.), *Data, Security, and Trust in Smart Cities. Signals and Communication Technology*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-61117-9_4

Sargiotis, D. (2024). Data Security and Privacy: Protecting Sensitive Information. In *Data Governance*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-67268-2_6

References

Anyanwu, A., Olorunsogo, T., Abrahams, T. O. et al. (2024). Data confidentiality and integrity: a review of accounting and cybersecurity controls in superannuation organizations. *Computer Science & IT Research Journal*, 5(1), 237–253. <https://doi.org/10.51594/csitrj.v5i1.735>

Begishev, I. R. (2022). Criminal-Legal Protection of Robotics: Notion and Content. *International Journal of Law in Changing World*, 1(2), 73–83. <https://doi.org/10.54934/ijlcw.v1i2.33>

Bekkulov, N. R. (2023). Internet user classification and identification without using personal data. The World of Science without Borders: proceedings of the 10th All-Russian scientific and practical conference (with international participation) for young researchers, Tambov, 21 April 2023 (pp. 266–270). Tambov: Publishing Center of Tambov State Technical University.

Buono, I., & Taylor, A. (2017). Mass surveillance in the CJEU: forging a European consensus. *Camb Law J*, 76, 250–253.

Crowlin, K. K. (2023). Legal development of methods of identification on the internet by the example of identification rules hosting provider clients. *Sixth Bachilov readings: A collection of articles by participants of the International Scientific and Practical Conference*, Moscow, February 2–3, 2023 (pp. 243–250). Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Dobkach, L. Ya., & Tarapanova, E. A. (2019). Legislative mechanism for limiting the dissemination of information in the Internet. *Bulletin of the Ural Federal District. Information security*, 2(32), 30–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.14529/secur190205>

Erdos, Dr. D. (2022). Identification in personal data: Authenticating the meaning and reach of another broad concept in EU data protection law. *Computer Law & Security Report*, 46, 105721. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105721>

Filipova, I. A. (2020). Algorithmization: impact on the labour market and its regulation. *Rossiyskaya yustitsiya*, 11, 12–14. (In Russ.).

Filipova, I. A. (2025). *Legal regulation of artificial intelligence* (3rd ed., updated and compl.). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. (In Russ.).

Gromova, E. A., & Petrenko, S. A. (2023). Quantum law: the beginning. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 62–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.3>

Khalapsin, A. B., & Daniliuk, S. A. (2022). Information system for intelligent analysis of large data on offenses in the Republic of Belarus. *Bulletin of the Belarusian State University of Transport: Science and Transport*, 2(45), 35–39. (In Russ.).

Khisamova, Z. I., & Begishev, I. R. (2019). Criminal liability and artificial intelligence: theoretical and applied aspects. *Russian Journal of Criminology*, 13(4), 564–574. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).564-574](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574)

Kubasov, I. A., Lekar, L. A., & Kondrushchenkov, O. M. (2020). Promising directions to apply big data analysis in information-analytical support of operational-investigative activities. In I. G. Chistoborodov, A. L. Sitkovsky, V. O. Lapin (Eds.), *Strategic development of the Russian law enforcement system: status, trends, prospects: collection of articles of the International scientific-practical conference, Moscow, October 23, 2020* (pp. 436–442). Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.).

Mulligan, A. (2016). Constitutional aspects of international data transfer and mass surveillance. *Ir Jurist*, 55, 199–208.

- Nadji, B. (2024). Data Security, Integrity, and Protection. In McClellan, S. (Eds.), *Data, Security, and Trust in Smart Cities. Signals and Communication Technology*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-61117-9_4
- Redkous, V. M. (2021). Modern directions of the legal support of state security in the Russian Federation. In *Penitentiary system and society: experience of interaction: Proceedings of the 8th International scientific-practical conference, Perm, April 6-8, 2021* (Vol. 1, pp. 67–69). Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service (pp. 67–69). (In Russ.).
- Sargiotis, D. (2024). Data Security and Privacy: Protecting Sensitive Information. In *Data Governance*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-67268-2_6
- Smirnov, D. V., Grusho, A. A., Zabezhalo, M. I., & Timonina, E. E. (2021). System for collecting and analyzing information from various sources in Big Data conditions. *International Journal of Open Information Technologies*, 9(4), 64–71. (In Russ.).
- Smirnov, E. V. (2018). Description of the problem of processing and using the results of the analysis of Big Data. *Information and Economic Aspects of Standardization and Technical Regulation*, 6(46), 9. (In Russ.).
- Uvarova, A. G., & Khrol, E. V. (2024). Tasks of predictive analytics in big data processing. In *Virtuosos of science: collection of abstracts of 2023 International scientific-practical conference for students and young researchers, Krasnodar, November 6–15, 2023* (pp. 542–543). Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University. (In Russ.).
- Zharova, A. K. (2019). Legal support of information security in the use of the internet of things. *Information Law*, 4, 31–34. (In Russ.).
- Zharova, A. K. (2023). Review of regulatory requirements that ensure US national security in the field of quantum technologies. *Information Society*, 3, 69–77. (In Russ.).
- Zharova, A. K., Elin, V. M., & Minbaleev, A. V. (2022). *Paradigm of digital profiling of human activity: risks, threats, crimes*. Moscow: Rusains. (In Russ.).

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 04.02.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 26.03.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

П. А. Кабанов¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Криминальная антропология мужеубийства в России. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Женская преступность в связи с ранними браками»

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Web of Science Researcher ID: D-7776-2015
eLIBRARY SPIN-код: 5342-0391

Аннотация

Цель: общее представление содержания статьи П. Н. Тарновской «Женская преступность в связи с ранними браками», определение ее места в творчестве этого автора и научной ценности для современной криминологии.

Методы: общенаучный метод диалектического познания, сравнение, а также формально-логический метод (дедукции, индукции, определения и деления понятия).

Результаты: в работе на основе анализа содержания статьи П. Н. Тарновской определяется значение этого произведения как начального этапа формирования автором антропологической концепции исследования женщин-убийц. Показано, в каких разделах монографии П. Н. Тарновской «Женщины-убийцы», изданной в 1902 г., были использованы результаты проведенного исследования, описанного в статье. Опровергается господствующее ранее в отечественной криминологии утверждение о том, что антропологические исследования П. Н. Тарновской предполагали для предупреждения преступности биологические средства, тогда как автор в указанном произведении рекомендует изменение социальной среды для сдерживания женской преступности (мужеубийств) – отказ от широкого применения ранних браков женщин-подростков до окончания их полового созревания.

Научная новизна: автором впервые дается криминологическая оценка статьи П. Н. Тарновской «Женская преступность в связи с ранними браками», а также указывается ее связь с последующими работами этого автора.

Практическая значимость: полученные результаты позволяют изменить представление о результатах исследований П. Н. Тарновской как одного из основателей мировой криминологической науки на ее концепцию предупреждения преступности, в которой воздействие на общесоциальные факторы преступности женщин являлось основой профилактики девиантного поведения женщин.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, криминология, криминальная антропология, женская преступность, мужеубийство, женщина-убийца, П. Н. Тарновская

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кабанов, П. А. (2025). Криминальная антропология мужеубийства в России. Предисловие к статье П. Н. Тарновской «Женская преступность в связи с ранними браками». *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 328–344. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.328-344>

Brief report

P. A. Kabanov¹¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Criminal anthropology of mariticide in Russia. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya “Female criminality in connection with early marriages”

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Web of Science Researcher ID: D-7776-2015
eLIBRARY SPIN-code: 5342-0391

Abstract

Objective: to provide a general overview of the content of P. N. Tarnovskaya’s article “Female criminality in connection with early marriages”, to determine its place in its author’s heritage and its scientific value for modern criminology.

Methods: the general scientific method of dialectical cognition, comparison, as well as the formal logical method (deduction, induction, definition and division of concepts).

Results: having analyzed the content of P. N. Tarnovskaya’s article, the author determined its significance as the initial stage of forming her anthropological concept in the study of female murderers. The author specified the sections of P. N. Tarnovskaya’s monograph “Women-murderers” (1902), which use the results of the research described in the article under study. The author refuted the opinion, previously prevailing in Russian criminology, that anthropological research by P. N. Tarnovskaya was supposed to use biological means to prevent crime. On the contrary, in this work Tarnovskaya recommended changing the social environment to curb female criminality (mariticide), namely, abandoning the widespread early marriages of adolescent women before the end of puberty.

Scientific novelty: for the first time, the author gives a criminological assessment of P. N. Tarnovskaya’s article “Female criminality in connection with early marriages” and indicates its links with her subsequent works.

Practical significance: the results obtained make it possible to change the perception of research by P. N. Tarnovskaya’s as one of the founders of world criminological science. In her concept of crime prevention, the impact on general social factors on female criminality was considered fundamental for the prevention of women’s deviant behavior.

Keywords:

criminal-legal sciences, criminology, criminal anthropology, female criminality, mariticide, female murderer, P. N. Tarnovskaya

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kabanov P. A. (2025). Criminal anthropology of mariticide in Russia. Foreword to the article by P. N. Tarnovskaya “Female criminality in connection with early marriages”. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 328–344. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.328-344>

Введение

Преступность как вид отклоняющегося поведения с библейских времен привлекала внимание общества. К анализу преступного поведения обращались не только специалисты различных отраслей знаний, но и писатели. По мере накопления информации о преступном поведении, его причинах и мерах противодействия этому социальному злу появилась потребность в упорядочении этих знаний в рамках единой науки о преступности. В результате долгих и острых дискуссий о наименовании и структуре науки о преступности, ее

месте в системе научного знания благодаря итальянскому криминологу Рафаэлю Гарофалло было определено ее наименование – *Criminologia* (криминология) (Garofalo, 1885). Это наименование было поддержано противниками итальянской антропологической теории предупреждения преступности – французами, в том числе наиболее ярким представителем французской школы криминологии Габриелем де Тардом (Tarde, 1888. Рр. 512–533). Все остальные вопросы, обозначенные выше, до настоящего времени находятся в стадии нескончаемого обсуждения. Хотя в отдельных государствах, в том числе России, решением органов публичной власти специальной компетенции определена отраслевая принадлежность криминологии – уголовно-правовые науки¹, а научным сообществом предложены ее структура и предметные границы, отражающиеся в п. 4 паспорта научной специальности.

Процесс и результаты оценки произведения

Следует отметить, что еще на ранних этапах формирования криминологии, в процессе изучения преступности специалисты отмечали различное соотношение девиантного и преступного поведения между мужчинами и женщинами (Herrmann, 1833. Рр. 257–295; Herrmann, 1836. Рр. 585–599; Озеров, 1896. Рр. 45–83; Leale, 1910. Рр. 401–430). В связи с этим специалисты начали активнее исследовать как самостоятельное явление женскую преступность (Рейнгардт, 1890; Van Hamel, 1894. Рр. 385–391; Фойницкий, 1892; 1893а. С. 123–144; 1893б. С. 111–140; 1893с. С. 3; Зеланд, 1899; Granier, 1906; Minovici, 1907. Рр. 565–579; Есипов, 1909а. С. 393–397; 1909б. С. 397–399; Lacaze, 1911. Рр. 449–456) и ее отдельные виды. Завязались острые дискуссии по этому вопросу среди ведущих европейских криминологов (Тарновский, 1893. С. 33–64; Polemica... 1894. Рр. 318–320). В числе наиболее авторитетных европейских специалистов, исследующих женскую девиантность, включая проституцию и преступность, оказалась наша соотечественница Прасковья Николаевна Тарновская. Она к концу XIX в. имела значительный объем научных антрополого-криминологических работ по вопросам девиантности и преступности женщин, опубликованных на русском (Тарновская, 1891а; 1891б. С. 1–67; 1888. С. 58–62; 1894. С. 93–105; 1897. С. 8–22) и иностранных языках (Tarnowsky, 1889; Tarnosky, 1893. Рр. 225–233; Tarnowsky, 1897. Рр. 231–237). И это с учетом того, что П. Н. Тарновская находилась на подъеме творческих сил, активно продолжала свои исследования. При этом, сохраняя свою криминологическую специализацию – исследование преступности женщин, она к концу XIX в. изменила лишь направленность научного интереса – с женской проституции и воровства на женское криминальное насилие – убийства.

В числе первых произведений П. Н. Тарновской, открывающих серию исследований убийств, совершаемых женщинами, стала статья, опубликованная в пятом номере журнала «Северный Вестник» за 1898 г. под названием «Женская преступность в связи с ранними браками» (Тарновская, 1898. С. 133–149). Это произведение имеет четко выраженную логическую структуру: введение, исследовательскую часть и заключение. Ее содержание в значительной степени посвящено антропологическому исследованию российских крестьянок-мужеубийц, совершивших свои преступления из-за преждевременного замужества. Во введении автор подробно рассматривает неблагоприятное влияние замужества на девушек, не достигших половой зрелости: высокую детскую смертность детей до одного года; психологические травмы, особенно в тех случаях, когда жена-подросток выдана замуж родителями против ее желания, а супружеские отношения являются для нее болезненными. Такое положение дел провоцирует жен-подростков на совершение убийства своих мужей, воспринимаемых как мучителей. На основе собственного опыта общения с женами-мужеубийцами Московской пересылочной тюрьмы и других пенитенциарных учреждений П. Н. Тарновская в качестве основной причины убийства мужей их женами, не достигшими половой зрелости, выделяет непреодолимое отвращение или крайнюю болезненность супружеских отношений. В связи с этим она делает вывод о том, что юные мужеубийцы являются жертвами общественного неблагополучия – ранних семейных браков. Объективными условиями, способствующими убийству мужа, выступают, кроме ранних браков, насильственная выдача замуж, суровое

¹ Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 (в ред. от 24.07.2023 № 730) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2021.

обращение в новой семье; непреодолимая для крестьянок тяжесть развода, доведенная до безвыходного положения, нравственное притупление, некоторые отклонения от нормы в развитии полового чувства.

Выделив в особую категорию одну из причин – отклонение от нормального развития полового чувства, П. Н. Тарновская выделила пять главных категорий таких отклонений: запоздалое развитие половой зрелости; временный индифферентизм, или временное отвращение к супругу; полный индифферентизм к половой жизни; ненормальное стремление к лицу одинакового пола, не перешедшее еще в фактическое извращение; отвращение от нормального акта, соединенное с половым извращением. По каждому виду половых (сексуальных) отклонений П. Н. Тарновская привела пять типичных случаев их проявления у жен-мужеубийц в исследовательской части работы с предоставлением антропометрических измерений и проведением их опросов, а также с предоставлением данных, полученных при ознакомлении с личными делами осужденных. При этом автор не раскрывала полные социально-демографические характеристики женщин-мужеубийц, обозначив их персональные данные, как Ольга К., Пелагея В., Ольга П., Настасья Л. и Лукерья Иванова.

Завершая проведенное исследование, П. Н. Тарновская указывает на необходимость устранения причин преступного поведения женщин-мужеубийц как со стороны преступника, в форме предрасполагающих причин, так и со стороны общества, в форме вызывающих причин. По ее мнению, недостаток полового чувства у женщин не является преступлением, но при известных социальных условиях он приводит к мужеубийству; находясь вне этих условий, они могут оставаться до конца жизни честными людьми. Не выходя рано замуж, имея возможность прекратить ненавистные им отношения путем развода, эти жены-подростки, не стали бы преступницами. П. Н. Тарновская отмечала, что, только изучив причины преступности женщин-мужеубийц, общество способно уменьшить их количество не только путем угроз, возмездия и наказания, а путем гуманного, разумного отношения к слабым, неустойчивым и ненормально развитым женщинам. Обращаясь к криминальной антропологии как учению о преступности, она сравнивает вопросы предупреждения преступности с вопросами социальной гигиены и приходит к выводу, что задачей общественной гигиены является предупреждение заболеваний, а задачей криминальной антропологии – гигиена преступности: изучение причин преступлений и предупреждение их повторения в будущем.

Проведенное нами сравнение текстов представляемой работы с последующими произведениями автора показало, что в дальнейшей своей работе П. Н. Тарновская использовала результаты проведенного исследования сельских женщин-мужеубийц. В первую очередь для подготовки самого крупного и наиболее популярного до настоящего времени научного труда – монографии «Женщины-убийцы», изданного в Санкт-Петербурге в 1902 г. (Тарновская, 1902). Эта же работа в последующем была переработана и переиздана на французском языке в Париже. В этой переведенной работе также используются полученные результаты, упомянутые в представляемой статье (Tarnowsky, 1908). При этом обозначенные в статье результаты антропометрического измерения женщин-мужеубийц с дополнением некоторых других сведений, включая фотографии осужденных, были размещены в упомянутой монографии 1902 г. Четыре – в гл. VIII «Убийства на почве полового чувства и его отклонения»: Ольга Александрова Коло-ва, 20 лет (Тарновская, 1902. С. 349–350); Ольга Дмитриевна Плем..., 19 лет (Тарновская, 1902. С. 365–366); Настасья Лог..., 20 лет (Тарновская, 1902. С. 369–371); Лукерья Иванова Лоп..., 26 лет (Тарновская, 1902. С. 378–380), а одна – Пелагея Васильева, 19 лет (Тарновская, 1902. С. 417–418) – в главе X «Убийцы нервно и душевнобольные». Результаты этого исследования существенно повлияли на качество произведения, в первую очередь на полученные выводы в главе «Убийства на почве полового чувства и его отклонения». Судя по хронологии развития научно-исследовательского творчества П. Н. Тарновской, представляемая статья стала первой ее работой, давшей старт череде новых научных произведений, посвященных исследованию женщин-убийц.

Краткие выводы по представляемой работе

Произведение П. Н. Тарновской «Женская преступность в связи с ранними браками» является законченным комплексным криминологическим эмпирическим научным исследованием, посвященным изучению личности сельской женщины-мужеубийцы, позволяющим оценить влияние ранних браков и способствующих этому условий на преступное поведение женщин, содержащее научные рекомендации по общесоциальной профилактике мужеубийств российскими крестьянками.

Представленная статья П. Н. Тарновской имеет важную научную ценность – она опровергает общепринятые стереотипы в современной российской криминологии о том, что представители антропологического

направления в дореволюционной криминологии игнорировали социальные причины преступности, отдавая предпочтение биологическим изъянам человека как факторам преступного поведения (Приложение к статье). При этом в ней автор выделяет не только личностные факторы преступности женщин, но и социальные факторы мужеубийств в форме устоявшихся традиций выдачи замуж родителями дочерей, не подготовленных к семейной жизни. В этой работе аргументированно предлагаются общесоциальные меры профилактики мужеубийств, а не устранение биологических пороков осужденных женщин.

Список литературы

- Есипов, В. (1909а). Женщина-преступница. Пробуждение. Журнал изящных искусств и литературы, 15, 393–397.
- Есипов, В. (1909б). Женщина-преступница (окончание). Пробуждение. Журнал изящных искусств и литературы, 16, 397–399.
- Зеланд, Н. (1899). Женская преступность. Санкт-Петербург: тип. А. А. Пороховщикова.
- Озеров, И. (1896). Сравнительная преступность полов в зависимости от некоторых факторов. Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском Университете, 4, 45–83.
- Рейнгардт, Н. В. (1890). Женщина пред судом уголовным и судом истории. Казань: тип. Н. А. Ильяшенко.
- Тарновская, П. (1897). Криминальная антропология и преступность женщин. Северный Вестник, 7, 8–22.
- Тарновская, П. (1898). Женская преступность в связи с ранними браками. Северный Вестник, 5, 133–149.
- Тарновская, П. Н. (1894). Об органах чувств у преступниц и проституток. Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии, 2, 93–105.
- Тарновская, П. Н. (1888). Антропометрические исследования проституток, воровок и здоровых крестьянок – полевых работниц (заседание 21 ноября 1887 г.). Приложение к «Вестнику клинической и судебной психиатрии и невропатологии». Вып. 1. Протоколы заседаний Общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год (с. 58–62). Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Тарновская, П. Н. (1891а). Воровки. Антропологическое исследование. Санкт-Петербург: Типография дома призрения малолетних бедных.
- Тарновская, П. Н. (1891б). Воровки. Антропологическое исследование: доклад I секции Русского общества охранения народного здоровья. Журнал Русского общества охранения народного здоровья, 5, 1–67.
- Тарновская, П. Н. (1902). Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб.: Товарищество художественной печати.
- Тарновский, Е. Н. (1893). Вопросы сравнительной преступности полов (по поводу статьи г. Фойницкого: «Женщина-преступница»). Русская мысль, 12, 33–64.
- Фойницкий, И. Я. (1893а). Женщина-преступница. Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический, 2, 123–144.
- Фойницкий, И. Я. (1893б). Женщина-преступница (Окончание). Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический, 3, 111–140.
- Фойницкий, И. Я. (1893с). Женщина-преступница. Новое время, 10 января, 3.
- Фойницкий, И. Я. (1892). Женщина-преступница: Исслед. И. Я. Фойницкого, ординарного проф. С.-Петербургского ун-та. Санкт-Петербург: Тип. А. Бенке.
- Garofalo, R. (1885). Criminologia: studio sul delitto e sulla teoria della repressione. Turin: BOCCA.
- Granier, C. (1906). La femme criminelle. Paris: Doin.
- Herrmann, Ch.-Th. (1833). Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les annees 1821 et 1822; par. M. Ch.-Th. Hermann. Plateau de C'oka. Premiere Partie: Faits Historiques. (Lu le 4 Juillet 1833). 2-e partie. Détails remarquables (Lu le 10 mai 1833). 3-e partie: Résultats (Lu le 24 mai 1833). Memoires de l'Academie imperiale des sciences de S. Petersburg. Sixieme serie. Sciences politiques, histote et Philologie. T. II, 257–295.
- Herrmann, Ch.-Th. (1836). Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les annees 1821 et 1824; par. Charles Theodore Hermann. Plateau des couver nements baltiques (Lu le 4 septembre 1835). Plateau des Gouvernements Baltiques. Memoires de l'Academie imperiale des sciences de S. Petersburg. Sixieme serie. Sciences politiques, histote et Philologie. T. III, 585–599.
- Lacaze (Henri) (1911). De la criminalité féminine en France (étude statistique et médico-légale). Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique, 26, 449–456.
- Leale, H. (1910). De la criminalité des sexes. Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique, 25, 401–430.
- Minovici, M. (1907). Remarques sur la criminalité féminine en Roumanie. Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique, 22, 565–579.

- Tarnosky, P. (1893). *Sur les organes des sens chez les femmes criminelles. Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en 7-13 aout 1892; Biologie et sociologie Bruxelles: Hayez*, 225–233.
- Tarnowsky, P. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux anthropométriques*. Paris, Félix Alcan.
- Polemica: Tarnowsky-Foinitzky-Ferrero-Eulenburg. (1894). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, XV, 318–320.
- Tarde, G. (1888). *La Criminologie. Revue d'anthropologie*, III, 521–533.
- Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrès Médical.
- Tarnowsky, P. (1897). *Criminalité de la femme*. In *Congrès International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrième Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co.
- Van Hamel, G. A. (1894). *La criminalité féminine aux Pays-Bas. Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, 9, 385–391.

References

- Esipov, V. (1909a). A female criminal. *Probuzhdeniye. Zhurnal izyashhnykh iskusstv i literatury*, 15, 393–397. (In Russ.).
- Esipov, V. (1909b). A female criminal (conclusion). *Probuzhdeniye. Zhurnal izyashhnykh iskusstv i literatury*, 16, 397–399. (In Russ.).
- Foynickiy, I. Ya. (1892). *A female criminal: research by I. Ya. Foynickiy, full professor of St. Petersburg University*. Saint Petersburg: Tip. A. Benke. (In Russ.).
- Foynickiy, I. Ya. (1893a). A female criminal. *Severny vestnik. Zhurnal literaturno-nauchny i politicheskoy*, 2, 123–144. (In Russ.).
- Foynickiy, I. Ya. (1893b). A female criminal (conclusion). *Severny vestnik. Zhurnal literaturno-nauchny i politicheskoy*, 3, 111–140. (In Russ.).
- Foynickiy, I. Ya. (1893c). A female criminal. *Novoe vremya*, January 10, 3. (In Russ.).
- Garofalo, R. (1885). *Criminologia: studio sul delitto e sulla teoria della repressione*. Turin: BOCCA. (In Italian).
- Granier, C. (1906). *La femme criminelle*. Paris: Doin. (In French).
- Herrmann, Ch.-Th. (1833). *Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les années 1821 et 1822*; par. M. Ch.-Th. Hermann. Plateau de C'oka. Première Partie: Faits Historiques. (Lu le 4 Juillet 1833). 2-e partie. Détails remarquables (Lu le 10 mai 1833). 3-e partie: Résultats (Lu le 24 mai 1833). *Memoires de l'Académie impériale des sciences de S. Petersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire et Philologie*. T. II, 257–295. (In French).
- Herrmann, Ch.-Th. (1836). *Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie pendant les années 1821 et 1824*; par. Charles Theodore Hermann. Plateau des couver nements baltiques (Lu le 4 septembre 1835). Plateau des Gouvernements Baltiques. *Memoires de l'Académie impériale des sciences de S. Petersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire et Philologie*. T. III, 585–599. (In French).
- Lacaze (Henri). (1911). De la criminalité féminine en France (étude statistique et médico-légale). *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, 26, 449–456. (In French).
- Leale, H. (1910). De la criminalité des sexes. *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, 25, 401–430. (In French).
- Minovici, M. (1907). Remarques sur la criminalité féminine en Roumanie. *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, 22, 565–579. (In French).
- Ozerov, I. (1896). Comparative criminality of genders depending on certain factors. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom Universitete*, 4, 45–83. (In Russ.).
- Polemica: Tarnowsky-Foinitzky-Ferrero-Eulenburg. (1894). *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*, XV, 318–320. (In French).
- Reingardt, N. V. (1890). *Woman before the criminal court and the court of history*. Kazan: tip. N. A. Ilyashenko. (In Russ.).
- Tarde, G. (1888). *La Criminologie. Revue d'anthropologie*, III, 521–533. (In French).
- Tarnosky, P. (1893). *Sur les organes des sens chez les femmes criminelles. Actes du troisième Congrès International d'Anthropologie Criminelle: tenu a Bruxelles en 7-13 aout 1892; Biologie et sociologie Bruxelles: Hayez*, 225–233. (In French).
- Tarnovskaya, P. (1898). Female criminality in connection with early marriages. *Severny Vestnik*, 5, 133–149. (In Russ.).
- Tarnovskaya, P. (1897). Criminal anthropology and criminality of women. *Severny Vestnik*, 7, 8–22. (In Russ.).
- Tarnovskaya, P. N. (1888). Anthropometric research of female prostitutes, thieves and healthy peasants - field workers (session of November 21, 1887). *Prilozhenie k "Vestniku klinicheskoy i sudebnoy psikhologii i nevrologii". Vyp. 1. Protokoly zasedaniy Obshchestva psikhiatrov v S.-Peterburge za 1887 god* (pp. 58–62). Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.
- Tarnovskaya, P. N. (1891a). *Female thieves. Anthropological research*. Saint Petersburg: Tipografiya doma prizreniya maloletnykh bednykh.
- Tarnovskaya, P. N. (1891b). Female thieves. Anthropological research: Report at Section I of the Russian Society for People's Health Protection. *Zhurnal Russkogo obshchestva okhraneniya narodnogo zdraviya*, 5, 1–67.

Tarnovskaya, P. N. (1894). On sense organs of female criminals and prostitutes. *Vyestnik klinicheskoy i sudebnoy psikhiiatrii i nevropatologii*, 2, 93–105.

Tarnovskaya, P. N. (1902). *Female murderers. Anthropological research with 163 figures and 8 anthropometric tables*. Saint Petersburg: Tovarishhestvo khudozhestvennoj pechati.

Tarnovskiy, E. N. (1893). Issues of comparative criminality of genders (on the article by Mr. Foynickiy “A female criminal”). *Russkaya mysl*, 12, 33–64.

Tarnowsky, P. (1889). *Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses*. Paris: Progrès Médical. (In French).

Tarnowsky, P. (1897). Criminalite de la femme. In *Congres International D'Anthropologie Criminelle: Compte Rendu Des Travaux De La Quatrieme Session Tenue A Geneve Du 24 Au 29 Aout 1896* (pp. 231–237). Geneva: Georg & Co. (In French).

Tarnowsky, P. (1908). *Les femmes homicides. Avec 40 planches hors texte contenant 161 figures et 8 tableaux antropometriques*. Paris, Félix Alcan. (In French).

Van Hamel, G. A. (1894). La criminalité féminine aux Pays-Bas. *Archives d'anthropologie criminelle de criminologie et de psychologie normale et pathologique*, 9, 385–391. (In French).

Zeland, N. (1899). *Female criminality*. Saint Petersburg: tip. A. A. Porokhovshhikova. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

П. Н. Тарновская

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СВЯЗИ С РАННИМИ БРАКАМИ²

Переводчик на современный русский язык А. Г. Хорошавина

Всем интересующимся жизнью нашего крестьянского населения хорошо известно, что браки в его среде совершаются в раннем возрасте. Покойный профессор М. И. Горвиц³, относившийся к блестящей плеяде ученых, преподававших в 1870-х гг.⁴ в Медико-хирургической академии и на Женских врачебных курсах при Николаевском госпитале, в одной из своих монографий по женским болезням установил на основании тщательно проверенных им данных, что половая зрелость у девушек среди городского населения наступает в среднем между 14–15 годами; среди сельского населения – двумя годами позже, т. е. между 16–17 годами. Между тем браки среди крестьянок совершаются именно в эти годы, так что многих девушек выдают замуж до наступления зрелости, других же – в период, представляющий переход от отрочества к юности. Между тем едва ли кем-либо будет оспариваться, что этот период в жизни девушек не является благоприятным моментом для выхода замуж.

В связи с невозможностью предпринимать физиологические опыты над людьми многие выводы естественных наук – биологии и медицины – основаны на аналогии ближайших к человеку классов животных, подвергаемых вивисекциям⁵. Пользуясь этим общеустановленным правилом, я позволю себе для данного случая провести некоторую аналогию из области зоологии. Всем иностранным и отечественным исследователям, занимающимся улучшением пород животных, хорошо известен тот факт, что приплод очень юных

² Впервые опубликовано в журнале «Северный Вестник». 1898. № 5. С. 133–149.

³ Горвиц Мартын Исаевич (1837–1883) – российский врач, доктор медицины; специализировался в области акушерства и гинекологии, профессор Императорской медико-хирургической академии. В 1874 г. преподавал акушерство на Женских врачебных курсах. В 1875 г. получил звание адъюнкт-профессора. В 1877 г. по приказу военного министра был назначен профессором, заведующим кафедрой акушерства и гинекологии в Императорской медико-хирургической академии (ныне Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова). До заведования кафедрой на правах частного доцента читал лекции по отдельным темам и вел занятия в академии. Под его руководством были подготовлены и защищены около 20 диссертаций, напечатан целый ряд научных трактатов, посвященных вопросам акушерства, гинекологии и родовспоможения. Его «Руководство к патологии и терапии женской половой сферы», представляя собою фундаментальный труд, стало одним из первых российских научно-практических пособий (после «Курса гинекологии» В. М. Флоринского. – Прим. А. Х.) по гинекологии.

⁴ Речь идет о XIX в. – Прим. А. Х.

⁵ Вивисекция (от лат. *vivus* – «живой» и *sectio* – «разрезание») – это операция, проводимая в экспериментальных целях на живом организме, обычно на животных, для изучения внутренней структуры живого организма. – Прим. А. Х.

матерей дает слабое, плохо развитое и маловыносливое поколение и что вообще первые пометы очень юных производителей обыкновенно дают слабых особей, не являющихся лучшими представителями данной породы.

Помимо крайней молодости, наши крестьянки при выходе замуж имеют еще один неблагоприятный фактор для рождения детей – они в качестве нового члена, входящего в чужую семью, сразу попадают в условия тяжелой работы и выполняют ее до самых родов. Естественным последствием двух этих неблагоприятных условий – очень юного возраста и тяжелого физического труда – для организма, не достигшего еще своего полного физиологического развития, несомненно, должно стать рождение слабого, хилого и малоустойчивого поколения, лишенного возможности успешно бороться с болезнями, характерными для детского возраста. Высокий процент смертности русских детей, особенно в деревнях, является, к сожалению, фактом несомненным. Стоит взглянуть на статистические таблицы смертности, чтобы убедиться, что во всех странах смертность детей в возрасте до одного года самая большая в сравнении со смертностью детей в последующие годы жизни. В России же смертность детей до одного года превосходит в этом отношении другие государства и достигает поразительных цифр. Так, например, в Европе умирает до одного года в среднем 18 % детей, рожденных живыми, в России – около 27 %, а в воспитательных домах умирает на первом году жизни от 70–90 % ⁶.

Наследственная передача особенностей организации организма родителей является установленным фактом в биологических науках. Хорошо развитый, здоровый и сильный организм матери при слабом, хилом отце становится фактором преобладающим, благоприятно влияющим на потомство. Наоборот, очень юный возраст матерей, как и тяжелый физический труд, выполняемый их неокрепшим, не достигшим полного развития организмом, не могут не оказать ослабляющего влияния на детей крестьянского населения.

Но, помимо физической организации человека, есть еще и духовная, нравственная сторона личности этих жен-подростков, которых зачастую родители выдают замуж по собственному усмотрению, нередко против их личных желаний. При естественных условиях перехода к брачной жизни это время оставляет неизгладимый след в душевной жизни женщины. Условия первых месяцев брака имеют решающее влияние если не на всю дальнейшую жизнь, то на многие лучшие годы жизни женщины. Каковы же должны быть условия жизни жены-подростка в тех случаях, к несчастью, весьма нередких, когда она выдана замуж в 16 лет, когда организм ее еще не приспособлен к изменениям в жизни, когда супружеские отношения могут быть для нее только болезненными? Все это дополнительно усугубляется в случаях, если она выдана замуж помимо собственного желания, за человека ей немилого, к которому она, кроме неприязни как к своему мучителю, ничего не чувствует ⁷.

При посещении мною тюрем и острогов, особенно Московской центральной пересылочной тюрьмы, где каждую весну скапливаются со всех концов России преступницы, осужденные за убийства, поджоги и прочие уголовные преступления, и где они ожидают отправки в Сибирь или на Сахалин, я была поражена крайне юным возрастом некоторых женщин, осужденных за убийство. Среди них встречались лица совершенно детские, маленькие, худенькие, испитые 17–18-летние подростки, невольно заставлявшие недоумевать, каким образом они попали сюда, что могло побудить этих полудетей к злодеянию. После долгих расспросов удавалось услышать признание, что убийство мужа, чаще всего отравление, совершено вследствие непреодолимого отвращения или крайней болезненности супружеских отношений. Являясь некоторым образом жертвами несовершенства общественного устройства, эти юные мужеубийцы невольно заставляли вникать в их печальную участь и доискиваться сущности причин, толкнувших их на столь тяжкое преступление.

Ранние браки повсеместно распространены в России, однако большинство женщин, выданных замуж в раннем возрасте, часто против их личного желания, сживаются со своей неприятной участью, затем приывают и, несмотря на безвыходность своего положения, очень редко прибегают к убийству своих мужей.

Очевидно, помимо условий ранних браков, помимо насильственной выдачи замуж, помимо непреодолимых для крестьянок трудностей развода с мужем, существуют еще особые обстоятельства, побуждающие некоторых из этих жен-подростков прибегать к преступлению. В числе таких побудительных причин, несомненно, находятся некоторые отклонения от нормы в развитии полового чувства. Эти отклонения от правильного развития полового чувства представляют весьма много разновидностей и оттенков, от легких степеней до

⁶ Кватц, Э. И. (1895). Причины смертности грудных детей. Журнал Российского общества охраны народного здоровья, 8, 640.

⁷ Хрулев, С. (1893). О характере преступных деяний душевнобольных. Санкт-Петербург.

несомненных, явных аномалий, разбирать подробно которые здесь, конечно, не место и которых я коснусь лишь в самых общих чертах.

Отклонения от правильного развития полового чувства, как мне кажется, могут быть разбиты на **пять главных категорий**:

1. Запоздалое развитие половой зрелости, наступление ее вместо 16–17 лет, что обычно для крестьянских девушек, имеет место на 19–20, 21 и даже 22-м году жизни. Такое запоздалое развитие сопровождается полным (временным) отсутствием полового влечения, полным равнодушием, причем при наступлении зрелости половое чувство пробуждается и может установиться впоследствии вполне нормально.

Независимо от уже наступившей зрелости может наступить временный индифферентизм или временное отвращение к супругу, встречаемое у истеричных женщин, у которых, как известно, половое чувство может быть или повышено, или, наоборот, периодически крайне понижено. Проявления истерии, особенно у женщин, бесконечно разнообразны и представляют длинный ряд различных более или менее сложных, слабее или четче выраженных симптомов, начиная от так называемого истерического темперамента, выражаемого странностями характера и сопровождаемого одним или несколькими из обычных спутников истерии (изменение болевой и тактильной чувствительности, анестезия или гиперестезия; присутствие болевых точек; ограничение поля зрения, нечувствительность к цветам, дальтонизм; длительное повышение температуры – истерическая лихорадка, истерическая рвота и прочее) и кончая классическими судорожными припадками гистероэпилепсии⁸, так замечательно разобранными в лекциях гениального Ж. М. Шарко^{9, 10}. Временный индифферентизм, временное отвращение к половому акту у женщины могут существовать нередко на истерической почве.

Независимо от этого наблюдается:

Полный индифферентизм к половому акту, причем женщина остается всю жизнь бесстрастной и неохотно идет на супружескую близость исключительно из желания иметь детей. Такое половое равнодушие переходит в глубокое отвращение, в открытую вражду и полную ненависть в тех случаях, когда она насилуется нелюбимым мужем. Сюда относятся преимущественно случаи поздних браков по расчету (со стороны девушки), кончающиеся в привилегированном классе разводом, в крестьянской среде – мужеубийством.

Еще одним оттенком индифферентизма является инстинктивно существующее, смутно осознанное ненормальное стремление к лицу одинакового пола, не перешедшее еще в фактическое извращение, которое может оставаться таковым весьма долго, иногда всю жизнь. Причем одновременно существует охлаждение к нормальному удовлетворению полового чувства. К этой категории относятся примеры страстной дружбы между девушками, замужними женщинами; желание нравиться, показать себя в самом выгодном свете; стремление ухаживать, угождать, оказывать услуги, сделаться необходимой, ежедневно видаться с предметом своего обожания, восхищаться им и льстить ему – точ-в-точь так, как это происходит в период влюбленности между лицами разных полов.

Отвращение к нормальному акту, соединенное с половым извращением, – явление патологическое, редко наблюдаемое – тем более редко, что признания на этой почве делаются весьма неохотно и в исключительных случаях, объясняемых каким-либо безвыходным положением.

На почве описанных отклонений от правильного развития полового чувства и более или менее ясно выраженных аномалий и совершаются, главным образом, случаи мужеубийства, причем основное количество их

⁸ Генерализованная эпилепсия – клиническое понятие, объединяющее все формы эпилепсии, основу которых составляют первично-генерализованные эпилептические приступы. – *Прим. А. Х.*

⁹ Жан Мартэн Шарко́ (Jean-Martin Charcot, 1825–1893) – французский врач-психиатр и педагог, учитель З. Фрейда, специалист по неврологическим болезням, основатель нового учения о психогенной природе истерии. – *Прим. А. Х.*

¹⁰ Длинный перечень проявлений истерии продолжает беспрерывно обогащаться все новыми и новыми исследованиями. Позволим себе здесь указать лишь на две работы, обогатившие в 1897 г. обширную литературу по этому неврозу. На Конгрессе французских психиатров, проходившем в Тулузе в августе 1897 г., доктор Bezu сделал чрезвычайно интересный доклад об истерии детского возраста. Он сказал, что, помимо явных судорожных припадков, обнаруживающих у детей присутствие истерии, существует множество явлений, принимаемых за якобы болезненные состояния, свойственные детскому возрасту, но на самом деле вызванных истерией: различные явления паралича; сведение членов, искривление позвоночника, хорея (пляска св. Вита), судорожный кашель, судорожная икота, заикание, некоторые формы мышечной атрофии и т. п. могут проявляться у детей на почве истерии. Другая работа принадлежит доктору La Gendre и была представлена им на Международном медицинском конгрессе в Москве. Он указал на то, что ожирение в некоторых случаях зависит от нервного расстройства и находится во взаимосвязи с истерией.

приходится на первую группу, к которой относятся случаи ранних браков при запоздалом половом развитии. С течением времени по мере развития организма половое чувство может просыпаться и затем функционировать совершенно нормально. Известны примеры, когда такие молодые женщины вступали в сожительство с любовником или же в случае неудавшейся попытки отравить мужа примирялись с ним, добровольно продолжали жить с ним в браке и рожали от него детей. Таков пример, который я привожу:

Наблюдение I. Ольга К. (20 лет)

За покушение на отравление мужа осуждена на 6 лет каторжных работ. Родители живы. Отцу 67 лет, он болезненный, «хворой», работать не может, много пьет. Жене его, матери Ольги, Авдотье Л., 57 лет. Это крепкая, толковая и работающая женщина. Полевое хозяйство она вела вместо мужа. Имела 13 детей, из которых 6 живы. Содержится в тюрьме вместе с дочерью, которую горячо любит. Авдотья обвинена в пособничестве к отравлению зятя – мужа дочери.

Ольге К. в момент наблюдения 20 лет. Волосы темно-русые, глаза карие, почти черные. Высокая, стройная, чрезвычайно худощавая. Лицо у нее несколько асимметрично и резко суживается к подбородку. Голова неправильной формы, теменная часть сильно развита, поперечный наибольший размер 150 мм, при 172 мм передне-заднего размера. Кости твердого неба не срослись. Функциональное исследование зрения, вкуса, обоняния, слуха, болевой и тактильной чувствительности отклонений от нормы не обнаруживает. Коленный рефлекс ослаблен на обеих нижних конечностях.

Ольга К. вышла замуж на 18-м году, до наступления половой зрелости. Муж был значительно старше ее и обращался с ней ласково и хорошо, однако Ольга стала питать к нему непреодолимое отвращение, доведшее ее до того, что она попыталась его отравить. Замуж она шла «по уговору» родителей, так как жених был из зажиточной семьи. Свадьба состоялась осенью 1889 г., а в феврале 1890 г. она подмешала мужу мышьяк в селедку, и у него появились признаки отравления. Заподозрив, что отравлен, муж стал пить молоко и допрашивать жену. Она во всем призналась.

Родные мужа поспешили заявить в полицию о ее поступке, началось следствие. Тем временем муж и жена помирились, пока шло судебное следствие, стали жить очень дружно. С наступлением половой зрелости Ольга К. перестала чувствовать отвращение к мужу, поэтому муж стал хлопотать о прекращении дела, но этого добиться не удалось. Ее судили и признали виновной.

Ольга К. – красивая и стройная женщина, но в 20 лет еще не сложившаяся, имеет неразвитую, детскую грудь, признаков беременности не представляет. Про мужа вспоминает со слезами и выражает надежду, что он последует за ней в каторгу, – так они сжились и сдружились за прошедший год.

Такая привязанность к мужу, возникшая через несколько месяцев после попытки отравить его, конечно, порождает некоторое недоумение в отношении бесконечного разнообразия путей проявления чувства любви, но вместе с тем, несомненно, указывает на тот факт, что половые отношения, насильно навязанные субъекту, не достигшему полного физического развития, могут вызвать отвращение и служить поводом к убийству мужа-мучителя, особенно у субъекта, не вполне уравновешенного, отличающегося многочисленными признаками вырождения.

Едва ли можно сомневаться в том, что если бы Ольга К. вышла замуж позднее, после наступления у нее половой зрелости, то она не совершила бы попытки отравления мужа, не вовлекла бы свою мать, сделавшую ее сообщницей из сострадания к ее мучениям, и обе они мирно прожили бы свой век в родном селе, вместо того чтобы идти на каторгу.

Переходя ко 2-й категории отклонений полового чувства, выражающихся во временном индифферентизме или временном отвращении, встречаемом у истерических личностей, я приведу следующий пример.

Наблюдение II. Пелагея В. (18 лет)

За покушение на убийство мужа и удушение своего ребенка в тюрьме осуждена на 12 лет каторжных работ.

Отец Пелагеи В. умер, когда она была ребенком. Мать умерла недавно от последствий родов; имела 6 детей, из которых живы только трое. Всю жизнь была «припадочная».

Пелагее В. в момент наблюдения 18 лет. Волосы у нее белокурые, с золотым отливом, глаза карие. У нее присутствуют признаки вырождения: конусообразная голова с сильно развитым затылочным бугорком, асимметрия лица, неправильное развитие ушей. Зубы неровные, верхние резцы очень мелкие по сравнению с коренными крупными зубами. Функциональное исследование обнаружило сужение поля зрения в левом глазу. Отклонение во вкусовых ощущениях – неточное определение их; болевая чувствительность не одинаково развита на обеих

сторонах тела – левая значительно чувствительнее. Слух, наоборот, ослаблен на правое ухо. Жировой подкожный слой слабо развит; миниатюрная, худенькая, чрезвычайно подвижная Пелагея В. имеет вид ребенка.

Половая зрелость наступила у нее в возрасте 15 лет, и тотчас же после этого она была выдана замуж. Она сильно тяготилась супружескими отношениями и через несколько месяцев ночью покушалась убить мужа топором в порыве непреодолимого отвращения к его ласкам. Ее арестовали и судили. Во время следствия выяснилось, что она беременна, позднее она родила здоровую девочку. Затем в тюрьме ее ребенок был найден с признаками удушения в отхожем месте. Почему она лишила жизни своего ребенка, объяснить не хочет, да, вероятно, и не может по причине своего крайнего легкомыслия. Несмотря на предстоящую отправку на Сахалин, Пелагея В. не унывает, говорит о близком времени путешествия как о *partie de plaisir*¹¹, собирается выйти там замуж и радуется, что в качестве каторжанки может считать прежний брак свой расторгнутым. На вопрос, как же она думает о новом замужестве, когда первое супружество было ей так ненавистно, она отвечала: «Что же, то было раньше, девчонка совсем была тогда, глупа была, теперь хочу выйти вторично замуж, может быть, лучше будет, скучно жить одной, ведь мне только недавно девятнадцатый год пошел».

Пелагея В. очень недурна собою; имеет чрезвычайно подвижный характер и отличается крайне переменчивым настроением духа: переходит по нескольку раз в день от смеха к слезам; порой бывает весела, резва, звонко смеется и неумолкаемо болтает всякий вздор; затем внезапно замолкает, становится грустной и без видимой причины плачет.

Истерия у Пелагеи В. была установлена функциональным исследованием.

Для иллюстрации 3-й группы – полного индифферентизма к половому акту – я приведу пример с Ольгой П.

Наблюдение III. Ольга П. (19 лет)

За покушение на отравление своего мужа осуждена на 4 года каторжных работ.

Родители Ольги П. – крестьяне, живы. Отцу 42 года, работает на металлическом заводе¹²; матери 37 лет, она больна «костоедой»¹³ нижних конечностей. Имеет 7 детей, все живы. Как мать, так и отец Ольги П. пьют «умеренно».

В 16 лет, еще до наступления половой зрелости, Ольга П. была выдана замуж. Свадьба состоялась в начале февраля, а уже в мае, т. е. через 3 месяца, Ольга П. подмешала мышьяк в квас и поставила кружку с напитком на окно – на обычное место, с которого ее всегда брал и пил муж, возвращаясь с работы. Напившись отравленного кваса, муж Ольги П. вскоре почувствовал тошноту. Позвали фельдшера, стали поить молоком, и муж остался жив. В момент появления у мужа первых признаков отравления Ольга растерялась и во всем призналась.

На вопрос, как могла она решиться отравить мужа, она объяснила, что муж ее не бил и не обижал, обращался с нею хорошо, но ей были невыносимы супружеские отношения. Отвращение, испытываемое ею при этом, было так сильно, что она решила от этого во что бы то ни стало избавиться, и не придумала ничего другого, как отравить мужа, а затем уйти в монастырь и всю жизнь «замаливать грех».

В остроге у нее произошло наступление половой зрелости, которая затем долго не устанавливалась. В настоящее время ей 19 лет. В ожидании ссылки она исполняет в тюрьме обязанности сиделки в детском лазарете. Очень трудолюбива, весела и добродушна, ласкова с больными детьми ссыльных, любит подолгу молиться. Однако по поводу своего поступка она не выражает никакого раскаяния и наивно говорит, что, в сущности, ведь мужу своему она ничего дурного не сделала, поскольку он остался «живехонек», она же приняла от него много мучений – так он ей был «противен» и «все существо ее возмущалось от производимого им над ней насилия». Она содрогается от слуха, пронесшегося недавно среди обитателей тюрьмы, что всех каторжанок на Сахалине будут выдавать замуж за ссыльных, и говорит, что она предпочитает удавиться или утопиться, чем вновь вступать в супружеские отношения.

Едва ли можно сомневаться в том, что Ольга П. не совершила бы попытки отравить своего мужа и не пошла бы на каторгу, если бы она не была так рано выдана замуж. Весьма вероятно также, что она не пыта-

¹¹ Фр. «развлечение». – Прим. А. Х.

¹² Завод, производящий различные изделия из металла. – Прим. А. Х.

¹³ Остеомиелит – воспалительное заболевание костей. Раньше эту болезнь называли костоедой. Преимущественно остеомиелит встречается у детей и подростков, но им могут болеть и взрослые, особенно пожилые люди – на их долю приходится до 20 % случаев. – Прим. А. Х.

лась бы отравить мужа, если б могла иным путем избавиться от ненавистных ей супружеских отношений, например, путем развода.

Перехожу к 4-й группе, представляющей другой оттенок полового индифферентизма, сопровождаемого инстинктивно существующим, но смутно осознаваемым, ненормальным влечением к лицу одинакового пола, стремлением, не перешедшим еще в фактическое извращение, которое может оставаться таковым довольно долго, иногда всю жизнь. В пояснение сказанного приведу такой пример.

Наблюдение IV. Настасья Л. (20 лет)

За убийство своего мужа, крестьянина Наума Л., посредством отравления мышьяком и поджог осуждена на 8 лет каторжных работ.

Отец Настасьи жив, ему 45 лет, он крепкого сложения и здоровья, пьет умеренно, никогда ничем не болел. Мать умерла от тифа. Имели 9 детей, из которых живы четверо. О существовании каких-либо болезней в семье Настасья ничего не знает. Она красивая здоровая 20-летняя женщина, высокого роста, волосы темно-каштановые, глаза карие, выразительные. Каких-либо физических признаков вырождения или существенных отклонений при функциональном исследовании Настасьи не обнаружено. Половая зрелость наступила у нее в 15 лет. В 18 лет она была уже замужем; пошла замуж неохотно. Муж обращался с нею ласково и хорошо. Однако через 5 недель после свадьбы Настасья отравила мужа, подмешав мышьяк в квас. Промучившись весь день, Наум, муж Настасьи, к вечеру скончался. Семья мужа, заподозрив отравление, в ожидании следствия отнесла тело Наума в свой нежилой дом. На третьи сутки этот дом загорелся. Когда пожар был потушен, в доме был найден обугленный труп Наума. Судебно-медицинское исследование обнаружило, что крестьянин Наум предварительно был отравлен мышьяком, а затем труп его был облит керосином и подожжен. Было установлено, что это преступление совершено Настасьей Л., женою Наума, совместно с родственницей Марией С., 27 лет, с которой Настасья была очень дружна. Именно Мария С. научила Настасью, как все сделать, и активно содействовала ей в избавлении от мужа, а затем рассказала, как скрыть следы отравления путем сожжения трупа Наума. Настасья во всем чистосердечно созналась. Сообщница ее, Мария С., не только не созналась, но даже после приговора во время своего пребывания в центральной пересылочной тюрьме в ожидании отправки на Сахалин продолжала упорно заператься в каком-либо участии в этом двойном преступлении. Небезынтересна личность Марии С.: это мужественная, энергичная и решительная женщина, сдержанная и рассудительная. Она полна негодования на бесхарактерную, кроткую и женственную Настасью Л. за сделанное ею полное признание. Прежняя нежная дружба, связывавшая обеих женщин, перешла у Марии С. в явную ненависть к Настасье, с которой она даже не разговаривает, при встрече отворачивается и выражает полное презрение к ней за ее «малодушие и трусость».

На вопросы, предложенные Настасье, о том, что могло побудить ее через 5 недель супружества решиться отравить мужа, она отвечала, что уже принесла полную повинную, сознавшись во всем, ею содеянном, но в тот момент она иначе поступить не могла. Супружеские отношения, говорит она, были ей крайне неприятны и тягостны, поэтому она всячески старалась от них уклониться, но муж ее требовал их от нее; дольше 5 недель она не могла вынести этого «мучительства»: «Все равно – или он, или я. Если б он остался жив, я должна была бы покончить с собой». В настоящее время ее всего более огорчает размолвка с горячо любимой ею Марией С., которой она привыкла во всем подчиняться. Настасья говорит, что она не понимает, как может Мария С. так долго на нее сердиться за то, что она призналась на суде. Настасья много раз искала случая помириться с Марией С., но последняя отвечала только бранью на все попытки и два раза даже поколотила Настасью, после чего им было запрещено встечаться и разговаривать в тюрьме. В остальном поведение Настасьи Л. в тюрьме не вызывает нареканий: она деятельная, работающая женщина, охотно исполняет обязанности сиделки в маленьком детском лазарете при тюрьме, и надзирательница очень одобрительно о ней отзывается как о смирной и вечно трудящейся женщине. В тюрьме Настасья выучилась читать. На вопрос, думает ли она выйти замуж на Сахалине, отвечает горячим отрицанием.

Очевидно, в дружбе этих двух женщин Настасья Л. подчинялась влиянию Марии С. как человека с более сильным характером; восхищалась ею, смотрела на нее с благодарностью как на свою избавительницу за помощь, оказанную ей Марией в стремлении избавиться от мужа и в сокрытии следов отравления. Каковы в точности были их взаимные отношения в период их дружбы, остается вопросом невыясненным ввиду щекотливости такого рода признания.

Перехожу к 5-й и последней категории – к отвращению от нормальных влечений, соединенному с половым извращением. Обратимся к примеру.

Наблюдение V. Лукерья Иванова (27 лет)

За участие в убийстве крестьянина Евграфа М. осуждена на 15 лет каторжных работ. Виновной себя не признает.

Никаких определенных сведений о наследственности и семье Лукерья выяснить не удалось по причине нежелания Лукерьи отвечать на предлагаемые ей вопросы. Окольными путями известно лишь, что отец Лукерьи жив и что он хронический алкоголик. Внешность ее очень характерна – она поражает своим сходством с мужчиной: имеет развитый кадык, плоскую неразвитую грудь, хриплый и грубый голос, на фотографии запечатлена в мужской рубашке-косоворотке, волосы носит остриженными по-мужски – в скобку¹⁴. Лукерья неграмотна, в общении дерзка. Любит выпить.

Замужем не была. Половая зрелость у нее наступила в 13 лет. Беременна не была.

Кратко сообщу обстоятельства преступления, в котором обвинена Лукерья. Описание взято из судебного дела.

В октябре 188* года в селе К. скоропостижно скончался крестьянин Евграф М. с несомненными признаками отравления. У него внезапно начались понос и рвота, он поспешил в соседнюю избу к своему дяде Василию М. и объявил ему, что за завтраком, поданным ему его женою Аксиной М., он съел один блин и выпил немного молока, то и другое показались ему горькими и противными. Он предложил своей жене попробовать блины и молоко, но она отказалась и тут же выплеснула молоко. Это дало Евграфу повод заподозрить ее в намерении его отравить. После смерти Евграфа его дядя Василий М. заявил в полицию о случившемся, и началось следствие. Аксинья вскоре призналась и на вопрос, кто ее сообщники, указала на Лукерью Иванову. По объяснению Аксины М., которое она дала при дознании, ее муж Евграф М., с которым она жила хорошо, не позволял ей дружить с Лукерьей Ивановой, пользовавшейся очень дурною славой во всем околотке и служившей поводом ссор и раздоров между мужем и женою. После долгих уговоров и убеждений со стороны Лукерьи Аксинья, которая во всем ей подчинялась, взяла у Лукерьи пузырек с какою-то жидкостью, получила от нее наставление, как поступать, и на следующий же день, приготавливая блины, влила в них часть содержимого пузырька. Поев этих блинов, ее муж Евграф заболел и в тот же день скончался. Судебно-медицинское вскрытие обнаружило в организме Евграфа несомненное присутствие мышьяка. Аксинья М. была обвинена в отравлении мужа, а Лукерья Иванова – в подстрекательстве к совершению этого преступления. Признавая себя виновною, Аксинья заявила, что, вливая отраву в блины, она знала, что дает мужу яд с целью лишить его жизни, по убеждениям и уговорам Лукерьи, хвалившей ей прелесть свободы и совместного с ней житья. Лукерья, наоборот, упорно от своего соучастия отрекается и говорит, что не знает, почему Аксинья на нее наговаривает: «Видаться я с ней видалась, но от скуки только, а дружбы у нас никакой не было». Впоследствии Лукерья изменила свои показания и попыталась оговорить дядю потерпевшего. Причастность Василия не подтвердилась, это было попыткой запутать дело. Упорное отрицание Лукерьей своей виновности привело следствие к необходимости произвести дознание у знавших ее людей об образе ее жизни и поведении с целью разъяснить степень ее участия в этом деле. Все опрошенные лица показали, что Лукерья была развратного поведения и предавалась пьянству. Из этих показаний выяснилось, что Лукерья подружилась с Аксиной М. и постоянно у ней бывала. Евграф М., муж Аксины, тяготился постоянным пребыванием Лукерьи в их семье и не раз выгонял ее из своего дома. В итоге он запретил своей жене видаться и проводить время с Лукерьей. Это не остановило Лукерью: она стала караулить Аксиныю на улице и видалась с ней в бане. Аксинья была молода, не развита и, несомненно, подчинялась бойкой и решительной Лукерье. В ходе дознания выяснился, например, такой эпизод. За несколько дней до отравления Евграфа между ним и женою случилась сильная ссора по поводу того, что Лукерья, поджидая на улице Аксиныю, ходившую ко всенощной, провожала ее на обратном пути из церкви до дома и осталась ждать на улице, пока Евграф заснет. Утомившись долго ждать, она тихо постучала в окно. Аксинья осторожно встала с постели и вышла к ней. Затем выскочил из дому и Евграф, прогнал Лукерью, а жену свою побил и запретил ей вновь встречаться и разговаривать с Лукерьей. Однако через два дня обе женщины опять встретились

¹⁴ Мужская прическа «в скобку» появилась в начале XVII в. В имперское время такую стрижку носили в основном выходцы из среды купцов или старообрядцев. В этом варианте мужской стрижки челка подстригалась, а пряди волос по бокам лица оставались длинными. Волосы могли доходить почти до плеч. У некоторых староверов прическа «в скобку» до сих пор обязательна как знак принадлежности к общине. – *Прим. А. Х.*

в бане, где, согласно показаниям Аксины, она и получила от Лукерьи пузырек с отравой. Из этого можно заключить, что о встрече они заранее договорились. В деле есть также свидетельские показания о том, что дружба между Аксиной М. и Лукерьей Ивановой всех удивляла и, в сущности, ничем не оправдывалась: Аксиныя была совсем молодой женщиной (20 лет) из уважаемой зажиточной семьи, Лукерья же была гораздо старше (27 лет), известна во всем околотке как женщина кутящая, ведущая веселую жизнь и производящая «всякие непотребства».

Резюмируя все сказанное, мы приходим к заключению, что ранние и подневольные браки подталкивают к преступлению преимущественно тех женщин из крестьянской среды, которые в силу своей организации имеют отклонения от нормального развития.

Указанные отклонения могут выразиться:

1. В запоздалом развитии, характеризующемся поздним наступлением половой зрелости, сопровождаемом и другими физическими признаками вырождения: неправильностями в развитии костного скелета, аномалиями черепа, косоголовостью (*plagiocephalia*¹⁵), ранним зарастанием швов и родничков, порождающим остановку в развитии мозга, или, наоборот, несрастанием швов, уродливостью формы головы, аномалиями конечностей, асимметрией лица, неправильно растущими зубами, несрастанием кости твердого нёба, узким высоким нёбом, неправильностью ушей, заячьей губой¹⁶ и пр.

Антропометрическое измерение головы у молодых женщин, совершивших мужеубийство, показало, что размер их черепа меньше тех же размеров не только у законопослушных крестьянок, но и у других категорий нарушительниц закона, взятых из той же крестьянской среды. Это видно из следующей таблицы.

Из данных этой таблицы видно, что передне-задний головной размер у женщин с аномалиями полового чувства равняется 176,833 мм, но тот же размер несколько больше, например, у убийц по страсти – 177,937 мм; передне-задний размер головы также больше у убийц из корысти – 177,937 мм. Этот же размер у законопослушных крестьянок (средняя величина на основе 158 наблюдений) – 180,057 мм, следовательно, уже значительно больше. У образованных законопослушных женщин передне-задний диаметр головы равнялся 183,200 мм, что указывает на значительно бóльшие диаметры у представителей интеллигентных слоев населения. То же можно сказать и про горизонтальную окружность головы – она наименьшая (528,333 мм) у женщин, имеющих аномалии полового чувства.

Антропометрический параметр	Половое отращивание	Преступления по страсти	Преступление нравственного чувства	Преступления из корысти	Случайные убийцы	Душевнобольные преступницы	Безграмотные честные женщины	Образованные честные женщины
Диаметр передне-задний (мм)	176,833	177,407	177,488	177,937	177,200	180,805	180,057	183,200
Диаметр поперечный (мм)	112,055	143,815	142,604	142,969	148,600	148,040	144,746	145,044
Горизонтальная окружность головы (мм)	328,333	529,629	529,186	532,062	530,000	526,428	534,300	538,000
Рост (м)	1,548	1,551	1,514	1,551	1,504	–	1,560	1,541
Вес (кг)	56,215	39,601	58,123	58,694	59,103	–	56,741	56,388

¹⁵ Плагиоцефалия (лат. *plagiocephalia*, от др.-греч. πλάγιος – «косой» и κεφαλή – «голова») – описательный термин, означающий асимметрию человеческого черепа либо его искривленную косую форму независимо от причин возникновения (этиологии). – Прим. А. Х.

¹⁶ Заячья губа (хейлосхизис, лат. *cheiloschisis*) – врожденный дефект, образованный не сросшимися во внутриутробном периоде тканями носовой полости и верхней челюсти и характеризующийся расщелиной губы. – Прим. А. Х.

2. Во временном понижении полового чувства, возникшем на почве истерии и сопровождаемом как физическими признаками вырождения, так и функциональными расстройствами, свойственными истерии: ограничением поля зрения, неправильной перцепцией цветов, дальтонизмом, изменением кожной чувствительности, повышением последней – гиперестезией или, наоборот, понижением – анестезией; присутствием болевых точек; затруднением дыхания, ощущением клубка (*globus hystericus*¹⁷), истерической рвотой, истерическим временным заиканием и прочим.

3. В полном половом индифферентизме, половом равнодушии, переходящем в отвращение в случаях насильственного сожителства.

4. В половом равнодушии, когда к нему присоединяется смутное стремление к лицу одинакового пола, которое еще не перешло в фактическое удовлетворение.

5. В отвращении от нормальных влечений, соединенном с половым извращением – явлением, к счастью, весьма редко встречаемым среди женщин.

Кроме указанных резко выраженных состояний, которыми объясняются некоторые случаи мужеубийств, совершаемых столь молодыми женщинами, в жизни нередко встречается одновременное совпадение нескольких причин, побуждающих к убийству, например, насильственный брак с сильно не нравящимся человеком, суровое обращение в новой семье, безвыходность положения и, наконец, известная степень нравственного притупления, при котором не осознается вся тяжесть содеянного преступления.

Но ранние браки всегда были и всегда будут, не без основания возразят мне. Особенно будут они в крестьянской среде, где брачный союз вносит в каждую семью если не прирост материального благосостояния в виде приданого, то во всяком случае прирост рабочей силы в виде новой пары рабочих рук. Бесспорно, ранние браки были всегда, но те последствия, которые они вызывали, не сознавались или приписывались другим причинам. Только близкое всестороннее изучение личности преступниц позволяет определить значение ранних браков с точки зрения криминальной антропологии.

Предостерегая от ранних браков, мы высказываем уверенность, что, во-первых, грядущее поколение, родившееся от субъектов, достигших более полного развития, от этого только выиграет в физическом отношении; во-вторых, уменьшится смертность детей в силу большей зрелости организма матерей; в-третьих, несомненно, уменьшится число мужеубийств, совершаемых в периоде временного полового равнодушия женами-подростками, еще не достигшими развития полового чувства.

Указывая на причины преступления в некоторых случаях ранних, особенно подневольных браков, мы руководствуемся тем обыденным практическим правилом, что тем проще облегчить любое тяжелое положение, чем яснее причины, вызывающие его. В данном случае нам кажется особенно важным, чтобы сведения о нежелательности чрезмерно ранних браков распространялись как можно шире в обществе. Половое чувство в жизни каждого человека играет, несомненно, важную роль; оно приравнивается некоторыми авторами к числу основных двигателей воли человека, и стремление к удовлетворению этого чувства ставится непосредственно после стремления человека удовлетворить голод. Питание необходимо для поддержания человеческого организма, говорят эти авторы, – удовлетворение полового чувства необходимо для продолжения рода человеческого, воплощающегося в потомстве. Не оспаривая значения полового чувства в жизни отдельного человека, мы позволим себе, однако, заметить, что обуздание в себе этого стремления является важным условием культуры и возвышения человеческой личности. Особенно печальны последствия слишком раннего начала половых отношений, свойственного нашей русской молодежи в противоположность английским юношам из образованных слоев населения, сохраняющим свою физическую чистоту до 20 лет. Среди английской молодежи школьного возраста заболевания сифилисом составляют величайшую редкость.

Заканчивая мой краткий очерк, замечу, что он также имеет целью поспособствовать выяснению роли криминальной антропологии в вопросах обыденной жизни. Очерк дает возможность увидеть, насколько в иных случаях бывают неправильными оценка преступлений и подведение их под рубрику предумышленных и вызванных злой волей. Молодая женщина, только что вышедшая замуж, безжалостно отравляет своего мужа,

¹⁷ *Globus hystericus* – это ощущение «комка в горле», возникающее при эмоциональном стрессе и являющееся классическим невротическим синдромом. – Прим. А. Х.

обдумывает и планирует, как все это привести в исполнение, как избежать подозрения; задолго до совершения отравления припасает яд – одним словом, демонстрирует явные признаки предумышленности. Этой преступнице всего 16–17 лет! Какая испорченная натура! Какое проявление злой воли! Можно ли ждать от нее исправления? Ее судят и ссылают на многие годы каторжных работ, рассчитывая таким образом наказать и исправить. В действительности же это несчастное, недоразвитое существо, нередко с честными задатками, отзывчивое к добру и имеющее лишь один прирожденный недостаток – отсутствие полового чувства. Это существо насильно заставляют проявлять чуждое ему чувство, истязают его постоянно приставанием в том же направлении, доводят до полной безвыходности и вызывают такое отвращение к виновнику постоянных мучений, что страдальца решается на все, лишь бы избавиться от мужа-мучителя, и, следуя примеру, практикуемому в ее среде, после более или менее долгих колебаний отравляет мужа. Что может быть несправедливее со стороны общества, подтолкнувшего недоразвитое существо на преступление; поставившего его в условия, делающие преступление единственным выходом из невыносимо тяжелого положения, – затем, после совершения преступления, взывая к справедливости, наказывать это несчастное существо?! Стоит только присмотреться к сущности дела, разобрать причины, вызывающие преступление, и не станет необходимости ни в каре, ни в возмездии, так как исчезнет и преступник и наказывать во имя справедливости будет некого. Выяснится, что перед нами недоразвитое существо, которому или надо дать время, чтобы его половые инстинкты развились нормально, или, в других случаях, лечить от истерии, или же просто оставить в покое, не навязывая ему насильно чуждого ему образа существования.

Цель, к которой стремится криминальная антропология, заключается в том, чтобы расследовать мотивы преступления, не применять ко всем преступникам, совершившим предумышленное преступление, ссылку и каторжные работы на меньшее или большее число лет, а рассматривать каждый отдельный случай; предупреждать заурядное повторение причин, обуславливающих преступления, как со стороны преступника – в форме предрасполагающих причин, так и со стороны общества – в форме вызывающих причин. Не могу не вспомнить по этому поводу сравнения, сделанного блестящим оратором профессором Энрико Ферри¹⁸, сказавшим, что однородность наказания за предумышленные уголовные преступления – ссылка и каторга на большее или меньшее число лет – похожа на то, как если бы в медицине от всех тяжких недугов предлагалось одно средство с видоизменением лишь дозы приема, например, от лихорадки назначаем 1 г хинина, от тифа – 2 г, от оспы – 3 г, от холеры – 4 г. Недостаток полового чувства не преступление, однако в конце концов всех женщин (кроме случая Лукерьи Ивановой), приведенных мною в качестве примеров, наказывали именно за то, что они не проявили этого чувства и выказывали сопротивление при насильственном навязывании им его проявления. Приведенные мною наблюдения касаются субъектов с неправильно развитым половым чувством, предрасположенных к преступлению при известных социальных условиях, хотя вне этих условий они могут остаться всю свою жизнь законопослушными людьми. Не выходя рано замуж или имея возможность прекратить ненавистные им отношения путем развода, эти жены-подростки, конечно, не сделались бы преступницами. Разбирая, с одной стороны, условия общественные, вызывающие преступления, изучая, с другой – причины, предрасполагающие к преступлениям, общество найдет возможность уменьшить число нарушений закона не путем угроз, возмездия и наказания, а путем разумного, гуманного отношения к слабым, к неустойчивым и ненормально развитым своим членам.

В жизни общества гигиена, указывая способы оздоровления жилищ, пищи, питья и прочего, предупреждает заболевания. Задача же криминальной антропологии – быть гигиеной преступности: изучая причины преступлений, предупреждать их повторение.

¹⁸ Энрико Ферри (Enrico Ferri, 1856–1929) – итальянский криминолог и политический деятель. С 1884 г. профессор уголовного права в крупнейших университетах Италии. С 1886 г. депутат итальянского парламента. В 1919 г. возглавлял комиссию по составлению проекта уголовного кодекса, многие положения которого вошли в фашистский итальянский Уголовный кодекс 1930 г. Будучи последователем основателя криминальной антропологии Чезаре Ломброзо, внес существенный вклад в развитие идей позитивистской школы криминологии. – *Прим. А. Х.*

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / The author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 03.02.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 11.03.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.345-389>

УДК / UDC 347.9:004

Д. Симшоу¹

¹ Школа права университета Гонзага, г. Спокан, США

На пути к национальному регулированию правовых технологий: метод повышения доступа к правосудию

Переводчик Е. Н. Беляева

Дрю Симшоу, доцент, Школа права университета Гонзага

Аннотация

Цель: изучение юридических технологий как инструмента для преобразования рынка юридических услуг и улучшения доступа к правосудию.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: юридические технологии могут способствовать сокращению разрыва в доступе к правосудию, поскольку они повышают эффективность процессов, демократизируют доступ к информации и помогают потребителям самостоятельно решить свои юридические проблемы или связаться с юристами, которые могут это сделать. Однако без надлежащего проектирования технологии также способствуют консолидации влияния, могут закреплять предвзятость и усиливать неравенство. Государственное регулирование юридических услуг еще не адаптировалось к этому формирующемуся технологическому ландшафту, который постоянно изменяется под влиянием инструментов, управляемых искусственным интеллектом, таких как *ChatGPT*. Множество вопросов в этой сфере остаются нерешенными, например, относится ли использование этих технологий к несанкционированным юридическим практикам; приводит ли оно к дискриминации; обеспечивает ли такое использование надлежащую защиту данных клиентов; нарушаются ли при этом требования технологической компетентности; требует ли оно применения запрещенных межотраслевых бизнес-структур. Несмотря на широко распространенные призывы к реформированию регулирования с целью устранения этих неопределенностей, лишь немногие юрисдикции предприняли соответствующие действия. Причина этого в недостатке данных об использовании, преимуществах и вреде быстро развивающихся юридических технологий.

© Симшоу Д., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 27.06.2025.

Статья подготовлена на основе обсуждения Секции технологий, права и юридического образования на ежегодной сессии Ассоциации юридических школ Америки 2023 года, в особенности комментариев Kevin Lee.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратиться в редакцию журнала: tmelnick@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Simshaw, D. (2023). Toward National Regulation of Legal Technology: a Path Forward for Access to Justice. *Fordham Law Review*, 92(1), 1.

URL публикации: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol92/iss1/1>

Научная новизна: в работе доказано, что имеющийся опыт, а также эмпирические и экономические преимущества позволят провести более обоснованные и действенные реформы, направленные на обеспечение баланса между защитой прав потребителей и доступом к правосудию. В статье представлено предложение по внедрению «песочницы» в области национальной юридической системы. Речь идет о механизме апробации реформы регулирования, который дает возможность тщательно протестировать инновационные услуги с помощью временных безопасных зон и анализа получаемых данных, что должно способствовать принятию более обоснованных нормативных решений. Юридические услуги традиционно регулируются на государственном уровне, однако на примере других отраслей очевидна эффективность лицензирования физических лиц на местном уровне с одновременным общегосударственным регулированием используемых технологий. Коллегии адвокатов отдельных штатов полагаются на помощь государственных организаций в выполнении других регулирующих функций, например, при разработке правил профессиональной деятельности. Потенциал юридических технологий в устранении пробелов и в целом общенационального кризиса в правосудии требует аналогичных мер на государственном уровне.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с юридическими технологиями.

Ключевые слова:

юридические технологии, юридические услуги, доступ к правосудию, лицензирование, цифровизация

Благодарности

Автор благодарит участников семинара для молодых ученых «Профессиональная ответственность 2022»: Kathryn Birks, Veronica C. Gonzales-Zamora, Marsha Griggs, Peter Joy и Rebecca Roiphe – за их содержательные комментарии к предыдущей версии этой статьи, а также членов Совета по юридической практике судов Вашингтона за их отзывы. Особую благодарность автор выражает в адрес Michael Cherry и Craig Shank. Наконец, автор благодарит Gabriel Buehler и Laine Ellison за их неоценимую помощь в исследовании и редакторов журнала *Fordham Law Review* за отличную редакторскую работу.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Симшоу, Д. (2025). На пути к национальному регулированию правовых технологий: метод повышения доступа к правосудию. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 345–389. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.345-389>

Scientific article

D. Simshaw¹

¹ Gonzaga University School of Law, Spokane, USA

Toward national regulation of legal technology: a path forward for access to justice

Translator E. N. Belyaeva

Drew Simshaw, Assistant Professor and Clute-Holleran Scholar in Corporate Law, Gonzaga University School of Law

This Article benefited from feedback at the session on Selected-Works-In-Progress during the 2023 Association of American Law Schools Annual Meeting held by the Section on Technology, Law & Legal Education, and especially from the comments of Kevin Lee.

The article was first published in English language by *Fordham Law Review*. For more information please contact: tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Simshaw, D. (2023). Toward National Regulation of Legal Technology: a Path Forward for Access to Justice. *Fordham Law Review*, 92(1), 1.

Publication URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol92/iss1/1>

Objective: to study legal technologies as a tool for transforming the legal services market and improving access to justice.

Methods: the article uses general dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal) research methods.

Results: legal technology can help close the access-to-justice gap by increasing efficiency, democratizing access to information, and helping consumers solve their own legal problems or connecting them with lawyers who can. However, without proper design, technology can also consolidate power, automate bias, and magnify inequality. The state-by-state regulation of legal services has not adapted to the emerging technology-driven landscape that is continually being reshaped by artificial intelligence-driven tools like ChatGPT. Confusion abounds concerning whether use of these technologies amounts to unauthorized practice of law, leads to discrimination, adequately protects client data, violates the duty of technological competence, or requires prohibited cross-industry business structures. Despite widespread calls for regulatory reforms that respond to these uncertainties, few jurisdictions have acted, as little data exists about the use, benefits, and harms of rapidly emerging legal technologies.

Scientific novelty: This article argues that, in light of these problems, regulatory reform processes should be explored at the national level, where expertise, as well as empirical benefits and economic advantages, would yield more informed and impactful reforms aimed at balancing consumer protection and access to justice. The article provides a comprehensive proposal for an opt-in national legal services “sandbox” – a regulatory reform mechanism that carefully tests innovative services through temporary safe harbors and data generation that leads to more informed regulatory decision-making. Although legal services are traditionally regulated at the state level, other industries have benefited from licensing individuals locally while regulating the technologies they use nationally, and state bars already rely on national entities to help with other regulatory functions, like drafting rules of professional conduct. Legal technology’s potential to help close the justice gap – a national crisis – warrants a similar national response.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to legal technologies.

Keywords:

legal technologies, legal services, access to justice, licensing, digitalization

Acknowledgements:

The author thanks the participants of the 2022 Professional Responsibility Junior Scholars Workshop – Kathryn Birks, Veronica C. Gonzales-Zamora, Marsha Griggs, Peter Joy, and Rebecca Roiphe – for their thoughtful comments on an earlier version of this Article, as well as the members of the Washington Courts Practice of Law Board for their feedback, with special thanks to Michael Cherry and Craig Shank. Finally, the author thanks Gabriel Buehler and Laine Ellison for their invaluable research assistance and the editors of the *Fordham Law Review* for their excellent editing.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Simshaw, D. (2025). Toward National Regulation Of Legal Technology: A Path Forward For Access To Justice. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 345–389. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.345-389>

Введение

Технологии трансформируют практически все отрасли¹ и сферы жизни общества². В большинстве случаев законы и нормативные акты, регулирующие эти сферы, не обеспечивают (по крайней мере, на первых порах) ответственного подхода к разработке, внедрению и использованию новых технологий при их

¹ См., например, Hecht, J. (2018, November 30). How Technology Is Driving Change in Almost Every Major Industry. *Forbes*. <https://www.forbes.com/sites/jaredhecht/2018/11/30/how-technology-is-driving-change-in-almost-every-major-industry/> [<https://perma.cc/LQL6-5SRH>].

² См., например, United Nations. The Impact of Digital Technologies. <https://www.un.org/en/un75/impact-digital-technologies> [<https://perma.cc/YS5H-Q3MZ>] (анализируются перспективы труда, данных, социальных сетей и киберпространства в эпоху развития цифровых технологий).

появлении³. Однако во многих отраслях законодатели и регулирующие органы сталкиваются с проблемами и возможностями, которые технологии предоставляют организациям, специалистам и широкой общественности, и в ответ на это изменяют существующие или принимают новые законы и правила. Например, многие отрасли, включая здравоохранение⁴, образование⁵ и потребительский сектор⁶, уже отреагировали на проблему конфиденциальности данных, вызванную новыми технологиями. Технологические достижения в области транспорта, такие как беспилотные автомобили, также привели к появлению норм и законов, направленных на решение новых проблем на уровне штатов и на общегосударственном уровне⁷. Аналогичным образом, требования безопасности сложных медицинских устройств, подключенных к Интернету, заставили Управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарствами США (FDA) учитывать новые соображения, такие как риски кибербезопасности, в процессе утверждения таких устройств⁸. Эти и другие усилия не всегда встречают одобрение; они могут быть спорными⁹, а в некоторых случаях и откровенно неудачными¹⁰. Однако часто усилия законодателей и регулирующих органов приводят к усовершенствованию устаревших подходов к регулированию.

Нельзя сказать того же о сфере юридических услуг. Как и в других отраслях, технологии создают проблемы и возможности для поставщиков юридических услуг и граждан с юридическими потребностями¹¹. Однако в отличие от других отраслей регулирующие органы в сфере юридических услуг не отреагировали реформами регулирования на эти проблемы и максимизацию возможностей¹². Несомненно, регулирование юридических услуг уникально во многих отношениях и требует правил и процессов, которые отличаются от

³ См., например, Regulation and Legislation Lag Behind Constantly Evolving Technology. (2019, September 27). Bloomberg L. <https://pro.bloomberglaw.com/brief/regulation-and-legislation-lag-behind-technology/> [<https://perma.cc/9F5X-QM92>] (по мнению авторов, «технологический ландшафт развивается так быстро, что правительства с трудом принимают эффективные законы для защиты потребителей и обеспечения разумного использования данных»).

⁴ См., например, The HIPAA Privacy Rule, U.S. DEP'T OF HEALTH & HUM. SERVS. <https://www.hhs.gov/hipaa/for-professionals/privacy/index.html> [<https://perma.cc/4YDH-E3 BM>] (описание «национальных стандартов защиты медицинских карт и другой индивидуально идентифицируемой информации о здоровье», предусмотренных Законом о переносимости и подотчетности медицинского страхования (HIPAA), и последних обновлений и изменений в HIPAA и Нормах конфиденциальности HIPAA); OFFICE OF ATT'Y GEN. OF CAL. Your Patient Privacy Rights: A Consumer Guide to Health Information Privacy in California. <https://oag.ca.gov/privacy/facts/medical-privacy/patient-rights> [<https://perma.cc/BDU6-T4YP>] (анализ законов штата Калифорния о конфиденциальности медицинских услуг и национальных нормативных актов).

⁵ См., например, U.S. Dep't of Educ. Student Privacy at the U.S. Department of Education. <https://studentprivacy.ed.gov/> [<https://perma.cc/SGP5-88EG>] (описывается Закон о семейных правах и конфиденциальности в области образования и Поправка о защите прав учащихся); Student Privacy Laws. Parent Coal. for Student Priv. <https://studentprivacymatters.org/state-legislation/> [<https://perma.cc/Z6S6-A2CY>] (описаны сотни законопроектов, внесенных на уровне штатов с 2014 по 2017 г. и касающихся конфиденциальности данных учащихся; около 100 законопроектов были приняты).

⁶ См., например, Protecting Consumer Privacy and Security. Fed. Trade Comm'n. <https://www.ftc.gov/news-events/topics/protecting-consumer-privacy-security> [<https://perma.cc/8VCC-VYED>] (описаны федеральные законы о конфиденциальности данных и механизмах их исполнения, включая Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете).

⁷ См., например, Nat'l Highway Traffic Safety Admin. (2016). Federal Automated Vehicles Policy: Accelerating the Next Revolution in Roadway Safety. <https://www.transportation.gov/AV/federal-automated-vehicles-policy-september-2016> [<https://perma.cc/736B-YCQB>] (меры безопасности, конфиденциальности и ответственности в области автономных транспортных средств); Autonomous Vehicles State Bill Tracking Database. (2023, February 15). Nat'l Conf. of State Legislatures, <https://www.ncsl.org/research/transportation/autonomous-vehicles-legislative-database.aspx> [<https://perma.cc/JB9T-PHGU>] (дана «информация о законопроектах об автономных транспортных средствах, внесенных в 50 штатах и округе Колумбия»).

⁸ См. U.S. Food & Drug Admin. (2023, May 1). Cybersecurity. <https://www.fda.gov/medical-devices/digital-health-center-excellence/cybersecurity> [<https://perma.cc/2EWP-3443>] (показано, что «FDA разрешает, санкционирует и утверждает продажу устройств, когда есть разумная уверенность в том, что эти устройства безопасны и эффективны при использовании по назначению»; показана роль угроз кибербезопасности, возникающих в результате использования устройств, подключенных к Интернету).

⁹ См. Feiner, L. (2020, February 9). Lawmakers Kick the Can Down the Road on Discussing the Most Contentious Issues of Privacy Legislation. CNBC. <https://www.cnbc.com/2020/02/08/lawmakers-postpone-discussing-contentious-privacy-legislation-issues.html> [<https://perma.cc/M7D7-MF2Z>].

¹⁰ См., например, Editorial, Enough Failures. We Need a Federal Privacy Law. (2022, March 30). Wash. Post. <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/30/congress-must-pass-federal-privacy-law/> [<https://perma.cc/8LP4-L9XE>].

¹¹ См. ниже Раздел I (описываются возможности, которые открывают юридические технологии); ниже Раздел II (описываются риски двухуровневой системы юридических услуг, основанной на технологиях).

¹² См. ниже Раздел III (описаны существующие неадекватные меры регулирования на местном уровне).

других отраслей¹³. Но это не оправдывает неспособность отрасли реагировать на появление новых юридических технологий. Это особенно актуально в свете того, что юридические технологии, если их эффективно регулировать, могут помочь устранить пробелы в доступе к правосудию – а в этой сфере мы наблюдаем общенациональный кризис, которому в настоящее время не видно конца.

Согласно исследованиям Корпорации юридических услуг, «американцы с низким уровнем дохода не получают никакой или достаточной юридической помощи для решения 92 % своих существенных гражданских правовых проблем»¹⁴. Пандемия COVID-19 только увеличила неудовлетворенный спрос на юридическую помощь. В течение двенадцати месяцев от начала пандемии каждый третий американец с низким уровнем дохода столкнулся с одной или несколькими гражданскими правовыми проблемами, связанными с COVID-19¹⁵; при этом «данные свидетельствуют о том, что неравенство в уровне доступа к правосудию между американцами с низким и высоким уровнем дохода усугубляется в случае гражданских правовых проблем, связанных с пандемией»¹⁶.

Традиционные формы юридической помощи оказались недостаточными для реагирования на эти тенденции: «На протяжении десятилетий Соединенные Штаты пытались преодолеть этот разрыв [в доступе к правосудию] путем постепенных улучшений, таких как волонтерство (т. е. бесплатная работа) (Gordon, 2019) и предоставление юридической помощи»¹⁷.

Но, как отметила Комиссия по перспективам юридических услуг Американской ассоциации адвокатов (*American Bar Association, ABA*), «несмотря на постоянные усилия по расширению доступа населения к юридическим услугам, значительные неудовлетворенные потребности сохраняются», и «большинство людей, живущих в бедности, и большинство людей со средним доходом не получают необходимой им юридической помощи». Отчеты государственных адвокатов подтверждают эти выводы¹⁸. Неслучайно юридический центр по этике и юридической деятельности Джорджтауна заявил в 2020 г., что «для устранения этого разрыва [в доступе к правосудию] требуются как постепенные улучшения, так и прорывные изменения»¹⁹.

В последнее время, и особенно в последнее десятилетие, возникла идея о том, что именно технологии могут наконец обеспечить преодоление разрыва в доступе к правосудию в Соединенных Штатах²⁰. Утверждается,

¹³ См. Stephen, K., Jeong, S., & Sturtevant, M. (2022, February 5). Regulating the Legal Profession. Regul. Rev. <https://www.theregview.org/2022/02/05/saturday-seminar-regulating-legal-profession/> [<https://perma.cc/BKS9-XW7L>] (объясняется, что «в Соединенных Штатах отсутствует общенациональная структура регулирования адвокатской деятельности», но «вместо этого верховные суды штатов совместно с ассоциациями юристов штатов регулируют деятельность адвокатов, имеющих лицензию на практику», а также описана уникальная роль, которую играют этические принципы в выстраивании регулирования адвокатской деятельности).

¹⁴ Legal Servs. Corp. (2022). The Justice Gap: The Unmet Civil Legal Needs of Low-income Americans. <https://justicegap.lsc.gov/resource/2022-justice-gap-report/> [<https://perma.cc/BR7D-PW8A>].

¹⁵ См. там же, at 11 (в качестве примера перечислены вопросы поддержания уровня доходов, проблемы образования и жилья).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Comm'n on the Future of Legal Servs., Am. Bar. Ass'n. (2016). Report on the Future of Legal Services in the United States, 11–14. https://www.americanbar.org/content/dam/aba/images/abanews/2016FLSReport_FNL_WEB.pdf [<https://perma.cc/9E88-42F8>].

¹⁸ См., например, Task Force on the Delivery of Legal Servs., Ariz. Sup. Ct. (2019). Report and Recommendations 8–9. <https://www.azcourts.gov/Portals/74/LSTF/Report/LSTFReportRecommendationsRED10042019.pdf> [<https://perma.cc/4SUY-DUTC>] («Субсидированные и бесплатные юридические услуги, в том числе те, что предоставляются за низкую плату или на общественных началах, являются одной из ключевых мер для решения проблемы доступа к правосудию, однако их недостаточно»); Or. State Bar Futures Task Force. (2017). The Future of Legal Services in Oregon. http://www.osbar.org/_docs/resources/taskforces/futures/futurestf_summary.pdf [<https://perma.cc/MWN2-6V59>] («Субсидированные и бесплатные юридические услуги... являются ключевой мерой для решения проблемы доступа к правосудию, но их по-прежнему недостаточно для удовлетворения всех гражданских юридических потребностей малообеспеченных жителей Орегона»).

¹⁹ Ctr. on Ethics & the Legal Pro., Georgetown L. Ctr. (2020). Report on the State of the Legal Market, 2–3. <https://www.law.georgetown.edu/news/fundamental-shifts-are-disrupting-the-legal-market-2020-report-on-the-state-of-the-legal-market-from-georgetown-law-and-thomson-reuters-legal-executive-institute/> [<https://perma.cc/B2UR-PPJZ>].

²⁰ См., например, (Brescia et al., 2015) (показано, что «технологические инновации... могут способствовать расширению доступа к правосудию в сообществах, нуждающихся в юридической помощи»); TASK FORCE ON THE DELIVERY OF LEGAL SERVS., выше прим. 18, at 9 («Учитывая большой рынок юридических услуг, не охваченный деятельностью юристов, на помощь клиентам приходят платформы на основе технологий и искусственного интеллекта»); Sonday, K. (2020, February 4). Tech-Enabled A2J: From Text to Machine Learning, How Legal Aid Is Leveraging Technology to Increase Access to Justice. THOMSON REUTERS. <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/legal/tech-enabled-a2j-legal-aid/> [<https://perma.cc/359J-2YSK>] («Нет никаких сомнений в том, что эти инструменты [юридические технологии] при правильном применении позволят добиться значительных успехов в обеспечении реального доступа граждан к правосудию»).

что технологические инструменты и услуги для юристов и потребителей способны повысить эффективность этой деятельности²¹ и помочь потребителям решить свои юридические проблемы самостоятельно²² или связать их с лицензированными профессионалами, которые это сделают²³.

Однако без надлежащего внимания к разработке этих инструментов они могут также монополизировать власть, закрепить предвзятость и усилить неравенство²⁴. В то время как многие отрасли добились прогресса в реагировании на вызовы и возможности технологий, этого нельзя сказать о сфере юридических услуг, поскольку она регулируется на государственном уровне²⁵. В то же время быстро развиваются и вызывают серьезные практические и этические вопросы такие платформы, как *ChatGPT* – генеративный искусственный интеллект, способный составлять тексты, похожие на написанные человеком²⁶.

В отсутствие государственного реформирования законов и норм, регулирующих оказание юридических услуг, остаются нерешенными вопросы о том, является ли использование этих технологий несанкционированной юридической практикой (*unauthorized practice of law, UPL*), ведет ли оно к дискриминации, обеспечивает ли адекватную защиту данных клиента, нарушает ли требование технологической компетентности или требует наличия запрещенных межотраслевых бизнес-структур²⁷. В результате мы хуже понимаем ландшафт юридических технологий, а также сталкиваемся со снижением конкуренции в отрасли юридических услуг и препятствиями для «выравнивания» юридических технологий в аспекте обеспечения доступа к правосудию²⁸. Это касается не какой-либо одной юрисдикции; это общая проблема, которая связана с барьерами в процессе регулирования и различными формами сопротивления, которые препятствуют даже поиску путей реформирования²⁹. Если не преодолеть эти барьеры, отрасль юридических услуг может столкнуться со «спонтанным дерегулированием». Примером последнего служит ситуация, когда услуги такси с помощью приложений стали настолько обыденными, что многие меры регулирования стали нецелесообразными³⁰.

В данной статье мы покажем, что эта проблема требует решения на уровне всей страны. В качестве первого шага юрисдикции должны принять участие в общенациональной апробации правового регулирования. Это так называемый механизм «песочницы», когда инновационные услуги тщательно тестируются с помощью

²¹ См., например, (McPeak, 2019) (объясняется, как юридические технологии могут «рационализировать юридические задачи» и привести к «более точным результатам, за меньшие деньги и в гораздо более быстрые сроки»); (Cabral et al., 2012) («В условиях сокращения финансирования юридических служб и судов расширение использования технологий часто рассматривается как источник экономии и повышения эффективности»).

²² См., например, Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 3 (отмечается, что некоторые жители Орегона «отказываются от общения между адвокатом и клиентом и используют ‘умное’ программное обеспечение онлайн для написания завещаний, доверенностей и других ‘стандартных’ юридических документов, считая, что этого достаточно для удовлетворения их потребностей»).

²³ См. (Cruz, 2019) (объясняется, как чат-боты «соединяют клиентов с поставщиками юридических услуг после того, как программа помогает клиенту определить его правовую проблему»); Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 5 (описано развитие «моделей предоставления онлайн-услуг – от простейших провайдеров до сложных справочных сетей»).

²⁴ См. ниже Раздел II.A (описаны риски двухуровневой системы юридических услуг, основанной на технологиях).

²⁵ См. в целом (Baxter, 2022) (обсуждается неспособность отдельных штатов решить проблему доступа к правосудию, в том числе путем использования инструментов и услуг, основанных на технологиях).

²⁶ См., например, Perlman, A. M. (2022, December 5). The Implications of ChatGPT for Legal Services and Society. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4294197 [<https://perma.cc/Z22Q-ZYSH>]; (Cyphert, 2021) (объясняется, как ChatGPT получает неверные результаты, используя данные с таких сайтов, как Reddit); Furness, A., & Mallick, S. (2023, January 23). Evaluating the Legal Ethics of a ChatGPT-Authored Motion. Law360. <https://www.law360.com/articles/1567985/evaluating-the-legal-ethics-of-a-chatgpt-authored-motion> [<https://perma.cc/H4GA-3ZFB>].

²⁷ См. ниже Раздел II.B (описаны правовая неопределенность и другие препятствия в использовании юридических технологий для обеспечения доступа к правосудию).

²⁸ См. ниже Раздел II.C (объясняется необходимость реформы системы регулирования для решения указанных проблем).

²⁹ См. ниже Раздел III.C (объясняется наличие барьеров и сопротивления реформе местного правового регулирования).

³⁰ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd. (2022). Blueprint for a Legal Regulatory Lab in Washington State, Version 2.0, at 42. https://www.wsba.org/docs/default-source/legal-community/committees/practice-of-law-board/practice-of-law-board_lab-blueprint_02-11-2022.pdf [<https://perma.cc/9NYK-H6TR>] («Существует опасность, что такие услуги станут общепринятыми и произойдет спонтанное дерегулирование. Есть мнение, что это уже происходит. Примером спонтанного дерегулирования может служить ситуация, когда в городах появились услуги совместного использования автомобилей и жилья, не учитывающие муниципальные постановления о работе такси и зонировании»). См. в целом Edelman, B., & Geradin, D. (2016, April). Spontaneous Deregulation. Harv. Bus. Rev. <https://hbr.org/2016/04/spontaneous-deregulation> [<https://perma.cc/ZK69-XX2S>].

временных «безопасных гаваней» и сбора данных, что позволяет принимать более обоснованные решения в области регулирования. На уровне штатов уже начинают создаваться или предлагаться «песочницы» правового регулирования. Например, в первый год работы апробации в штате Юта юридическими услугами воспользовались 2 500 потребителей, в том числе более 550 юридических услуг было предоставлено с помощью программного обеспечения с участием юристов³¹. Предварительные данные свидетельствуют о том, что эти услуги имеют огромные перспективы³².

В 2022 г. в некоторых кругах вызвали беспокойство как финансовые и логистические проблемы, связанные с функционированием этого механизма, так и растущее число организаций, регулируемых Управлением инновационных юридических услуг (отдел Верховного суда Юты, работающий на грантовой основе)³³. В 2023 г. «песочница» перешла непосредственно в ведение адвокатуры штата³⁴. Как показывают эти примеры, масштаб такой апробации ограничен³⁵. Тем не менее небольшие первые успехи и предложения на местном уровне служат полезными моделями для разработки национальной «песочницы», обладающей большей устойчивостью и влиянием. Несомненно, когда местные юрисдикции не могут обеспечить эффективное регулирование, общенациональное регулирование не всегда может помочь. Однако есть все основания полагать, что перенос процессов реформирования на национальный уровень поможет сформировать эффективные нормы в условиях развития технологий в области юридических услуг³⁶.

В Разделе I данной статьи мы определим возможности, которые открывают юридические технологии, и способы, с помощью которых они могут помочь поставщикам юридических услуг предоставлять больше услуг лучшего качества, а также помочь потребителям решить свои юридические проблемы или соединить их с юристами, которые могут это сделать, так чтобы в конечном итоге улучшить доступ к правосудию. В Разделе II будут рассмотрены проблемы, связанные с эффективной «калибровкой» юридических технологий для обеспечения доступа к правосудию, и проанализированы способы, с помощью которых национальная реформа регулирования могла бы решить эти проблемы. В Разделе III мы рассмотрим во многом неадекватные меры регулирования, принятые юрисдикциями на сегодняшний день, а также ограниченные успехи небольшого числа юрисдикций, которые могут послужить основой для проведения реформы регулирования на национальном уровне. В свете этих провалов и возможностей в Разделе IV предлагается перенести некоторые процессы реформирования регулирования с уровня штатов на национальный уровень, в том числе путем создания общенациональной «песочницы» регулирования юридических услуг, которая позволит учесть недостаток опыта и те эмпирические и экономические проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается большинство юрисдикций, не сумевших принять или даже рассмотреть изменения в законодательстве. В Разделе V будут рассмотрены потенциальные проблемы и критические замечания, связанные с переносом процессов реформирования правового регулирования на общенациональный уровень. Мы также покажем, почему эти проблемы и критические замечания не должны подрывать данный подход как механизм, позволяющий эффективно подталкивать правовые технологии в сторону перспективных направлений и избегать рисков, а в конечном итоге улучшить доступ к правосудию.

³¹ Cornett, L., & DeMeola, Z. (2021, September 15). Data from Utah's Sandbox Shows Extraordinary Promise, Refutes Fears of Harm. Inst. for Advancement Am. Legal Sys. <https://iaals.du.edu/blog/data-utahs-sandbox-shows-extraordinary-promise-refutes-fears-harm> [<https://perma.cc/J9MS-DNGD>].

³² См. там же.

³³ См. Eisenberg, J. D. (2022, November – December). The Sandbox. UTAH BAR J., at 19. https://www.utahbar.org/wp-content/uploads/2023/04/2022_FINAL_06_Nov_Dec.pdf [<https://perma.cc/B6KU-MCDH>] (отмечается, что Верховный суд штата Юта «недавно попросил адвокатуру взять на себя финансирование деятельности Управления по инновациям в сфере юридических услуг (Office of Legal Services Innovation, OLSI)»; там же, at 24 (утверждается, что «песочница» штата Юта «недоукомплектована кадрами и недофинансирована»; ставится вопрос: «учитывая такие ограниченные ресурсы, может ли OLSI эффективно разрабатывать, собирать и анализировать данные о качестве апробируемых услуг?»; там же, at 26 («У OLSI нет ни кадров, ни финансовых ресурсов, ни достаточных данных, ни нормативной структуры для надзора за обширной отраслью юридических услуг и контроля за нефидуциарными инвесторами, владельцами, менеджерами и их персоналом»)).

³⁴ См. Utah Off. of Legal Servs. Innovation (2023, March). Activity Report 2. <https://utahinnovationoffice.org/2023/04/27/march-2023-activity-report/> [<https://perma.cc/Z3KR-E2BQ>] (отмечается, что «передача деятельности Управления в ведение коллегии адвокатов штата Юта началась»).

³⁵ См. ниже Раздел III.A (описываются ограниченные, но полезные примеры местных нормативно-правовых «песочниц»).

³⁶ См. ниже Раздел V (утверждается, что обычные аргументы против реформы правового регулирования и общенационального регулирования не противостоят идее переноса такой реформы на общенациональный уровень).

Результаты исследования

I. Возможности, предоставляемые юридическими технологиями

Юридические технологии получили широкую известность благодаря своему потенциалу в улучшении решения юридических проблем и помощи в устранении разрыва в доступе к правосудию³⁷. Их влияние на сферу юридических услуг огромно: от повышения эффективности процессов решения проблем³⁸ до демократизации доступа к правовой информации для потребителей³⁹, от помощи потребителям в решении их юридических проблем⁴⁰ до организации связи с теми, кто может их решить⁴¹.

Действительно, не все юридические проблемы требуют помощи лицензированного юриста⁴². Помощь «неюристов» по некоторым юридическим вопросам пользуется большим спросом⁴³. Некоторые сервисы самопомощи хорошо известны. Например, сервис *DoNotPay* попал в заголовки газет в 2016 г., когда его чат-бот, разработанный студентом Стэнфордского университета, помог 160 тысячам человек отменить штрафы за парковку; при этом вероятность успеха составила 64 %, а экономия пользователей – более 4 млн долларов⁴⁴. В следующем году результаты этого сервиса практически удвоились⁴⁵. Совсем недавно стала широко известна стартап-программа *HelloPrenup*, разработанная бывшим юристом корпорации *Microsoft* для помощи парам в заключении брачных договоров; на популярном телешоу *Shark Tank* этот сервис собрал инвестиции в размере 150 тысяч долларов⁴⁶. Другой сервис, *LegalZoom*, стал именем нарицательным: его онлайн-услугами воспользовались миллионы людей⁴⁷. Но эти онлайн-платформы – только начало: сообщается, что многие

³⁷ См. выше прим. 20 и соответствующий текст.

³⁸ См., например, выше прим. 21 и соответствующий текст.

³⁹ См. ((Newman) Knake Jefferson, 2012) (описывается, как интеграция корпораций в сферу юридических услуг может способствовать широкому распространению информации); (Taylor Poppe, 2019) (в контексте правового ИИ и приложений объясняется, как «дезагрегация [юридической деятельности] способствует развитию многочисленных источников правовой информации и услуг»); Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 9 (описано, как в штате Аризона «использовали технологии, чтобы преодолеть разрыв в доступе к правосудию», в том числе путем «создания виртуального ресурсного центра... с информационными листками и видеоматериалами по правовым вопросам»).

⁴⁰ См., например, Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 3 (отмечается, что некоторые жители Орегона «отказываются от общения между адвокатом и клиентом и используют ‘умное’ программное обеспечение онлайн для написания завещаний, доверенностей и других ‘стандартных’ юридических документов, считая, что этого достаточно для удовлетворения их потребностей»).

⁴¹ См. Cruz, выше прим. 23, at 364 (объясняется, как чат-боты «помогают клиентам определить имеющиеся у них варианты действий, в том числе решить, нужна ли им дальнейшая юридическая помощь» и «соединяют клиентов с поставщиками юридических услуг после того, как программа помогает клиенту определить его правовую проблему»); Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 5 (отмечается, что «технологические компании, работающие на основе венчурного капитала, создают модели предоставления онлайн-услуг – от простейших провайдеров до сложных справочных сетей»).

⁴² См. (Guttenberg, 2012) («Не всякая юридическая деятельность требует личного участия опытного специалиста») (цит. Susskind, R. (2008). The End of Lawyers?: Rethinking the Nature of Legal Services, 90. («Многие юристы преувеличивают степень зависимости результатов своей работы от глубины знаний... Юристы часто преувеличивают степень креативности, стратегичности и новизны в содержании своей работы»); (Schmitz, 2020) («Большинство подлежащих рассмотрению в суде вопросов никогда не доходят до консультации с адвокатом, не говоря уже о том, чтобы дойти до суда»); см. также (Green, 2023).

⁴³ (Sandefur, 2020) («Потребители высоко оценивают и оплачивают юридические услуги лиц, которые не являются квалифицированными адвокатами. Юридическая работа, выполняемая неюристами, может быть не хуже, а иногда и лучше, чем у юристов. Нынешние ограничения на практику неюристов не подкреплены доказательствами в отношении качества работы неюристов или потребительского спроса»).

⁴⁴ См. Gibbs, S. (2016, June 28). Chatbot Lawyer Overturns 160,000 Parking Tickets in London and New York. Guardian. <https://www.theguardian.com/technology/2016/jun/28/chatbot-ai-lawyer-donotpay-parking-tickets-london-new-york> [<https://perma.cc/4H34-87UA>].

⁴⁵ См. Mannes, J. (2017, July 12). DoNotPay Launches 1,000 New Bots to Help You with Your Legal Problems. TECHCRUNCH. <https://techcrunch.com/2017/07/12/donotpay-launches-1000-new-bots-to-help-you-with-your-legal-problems/> [<https://perma.cc/XL9X-YA3Z>] (описывается, как к июлю 2017 г. сервис DoNotPay сэкономил пользователям 9,3 млн долларов, оспорив 375 000 штрафов за парковку).

⁴⁶ См. Soper, T. (2021, November 14). Shark Tank Deal: Founders of Prenup Company Land Cash from Mr. Wonderful and Nextdoor Founder. Geekwire. <https://www.geekwire.com/2021/shark-tank-deal-founders-of-prenup-company-land-cash-from-mr-wonderful-and-nextdoor-founder/> [<https://perma.cc/S34S-6S6W>].

⁴⁷ См. LegalZoom. <https://www.legalzoom.com/> [<https://perma.cc/K36S-UKRZ>] (заявляется о «почти 6 миллионах клиентов, которые доверяют нам работу со своими деловыми и личными юридическими потребностями»).

организации в различных юрисдикциях воспользовались этими моделями обслуживания и начали предлагать онлайн «широкий спектр юридических услуг, включая области семейного права, иммиграции, арбитража, нарушений ПДД и другие гражданско-правовые вопросы»⁴⁸, а также помогают потребителям «создавать предприятия, регистрировать торговые марки, составлять завещания и другие юридические документы»⁴⁹.

В 2021 г. Совет по судебной практике штата Вашингтон в одном только этом штате выявил более пятидесяти юридических онлайн-сервисов, предоставляющих помощь адвокатам, населению или и тем и другим⁵⁰. Отмечалось, что эти сервисы «получают положительные отзывы как от общественности, так и от прессы и привлекают значительный венчурный капитал, а значит, они будут предлагать еще больше услуг в дальнейшем»⁵¹. Совет далее отметил, что эти услуги устраняют пробелы в правосудии, позволяя потребителям решать свои юридические вопросы более эффективно, чем если бы они действовали от своего лица, а также предоставляют своевременные и зачастую упрощенные консультации по цене, как правило, меньшей, чем стоимость традиционных юридических услуг⁵².

Конечно, не все юридические вопросы подходят для самостоятельного решения; многие требуют помощи лицензированных юристов, для которых технологии кардинально меняют традиционные процессы решения юридических задач на всех этапах⁵³. Та же технология чат-ботов, которую сервис *DoNotPay* использует для помощи потребителям, также помогает в приеме клиентов лицензированными специалистами⁵⁴.

Раскрытие информации стало более эффективным⁵⁵ и точным⁵⁶ благодаря цифровым технологиям. Юридические исследовательские службы теперь все чаще обрабатывают вопросы на естественном языке и генерируют индивидуализированные результаты для подписчиков⁵⁷. А такие области, как «предиктивное кодирование» и «юридическая аналитика», помогают разрабатывать юридические аргументы на основе данных, извлеченных из прошлых дел⁵⁸.

Несмотря на то, что юридические технологии имеют большую преобразующую силу и считаются перспективным инструментом для расширения доступа к правосудию, а также для расширения рынка юридических

⁴⁸ См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 40; см. также Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 7 (описано, как «коммерческие онлайн-провайдеры быстро разрабатывают новые модели предоставления юридических услуг, чтобы удовлетворить потребительский спрос»).

⁴⁹ Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 9.

⁵⁰ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 40 («Около 20 из этих провайдеров, например WestLaw и CLIO, предоставляют услуги в основном профессионалам в области права. Более 14 поставщиков юридических услуг, такие как Avvo и LegalZoom, предоставляют услуги как профессионалам в области права, так и населению, включая направление клиентов к профессионалам в области права (как правило, к адвокатам). Наконец, более 17 поставщиков юридических услуг, например FairShake и Hello Divorce, ориентированы на граждан»).

⁵¹ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 40.

⁵² Там же, at 41.

⁵³ См. McPeak, выше прим. 21, at 461 (описывается, как юридические технологии не только меняют методы работы юристов, но также «могут полностью изменить юридическую практику»).

⁵⁴ См. Black, N. (2020, January 27). What You Need to Know About Virtual and Chatbot Assistants for Lawyers. ABA J. <https://www.abajournal.com/web/article/what-you-need-to-know-about-virtual-and-chatbot-assistants-for-lawyers> [<https://perma.cc/RS7S-WXH4>] (описано, как чат-боты используются в процессе приема клиентов в юридических фирмах).

⁵⁵ См. (Pasquale & Cashwell, 2015) (отмечается, что благодаря электронному «юристы нового поколения уже не перерывают коробки с документами, чтобы найти упоминание искомого термина», и что «предиктивное кодирование сокращает время поиска информации на 75 процентов», как было показано в исследованиях); McPeak, выше прим. 21, at 463 (объясняется, как технология «кардинально меняет затраты времени, усилий и способы рассмотрения документов»); Delacroix, S. (2018, November 30). How Could AI Impact the Justice System? Thomson Reuters: Legal Insights Eur. <https://blogs.thomsonreuters.com/legal-uk/2018/11/30/how-could-ai-impact-the-justice-system/> [<https://perma.cc/ZD68-9HB8>] (описывается, как автоматизированный документооборот и поиск информации «избавляют юристов от множества скучных рабочих часов»).

⁵⁶ См. (Walters, 2019) (показано, что поиск документов на основе искусственного интеллекта «превосходит возможности человека как по точности, так и по охвату»).

⁵⁷ См. там же, at 1077; см. также McPeak, выше прим. 21, at 461 (объясняется, как «обработка естественного языка позволяет получать более точные результаты исследований»).

⁵⁸ См. Brescia et al., выше прим. 20, at 572 (описываются «возможности выработки юридической аргументации на основе прогностических инструментов по конкретному типу дела»); см. также McPeak, выше прим. 21, at 461–462 (показано, что юридические технологии «бурно развиваются благодаря использованию предиктивной аналитики, такой как судебная аналитика и другие виды предиктивного моделирования»).

услуг в целом⁵⁹, значимый прогресс достигается не на всех этих направлениях. В Разделе II мы проанализируем проблемы, возникающие в связи с применением юридических технологий, и возможности их эффективного использования в этих условиях. Мы также обсудим, как реформа регулирования может ответить на эти вызовы, чтобы в конечном итоге улучшить доступ к правосудию.

II. Проблемы, связанные с юридическими технологиями, и необходимость реформирования нормативно-правовой базы

Как ранее утверждал автор данной статьи, радужные надежды на повышение доступа к правосудию с помощью технологий до сих пор реализованы не полностью и нет гарантий, что это когда-либо произойдет⁶⁰.

В этом разделе автор рассматривает различные пути, по которым может пойти технологическое обеспечение юридических услуг, и в конечном итоге заявляет, что расширение доступа к правосудию частично зависит от эффективной реформы регулирования с учетом технологий, которая, как утверждается в этой статье, должна проводиться на национальном уровне.

А. Риски, связанные с двухуровневой системой юридических услуг, основанной на технологиях

Развитие юридических технологий никогда не сопровождалось повышением доступности юридических услуг⁶¹. Напротив, рост зависимости от юридических технологий и их легитимизация привели к опасениям, что будет создана двухуровневая система доступа к юридическим услугам, которая усугубит, а не устранил разрыв в правосудии⁶². Такая двухуровневая система может принять различные формы, а риск этого можно снизить с помощью реформы национального регулирования, за которую выступает данная статья.

Одна из потенциальных двухуровневых систем предполагает, что технологические юридические инструменты и услуги станут основным источником юридической помощи для людей с низким уровнем дохода, даже в тех ситуациях, когда помощь человека была бы более уместной⁶³. Такая система может возникнуть в результате снижения доступности юридической помощи со стороны человека⁶⁴. Она может проявиться наиболее ярко на этапе приема, когда одни клиенты будут направляться к лицензированным юристам, а другие – к технологическим решениям⁶⁵. В некоторых ситуациях технологическая помощь – это «лучше, чем ничего»⁶⁶,

⁵⁹ См. (Johnson, 2020) (объясняется, как технологии могут повысить эффективность юридической деятельности в области бизнеса путем «улучшения доступа к представительским услугам для дополнительных клиентов, включая некоммерческие организации, малый бизнес и предпринимателей»); Рорре, выше прим. 39, at 190 (объясняется, как «технологии, снижающие затраты в области юридической практики, способствуют расширению практики за счет скрытых рынков юридических услуг»).

⁶⁰ См. в целом (Simshaw, 2022).

⁶¹ См. Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 4 (отмечается, что «в условиях новых юридических технологий граждане могут легче, чем когда-либо, получить доступ к юридическим услугам», и «поэтому удивительно узнать, что возросшая доступность информации о праве и юридических услугах никак не повлияла на сокращение разрыва в доступе к правосудию» (выделено в оригинале)).

⁶² См. Simshaw, выше прим. 60, at 170–180 (обзор литературы, в которой обсуждаются опасения по поводу двухуровневых систем юридических услуг).

⁶³ См. там же, at 171–172.

⁶⁴ См., например, Рорре, выше прим. 39, at 202 (описываются опасения, что технологические инновации могут привести к снижению доступности личной помощи).

⁶⁵ См. (Kunkel, 2019) (описывается «роль технологий» и возможность того, что «технологии будут определять, кого из клиентов будет обслуживать адвокат, а кого отнесут к той или иной форме самопомощи, технологической или какой-либо другой»).

⁶⁶ См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 41 (отмечается, что преимущество онлайн-юридических услуг состоит в том, что «люди, пользующиеся такими услугами, скорее всего, более успешно решат свою юридическую проблему, чем если бы они просто сами представляли себя в суде»); Brescia et al., выше прим. 20, at 579 (утверждается, что технологические решения – это «пожалуй, лучше, чем полное отсутствие услуг»); Рорре, выше прим. 39, at 201 (высказано предположение, что, когда речь идет об услугах на основе технологий, при отсутствии «желания и ресурсов для расширения доступа к правосудию другими способами, что угодно лучше, чем ничего» (выделено в оригинале)); Green, выше прим. 42, at 1273 («Малообеспеченные граждане в среднем могли бы получить гораздо больше пользы, если бы могли принять на себя риски, связанные с оказанием юридической помощи неюристами, а не лишаться этой альтернативы. Учитывая, что многие из тех, кому отказано в доступе к помощи непрофессионального юриста, вообще не получают никакой помощи, можно задаться вопросом: неужели лекарство хуже болезни?»).

но в целом она не столь эффективна, как помощь лицензированных юристов, предоставляющих полный спектр услуг⁶⁷, которые обладают преимуществами личных связей⁶⁸, имеют юридически закрепленные обязанности перед своими клиентами⁶⁹ и способны проводить агрессивную тактику, которую может подсказать и помочь эффективно реализовать только человеческий опыт⁷⁰. В других ситуациях потребителям технологических услуг может быть нанесен явный вред⁷¹, который неискушенный клиент может даже не заметить⁷².

Другая двухуровневая система доступа к юридическим услугам может представлять почти противоположный риск: что юридические технологии становятся мощным инструментом с крайне неравномерным распределением⁷³. На одном конце спектра – крупные юридические фирмы, обслуживающие богатых клиентов и корпорации, имеющие все возможности для интеграции этих технологий в свои модели предоставления услуг и ведения бизнеса⁷⁴. Они располагают большими ресурсами для внедрения новых юридических технологий⁷⁵, могут нанимать собственный персонал по информационным технологиям или внешних консультантов⁷⁶ и имеют доступ к более специализированным комплексным услугам⁷⁷. Такие фирмы пользуются преимуществами не только от долгосрочных отношений с поставщиками, что снижает затраты и повышает эффективность⁷⁸, но и от возможности более эффективно использовать свои собственные данные⁷⁹. На другом конце спектра – небольшие фирмы и юристы-одиночки, полагающиеся на технологии, которые зачастую менее эффективны и конкурентоспособны⁸⁰, отчасти потому, что менее дорогие технологии, которые они

⁶⁷ См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 41 (отмечается, что некоторые юридические онлайн-сервисы «могут давать неточные и неполные советы»); Brescia et al., выше прим. 20, at 554, 605–606 («Необходимо задать вопрос: являются ли эти виды инноваций «заменой» истинного доступа к правосудию? Во многих отношениях ответ однозначен – нет»).

⁶⁸ См. O’Neil, C. (2016). *Weapons of math destruction: how big data increases inequality and threatens democracy*. NY: Crown (показано, что люди, которые могут позволить себе персональные услуги, «часто пользуются преимуществами личных связей», например, «элитная юридическая фирма... будет в гораздо большей степени опираться на рекомендации и личные собеседования», чем организации с меньшими ресурсами).

⁶⁹ См. Brescia et al., выше прим. 20, at 605 (представительство адвоката обеспечивает не просто компетентность, но и усердие в оказании услуг, с учетом потребностей конкретного лица, что подкреплено дисциплинарным механизмом, обеспечивающим их оказание в соответствии с этическими обязательствами адвоката перед конкретным лицом).

⁷⁰ См. там же, at 605–606 (отмечается, что технологические юридические решения, такие как приложения, «не позволят потребителям, представляющим себя в суде самостоятельно, предпринять агрессивные шаги, как адвокат... [которые] он оттачивал годами практики и опыта»).

⁷¹ См. там же, at 554 (приводятся утверждения о том, что некоторые «веб-сайты, мобильные приложения [и] программы самопомощи... несут угрозу потребителю, поскольку полученные по сниженной цене услуги могут быть настолько низкого качества, что в конечном итоге принесут больше вреда, чем пользы»).

⁷² См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 41 (отмечается как один из недостатков онлайн-юридических услуг то, что «ущерб, причиненный потребителю, может остаться незарегистрированным»); Porre, выше прим. 39, at 205 (ставится вопрос, «как человек может понять, верно ли решение, предложенное юридической технологией?»).

⁷³ См. Simshaw, выше прим. 60, at 174.

⁷⁴ См. Brescia et al., выше прим. 20, at 554 («Предлагается много оценок влияния таких сбоев на предоставление услуг богатым клиентам и корпорациям»); Furlong, J. (2020, February 11). *Reflections: The New Legal Economy: What Will Lawyers Do?* Wis. Law. <https://www.wisbar.org/NewsPublications/WisconsinLawyer/Pages/Article.aspx?Volume=93&Issue=2&ArticleID=27468> [<https://perma.cc/M9QJ-95LS>] (прогнозируется, что «для богатых людей и юридических отделов крупных корпораций это будет золотой век юриспруденции», а для остальных – наоборот).

⁷⁵ См. Guttenberg, выше прим. 42, at 480–481.

⁷⁶ См. Melody Finnmere, *Starting Up or Starting Over: Law Firms of All Sizes Need to Consider Their Tech Options*. (2020, Apr.). Or. State Bar Bull., at 26, <https://www.osbar.org/bulletin/issues/2020/2020April/offline/download.pdf> [<https://perma.cc/A3T7-MU7u>].

⁷⁷ См. там же (отмечается, что для небольших фирм «существует мало продуктов ‘все в одном’, как те, что доступны более крупным компаниям»).

⁷⁸ См. (Kluttz & Mulligan, 2019) (отмечается, что торговые платформы, предназначенные для крупных фирм, «снижают затраты и неопределенность, связанные с судебными разбирательствами, за счет заключения долгосрочных соглашений, стандартизации по всем потенциально спорным вопросам и более широкого использования услуг по управлению информацией, включая сопровождение судебных разбирательств»).

⁷⁹ См. Guttenberg, выше прим. 42, at 441 (объясняется, как крупные компании могут использовать коммуникационные и информационные технологии с целью дальнейшего роста).

⁸⁰ См. там же, 480–481.

могут себе позволить, не позволяют им обслуживать такое количество людей⁸¹. Кроме того, их услуги будут менее эффективны, поскольку универсальная технология не учитывает совершенно разные потребности пользователей⁸². В результате такой дихотомии может повыситься вероятность того, что фирмы, способные использовать в своей работе юридические технологии, будут создавать продукты, превосходящие по качеству те, которые предоставляются традиционными методами⁸³. Это приводит к «порочному кругу, в котором технологически продвинутые становятся еще более продвинутыми, а разрыв между теми, кто пользуется и не пользуется технологиями, еще больше увеличивается» (Yu, 2020).

Появления третьей системы опасаются те, кто считает, что в настоящее время действует двухуровневая система, состоящая из тех, кто имеет доступ к юридическим услугам, и тех, кто его не имеет, и что юридические технологии не смогут существенно изменить этот статус-кво⁸⁴. Эта третья система может развиваться, если технологии не оправдают завышенные ожидания в ключевых областях⁸⁵ или сделают это слишком медленно из-за длительных сроков необходимых инвестиций⁸⁶. Даже если технология оправдает ожидания, есть опасения, что результаты не окажут существенного влияния на разрыв в доступе к правосудию⁸⁷. Эти опасения усугубляются технологическим пессимизмом, укоренившимся среди консервативно настроенных юристов⁸⁸, хотя технологии способны сократить разрыв в доступе к правосудию.

В. Препятствия на пути совершенствования правовых технологий для обеспечения доступа к правосудию

Но двухуровневой системы можно и нужно избегать или принимать меры к ее изменению. Ранее мы уже писали, что для того, чтобы реализовать потенциал юридических технологий и избежать связанных с ними опасностей, необходимо эффективно «откалибровать» их для обеспечения доступа к правосудию. Это требует «тщательного рассмотрения соответствующего уровня доверия к технологии (или ограничения такого

⁸¹ См. Finemore, выше прим. 76, at 26.

⁸² См. там же («Продукт, который хорошо работает для одной небольшой фирмы, не обязательно будет лучшим решением для другой»).

⁸³ См., например, (Moore, 2019); Walters, выше прим. 56, at 1076 (прогнозируется, что «качество продукта, создаваемого юристами с использованием искусственного интеллекта, будет превосходить качество продукта, созданного без такового»); (Jewel, 2017) («Если общество хочет объединить юридическую помощь с технологиями... лучшим может стать гибридный подход, когда технологии используются наряду с юридическими советами человека»).

⁸⁴ См. Simshaw, выше прим. 60, at 177; см. также Sandvik, K. B. (2020, February, 14). Is Legal Technology a New 'Moment' in the Law and Development Trajectory? Peace Rsch. Inst. Oslo Blogs. <https://blogs.prio.org/2020/02/is-legal-technology-a-new-moment-in-the-law-and-development-trajectory> [<https://perma.cc/8B5A-2KWL>] (дается обзор работ по юридическим технологиям, авторы которых «весьма критично относятся к так называемым футуристам в области права – сторонникам технологий, провозглашающим неизбежность и преимущества технологизированного подхода к адвокатской деятельности... и утверждают... что главенствующий взгляд на технологии слишком оптимистичен»).

⁸⁵ См., например, (Staudt, 2009) (описываются «завышенные ожидания и преждевременный безудержный энтузиазм» в отношении новых технологий и возникающее «разочарование, когда проекты в области права и информационных технологий дают лишь скромные улучшения или кончаются провалом»); Pasquale & Cashwell, выше прим. 55, at 40 («Ускорение автоматизации сверх нынешнего уровня... представляется сомнительным по многим причинам»); (Asay, 2020) (утверждается, что «наш компьютеризированный мир» «пронизан искусственной тупостью, когда выполняются лишь конкретные, узкие задачи, да и те редко выполняются хорошо»); Kunkel, выше прим. 65, at 386 (ставится под сомнение «довольно смелое предположение о том, что технология обязательно будет настолько эффективной, насколько обещает»).

⁸⁶ См. Asay, выше прим. 85, at 1253 («[Инвесторы] часто не хотят вкладывать деньги в инновации, которые обещают прибыль, если вообще обещают, только после длительного периода рискованных проб и ошибок»).

⁸⁷ См., например, Kunkel, выше прим. 65, at 366 (описывается «шквал дискуссий, предлагающих скромные технические меры», и то, как они заслоняют более важные политические вопросы, связанные с разрывом в доступе к правосудию); Tromans, R. (2020, June 3). Does Legal Tech Share a Common Cause? Artificial Law. <https://www.artificiallawyer.com/2020/06/03/does-legal-tech-share-a-common-cause/> [<https://perma.cc/WSJ4-33KT>] (описано, как стартапы, изначально нацеленные на обеспечение доступа к правосудию, в итоге начинают следовать другим требованиям и интересам); Sandvik, выше прим. 86 (критически описывается «теория изменений в обширной литературе по юридическим технологиям... где пропагандируются оптимистические и часто утопические утверждения о том, что технологии способны улучшить юридическую практику, сделать ее более доступной и снизить цены на юридические услуги»).

⁸⁸ См. Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 6 («Профессия юриста не может не быть консервативной. Юристы учат опираться на прецеденты, быть последовательными и избегать риска»).

доверия) в зависимости от характеристик (1) потребителей, (2) юридических вопросов и (3) основных процессов в каждом конкретном случае»⁸⁹. Однако процесс калибровки настолько же сложен, насколько и важен. Это иллюстрируется следующими тремя соображениями, которые не учитываются должным образом в действующих нормативных актах и которые только выиграют от реформы регулирования, предлагаемой в этой статье.

Во-первых, юридическая технология должна быть скорректирована таким образом, чтобы учитывать огромное разнообразие ожиданий, потребностей и опыта потребителей, что может привести к большей или меньшей зависимости от технологии или ограничению ее применения⁹⁰. Если не учитывать эти факторы, эффективность технологии может быть подорвана, как и преимущества, связанные с доступом к правосудию⁹¹. Этот процесс должен учитывать различные уровни правовой и технологической подготовленности потребителей⁹², а также, и прежде всего, удобство и возможность обращения за юридическими услугами⁹³.

Во-вторых, калибровка требует учета характера затрагиваемых юридических вопросов⁹⁴. Например, меры пресечения оправданы в случаях, связанных с угрозой жизни, свободе или с высоким уровнем экспертной помощи⁹⁵. Однако «не всякая юридическая деятельность требует личного участия высококвалифицированного специалиста»⁹⁶; в ряде случаев оправдано более активное использование технологий. Услуги на основе технологий подходят для решения юридических проблем с простыми фактами и ограниченным числом возможных исходов⁹⁷. При этом лицензированные юристы будут заниматься решением проблем, для которых нельзя заранее предсказать исход (это дела с особо уязвимыми потребителями, с сильными эмоциональными и социальными последствиями, а также дела, в которых сложнее заметить ошибку)⁹⁸. Некоторые вопросы можно рассматривать стандартными методами, используя технологии⁹⁹, другие же требуется адаптировать

⁸⁹ См. Simshaw, выше прим. 60, at 180–181.

⁹⁰ См. там же, at 183.

⁹¹ См. Cruz, выше прим. 23, at 366–367 («Без целенаправленного учета потребностей, ограничений и предпочтений конечных пользователей использование технологий может привести к... возникновению барьеров в доступе к юридическим услугам»); (Alteneder & Rexer, 2014) («Без глубокого понимания поведения и потребностей граждан, которые сами представляют себя в суде, мы рискуем разработать системы, которые не будут достигать целей и останутся невостребованными»).

⁹² См. Schmitz, выше прим. 42, at 2382 (отмечается, что граждане могут воздерживаться от обращения за услугами, «поскольку им не хватает знаний, опыта или ресурсов, чтобы умело и активно отстаивать свои интересы»).

⁹³ См., например, Guttenberg, выше прим. 42, at 438 (отмечается, что граждане, нуждающиеся в услугах, «могут быть запуганы юристами и всей правовой системой»); Schmitz, выше прим. 42, at 2382 (обсуждается, почему, несмотря на необходимость юридических услуг, «большинство потребителей не говорят об этом»); Brescia et al., выше прим. 20, at 588 («Многие даже не подозревают, что имеют правовую проблему»).

⁹⁴ См. Simshaw, выше прим. 60, at 190.

⁹⁵ См., например, Cabral et al., выше прим. 21, at 307 («Для полноценного решения некоторых юридических проблем требуется помощь юриста»).

⁹⁶ Guttenberg, выше прим. 42, at 434–435; см. также Susskind, выше прим. 42, at 90.

⁹⁷ См. Brescia et al., выше прим. 20, at 609–610 («В любой категории будут дела, к которым можно применить универсальный подход, даже если он подходит не для всех дел»); Guttenberg, выше прим. 42, at 437 (приводятся «довольно убедительные аргументы в пользу мнения, что не всякая юридическая практика требует уникальных решений в каждом конкретном случае»); Cabral et al., выше прим. 21, at 307 (отмечается, что, хотя для полного разрешения некоторых юридических проблем требуются юристы, «более простые дела могут быть решены [сторонами, представляющими свои интересы], если имеются вспомогательные инструменты»).

⁹⁸ См. Jewel, выше прим. 83, at 331 (описывается «глубинная потребность человека в том, чтобы его история была услышана»); Green, выше прим. 42, at 1274 (отмечается, что лица без юридического образования могут оказывать помощь при разводах по обоюдному согласию; однако при оспариваемых разводах необходим юрист, поскольку такие разводы «более сложны, непрофессиональные юристы могут ошибаться, а их ошибки с большой вероятностью не будут обнаружены и исправлены судебными клерками, судьями и другими лицами»).

⁹⁹ См. Brescia et al., выше прим. 20, at 607 (признается коммерциализация юридических услуг, и описывается, что «поставщики услуг выявляют сложные ситуации, выходящие за пределы 'коммерциализованного' сценария... когда универсальный подход не соответствует данной ситуации»).

к конкретным потребностям конкретного человека¹⁰⁰. Кроме того, некоторые инструменты, созданные для одной отрасли или группы интересов, не подходят для других¹⁰¹.

В-третьих, юридические технологии должны быть адаптированы с учетом задач, лежащих в основе юридической проблемы отдельного клиента¹⁰². Некоторые задачи допускают большую опору на технологии, так как правильно спроектированные машины действуют более эффективно и даже более точно, чем люди¹⁰³, например технология *eDiscovery*¹⁰⁴. Однако для других задач, требующих пристального внимания и принятия решений со стороны человека, скорее всего, прогноз использования технологий будет более сдержанным¹⁰⁵. Это также относится к задачам, которые «требуют специальных знаний и опоры на опыт, наблюдения или человеческие эмоции, которые не сводятся к типам данных, которые питают искусственный интеллект»¹⁰⁶, т. е. к исследованию фактов и применению закона к этим фактам посредством оформления юридических документов¹⁰⁷. Калибровка к различным юридическим задачам также требует учесть возможную предвзятость, вызванную неправильным дизайном или использованием технологий. Предвзятость может быть явной, как, например, в случае чат-бота *ChatGPT*, который делал расистские заявления, потому что был обучен на материалах с таких веб-сайтов, как *Reddit*¹⁰⁸. Предвзятость также может проявляться более тонко, но все равно причинять вред, например, когда прогнозная аналитика вносит в систему суждения разработчиков¹⁰⁹. Такая предвзятость может привести к расово необъективным результатам¹¹⁰, а также к более серьезным последствиям, что подорвет усилия по обеспечению доступа к правосудию¹¹¹. С другой стороны, правильно отлаженная юридическая технология действительно способна бороться с предвзятостью в правовой системе, например, «устраняя определенные посторонние факторы при принятии решений» и «выявляя внеправовые (и, возможно, ненадлежащие) факторы, используемые судьями при принятии решений»¹¹².

Как показывают эти три критерия, эффективная настройка юридических технологий для обеспечения доступа к правосудию «требует значительных *ресурсов*, высокого уровня *устойчивости* перед лицом неиз-

¹⁰⁰ См. там же, at 605 (приводится пример с реализацией залога: в этой ситуации «ничто не может заменить полное представительство физического лица адвокатом, который соответствует его потребностям, и физическое лицо получает преимущества от уровня образования и опыта юриста»).

¹⁰¹ См. Johnson, выше прим. 59, at 183 (отмечается обеспокоенность по поводу того, что «определенные типы программного обеспечения для создания документов, доступного юристам по ведению сделок, создавались конкретными заинтересованными и отраслевыми группами»; это «заставляет юристов с осторожностью относиться к тому, принесет ли использование такой технологии пользу их клиентам»).

¹⁰² См. Simshaw, выше прим. 60, at 195.

¹⁰³ См. McPeak, выше прим. 21, at 466 (описываются юридические технологии, «способные давать более точные результаты при меньших затратах и в гораздо более сжатые сроки»); там же, at 461 («Обработка естественного языка позволяет получать более точные результаты исследований, анализировать документы и заполнять юридические формы»); Sandvik, выше прим. 84 («Юридические технологии экономят время и деньги, избавляют от тяжелой работы, а также выполняют работу все более точно, по сравнению с людьми»).

¹⁰⁴ См. Walters, выше прим. 56, at 1076 (отмечается, что «доказано превосходство системы *eDiscovery*... перед человеческим анализом как по точности, так и по охвату»).

¹⁰⁵ См. там же, at 1078.

¹⁰⁶ Simshaw, выше прим. 60, at 196.

¹⁰⁷ Там же, at 196-97.

¹⁰⁸ См. Cyphert, выше прим. 26, at 404 (объясняется, как работа GPT с такими веб-сайтами, как *Reddit*, может привести к расистским результатам).

¹⁰⁹ См. Kluttz & Mulligan, выше прим. 78, at 862 («Прогностические алгоритмические системы включают в себя множество субъективных суждений их разработчиков, например, суждения об обучающих данных, о том, как очищать данные, как оценивать вес различных компонентов, какие алгоритмы использовать, какую информацию выделить или приуменьшить и т. д.»).

¹¹⁰ См. Cruz, выше прим. 23, at 399 («Без тщательного рассмотрения вопросов кодирования юридические технологии, которые интегрируют искусственный интеллект... в свои программы принятия решений, могут привести к расово предвзятым результатам»).

¹¹¹ См. Porpe, выше прим. 39, at 186 (доказывание завещания приводится как пример того, что «юридические технологии могут воспроизводить существующее социальное неравенство, а не снижать его»); Cruz, выше прим. 24, at 399 («Технология не полезна, если ее конечный результат наносит вред сообществам, для помощи которым она используется»); там же, at 370-371 («Если разработчики не учитывают проблему предвзятости в своем проекте, то искусственный интеллект может способствовать появлению скрытых предубеждений, которые негативно сказываются на сообществах, которые больше всего нуждаются в помощи»).

¹¹² См. McPeak, выше прим. 21, at 467.

бежных вызовов, а также налаживания *взаимоотношений* между заинтересованными сторонами в процессе решения юридических проблем, в том числе между лицензированными юристами и специалистами в области технологий» (выделено автором)¹¹³. Однако заинтересованные стороны сталкиваются со значительными препятствиями в использовании этих ресурсов, обеспечении устойчивости и налаживании взаимоотношений. Для преодоления этих трудностей необходима реформа национального регулирования.

Барьеры в отношении ресурсов мешают лицензированным юристам, потребителям и новаторам эффективно разрабатывать, внедрять, поддерживать и использовать юридические технологии¹¹⁴. Новые юридические технологии часто являются дорогостоящими¹¹⁵, во многом из-за затрат на проектирование и разработку на ранних этапах¹¹⁶, что затрудняет для юристов разработку собственных технологических систем¹¹⁷. Существуют также затраты, связанные с обязательными инвестициями в «базовые технологии»¹¹⁸ и необходимостью преобразования информации в машиночитаемые данные¹¹⁹.

Барьеры устойчивости мешают заинтересованным сторонам адаптироваться к неизбежным вызовам, связанным с калибровкой, и реагировать на них¹²⁰. Некоторые из этих барьеров коренятся в консерватизме юристов, которые сопротивляются переменам, особенно технологическим¹²¹. Другие коренятся в «человеческих слабостях»¹²², таких как перегрузка из-за технологических изменений¹²³ и огромных объемов информации¹²⁴, «киберпаралич» из-за количества доступных технических возможностей¹²⁵. Некоторые заинтересованные стороны боятся нарушений этических норм и недобросовестной практики, связанных с использованием

¹¹³ Simshaw, выше прим. 60, at 202–203.

¹¹⁴ См. там же, at 203.

¹¹⁵ См. Guttenberg, выше прим. 42, at 480–481 (отмечается, что только «компании, имеющие доступ к значительному капиталу, располагают средствами, необходимыми для внедрения этих технологий»); Furlong, выше прим. 74, at 55–56 («Появляются все новые замечательные правовые системы и программное обеспечение, но не все могут себе их позволить и получить к ним доступ»).

¹¹⁶ См. Kunkel, выше прим. 65, at 386–387 (описаны «значительные затраты, связанные с разработкой [технологических] решений»).

¹¹⁷ См. Brescia et al., выше прим. 20, at 572–573 (описывается «нежелание внедрять [юридические] технологии, отчасти из-за затрат на разработку таких систем»).

¹¹⁸ См. Staudt, выше прим. 85, at 1145 (отмечается, что «формирующаяся и полностью трансформирующая модель предоставления правовой информации и юридических услуг лицам с низкими доходами требует значительных инвестиций в базовые технологии»).

¹¹⁹ См. Pasquale & Cashwell, выше прим. 55, at 41 (объясняется, что работа с системой e-Discovery требует «дополнительных расходов, связанных с преобразованием [документов] в информацию, хранящуюся в электронном виде»).

¹²⁰ См. Simshaw, выше прим. 60, at 206; см. также State Bar of Cal. (2019). State Bar Task Force on Access Through Innovation of Legal Services Report: Request to Circulate Tentative Recommendations for Public Comment, 22. <https://board.calbar.ca.gov/docs/agendaItem/Public/agendaitem1000024450.pdf> [<https://perma.cc/AFF3-NB5R>] («Инновации требуют изменений в восприятии, новых знаний и часто неожиданных событий»).

¹²¹ См. Comm. on the Future of Legal Servs., выше прим. 17, at 8–9 («Усилия юристов по решению стоящих перед ними проблем наталкиваются на сопротивление технологическим изменениям и другим инновациям»); Finnemore, выше прим. 76, at 27 (показано, что пользователи технологий нуждаются в «определенном уровне комфорта в условиях изменений и неопределенности, ‘однако ни то ни другое не свойственно юридической деятельности’»); McPeak, выше прим. 21, at 469 (описывается «фундаментальный разрыв между медленно развивающейся, консервативной традицией юридической индустрии и недавно возникшим, быстро развивающимся сектором технологических прорывов»); Jewel, выше прим. 83, at 370 (объясняется, что некоторые технологические инновации «вступают в противоречие с укоренившимися способами юридической практики»); см. также Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 6.

¹²² См. Порре, выше прим. 39, at 212 (объясняется в контексте юридических технологий, что «человеческие слабости препятствуют желанию и способности многих людей успешно использовать новые технологии»).

¹²³ См. McPeak, выше прим. 21, at 471 (отмечается, что некоторые юристы «не отвергают технологии активно, но не справляются со скоростью и размахом технологических изменений»).

¹²⁴ См. Finnemore, выше прим. 76, at 27 (отмечается, что такие сервисы, как e-Discovery, имеют преимущества, но «перегружают адвокатов информацией»).

¹²⁵ См. там же, at 25 (объясняется, что «при множестве доступных вариантов... страх сделать неправильный выбор... часто приводит к ‘киберпараличу’»).

новых технологий, таких как нарушение нового требования технологической компетентности¹²⁶. Еще одно препятствие для повышения устойчивости – это нехватка времени, необходимого для обучения методом «проб и ошибок»¹²⁷. Этот аспект также может привести к проблеме с долгосрочным финансированием технологий¹²⁸.

Барьеры во взаимоотношениях, пожалуй, являются наиболее существенными, поскольку межотраслевое сотрудничество помогает преодолеть многие из рассмотренных выше барьеров, связанных с ресурсами и устойчивостью¹²⁹. Например, лицензированные юристы, располагающие необходимыми средствами, все чаще полагаются на технических экспертов, нанимая их на работу или консультируясь со сторонними поставщиками¹³⁰. Но юристам-одиночкам и небольшим фирмам для этого часто не хватает финансовых ресурсов¹³¹.

Во всех правовых системах этим отношениям препятствуют определенные нормативные акты¹³², включая абсолютный запрет на владение юридическими фирмами или инвестиции в них для тех физических лиц, которые не являются лицензированными юристами¹³³. Этот запрет лишает многих поставщиков юридических услуг доступа к источникам капитала для инвестиций в новые технологии или финансовых партнерств с экспертами и новаторами в области технологий, не являющимися юридическими лицами¹³⁴. Кроме того, такие отношения затруднены из-за опасений, что юрист или технолог могут участвовать или помогать в проведении незаконных юридических практик¹³⁵. Это особенно актуально для организаций, которые предлагают юридические услуги онлайн, направленные на оказание помощи частным лицам в решении их гражданско-правовых проблем¹³⁶, часто в разных юрисдикциях¹³⁷. Эти проблемы усугубляются значительными

¹²⁶ См. McPeak, выше прим. 21, at 473 («Некоторых юристов... пугает перспектива получения даже базовых технологических знаний»); см. также Cabral et al., выше прим. 21, at 317 («Одним из препятствий на пути внедрения технологий для более эффективного предоставления юридических услуг является неопределенность в отношении этической и профессиональной ответственности поставщиков»).

¹²⁷ См. (Tepper, 2020); Asay, выше прим. 85, at 1253 (описываются «инновации, которые если и могут окупиться, то только после длительного периода рискованных проб и ошибок»); Jewel, выше прим. 83, at 347 (объясняется, что хотя некоторые проекты проваливаются, «технологии смягчают последствия неудач, позволяя другим проектам добиться успеха»).

¹²⁸ См. Asay, выше прим. 85, at 1253 (отмечается, что «инновационным стартапам трудно получить финансирование для долгосрочных проектов, способных привести к радикальным открытиям»); Cabral et al., выше прим. 21, at 312 (обсуждается, что «руководители неохотно выделяют ограниченные ресурсы на новые технологические проекты, даже если со временем они могут окупиться повышением эффективности и продвижением миссии организации»).

¹²⁹ См. Simshaw, выше прим. 60, at 211.

¹³⁰ См. Kluttz & Mulligan, выше прим. 78, at 854 (описываются интервью с юристами, которые «сообщают, что полагаются на оценки и суждения новых технических сотрудников юридических фирм, а также все чаще технических экспертов сторонних поставщиков»).

¹³¹ См. выше прим. 113–118 и соответствующий текст (обсуждаются ресурсные барьеры на пути совершенствования юридических технологий).

¹³² См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 42 («Новые бизнес-модели, инновационные партнерские отношения и креативные подходы к лицензированию – все это тормозится отсутствием гибкости в соответствии с действующими нормами»); см. также McPeak, выше прим. 21, at 475 (объясняется, как «нормативные акты служат барьером для выхода на рынок юридических услуг»).

¹³³ См. Model Rules of Pro. Conduct r. 5.4(b) (Am. Bar. Ass'n 2020) (запрет на владение юридическими фирмами или инвестирования в них лицам, не являющимся юристами).

¹³⁴ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 42 («Многие небольшие стартапы в области юридических услуг не могут получить финансирование из-за того, что возникают сомнения, смогут ли они функционировать»); State Bar of Cal., выше прим. 120, at 22 («Инновации... требуют сотрудничества, междисциплинарного участия и финансирования/инвестиций. Невозможно добиться значимых инноваций в доступе к правосудию, если они будут внедряться с использованием тех же знаний, представлений и специалистов, практически без вознаграждения или стимулов для новых партнеров в отрасли»).

¹³⁵ См. Porpe, выше прим. 39, at 200; Green, выше прим. 42, at 1274 («Эксперименты с привлечением лиц, не являющихся юристами, для оказания общественной помощи ограничены нормами о незаконной юридической практике»).

¹³⁶ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 39 (отмечается, что деятельность организаций, «предлагающих юридические услуги онлайн и помощь с гражданско-правовыми проблемами... может быть незаконной»).

¹³⁷ См. там же, at 40 (поясняется, что юридические онлайн-сервисы не обязательно ориентированы конкретно на потребителей в штате Вашингтон, поскольку они работают в Интернете).

различиями в определениях понятия «незаконная юридическая практика» и схемах регулирования в разных юрисдикциях¹³⁸. Это препятствует сотрудничеству и инвестициям в инновации, направленные на расширение доступа к правосудию¹³⁹.

С. Необходимость реформы нормативно-правовой базы

Не существует простого или единообразного решения для преодоления барьеров, препятствующих внедрению юридических технологий для обеспечения доступа к правосудию. Действительно, ранее усилия по продвижению технологических инноваций в сфере юридических услуг не были успешны¹⁴⁰. Однако если учесть описанные выше барьеры, связанные с ресурсами, устойчивостью и взаимоотношениями, то можно предложить ряд реформ в области регулирования, которые демонстрируют значительный потенциал для устранения этих барьеров, содействия конкуренции и инновациям и в конечном счете расширению доступа к правосудию. Однако, как будет показано ниже, эти реформы застопорились на государственном уровне. Их более эффективному осуществлению могли бы способствовать процессы, инициируемые на национальном уровне.

Реформа могла бы уменьшить общую неопределенность в области регулирования, которая мешает заинтересованным сторонам внедрять инновации в этой сфере¹⁴¹. Профессор Ed Walters, в частности, отметил, что «важно... более четко определить, что такое “юридическая практика”, чтобы новаторы и юридические фирмы не боялись инноваций»¹⁴². Кроме того, многие барьеры для калибровки могут быть устранены за счет большей гибкости в выборе лиц, имеющих право инвестировать в юридическую практику или иметь

¹³⁸ См. Reardon, J. R. (2023, Mar. 28). Advancing Technology Poses Challenges to Enforcing UPL. L. Prac. Today. <https://www.lawpracticetoday.org/article/advancing-technology-poses-challenges-to-enforcing-upl/> [<https://perma.cc/G7WL-L3LH>] (отмечается, что «определения юридической практики и незаконной юридической деятельности различаются в зависимости от юрисдикции, а иногда вообще не определены» и что «грань между юридической практикой и обменом информацией и услугами с помощью технологий остается размытой»); Brescia et al., выше прим. 20, at 580 («Государственные этические и уголовные кодексы иногда оставляют желать лучшего с точки зрения определения юридической практики и незаконной юридической деятельности»); Walters, выше прим. 56, at 1088 («Программное обеспечение может нарушать правила относительно незаконной юридической деятельности, но совершенно неясно, к какому программному обеспечению, каким сервисам и в каких штатах это относится. В Соединенных Штатах не существует универсального стандарта для определения юридической практики. Вместо этого правила незаконной юридической деятельности определяются множеством разрозненных нормативных актов, статутах штатов, прецедентов, заключений комитета по адвокатской этике и постановлений генерального прокурора»).

¹³⁹ См. Cabral et al., выше прим. 21, at 322 («Неопределенность при применении норм в отношении несанкционированной практики к программному обеспечению в ситуациях некоммерческой юридической помощи... создает нетривиальный риск сдерживания разработки и более широкого использования инновационных технологий, которые могли бы значительно улучшить доступ к правосудию для недостаточно обеспеченных слоев населения»); Brescia et al., выше прим. 20, at 580 («К этим веб-сайтам и другим сервисам постоянно возникают претензии относительно незаконной юридической деятельности; угроза гражданских и уголовных обвинений может препятствовать появлению жизнеспособных решений проблемы доступа к правосудию»); Walters, выше прим. 56, at 1090 («Отсутствие четких руководящих принципов и единообразия [в отношении незаконной юридической деятельности] сдерживает инновации и усилия по обеспечению доступа к правосудию... Из-за риска уголовного наказания и неопределенности в отношении разрешенных действий многие разработчики-энтузиасты даже не пытаются выйти на рынок»).

¹⁴⁰ См. State Bar of Cal., выше прим. 120, at 14 («В юридической отрасли не существует четкой структуры, способной стимулировать технологические инновации в предоставлении юридических услуг потребителям»).

¹⁴¹ См. Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 10 (описывается, что «ассоциации юристов в некоторых штатах сопротивляются переменам, полагаясь на традиционные методы регулирования, такие как ограничительные этические заключения и встречные иски»); Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 19, at 10 (обобщаются ситуации, когда «этические нормы затрудняли доступ к правосудию»); Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 42 («Различные компании пытаются создать новые модели предоставления услуг, направленные на удовлетворение насущной потребности в юридических консультациях, но сталкиваются с тем, что их идеи и инициативы сдерживаются определенными существующими нормативными положениями»); Cabral et al., выше прим. 21, at 317 («Одним из препятствий на пути внедрения технологий для более эффективного предоставления юридических услуг является неопределенность в отношении этической и профессиональной ответственности поставщиков»).

¹⁴² См. Walters, выше прим. 56, at 1091; см. также Reardon, выше прим. 137 (в контексте развития технологий утверждается, что «необходимо переосмыслить регулирование в отношении незаконной юридической деятельности»); (Wald, 2022) (Американская ассоциация юристов должна возглавить процесс вдумчивого и систематического пересмотра законов в отношении незаконной юридической деятельности с целью расширения доступа к юридическим услугам»); Baxter, выше прим. 25, at 242 (штатам рекомендуется «дополнить запрет незаконной юридической деятельности специальным описанием функций юридических служб, требующих наличия лицензии»).

долю собственности в ней. Почти во всех юрисдикциях США только лицензированные юристы могут иметь финансовые интересы в юридической фирме¹⁴³. В этих юрисдикциях разрешено только одностороннее инвестирование: юристы могут инвестировать в технический персонал своей компании, но технологические компании не могут инвестировать в юридическую практику. Таким образом, богатые юридические фирмы могут инвестировать капитал в технологии, но у небольших фирм возможности финансирования ограничены. Юридические фирмы не могут предложить даже небольшую долю собственности технологам, работающим в сфере правосудия. Многие ученые призывают к реформированию такого положения в вопросах собственности или, по крайней мере, к экспериментам с альтернативными бизнес-структурами¹⁴⁴.

Ряд юрисдикций попробовали ввести такие реформы, но не настолько успешно и быстро, как это было необходимо для преодоления барьеров калибровки по всей стране. Например, Целевая группа по предоставлению юридических услуг штата Аризона недавно признала, что предыдущая версия Положения 5.4 штата «являлась препятствием для инноваций в предоставлении юридических услуг»¹⁴⁵, и подчеркнула, что «юристы несут этическую обязанность обеспечивать доступность юридических услуг» для общественности. Отмечалось, что если правила профессионального поведения препятствуют предоставлению этих услуг, то эти правила должны быть изменены, но не нарушая своей функции защиты общества¹⁴⁶. Целевая группа также признала, что реформа этого положения позволит, среди прочего, «не являющемуся юристом лицу выполнять функции главного технического директора компании»¹⁴⁷.

Аналогичным образом, Юридический совет по вопросам судебной практики Вашингтона заявил: «Поскольку множество граждан не могут получить полноценную юридическую помощь, пришло время рассмотреть возможность создания пула поставщиков юридических услуг и устранить ограничение, согласно которому только адвокаты и [технические работники юридической сферы с ограниченной лицензией] могут быть владельцами юридической компании»¹⁴⁸.

В 2019 г. Целевая группа по вопросам доступа к юридическим услугам штата Калифорния рекомендовала реформировать Положение 5.4, чтобы «дать юристам возможность вступать в финансовые и профессиональные отношения с лицами, не являющимися юристами, которые занимаются разработкой и внедрением передовых юридических технологий»¹⁴⁹. При этом подчеркивалось «полученное в результате обсуждений с разработчиками юридических технологий в сфере работы Целевой группы и по иным вопросам понимание того, что основным препятствием для таких отношений является неспособность юристов участвовать в прибылях, получаемых от предоставления юридических услуг». Был сделан вывод, что, «расширяя перечень ситуаций, при которых лица, не являющиеся юристами, могут участвовать в прибылях и владении организациями, предоставляющими юридические услуги, мы устраняем препятствия на пути принятия многих технологий, тогда как сопутствующее повышение эффективности юридической практики будет способствовать расширению доступа к юридическим услугам»¹⁵⁰.

¹⁴³ См. Model Rules of Pro. Conduct r. 5.4(b) (Am. Bar Ass'n 2020) (запрет на владение юридическими фирмами или инвестирования в них лицам, не являющимся юристами).

¹⁴⁴ См., например, Solomon, J., Rhode, D., & Wanless, A. (2020). Stanford Ctr. on the Legal Pro., How Reforming Rule 5.4 Would Benefit Lawyers and Consumers, Promote Innovation, and Increase Access to Justice 8. https://law.stanford.edu/wp-content/uploads/2020/04/Rule_5.4_Whitepaper_-_Final.pdf [<https://perma.cc/SC7P-4934>]; (Perlman, 2015) (поощряются эксперименты штатов в области альтернативных бизнес-структур; при этом подчеркивается, что они могут дать полезную информацию и в конечном итоге привести к изменению Типовых правил профессионального поведения 5.4); Wald, выше прим. 142, at 420 (утверждается, что если требования Типовых правил профессионального поведения будут снижены и лица, не являющиеся юристами, смогут владеть юридическими фирмами или инвестировать в них, это приведет к увеличению капиталовложений и инновациям в средствах обеспечения доступа к юридическим услугам, например, с помощью искусственного интеллекта).

¹⁴⁵ Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 10.

¹⁴⁶ Там же, at 11–12.

¹⁴⁷ Там же, at 16.

¹⁴⁸ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 42.

¹⁴⁹ State Bar of Cal., выше прим. 120, at 20.

¹⁵⁰ Там же.

Несмотря на призывы ученых и представителей целевых групп, лишь немногие юрисдикции по всей стране предприняли соответствующие действия. В части III мы рассмотрим несколько примеров эффективной реформы местного регулирования, которые, хотя и недостаточны сами по себе, могут и должны стать основой для более широких процессов реформирования национального регулирования.

III. Неадекватные на сегодняшний день меры местного регулирования

Хотя некоторые юрисдикции провели или начинают проводить реформы местного законодательства, учитывающие новые юридические технологии, этих усилий недостаточно для надлежащего управления юридическими технологиями по всей стране с целью защиты потребителей и устранения пробелов в правосудии. В данном разделе мы проанализируем эти усилия, а также барьеры, препятствующие реформированию местного регулирования. Указанные барьеры можно было бы преодолеть, перенеся процессы реформы регулирования на общенациональный уровень.

А. Примеры реформ на местном уровне

Несмотря на то, что общенациональная реакция была недостаточной, в некоторых юрисдикциях признали, что реализовать потенциал юридических технологий в области доступа к правосудию и избежать связанных с ними опасностей можно путем реформирования определенных норм профессиональной деятельности, а также норм, касающихся незаконной юридической деятельности. Одних этих усилий недостаточно для эффективного регулирования правовых технологий в масштабах всей страны, но приведенные примеры все же служат полезными моделями для структурирования процессов реформирования национального законодательства и могут оказать более широкое воздействие. Некоторые местные реформы не новы. Например, в Вашингтоне, округ Колумбия, уже несколько десятилетий разрешены альтернативные бизнес-структуры¹⁵¹. Однако большинство примеров относятся к недавнему времени.

Рассматривая эти потенциальные реформы, некоторые юрисдикции экспериментируют с «регулятивными песочницами». Они могут временно разрешить предоставление услуг или создание бизнес-структур, основанных на технологиях, что запрещено существующими правилами профессиональной деятельности (например, запрет на владение или инвестиции в юридические фирмы) или даже считается незаконной юридической практикой¹⁵². Так, Верховный суд штата Юта в своем постановлении о введении «песочницы для регулирования юридических услуг» поясняет, что «регулятивная песочница – это инструмент государственной политики, с помощью которого правительство или регулирующий орган допускает ограниченное смягчение применимых правил для облегчения разработки и тестирования инновационных бизнес-моделей, продуктов или услуг участниками „песочницы“»¹⁵³. В рамках нормативной «песочницы» инновационная юридическая услуга «получает временную защиту от конкретных правил и может осуществляться под пристальным наблюдением надзорного органа, со строгими требованиями к отчетности для учета любых выявленных рисков для потребителей»¹⁵⁴. Если инновационная услуга работает хорошо, как показывают полученные данные, то «регулирующие органы могут решить, одобрить ли ее для долгосрочного использования или внести изменения в конкретные правила, чтобы разрешить этой и аналогичным услугам выйти на рынок»¹⁵⁵.

¹⁵¹ См. D.C. R. Pro. Conduct r. 5.4 (разрешение на владение юридическими фирмами или инвестирования в них лицам, не являющимся юристами).

¹⁵² См., например, Utah Supreme Court to Extend Regulatory Sandbox to Seven Years, Utah Cts. (May 3, 2021). <https://www.utcourts.gov/utc/news/2021/05/03/utah-supreme-court-to-extend-regulatory-sandbox-to-seven-years/> [<https://perma.cc/EW5U-KJDP>]; Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 31, at 5 (Верховному суду Вашингтона предлагается создать «песочницу» для регулирования юридических услуг).

¹⁵³ Utah Supreme Court Standing Order No. 15 (effective Aug. 14, 2020). <https://www.utcourts.gov/utc/rules-approved/wp-content/uploads/sites/4/2020/08/FINAL-Utah-Supreme-Court-Standing-Order-No.-15.pdf> [<https://perma.cc/F7YL-U973>].

¹⁵⁴ Simshaw, выше прим. 60, at 221–222.

¹⁵⁵ Там же.

Эксперимент в штате Юта был запущен в 2020 г. и стал первым таким экспериментом в стране в сфере юридических услуг¹⁵⁶. Бывший судья Верховного суда штата Юта Deno Himonas и его тогдашний секретарь Tyler Hubbard описывали «песочницу» как часть более широких усилий штата по «демократизации принципа верховенства закона путем повышения доступности понимания законов и доступа к гражданско-правовой системе [штата Юта]»¹⁵⁷. В мае 2021 г. срок действия «песочницы» был продлен с двух до семи лет¹⁵⁸.

Другие юрисдикции также рассматривают возможность создания «песочниц» в сфере правового регулирования. Так, в 2021 г. комитет Верховного суда Флориды рекомендовал «штату Флорида принять программу Лаборатории инноваций в юридической практике, подобную той, которая принята в штате Юта». При этом отмечалось, что предлагаемые концепции «могут быть протестированы в контролируемой среде, где можно собирать данные, а также оценивать и предотвращать общественный вред»¹⁵⁹. Штат Вашингтон также предложил создать нормативно-правовую «песочницу», провозгласив цель «поощрить юристов и предпринимателей к экспериментам с инновационными бизнес-моделями и нетрадиционными юридическими услугами, чтобы сократить разрыв в доступе к правосудию»¹⁶⁰.

Другие юрисдикции проводят целенаправленные реформы правового регулирования иными способами. Например, в Аризоне недавно была проведена реформа правового регулирования без «песочницы». Верховный суд Аризоны одобрил альтернативные бизнес-структуры для юридических фирм¹⁶¹, разрешив «создание коммерческой организации, в состав которой входят лица, не являющиеся юристами, которые имеют экономический интерес или полномочия по принятию решений в этой организации и предоставляют юридические услуги в соответствии с правилами Верховного суда [штата Аризона]»¹⁶²; тем самым суд отменил свою версию положения 5.4¹⁶³. По мнению Целевой группы этого штата, разрешение на создание альтернативных бизнес-структур «основано на идее о том, что юристы-предприниматели и лица, не являющиеся юристами, будут опробовать целый ряд различных форм бизнеса» и что это в конечном итоге улучшит доступ к правосудию и повысит качество предоставления юридических услуг¹⁶⁴. Для обеспечения защиты прав потребителей «жалобы на действия альтернативных бизнес-структур принимаются, расследуются и преследуются по закону Коллегией адвокатов штата Аризона таким же образом, как и жалобы на действия юристов»¹⁶⁵.

Другие реформы, связанные с технологиями, получили более широкое распространение, но осуществлялись медленно и с ограниченным эффектом. Так, в 2012 г. Американская юридическая ассоциация внесла поправки в комментарий к своему Типовому положению о профессиональной деятельности 1.1 «Компетентность», которые, в частности, гласят: «Для поддержания необходимых знаний и навыков [для обеспечения компетентности] юрист должен быть в курсе изменений в законодательстве и его практике, включая *преимущества и риски, связанные с соответствующей технологией*» (выделено автором)¹⁶⁶. По состоянию на

¹⁵⁶ Там же, at 222.

¹⁵⁷ (Himonas & Hubbard, 2020).

¹⁵⁸ См. UTAH CTS., выше прим. 152.

¹⁵⁹ Stewart, J., Alvarez, C., Corsmeier, J., Dewey, J., DiGangi, S., Gonzalez, A., Harkness, J. F., Shawna Hoffman-Childress, Jr., Scriven, L., & Sullivan, S. (2021). Final Report of the Special Committee to Improve the Delivery of Legal Services, 19. <https://www.media.floridabar.org/uploads/2021/06/final-report-of-the-special-committee-to-improve-the-delivery-of-legal-services.pdf> [<https://perma.cc/9E9S-PE9G>].

¹⁶⁰ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 9.

¹⁶¹ См. Alternative Business Structures. Ariz. Jud. Branch, <https://www.azcourts.gov/cld/Alternative-Business-Structure> [<https://perma.cc/D2WZ-H2EX>].

¹⁶² Там же.

¹⁶³ См. Ord. Amend. the Ariz. Rules of the Sup. Ct. & the Ariz. Rules of Evidence, In re Restyle & Amend Rule 31; Adopt New Rule 33.1; Amend Rules 32, 41, 42 (Various ERs from 1.0 to 5.7), 46-51, 54-58, 60 & 75-76, No. R-20-0034 (Ariz. 2020), <https://www.azcourts.gov/Portals/215/Documents/082720FOrderR-20-0034LPABS.pdf?ver=2020-08-27-153342-037> [<https://perma.cc/RGJ5-ENMJ>] (отменяется правило 5.4).

¹⁶⁴ См. Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 9–10.

¹⁶⁵ См. Ariz. Jud. Branch, выше прим. 161.

¹⁶⁶ Model Rules of Pro. Conduct r. 1.1 cmt. 6 (Am. Bar Ass'n 2020).

2023 г. сорок штатов приняли ту или иную версию этого положения о «технологической компетентности»¹⁶⁷. Некоторые из этих штатов приняли изменения относительно быстро, в течение первых нескольких лет после принятия поправки Ассоциацией¹⁶⁸, в то время как другие ждали почти десять лет¹⁶⁹. В других юрисдикциях такая обязанность до сих пор в явном виде не признана¹⁷⁰.

Положение о технологической компетентности в значительной степени рассматривалось как позитивное, свидетельствующее о признании важности преимуществ и рисков, связанных с юридическими технологиями, однако некоторые комментаторы отмечали сохраняющуюся неопределенность в отношении обязательств, связанных с технологиями¹⁷¹. Еще предстоит полностью прояснить способы обеспечения этой компетентности и степень, в которой эта обязанность должна соблюдаться в свете развития технологий. Концепция технологической компетентности остается неоднозначной для многих юристов¹⁷².

Хотя многие из этих реформ и усилий потенциально могут положительно повлиять на процессы ответственной и эффективной разработки, внедрения и использования юридических технологий, их недостаточно на общенациональном уровне в свете кризиса с доступом к правосудию в стране. Сохраняются призывы к более широкой реформе регулирования.

В. Необходимость дальнейшего расширенного реформирования правового регулирования

Со стороны ученых¹⁷³, многочисленных центров и постоянных комитетов Американской юридической ассоциации¹⁷⁴, а также влиятельных судов и судей¹⁷⁵ продолжают раздаваться призывы к реформированию правового регулирования. Министерство юстиции США и Федеральная комиссия по торговле также выразили

¹⁶⁷ См. Robert Ambrogi, Tech Competence, LawSites, <https://www.lawnext.com/tech-competence> [<https://perma.cc/3R2Y-YHV3>] (last visited Sept. 3, 2023) (отслеживается процесс принятия этого правила штатами).

¹⁶⁸ См., например, Ord., In Re Amend. of Rules 1.0, 1.1, 1.4, 1.6, 1.17, 1.18, 4.4, 5.3, 5.5, 7.1, 7.2 & 7.3 of the Pa. Rules of Pro. Conduct, No. 120 (Pa. 2013), <https://www.pacourts.us/assets/opinions/Supreme/out/120drd.pdf> [<https://perma.cc/Q2CW-E2ZW>].

¹⁶⁹ См., например, Ord. Amend. the Haw. Rules of Pro. Conduct, In re Haw. Rules of Pro. Conduct, No. SCRU-11-0001047 (Haw. 2021), https://www.lawnext.com/wp-content/uploads/2022/03/2021_hrpcond1.1_1.4_1.15_5.3am_ada.pdf [<https://perma.cc/EVF4-7W6S>].

¹⁷⁰ См. Ambrogi, выше прим. 167 (показано, что на 2023 г. в штатах Алабама, Джорджия, Мэн, Мэриленд, Миссисипи, Невада, Нью-Джерси, Орегон, Род-Айленд и Южная Дакота норма о технологической компетентности еще не была принята).

¹⁷¹ См., например, (Medianik, 2018) («Нормы законодательств штатов о компетентности, которые соответствуют Типовым правилам... все еще слишком двусмысленны, чтобы юристы, использующие технологию искусственного интеллекта, могли адекватно ориентироваться на них»).

¹⁷² См. выше прим. 126 и соответствующий текст.

¹⁷³ См., например, (Hadfield & Rhode, 2016); Henderson, W. D. (2018). State Bar Cal., Legal Market Landscape Report. <https://board.calbar.ca.gov/docs/agendaItem/Public/agendaitem1000022382.pdf> [<https://perma.cc/GNF6-53HT>]; (Rhode & Ricca, 2014; McCauley, 2016); Solomon et al., выше прим. 144 (показано, что реформирование Типового правила профессионального поведения 5.4 принесет пользу юристам и потребителям, будет способствовать инновациям и расширит доступ к правосудию).

¹⁷⁴ См. Am. Bar Ass'n Ctr. for Innovation, Standing Comm. on the Delivery of Legal Serv., Standing Comm. on Ethics and Pro. Resp., Standing Comm. on Pro. Regul., Standing Comm. on Pub. Prot. in the Provision of Legal Serv. (2020). Resolution 115: Encouraging Regulatory Innovation. https://www.americanbar.org/groups/centers_commissions/center-for-innovation/Resolution115/ [<https://perma.cc/3W3B-HED3>].

¹⁷⁵ См., например, Kourlis, R. L., & Gorsuch, N. M. (2020, September 17). Legal Advice Is Often Unaffordable. Here's How More People Can Get Help: Kourlis and Gorsuch. USA Today. <https://www.usatoday.com/story/opinion/2020/09/17/lawyers-expensive-competition-innovation-increase-access-gorsuch-column/5817467002/> [<https://perma.cc/2HFT-8D94>] (аргументы за отмену ограничений на владение юридическими фирмами и инвестиции в них); Conf. of Chief Justs. (2020). Resolution 2: Urging Consideration of Regulatory Innovations Regarding the Delivery of Legal Services. https://www.ncsc.org/_data/assets/pdf_file/0010/23500/02052020-urging-consideration-regulatory-innovations.pdf [<https://perma.cc/T8JK-TLXS>] (призыв к членам ассоциации «рассмотреть нормативные новшества, которые потенциально могут улучшить доступность и качество гражданско-правовых услуг, обеспечивая при этом необходимую и надлежащую защиту граждан»); Inst. for Advancement Am. Legal Studs. (2021, June 9). Redesigning Legal Speaker Series: Leading from the Bench – Expanding Access through Regulatory Innovation, <https://iaals.du.edu/events/redesigning-legal-leading-bench-expanding-access-through-regulatory-innovation> [<https://perma.cc/P74K-443J>].

общую поддержку инновациям в сфере предоставления юридических услуг¹⁷⁶. Целевые группы юристов на уровне штатов все чаще отмечают отставание регулирования в правовой сфере от развития технологий¹⁷⁷.

В 2019 г. Целевая группа штата Калифорния рекомендовала «специалистам в традиционной юридической практике и юридическим фирмам... стремиться к расширению доступа к правосудию посредством инноваций с использованием технологий и изменений в отношениях с лицами, не являющимися юристами»¹⁷⁸. Было отмечено, что эта рекомендация направлена на содействие сотрудничеству «либо в рамках [положения], либо в рамках другой модели регулирования, которая способствует инвестициям и развитию систем предоставления услуг, основанных на технологиях, включая, в частности, юридические услуги онлайн, альтернативных поставщиков юридических услуг и расширение роли парапрофессионалов и специалистов, не являющихся юристами»¹⁷⁹. Работа этой целевой группы была приостановлена в 2022 г.¹⁸⁰

Члены Целевой группы по перспективам юридической деятельности штата Орегон пришли к аналогичным выводам. Они подчеркнули: «Чтобы в полной мере выполнять миссию Коллегии адвокатов по повышению уважения к верховенству закона, повышению качества юридических услуг и расширению доступа к правосудию, мы должны разрешать и поощрять разработку альтернативных моделей предоставления юридических услуг для лучшего удовлетворения потребностей жителей штата Орегон»¹⁸¹. В отчете Целевой группы далее выражено мнение, что «существуют возможности для внедрения новых моделей юридической практики, использования технологических достижений и ликвидации разрыва в доступе к правосудию без ущерба для этой исторической миссии»¹⁸².

Несмотря на эти и другие призывы к реформированию, примеры их успешной реализации на государственном уровне ограничены по количеству, масштабу и результативности. В следующем разделе мы рассмотрим причины этого положения как по существу, так и с точки зрения процесса. Далее мы покажем, что эти барьеры и формы сопротивления можно преодолеть путем переноса определенных механизмов реформы регулирования на общенациональный уровень.

С. Препятствия и сопротивление местным реформам правового регулирования

Несмотря на то, что некоторые усилия по реформированию системы регулирования уже на раннем этапе показали многообещающие результаты, на достижение успехов потребовались годы, и их нелегко воспроизвести в других юрисдикциях, а тем более масштабировать на уровне отдельных штатов по всей стране¹⁸³. Как будет показано в этом разделе, для такой ситуации существуют как материальные, так и процедурные причины.

¹⁷⁶ См. (Fortney, 2019) (описана поддержка агентством инноваций в предоставлении юридических услуг); см. также Letter from Fed. Trade Comm'n and Dep't of Just., to the Hon. Bill Cook (2016, June 10), https://www.ftc.gov/system/files/documents/advocacy_documents/comment-federal-trade-commission-staff-antitrust-division-addressing-north-carolina-house-bill-436/160610commentncbill.pdf [https://perma.cc/RQ5E-M3BP] (приветствуется «возможность поделить мнения [агентств] относительно определения юридической практики и законопроекта № 436 Палаты представителей штата Северная Каролина»; заявлено, что «чрезмерно расширенная политика в отношении несанкционированной юридической практики может привести к росту цен, препятствовать инновациям и иным образом наносить ущерб конкуренции и потребителям»); Submission of the United States, Disruptive Innovations in Legal Services, OECD Doc. DAF/COMP/WP2/WD(2016)4 (2016, May 30). [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/WP2/WD\(2016\)4&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DAF/COMP/WP2/WD(2016)4&docLanguage=En) [https://perma.cc/5XUB-Y5DQ] (обобщается деятельность Министерства юстиции США и Федеральной торговой комиссии, связанная с инновациями в сфере юридических услуг).

¹⁷⁷ См., например, State Bar of Cal., выше прим. 120, at 10 («Медленное изменение норм, регулирующих юридическую деятельность... показывает, что реформы регулирования не успевают за изменениями на рынке юридических услуг, в том числе вызванными развитием инноваций и технологий и соответствующим поведением и предпочтениями потребителей»); Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 6 (показано, что «дестабилизация и быстрые изменения рынка... требуют изменений в способах и методах предоставления юридических услуг, а также в их регулировании»).

¹⁷⁸ State Bar of Cal., выше прим. 120, at 9.

¹⁷⁹ 180 Там же, at 10.

¹⁸⁰ См. Sloan, K. (2022, August 29). California Lawmakers Pull Plug on Legal Industry Reforms. Reuters. <https://www.reuters.com/legal/legalindustry/california-lawmakers-pull-plug-legal-industry-reforms-2022-08-26/> [https://perma.cc/T6Z5-NCYP].

¹⁸¹ Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 7.

¹⁸² Там же, at 10.

¹⁸³ См., например, Sloan, выше прим. 180.

Некоторые опасения, связанные с реформой, вполне оправданы. Например, зачастую предлагаемые новшества даже не рассматриваются, независимо от того, подкреплены ли они объективными данными или нет, имеется ли адекватный учет влияния новых технологий на доступ к правосудию или нет. Так, в штате Калифорния чиновники отклонили предложение о создании «песочницы», решив, что даже само рассмотрение возможности создания «песочницы» противоречит интересам граждан¹⁸⁴. Некоторые из этих опасений, в частности, связаны с возможностью владения и инвестирования в юридические компании для лиц без юридического образования. Как отметил Совет по судебной практике штата Вашингтон, «регулирующие органы не решаются вносить поправки в существующие нормы, ссылаясь на потенциальный вред для общества, который могут нанести новые бизнес-модели и поставщики услуг»¹⁸⁵. Такое сопротивление проистекает из убеждения, что подобные структуры существенно ущемляют независимость юристов и создают конфликты интересов из-за заинтересованности в получении прибыли¹⁸⁶. Эти опасения сохраняются даже в том случае, если доказано, что подобные запреты служат экономическому протекционизму, а не защите общества¹⁸⁷. Более того, эти опасения сохраняются, несмотря на широко распространенные наблюдения специалистов по юридической этике о том, что юридическим компаниям постоянно приходится учитывать конкурирующие финансовые интересы и давление, связанное с такими аспектами, как оплачиваемое рабочее время, расходы на осуществление практики, кредиты и конкуренция со стороны других фирм¹⁸⁸. Кроме того, правила юридической этики уже предусматривают обязательства, связанные с профессиональной независимостью, которые включают этические рамки для преодоления такого давления¹⁸⁹. Как отмечено в отчете Целевой группы штата Аризона, «двойная цель правила 5.4 – защита независимого профессионального суждения юриста и защита общественности – отражена в других этических нормах, которые могут быть усилены»¹⁹⁰ посредством других реформ, а отсутствие реформирования «будет препятствовать внедрению инноваций для выполнения юридических обязанностей по обеспечению доступа к гражданскому правосудию»¹⁹¹.

Также наблюдается значительное сопротивление даже на этапе внесения предложений о реформировании норм юридической деятельности для непрофессионалов. Некоторые юрисдикции пересматривают свои определения юридической практики и запретов, связанных с такой деятельностью, однако большинство сопротивляется любым изменениям, связанным с появлением новых технологий. Например, многие лица, принимающие решения, и другие заинтересованные стороны твердо убеждены в том, что онлайн-сервисы документооборота должны входить в сферу незаконной юридической практики¹⁹². В своем отчете за 2019 г. Целевая группа по доступу к юридическим услугам на основе инноваций штата Калифорния отказалась

¹⁸⁴ См. Miller, Ch. (2021, Dec. 13). State Bar Pauses 'Regulatory Sandbox' Work After Criticism by Lawmakers. LAW.com. <https://www.law.com/therecorder/2021/12/13/state-bar-pauses-regulatory-sandbox-work-after-criticism-by-lawmakers> [<https://perma.cc/2V9A-2FLZ>] («Коллегия адвокатов штата Калифорния приостановила работу комитета по созданию нормативно-правовой 'песочницы', после того как законодатели... задались вопросом, не отклонилось ли это агентство от своей основной миссии по защите общества»).

¹⁸⁵ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 42; см. также Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 10 (описывается, что «ассоциации юристов в некоторых штатах сопротивляются переменам, полагаясь на традиционные методы регулирования, такие как ограничительные этические заключения и встречные иски»).

¹⁸⁶ См. Knake, выше прим. 39, at 14 (объясняются возражения против владения юридическими компаниями лицами, не являющимися юристами).

¹⁸⁷ См. Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 15.

¹⁸⁸ См., например, Solomon et al., выше прим. 144, at 12–13; Knake, выше прим. 39, at 42 («Парадигма профессионализма/независимости игнорирует экономические реалии юридической практики. На самом деле юридическая практика – это бизнес, и в XXI в. на него все больше влияют конкуренция и технологические инновации»).

¹⁸⁹ См., например, Model Rules of Pro. Conduct r. 2.1 (Am. Bar. Ass'n 2012) (об обязанности юристов «выносить независимые профессиональные суждения и давать честные советы»); там же, r. 1.7 (запрещение представительства в случаях, когда существует значительный риск того, что деятельность адвоката будет существенно ограничена третьей стороной); там же, r. 1.8 (запрещение вмешательства сторонних плательщиков в независимое профессиональное суждение юриста).

¹⁹⁰ Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 13; см. также там же, at 16 (описывается действующая норма штата Аризона, согласно которой «сторонние плательщики, такие как страховые компании, не могут вмешиваться в независимое профессиональное суждение юриста или отношения между клиентом и юристом»).

¹⁹¹ Там же, at 13.

¹⁹² См. Fortney, выше прим. 176, at 93–94.

рекомендовать «внести изменения в существующие правила или статуты в отношении определения незаконной юридической практики»; вместо этого было рекомендовано «поддерживать существующий подход общего права, подтвержденный большим количеством прецедентов за почти сто лет». Такое решение было принято, несмотря на признание, что «отсутствие точного определения юридической практики или несанкционированной юридической практики создает неопределенность для общественности и потенциальных поставщиков услуг»¹⁹³.

Помимо существенного сопротивления, другие препятствия на пути реформы правового регулирования коренятся в логистических проблемах, связанных с процессом реформирования. Например, несмотря на стремление к реформированию, Целевая группа по предоставлению юридических услуг штата Аризона отклонила предложение о внедрении нормативной «песочницы» для юридических услуг¹⁹⁴. В качестве одного из аргументов упоминалась невозможность «определить, кто будет рассматривать заявления об отказах». При этом Целевая группа признала, что «песочница» помогла бы «Верховному суду [штата] определить, как следует изменить правило 5.4 и устранить связанные с этим неопределенности»¹⁹⁵. Вместо этого штат просто отменил это правило, не протестировав реформу в «песочнице»¹⁹⁶. Многие другие юрисдикции по понятным причинам отказались от такого подхода.

Другие юрисдикции столкнулись с сопротивлением реформированию на основе эксперимента. Профессор Bruce A. Green утверждал, что сопротивление такому реформированию глубоко присуще нашим правовым системам. Он писал: «Медики пытаются устранить неопределенность путем тестирования, исследований и экспериментов, но судам удобно устанавливать нормы, полагаясь на недоказанные эмпирические предположения, не проверяя их»¹⁹⁷. Он также заметил, что «суды часто избегают сбора данных и экспериментов, полагаясь вместо этого на случаи из жизни, впечатления, житейскую мудрость и аналогии, – действительно, это отличительная черта общего права»¹⁹⁸. Помимо судов, законодательные органы также могут стать препятствием. Предложение штата Калифорнии о создании правовой «песочницы», аналогичной «песочнице» штата Юта, застопорилось, когда законодатели запросили дополнительную информацию, выразили скептицизм и, по-видимому, указали, что такое предложение потребует одобрения законодательных органов¹⁹⁹. Многие другие юрисдикции просто не участвовали в обсуждении реформы регулирования, не говоря уже о том, чтобы предпринимать какие-либо действия.

Обе формы сопротивления приводят к тому, что в нынешних дебатах о регулировании юридических технологий отсутствуют данные о том, как такие технологии на самом деле используются в сфере юридических услуг²⁰⁰. Недостаток данных усугубляет проблемы, связанные как с содержанием, так и с процессами, поскольку без данных заинтересованные стороны не понимают содержания планируемых реформ, а необходимые данные не могут быть получены без новых процессов реформирования нормативно-правовой базы. При этом юрисдикции продолжают сопротивляться процессам реформ, основываясь на опасениях, которые не подкреплены данными. Как отмечает Green, сопротивление нормативным экспериментам и сбору данных часто возникает «потому, что непроверенные предположения укоренились очень глубоко, и суды полагают,

¹⁹³ State Bar of Cal., выше прим. 120, at 7–8. Вместо этого целевая группа рекомендовала ряд новых исключений из запрета для определенных физических и юридических лиц на незаконную юридическую деятельность.

¹⁹⁴ См. Task Force on the Delivery of Legal Servs., выше прим. 18, at 13.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ См. Ord. Amend. the Ariz. Rules of the Sup. Ct. & the Ariz. Rules of Evidence, выше прим. 164 (отменяется правило 5.4).

¹⁹⁷ Green, выше прим. 42, at 1272–1273.

¹⁹⁸ Там же, at 1273.

¹⁹⁹ См. Miller, Ch. (2021, December 9). Lawmakers Criticize State Bar Proposal Giving Nonlawyers Role in Legal Services. Law.com. <https://www.law.com/therecorder/2021/12/09/lawmakers-criticize-state-bar-proposal-giving-non-lawyers-role-in-legal-services> [<https://perma.cc/8ES7-G9E6>].

²⁰⁰ См., например, Klutts & Mulligan, выше прим. 78, at 861 («Мало что известно о влиянии юристов, их организаций и профессиональной среды на принятие, внедрение и управление системами машинного обучения, которые поддерживают принятие профессиональных решений. Этот пробел отражает общую нехватку эмпирических данных о юристах, их организационной среде и в целом их взаимодействии с современными автоматизированными системами принятия решений, основанными на машинном обучении»).

что опровергнуть их невозможно»²⁰¹. В результате возникает порочный круг, который наносит ущерб дискуссии, необходимому для регулирования в свете новых юридических технологий и обеспечения доступа к правосудию. Подобные информационные пробелы, касающиеся технологий, характерны не только для отрасли юридических услуг²⁰², однако споры о праве владения юридическими компаниями для неюрисстов ведутся особенно ожесточенно²⁰³. Отдельные штаты могли бы получать столь необходимые данные с помощью «песочниц» правового регулирования, но такие нормативные инновации по-прежнему тормозятся на уровне штатов²⁰⁴.

Далее мы покажем, что перенос определенных процессов реформы регулирования на национальный уровень поможет преодолеть эти материальные и процедурные барьеры, а также другие формы сопротивления проведению необходимых реформ регулирования. Мы утверждаем, что это в конечном итоге приведет к калибровке правовых технологий в целях обеспечения доступа к правосудию.

IV. Аргументы в пользу переноса процессов реформы регулирования на национальный уровень

Многие из указанных проблем и барьеров, связанных с реформой регулирования, возможно преодолеть. Это позволило бы в более широком масштабе проводить реформы, ориентированные на технологии и доступ к правосудию, перенеся ряд процессов реформы регулирования на национальный уровень. Преодолев технологические трудности, препятствующие проведению реформ на местном уровне, можно получить большое количество полезных данных в рамках нормативно-правовой «песочницы» общенационального уровня. В свою очередь, собранные данные помогут преодолеть существенное сопротивление реформам, с которым в настоящее время сталкиваются большинство юрисдикций.

С одной стороны, наше предложение не требует от регулирующих органов в отдельной юрисдикции делать что-то помимо того, что они уже делают²⁰⁵. Вместо этого общенациональная «песочница» призвана обеспечить простой путь проведения реформы, основанной на данных. Этот путь уже продемонстрировал многообещающие результаты в штате Юта, дав дополнительный опыт, эмпирические выгоды и экономические преимущества, доступные на национальном уровне.

С другой стороны, это инновационное предложение, поскольку оно нарушает традиционные способы установления, обеспечения и реформирования регулирования юридических услуг на местном уровне. Однако технологические инструменты и услуги будут только развиваться²⁰⁶. Сфера юридических услуг больше не может позволить себе оставаться в теперешнем положении, и общенациональная нормативно-правовая «песочница» может ускорить и расширить процессы ее реформирования. Далее представлены описание и обоснование предлагаемых мер, показана перспективность и необходимость данного механизма, а также рассмотрены потенциальные проблемы и критические замечания в этой сфере.

²⁰¹ Green, выше прим. 42, at 1273.

²⁰² (Greely, 2020) («Мало кто понимает, как работает новая технология, и никто не может быть уверен, как именно она будет использоваться и даже будет ли вообще использоваться. Задача состоит в том, чтобы создать и поддерживать режим регулирования. Непросто даже выяснить, насколько широко была внедрена та или иная технология, не говоря уже о понимании ее рисков и преимуществ»).

²⁰³ См. Guttenberg, выше прим. 42, at 479; см. также Knake, выше прим. 39, at 14 («Дебаты о разрешении неюрисстам инвестировать в юридические компании требуют выдержки»).

²⁰⁴ См. Sloan, выше прим. 180 (отмечается, что «штат Калифорния приостановил принятие инноваций в регулировании, что может замедлить их внедрение в других юрисдикциях»).

²⁰⁵ См. ниже Раздел V.D (объясняется, почему автономия штатов не затрагивается в условиях общенациональной регулятивной «песочницы»).

²⁰⁶ См. Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 10 («Альтернативные модели, при которых потребители получают услуги в ограниченном объеме с использованием технологий вместо традиционной модели юридической практики с полным спектром услуг, будут продолжать развиваться»); Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 41 («Опасность бездействия заключается в том, что юридические онлайн-сервисы будут продолжать развиваться... Об этом свидетельствуют инвестиции венчурного капитала в компании, предлагающие такие услуги»).

Как будет подробно показано ниже, организация «песочницы» на общенациональном уровне обеспечит получение дополнительных экспертных знаний, эмпирических выгод, а также экономических преимуществ и эффективности, недоступных на местном уровне. В этом разделе авторы (1) описывают предлагаемую структуру национальной нормативно-правовой «песочницы», (2) определяют соответствующие рамки ее применения и (3) описывают процесс тестирования технологических реформ в рамках «песочницы» для получения данных, которые позволят провести реформу нормативно-правовой базы в масштабах всей страны.

А. Структура «песочниц»

Любая нормативно-правовая «песочница» требует наличия надзорного органа. Одним из недостатков нормативно-правовых «песочниц» для конкретных юрисдикций является то, что каждая юрисдикция должна создавать собственный надзорный орган или возлагать надзорные функции на существующий орган, который должен обладать компетенциями в области технологий²⁰⁷ и быть связан с Верховным судом штата и, возможно, с Коллегией адвокатов штата. Например, проект «песочницы» штата Вашингтон предусматривал создание независимого совета, подотчетного Верховному суду штата и управляемого Ассоциацией адвокатов штата²⁰⁸. Напротив, нормативно-правовая «песочница» штата Юта первоначально контролировалась вновь созданным Управлением по инновациям в области юридических услуг и подчинялась Верховному суду штата Юта, не будучи связанной с коллегией адвокатов²⁰⁹. К 2023 г. из-за проблем с финансированием эта «песочница» перешла в ведение коллегии адвокатов штата²¹⁰. В рекомендациях штата Орегон по изучению реформы регулирования отмечается необходимость «создания специального ресурса, ответственного за сбор, обработку и распространение данных», аналогично тому, как «в настоящее время в любом успешном бизнесе есть директор по обработке данных или директор по информационным технологиям, дополняющий, а иногда и расширяющий функции главного технического директора»²¹¹. Компетенции, эмпирические выгоды и экономические преимущества общенациональной организации такого рода заведомо превосходят таковые в изолированных друг от друга юрисдикциях. Тем самым можно было бы избежать дублирования финансирования, организационных структур и принимаемых мер.

Хотя в функции национального надзорного органа входит администрирование «песочницы», решения этого органа не будут обязательными для конкретной юрисдикции без специальных действий со стороны Верховного суда штата, поскольку последний является органом, регулирующим юридические услуги в рамках соответствующей юрисдикции. Например, Верховный суд штата должен будет формально одобрить и применить рекомендации национальной «песочницы» через издание приказа о временном разрешении предоставления новых услуг или каким-либо другим способом. Аналогичным образом, суды будут проверять данные, полученные в рамках национальной «песочницы» и отчеты о мониторинге при тестировании услуг. Наконец, суды должны будут оценить, одобрить и официально реализовать все рекомендации по приостановке деятельности или исключению участников из «песочницы», а также пересмотреть рекомендации по долгосрочному лицензированию и соответствующим реформам национальной «песочницы». И наоборот, Верховный суд штата не обязан действовать в соответствии с рекомендациями общенациональной «песочницы», если считает это нецелесообразным.

²⁰⁷ См. Calo, R. (2014). The case for a Federal Robotics Commission, 15. Brookings. <https://www.brookings.edu/articles/the-case-for-a-federal-robotics-commission/> [<https://perma.cc/M8VX-76GM>] (показана история «[создания] формальных институтов вокруг конкретных технологий, поскольку для понимания технологии требуется специальный персонал, а также потому, что централизованная координация надзора за технологиями является более эффективной»).

²⁰⁸ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 11.

²⁰⁹ См. в целом Utah Off. of Legal Servs. Innovation. (2021). Innovation Office Manual. <https://utahinnovationoffice.org/wp-content/uploads/2021/08/IO-Manual-Published-Aug.-25-2021.pdf> [<https://perma.cc/5J9C-HPVB>].

²¹⁰ См. Off. of Legal Servs. Innovation. (2023). Activity Report: March 2023, at 2. <https://utahinnovationoffice.org/2023/04/27/march-2023-activity-report/> [<https://perma.cc/ELE7-Q4XQ>] (отмечается, что «начался перевод деятельности агентства в ведение Коллегии адвокатов штата Юта»); см. также выше прим. 33 и соответствующий текст (описаны некоторые логистические ограничения деятельности Агентства по инновациям в сфере юридических услуг).

²¹¹ Or. State Bar Futures Task Force, выше прим. 18, at 13.

В свете этих функций и в зависимости от своей нормативной структуры, ресурсов и отличий от типовых правил профессионального поведения Американской юридической ассоциации юрисдикция может принять решение о создании местного органа для оказания помощи своему верховному суду в выполнении этих частных обязанностей. Но в таких случаях объем работы юрисдикции будет значительно меньше, чем если бы она несла полную ответственность за все аспекты разработки, запуска и эксплуатации нормативно-правовой «песочницы». Поскольку большая часть работы выполняется на общенациональном уровне, местные органы власти могли бы сосредоточить свои усилия на нюансах, необходимых для оптимизации эффективности внедрения «песочницы» на местном уровне, вместо разработки и реализации масштабной программы с нуля.

В рамках такого подхода опыт местных органов может быть полезен при выполнении рекомендаций общенациональной «песочницы». Например, местные эксперты могут эффективно учитывать влияние этических норм, характерных для правил профессионального поведения в данной юрисдикции, что, в свою очередь, влияет на параметры экспериментального режима. Но использование общенационального опыта в работе «песочницы» помогло бы сосредоточить усилия местных властей на решении местных проблем вместо повторения работы, которая будет выполнена более эффективно на национальном уровне. Также экономически неэффективны дублирующие друг друга усилия экспертов по разработке местных «песочниц» и надзору за ними, если такая экспертиза является платной, как это предусмотрено в некоторых юрисдикциях²¹².

Верховные суды штатов должны сохранить за собой право решать, какие услуги разрешены в каждой юрисдикции как во время, так и после истечения срока действия национальной «песочницы». Поэтому надзорный орган такой песочницы не может быть частью или агентством федерального правительства и иметь каких-либо прямых или обязательных для исполнения полномочий в отношении отдельных юрисдикций. Вместо этого надзорный орган, скорее всего, примет форму независимой некоммерческой организации, аналогичной по статусу Американской юридической ассоциации (*American Bar Association, ABA*) или Национальной конференции юристов-экзаменаторов (*National Conference of Bar Examiners, NCBE*). Роль национального надзорного органа должна быть во многом аналогична существующей функции *ABA* по разработке и обновлению типовых правил профессионального поведения, которые затем в значительной степени применяются юрисдикциями по всей стране²¹³, несмотря на отсутствие у *ABA* полномочий по обеспечению их соблюдения. Кроме того, надзорный орган «песочницы» мог бы использовать национальный опыт таким же образом, как *ABA* организует множество центров, секций, комитетов и рабочих групп, занимающихся вопросами технологий, юридической этики и доступа к правосудию, которые могли бы помочь в распространении экспертных знаний, необходимых для работы «песочницы»²¹⁴. Как показывают недавние действия *ABA*, есть немало заинтересованных сторон, желающих участвовать в решении этих вопросов. В феврале 2023 г. Палата делегатов *ABA* приняла резолюцию № 604, в которой говорится о том, как заинтересованные стороны, включая юристов и регулирующие органы, должны оценивать вопросы подотчетности, прозрачности и отслеживае-

²¹² См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 13 (указаны издержки, связанные с «рядом юридических услуг, предоставляемых [Ассоциацией адвокатов штата Вашингтон] Совету [по созданию «песочницы»], например, с подготовкой юридического заключения о регулировании нетрадиционных юридических услуг»; отмечено, что «Совет должен возместить Ассоциации адвокатов издержки на подготовку такого заключения»); State Bar of Cal., выше прим. 120, at 11 (отмечается, что «следует ожидать затрат на постоянный периодический анализ данных», включая «затраты на привлечение экспертов-консультантов и поставщиков, обладающих ресурсами и навыками для разработки реалистичных критериев»).

²¹³ См. Policy & Initiatives. Am. Bar Ass'n. https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/policy/ [<https://perma.cc/7LKT-QHP9>] (описывается «помощь, которую Центральный комитет по внедрению политических мер оказывает юрисдикциям при продвижении среди членов Коллегии адвокатов и общественности, а также поддержка усилий национального информационного центра по их внедрению»; перечислены текущие проекты по внедрению и диаграммы принятия юрисдикциями различных правил и поправок).

²¹⁴ См., например, Legal Technology Resource Center. AM. BAR ASS'N. https://www.americanbar.org/groups/departments_offices/legal_technology_resources/ [<https://perma.cc/H48L-9M2S>]; Science & Technology Law Section. AM. BAR ASS'N. https://www.americanbar.org/groups/science_technology/ [<https://perma.cc/TK8T-VXKA>]; Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. AM. BAR ASS'N. https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/committees_commissions/ethicsand_professionalresponsibility/ [<https://perma.cc/3X9S-M2X2>]; Access to Justice Committee. AM. BAR ASS'N. <https://www.americanbar.org/groups/litigation/committees/access-justice/> [<https://perma.cc/XW8P-MM58>].

мости в сфере искусственного интеллекта²¹⁵. Потенциальные источники финансирования надзорного органа мы обсудим в аспекте некоторых из его ключевых функций, которые подробно описаны ниже.

В следующих разделах мы описываем возможные функции надзорного органа и процессы, которые необходимо реализовать для запуска общенациональной «песочницы».

В. Сфера применения «песочниц»

На фундаментальном уровне важно понимать, для чего необходимо создать общенациональную нормативно-правовую «песочницу» со своим надзорным органом.

Нужно отметить, что правовая регулятивная «песочница» не является средством автоматического дерегулирования²¹⁶, как не является и средой, способствующей несанкционированной юридической деятельности²¹⁷. Она также не является средством, с помощью которого адвокат, лишенный лицензии, мог бы предлагать юридические услуги или с помощью которого лицензированный специалист, работающий за пределами штата, мог бы обойти местные процедуры по получению временного разрешения на работу²¹⁸. Скорее, как отметил Совет по юридической практике судов штата Вашингтон в своем проекте «песочницы», «цель [создания правовой регулятивной «песочницы»] состоит в том, чтобы определить соответствующие правила для защиты потребителей юридических услуг от причинения вреда» и «предоставить юристам и предпринимателям возможность предоставлять нетрадиционные юридические услуги с разрешения и под активным надзором со стороны Верховного суда [штата] или его представителя»²¹⁹. Благодаря тщательному надзору функционирование правовой регулятивной «песочницы» может привести к изменениям в законодательстве как для лицензированных юристов, так и для поставщиков нетрадиционных юридических услуг²²⁰.

Кроме того, участие в «песочнице» не избавляет от необходимости при предоставлении услуг соблюдать действующие законы, нормативные акты (включая коммерческие, лицензионные и финансовые положения), судебные правила и другие соответствующие судебные постановления в тех юрисдикциях, где будет временно разрешено предоставление услуг²²¹. Аналогичным образом, поставщики услуг не будут автоматически освобождены от ответственности за нарушение законов о защите прав потребителей или от дисциплинарного взыскания за нарушения правил профессионального поведения, принятых в данной юрисдикции²²². Скорее, общенациональная нормативно-правовая «песочница» будет проверять услугу и рекомендовать ее временную авторизацию в соответствующей юрисдикции²²³. Такое временное разрешение должно вытекать из четко определенных правил, запрещающих несанкционированную юридическую деятельность, и конкретных

²¹⁵ См. Midyear Meeting 2023 – House of Delegates Resolution 604. Am. Bar Ass'n. https://www.americanbar.org/news/reporter_resources/midyear-meeting-2023/house-of-delegates-resolutions/604/ [<https://perma.cc/4NRV-5RJ3>]; см. также Robert, A. (2023, February 6). ABA House Adopts 3 Guidelines to Improve Use of Artificial Intelligence. ABA J. <https://www.abajournal.com/web/article/aba-house-adopts-3-guidelines-to-improve-use-of-artificial-intelligence> [<https://perma.cc/GGT3-5HWF>].

²¹⁶ См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 11 (отмечается, что это предложение «не означает рекомендацию создавать нерегулируемую среду»).

²¹⁷ См., например, там же (подчеркивается, что предложение штата Вашингтон о создании «песочницы» «не означает рекомендацию создавать среду, которая поощряет несанкционированную юридическую практику»).

²¹⁸ См., например, там же, at 43; Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 6 (указано, что «песочница» штата Юта предусматривает отклонение заявки, если «юридическое лицо является всего лишь средством для деятельности юриста из другого штата в штате Юта»).

²¹⁹ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 11.

²²⁰ См. там же, at 10 (описывается возможность таких изменений в результате применения правовой регулятивной песочницы штата Вашингтон).

²²¹ См. Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 4 (отмечено, что «Управление штата по внедрению инноваций должно удостовериться, что каждый заявитель... подтверждает, что его услуги соответствуют всем применимым требованиям законодательства штата Юта»); Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 19 (подтверждается, что участники предлагаемой «песочницы» будут подпадать под действие других законов штата Вашингтон).

²²² См. Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 3 («По общему правилу, юристы штата Юта, работающие с юридическими лицами в рамках „песочницы“ или от их имени, должны соблюдать Правила профессионального поведения штата Юта и могут подвергаться дисциплинарным взысканиям в случае их несоблюдения»); Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 19 (отмечается, что участники по-прежнему будут подчиняться этим правилам при участии в «песочнице» штата Вашингтон).

²²³ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 19 (обсуждаются ограниченные временные меры согласно предложению штата Вашингтон).

правил профессионального поведения, выбранных каждой юрисдикцией, вероятно, на основе рекомендаций «песочницы»²²⁴.

Одним из аспектов экспериментального режима являются правила профессионального поведения. Несмотря на то, что в большинстве юрисдикций они тесно связаны с типовыми правилами профессионального поведения АВА, в разных юрисдикциях существуют некоторые различия. Таким образом, вероятно, было бы целесообразно, чтобы рекомендации общенациональной «песочницы» были в значительной степени основаны на Типовых правилах. Однако эти рекомендации также могли бы учитывать или иным образом признавать различия в нормах разных юрисдикций и то, как они влияют на параметры местного экспериментального режима. Среди норм, которые, вероятно, наиболее значительно повлияют на разработку технологических предложений об инновационных услугах в рамках экспериментального режима, нужно отметить Правила 1.5 (регулирование сборов), 5.4 (вопросы профессиональной автономии, владения и инвестирования в юридические фирмы для лиц без юридического образования) и 5.5 (запрет несанкционированной юридической деятельности)²²⁵. Но положения «песочницы» не будут ограничиваться этими нормами. Одним из преимуществ такой структуры является то, что она открыта для рассмотрения и одобрения инновационных услуг и реформирования норм, которые до этого никогда не рассматривались.

При этом создание «песочницы» не означает отказа от основополагающих принципов, регулирующих юридическую деятельность и юридические услуги. Действительно, существуют нормы, которые нельзя отменить даже временно или отмену которых нельзя протестировать экспериментально. Как прямо указано в проекте штата Вашингтон, «не все [правила профессионального поведения] или другие нормы подходят для тестирования альтернативных нормативных актов»; например, правила «1.1. Компетентность, 1.3. Осмотрительность и 1.4. Коммуникация настолько важны для юридической практики и защиты потребителей, что их выполнение необходимо как для традиционных, так и нетрадиционных юридических услуг»²²⁶. В рамках общенациональной «песочницы» можно прямо исключить из рассмотрения предлагаемые изменения этих и других основополагающих принципов, или же подходить к таким предложениям с презумпциями, запрещающими их испытания в рамках «песочницы».

В рамках общенациональной «песочницы» можно также четко определить приоритетность доступа к правосудию, что в той или иной степени рассматривалось на уровне штатов. Например, Целевая группа штата Калифорния рекомендовала повысить приоритет вопроса о доступе к правосудию, установив плату за участие в экспериментальной программе в зависимости от того, насколько та или иная услуга устраняет проблему доступа к правосудию²²⁷. Проект «песочницы» штата Вашингтон пошел еще дальше, фактически требуя от заявителя определить влияние конкретной услуги на доступ к правосудию²²⁸. В частности, от заявителей требовалось бы предоставить информацию о целевых потребителях, экономической эффективности услуги, о ее доступности по сравнению с существующими услугами и о других способах, с помощью которых услуга помогла бы устранить проблему доступа к правосудию²²⁹. Напротив, в рамках «песочницы» штата Юта не уделялось столь же явного внимания проблеме доступа к правосудию. Хотя преимущества «песочницы» в этом отношении рассматривались еще до ее запуска²³⁰, что отражено в документах²³¹, было решено

²²⁴ См. там же.

²²⁵ См., например, там же, at 9 (перечислены правила, которые, вероятно, будут задействованы, и отмечено, в частности, в отношении правила 5.4, что «заявитель может предложить бизнес-модель, которая позволила бы юристам работать с нелицензированными лицами при предоставлении нетрадиционных юридических услуг в рамках „песочницы“», что может потребовать внесения изменений в п. 5.4 «Профессиональная автономия» Правил профессионального поведения).

²²⁶ Там же.

²²⁷ См. State Bar of Cal., выше прим. 120, at 17 («Установление величины оплаты в зависимости от того, насколько продукт устраняет пробел в доступе к правосудию, стимулирует инновации, которые отвечают конкретным потребностям...»). В настоящее время работа целевой группы приостановлена. См. Sloan, выше прим. 180.

²²⁸ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 17 (в список критериев для подачи заявок включена информация о том, «как нетрадиционные юридические услуги будут способствовать сокращению разрыва в доступе к правосудию»).

²²⁹ См. там же, at 28–29.

²³⁰ См. Standing Order No. 15, выше прим. 153, at 7 («Главной целью этой реформы является улучшение доступа к правосудию»). См. в целом Himonas & Hubbard, выше прим. 157.

²³¹ См. Cornett & DeMeola, выше прим. 32.

«пока ограничиться проектами, которые направлены непосредственно на улучшение доступа к юридическим услугам в тех областях, где их не хватает»²³². Было бы целесообразно, если бы в рамках общенациональной «песочницы» проводился сбор информации о доступе к правосудию от заявителей и участников проекта, этот аспект учитывался при вынесении рекомендаций и был заложен механизм, побуждающий юрисдикции учитывать эти данные при принятии решений.

В следующем разделе, посвященном структуре и масштабам национальной нормативно-правовой «песочницы», будут описаны процессы, связанные с этим режимом, и в особенности преимущества внедрения этих процессов на национальном, а не только на местном уровне.

С. Процесс создания «песочницы»

Общенациональная нормативно-правовая «песочница» имеет четыре основные функции: (1) привлекать, оценивать и допускать кандидатов к участию в этом режиме; (2) рекомендовать юрисдикциям создавать соответствующие экспериментальные режимы для допущенных участников; (3) осуществлять мониторинг деятельности участников, в том числе путем сбора соответствующих данных и предоставления отчетов партнерским юрисдикциям; и (4) рекомендовать долгосрочное лицензирование или реформирование после окончания срока участия. Все эти функции могут осуществляться на общенациональном уровне. Далее в этом разделе мы проанализируем каждую из этих основных функций и покажем преимущества их организации и осуществления на общенациональном уровне в отличие от местного.

1. Привлечение кандидатов, их оценка и допуск к участию

Национальная правовая «песочница», функционирующая на основе экспертных оценок, должна отбирать, оценивать и допускать к участию в национальной «песочнице» инновационные юридические услуги, основанные на технологиях и ориентированные на решение проблемы доступа к правосудию. Затем юрисдикциям дается рекомендация разрешить временное функционирование определенных услуг в пределах юрисдикции при соблюдении тщательно разработанных условий безопасности и определенных мер надзора; при этом они обязаны предоставлять данные о выявленных рисках причинения вреда потребителям. Преимущества общенациональной «песочницы» перед местными обусловлены необходимостью наличия экспертных знаний, а также эмпирических и экономических требований на этапе внедрения.

По сути, национальная «песочница» должна помочь потенциальным участникам централизованно получить апробацию своих инновационных услуг. Если в обозримом будущем сохранится существующее положение, то услуги, имеющие неопределенности в регулировании, будут доступны лишь в тех юрисдикциях, которые внедрились или рассматривают возможность внедрения локальной нормативно-правовой «песочницы». Это ограничивает потенциальный охват населения этими услугами и даже в случае успеха их дальнейшее распространение. В долгосрочной перспективе, если будет запущено больше «песочниц», для участников возникнет новая проблема в виде необходимости отдельно подавать заявки на участие и отчитываться перед несколькими юрисдикциями, что потребует экспоненциально большего количества ресурсов, средств и времени. Как будет показано ниже, национальная «песочница» позволит централизовать процесс подачи заявок, что принесет пользу как заявителям, так и участвующим местным юрисдикциям.

Прежде всего, процесс применения нормативно-правовой «песочницы» требует определения и оценки того, какие существующие законы и правила связаны с предлагаемой услугой²³³, а также потенциальной вероятности и степени вреда для потребителя, который может быть причинен предлагаемой услугой, включая, например, учет возможного проявления предвзятости.

Технологический характер данных проектов и процедур их оценивания приводит к необходимости технической экспертизы, которая в настоящее время не входит в число основных направлений деятельности

²³² Например, Eisenberg, выше прим. 33, at 26.

²³³ Один из подходов, предложенных штатом Вашингтон, требует от кандидатов предоставить «описание [Правил профессионального поведения] или других нормативных актов, которые, возможно, потребуются изменить в рамках „песочницы“». Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 30.

большинства местных органов в области регулирования юридических услуг²³⁴. Одним из основных преимуществ общенациональной «песочницы» является эффективное использование национальных экспертных знаний в необходимых сферах, включая технологии, науку о данных, юридическую этику, проблемы взятости и доступа к правосудию. Существующие и предлагаемые «песочницы» правового регулирования уже использовали или готовятся использовать этот опыт²³⁵. Однако такие факторы, как разбросанность экспертных знаний по юрисдикциям или неоднократное обращение к одним и тем же национальным экспертам за рекомендациями, снижают возможности для эффективного расширения разнообразия и качества задействованных экспертов по этим вопросам.

На этапе подачи заявки обращение к экспертам также может быть дорогостоящим. Консолидация экспертных знаний на национальном уровне позволила бы снизить высокие затраты на их повторное использование на местном уровне²³⁶. Например, согласно проекту штата Вашингтон, при рассмотрении одного приложения в предлагаемой им «песочнице» потребуется 600 долларов на оплату юридических консультаций и административного времени²³⁷. Если эти затраты только на этапе подачи заявки умножить на количество заявителей и сложить с другими расходами, то суммы окажутся непомерно высокими для тех юрисдикций, у которых, возможно, есть и другие проблемы с организацией локальной «песочницы». Организация площадки на общенациональном уровне избавляет от необходимости дублировать эти усилия и затраты в разных юрисдикциях.

Несомненно, возможен и альтернативный способ оплаты услуг экспертов – возложить расходы на обработку заявок и другие административные затраты на кандидатов на участие в «песочнице»²³⁸. Однако это сводит на нет усилия по поощрению участия в «песочнице» со стороны служб, ориентированных на повышение доступа к правосудию, которые уже и так преодолевают сложные ресурсные барьеры²³⁹. Но даже если национальная «песочница» будет взимать вступительный взнос в рамках своей структуры финансирования, единый вступительный взнос предпочтительнее, чем оплата нескольких взносов за подачу заявок (а затем и за участие) в нескольких «песочницах» в масштабах страны.

Доступ к экспертным знаниям также важен на данном этапе, поскольку они необходимы для эффективного сбора, оценки и реагирования на информацию о потенциальном вреде для потребителей, который может возникнуть в результате предлагаемых услуг. Как отметила целевая группа штата Калифорния в ходе рассмотрения проекта «песочницы» (который в итоге был отклонен), «создание стратегии сбора данных и показателей, вероятно, потребует затрат на привлечение экспертов-консультантов и поставщиков, обладающих ресурсами и навыками для разработки разумных и реалистичных критериев»²⁴⁰. Как будет показано ниже, организация такой деятельности и использование средств более эффективны на национальном уровне.

Оценка заявок является важнейшим этапом функционирования «песочницы», поскольку помогает устанавливать параметры всех возможных временных гарантий, исходя из потенциальных преимуществ и рисков предлагаемой услуги. Потенциальный ущерб для потребителей в конечном итоге можно снизить несколькими способами. Например, при рассмотрении заявки можно задать критический уровень риска в зависимости от типа предлагаемой услуги²⁴¹. В качестве альтернативы можно обязать кандидатов указывать в своих заявках

²³⁴ См. State Bar of Cal., выше прим. 120, at 15 («Как и с другими технологиями, новая схема регулирования потребует от регулирующего органа развития новых навыков, которыми он, возможно, в настоящее время не обладает...»).

²³⁵ См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 12–13 (предлагается, чтобы «в основной состав „песочницы“ по мере необходимости, в зависимости от заявителя и вида юридической услуги, привлекались специалисты из различных источников, включая Верховный суд штата Вашингтон, WSBA, секции WSBA (для получения консультаций по специальным вопросам), юридические школы штата Вашингтон, адвокатуру и техническое сообщество»).

²³⁶ См., например, State Bar of Cal., выше прим. 120, at 15 (отмечено, что для регулирования новых технологий «регулирующий орган должен будет развивать новые навыки, которыми он, возможно, в настоящее время не обладает, что потребует затрат времени и денег»).

²³⁷ См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 14.

²³⁸ См., например, там же, at 13–15; State Bar of Cal., выше прим. 120, at 17.

²³⁹ См. выше прим. 113–118 и соответствующий текст (обсуждаются ресурсные барьеры на пути совершенствования юридических технологий).

²⁴⁰ State Bar of Cal., выше прим. 120, at 11.

²⁴¹ См., например, Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 4–6; см. также Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 25–26 (обобщается информация о различных категориальных уровнях риска в штате Юта).

потенциальный вред и риски от предлагаемых услуг, а также меры оценки²⁴², снижения и отчетности о любом ущербе во время участия в «песочнице»²⁴³.

В качестве примера категориального подхода опишем проект «песочницы» в штате Юта. Он предусматривал однозначное распределение заявителей по уровням риска в зависимости от степени использования технологий и вовлеченности лицензированных юристов: низкий, низкий/умеренный, умеренный, высокий. К категории низкого риска были отнесены компании, в которых «юрист нанят или работает под управлением лица, не являющегося юристом», или которые «менее чем на 50 % принадлежат лицам, не являющимся юристами», или являются «поставщиками программного обеспечения с привлечением юриста», например, для «составления юридических документов»²⁴⁴. Компания будет относиться к категории низкого/умеренного риска причинения вреда потребителю, если в ней «юристы и неюристы получают оплату за услуги», или она «на 50 % и более принадлежит лицам, не являющимся юристами»²⁴⁵, или «предлагает программное обеспечение или онлайн-платформу для связи... юристов с заинтересованными потребителями», а также «другие услуги по поддержке юридической практики, такие как хронометраж, выставление счетов, видеоконференции и т. д.»²⁴⁶. К категории умеренного риска принадлежат компании, которые являются «поставщиками услуг с привлечением юриста» и «поставщиками программного обеспечения с привлечением юриста»²⁴⁷. К высокорисковым относятся услуги, предоставляемые «поставщиками услуг без участия юриста» и «поставщиками программного обеспечения без участия юриста»²⁴⁸. В первый год работы «песочницы» Верховный суд штата Юта одобрил участие тридцати организаций. Четыре из них были отнесены к категории низкого риска, двенадцать – низкого/умеренного, тринадцать – умеренного и один – высокого риска²⁴⁹.

Проект «песочницы» штата Вашингтон использует другой, некатегориальный метод оценки. Он предусматривает, что кандидаты должны провести самооценку рисков, которая затем тщательно изучается надзорным советом. Проект рекомендует заявителям «раскрывать информацию о любом предполагаемом вреде для потребителей и для каждого потенциального вреда указывать оценку его вероятности (значительная, высокая, очень высокая) и последствий (незначительные, умеренные, значительные)»²⁵⁰. Самооценка, указываемая в заявке, и другие данные затем анализируются надзорным советом, который несет ответственность за окончательную оценку категории риска²⁵¹. Провайдеры услуг с высоким риском причинения вреда потребителям не допускаются к участию в «песочнице» либо допускаются с возложением на них дополнительных требований по сбору данных²⁵². В этом проекте также рекомендовалось запретить, без рассмотрения, участие юристов, которые были лишены адвокатской лицензии или временно отстранены от практики²⁵³. В штате Юта, по-видимому, нет такого строгого запрета²⁵⁴.

Процесс подачи заявок в национальную «песочницу» может основываться на этих существующих и предлагаемых местных процедурах. Поскольку местные юрисдикции могут несколько отличаться по своему

²⁴² См. Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 29 (предлагается заявителям предоставлять информацию о средствах «измерения риска причинения вреда (т. е. о том, какие данные будут собраны, чтобы показать степень риска и меры по его снижению)»).

²⁴³ См., например, там же, at 17 (в список критериев для подачи заявок включена информация о том, «каков возможный вред для потребителей от нетрадиционных юридических услуг и какова степень риска такого вреда», «как заявитель планирует нивелировать такой вред» и «каким образом во время функционирования „песочницы“ будут определяться факторы доступа к правосудию и снижения вреда»).

²⁴⁴ Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 5.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же, at 5 n. 3.

²⁴⁷ Там же, at 5.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ См. Cornett & DeMeola, выше прим. 32.

²⁵⁰ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 22.

²⁵¹ См. там же.

²⁵² См. там же, at 21–22 (описан предложенный штатом Вашингтон метод измерения и учета потенциальных рисков, связанных с услугами заявителей).

²⁵³ См. там же, at 22.

²⁵⁴ См. там же (отличия политики штата Юта).

отношению к рискам, связанным с юридическими услугами, на национальном уровне целесообразно придерживаться детализации процесса самооценки и получаемых данных, как в проекте штата Вашингтон. Такой подход может включать категории предполагаемого риска, как в проекте штата Юта, описанные в виде положений или руководящих принципов. Например, если услуга предполагает использование программного обеспечения с привлечением юриста, то при оценке характера, вероятности и сроков возникновения тех или иных рисков могут быть указаны определенные минимальные баллы, которые заявители могут оспорить в своих заявках.

Проект «песочницы» в штате Юта показал, что эффективная идентификация рисков на этапе подачи заявки может свести к минимуму потенциальный вред, наносимый потребителям участниками проекта. За первый год работы «песочницы» в штате Юта услугами воспользовались более 2500 потребителей, при этом более 550 юридических услуг были оказаны программным обеспечением с привлечением юриста²⁵⁵. В течение первого года поступило только две жалобы потребителей на причинение вреда, который в обоих случаях был достаточно адекватно устранен²⁵⁶.

Указанные процессы в штате Юта были многообещающими и привели к разработке подобных проектов в других юрисдикциях, однако вряд ли удастся создать по всей стране сеть «песочниц» в сроки, которые адекватно отвечали бы технологическому развитию и нынешней кризисной ситуации с пробелами в правосудии. Даже если бы это было возможно, такой подход не был бы настолько эффективным, как создание общенациональной «песочницы». В следующих разделах мы покажем, почему этот тезис справедлив и для других процессов, происходящих после допуска заявителя к участию в «песочнице».

2. Рекомендуемые безопасные зоны

После того как первоначальные данные заявителя запрошены, получены и оценены надзорным органом с участием экспертов, на общенациональном уровне выдается рекомендация о том, следует ли юрисдикциям разрешить временное предоставление услуги в безопасной зоне в соответствии с конкретными правилами.

Технический механизм выдачи разрешений, в соответствии с которыми юридическое лицо будет осуществлять свою деятельность, может незначительно отличаться в зависимости от юрисдикции. В рамках действующих и предлагаемых местных нормативно-правовых «песочниц» надзорный орган рекомендует параметры «безопасной зоны» в отношении кандидата на участие в «песочнице», которые затем должны быть утверждены Верховным судом штата. Например, в штате Юта Управление по инновациям в области юридических услуг «разработало схему получения рекомендации на авторизацию услуги, включая определение категории риска, области применения, освобождения от обязательств, срока авторизации и любых дополнительных требований», а затем «определило, какие модели обслуживания оно [может] рекомендовать для дальнейшего рассмотрения и утверждения»²⁵⁷. Аналогичным образом, проект штата Вашингтон предлагает, чтобы «каждый участник [„песочницы“] подпадал под действие специального постановления Верховного суда [штата], которое разрешает участие [в „песочнице“] и детализирует действующие [в „песочнице“] правила»²⁵⁸. После получения такого разрешения организация сможет «предоставлять исключительно определенные и одобренные услуги в рамках постановления суда и под постоянным надзором [государственного надзорного] совета»²⁵⁹. Постановление Верховного суда штата также должно включать «перечень нормативных актов, включая любые [правила профессионального поведения], которые относятся к предоставлению нетрадиционных юридических услуг, и любые новые или предлагаемые измененные [правила профессионального поведения], которые могут потребоваться в будущем»²⁶⁰. Общенациональная «песочница» выдает аналогичные рекомендации юрисдикциям по всей стране; затем юрисдикции предпринимают необходимые меры для обеспечения временных разрешений участникам «песочниц» в пределах своих соответствующих юрисдикций.

²⁵⁵ См. Cornett & DeMeola, выше прим. 32.

²⁵⁶ См. там же (штат Юта признал, что «реакция компании на жалобы, связанные с причинением вреда, была адекватной и приемлемой с точки зрения смягчения последствий»).

²⁵⁷ Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 7.

²⁵⁸ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 11; см. также там же, at 17.

²⁵⁹ Там же, at 17.

²⁶⁰ Там же, at 30.

Продолжительность участия отдельной компании в «песочнице» может быть фиксированной, как предлагает штат Вашингтон, или иметь возможность продления, как практикуется в штате Юта²⁶¹. Учитывая, что общенациональная «безопасная зона» будет иметь преимущество в виде большего объема данных, чем те, которые были бы доступны в рамках одной юрисдикции, можно гарантировать более высокий уровень временной гибкости национального проекта. Чтобы учесть различные потребности юрисдикций, национальная «песочница» могла бы также выдавать предварительные рекомендации по истечении установленного срока, продолжая при этом отслеживать данную услугу в тех юрисдикциях, которые предпочтут собрать больше данных, прежде чем принимать решение о выдаче долгосрочной лицензии или внесении каких-либо изменений в законодательство.

В результате на национальном уровне по всей стране можно было бы апробировать множество предлагаемых услуг, удовлетворяющих широкому кругу юридических потребностей. Это и произошло в первый год существования «песочницы» в штате Юта в меньшем масштабе. По данным Института развития американской правовой системы (*Institute for the Advancement of the American Legal System, IAALS*), инновационные услуги касались «планирования пенсионного обеспечения (19,6 %); вопросов в сфере бизнеса, таких как интеллектуальная собственность, контракты и гарантии, регистрация юридических лиц (22,3 %); вопросов брака и семьи (15,0 %)»²⁶². Другие виды юридических услуг, которые в то время были доступны в рамках «песочницы», «касались проблем образования, недвижимости, бытового насилия и иммиграции»²⁶³. Объем и разнообразие услуг должны значительно возрасти на национальном уровне.

3. Мониторинг работы участников и сбор данных

Национальная нормативно-правовая «песочница» также может выполнять функцию мониторинга услуг. Для этого участники должны сообщать определенные данные о рисках причинения вреда, о жалобах потребителей, результатах работы и их влиянии на доступ к правосудию. Во многих отношениях это самая важная функция «песочницы», и именно она принесет наибольшую пользу от экспертных знаний, эмпирических данных и экономических преимуществ, доступных на национальном уровне. Как отмечают профессор Rebecca Sandefur и доктор Emily Denne, «изменения приводят к появлению новых данных, которые позволяют делать новые открытия», а также, поскольку «реформа регулирования правовых услуг только начинается... на многие вопросы пока нет ответов, и эта сфера открыта для исследований» (Sandefur & Denne, 2022). Национальная «песочница» могла бы генерировать данные, которые позволят развивать эти исследования.

Поскольку «песочницы» являются экспериментальными по своей природе, важно обеспечить достоверность и прозрачность процесса тестирования услуг на рынке. Например, проект штата Юта требует от участников раскрывать определенную информацию потребителям²⁶⁴. Это требование также может быть предусмотрено национальной «песочницей», чтобы раскрытие информации выступало в качестве обязательного условия для предоставления услуг в пределах юрисдикции. Кроме того, Управление юридических услуг штата Юта по инновациям создало специальный значок, который должен отображаться на веб-сайте и в офисах всех участников программы²⁶⁵. Национальная «песочница» выиграла бы от применения аналогичных мер обеспечения прозрачности, обмена сообщениями и брендинга. Это обеспечило бы прозрачность действий регулирующих органов, поставщиков юридических услуг и потребителей в отношении испытательного и экспериментального характера услуги на всех этапах, тем самым повышая доверие потребителей и пользу от эксперимента²⁶⁶.

²⁶¹ См. Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 42; Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 36 (сравниваются предложение штата Вашингтон и опыт штата Юта).

²⁶² Cornett & DeMeola, выше прим. 32.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ См. Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 9 (приводится список предоставляемой информации, включая, наряду с контактными данными, такие отметки, как «компания не является юридической фирмой» и «услуга не является юридической»).

²⁶⁵ См. там же (показано изображение значка и отмечено, что это «повысит осведомленность и доверие потребителей и даст информацию об их вопросах и жалобах»).

²⁶⁶ См., например, Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 18 (отмечается, что предлагаемая «песочница» «обеспечивает механизм информирования потребителей о том, что данные нетрадиционные юридические услуги предоставляются в рамках „песочницы“, а также о том, что они могут сообщать о любых проблемах с этими услугами в надзорный совет»).

Главной целью национального надзорного органа должен стать сбор данных, которые затем могут служить основой для принятия регулирующих решений, обеспечивающих баланс между инновациями, доступом к правосудию и защитой прав потребителей. Например, в проект «песочницы» штата Вашингтон рекомендуется собирать «подробные данные о повышении доступа к правосудию, а также о пользе и вреде для потребителей в результате предоставления нетрадиционных юридических услуг»²⁶⁷. Такие данные, собранные на национальном уровне, должны передаваться в юрисдикции, которые временно разрешили использование определенной услуги или рассматривают возможность проведения реформы регулирования. В общенациональном масштабе «безопасная зона» может более эффективно управлять таким мониторингом, чем отдельные юрисдикции. Мониторинг включает сбор данных, учет и реагирование на ущерб, наносимый потребителям, а также, по мере необходимости, корректировку методов «безопасной зоны» на основе полученных данных. Имея возможность использовать более широкий опыт, национальная «песочница» также будет генерировать больше данных и более высокого качества, чем отдельная юрисдикция, что, в свою очередь, послужит основой для более эффективной реформы регулирования на государственном уровне.

В более широком смысле существующие и предлагаемые «песочницы» на уровне штата предполагают сбор различных данных в зависимости от характера услуги²⁶⁸. Например, в проекте штата Вашингтон предлагается ежеквартально собирать данные участников и в конце срока действия «песочницы» анализировать, «имело ли место сокращение разрыва [в доступе к правосудию] и удалось ли организации управлять рисками для потребителей»²⁶⁹. Данные, собранные в рамках национальной «песочницы», обязательно будут отличаться в зависимости от каждого участника, но общие формы собираемых данных могут следовать модели, предлагаемой штатом Вашингтон. Она включает: количество услуг за отчетный период; общее количество оказанных услуг; количество незавершенных услуг с пояснениями о причинах их незавершенности; стоимость каждой услуги; время, затраченное на предоставление каждой услуги; количество и вид жалоб; количество удовлетворенных жалоб и способ их удовлетворения; время рассмотрения каждой жалобы; иные данные об услуге²⁷⁰.

Сбор этих данных на национальном уровне полезен не только регулирующим органам, но и разработчикам новых технологических услуг. Прозрачность государственной политики и ценностей «песочницы» является руководством для калибровки технологической надежности и ограничений этих сервисов в интересах потребителей, при решении задач, связанных с предоставлением услуг²⁷¹. В своем предложении о создании нормативной «песочницы» целевая группа штата Калифорния признала необходимость обеспечения прозрачности, отметив, что, «когда поставщики, подлежащие регулированию, разрабатывают системы оказания услуг, основанные на технологиях, они должны учитывать планы и методологию регулирующего органа в отношении сбора данных и применения количественных и качественных показателей на момент разработки соответствующей технологии»²⁷². Централизация комплексных количественных и качественных методов на национальном уровне повысит эффективность этого процесса, так как разработчикам не придется отслеживать различные показатели и политику в разных юрисдикциях.

Перенос администрирования этих процессов на общенациональный уровень также экономически оправдано. Хотя определенные затраты на администрирование «песочницы» неизбежны, можно избежать их дублирования в разных юрисдикциях, участвующих в аналогичных процессах. Например, участники в различных штатах могут нести дополнительные расходы, если каждая юрисдикция взимает плату за участие в «песочнице» (помимо сборов за подачу заявок и других лицензионных сборов), что является нормой как

²⁶⁷ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 9.

²⁶⁸ См., например, Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 10–13 (показаны диаграммы, в которых излагаются требования к отчетности для участников, относящихся к различным категориям риска, с указанием конкретных данных и периодичности отчетности, варьирующимися в зависимости от категории риска причинения вреда); Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 10 (в проекте отмечено, что «некоторые данные, собираемые в штате Вашингтон, будут отличаться от данных, собираемых в штате Юта»).

²⁶⁹ Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 31.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ См. выше Раздел II.B (описываются изменения правовых технологий для обеспечения доступа к правосудию); см. также Simshaw, выше прим. 60.

²⁷² STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 11.

для действующих и предлагаемых «песочниц» на уровне штата, так и для других механизмов в рамках реформы регулирования²⁷³.

Кроме того, надзорные органы в разных юрисдикциях должны проверять данные о функционировании услуги в «песочнице», что неэффективно и дорого. Например, в проекте штата Вашингтон расходы на рассмотрение ежеквартальных отчетов одного участника «песочницы» оценивались в 2400 долларов в течение двухлетнего периода, включая юридические консультации и административные расходы²⁷⁴. Перспектива возникновения этих расходов и сборов в сочетании с другими издержками может стать препятствием как для юрисдикций в целом, так и для отдельных участников проекта. Итоговая стоимость участия может оказаться непомерно высокой для некоммерческих поставщиков юридических услуг, которые с наибольшей вероятностью нацелены на использование инноваций для обеспечения доступа к правосудию. В результате каждой юрисдикции придется рассмотреть вопрос о том, следует ли снижать эти расходы и если да, то каким образом. Если влияние затрат на таких поставщиков услуг не будет учтено, то это может свести на нет потенциальное влияние «песочницы» на инновации, которые могли бы улучшить доступ к правосудию. Другие способы снижения этих административных издержек, такие как субсидирование некоммерческих участников за счет более высоких сборов для коммерческих поставщиков юридических услуг²⁷⁵, могут привести к увеличению расходов для определенных категорий участников «песочницы». Такие расходы будут еще выше, если они станут обязательными в каждой юрисдикции, где организация собирается предоставлять услуги.

Более того, начальные затраты, связанные с администрированием «песочницы», могут оказаться непомерно высокими для некоторых юрисдикций, которые хотели бы реализовать этот режим²⁷⁶. Источником финансирования для местных «песочниц» могли бы стать гранты²⁷⁷, однако сеть «песочниц» скорее приведет к истощению источников грантов, чем централизованная общенациональная «песочница», которая сокращает дублирующие административные и другие расходы. Ограниченные средства целесообразнее консолидировать и использовать для создания «песочницы» на общенациональном уровне.

4. Обмен данными и выработка долгосрочных рекомендаций по реформированию

По окончании участия услуги в национальной «песочнице» юрисдикции получают рекомендации относительно того, следует ли продолжать предоставлять доступ общественности к данной услуге и если да, то каким образом. Верховные суды штатов могут следовать этим рекомендациям или игнорировать их²⁷⁸. Если услуга хорошо зарекомендовала себя, то юрисдикции могут разрешить ее предоставление и, возможно, также разрешить аналогичным организациям предоставлять подобные услуги без необходимости предварительного

²⁷³ См., например, WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 13–15 (Верховному суду штата рекомендуется обеспечить финансирование предлагаемой им «песочницы» путем «разрешения взимать с заявителей и участников плату, а также лицензионные сборы с тех участников, которые после успешного завершения срока работы в рамках песочницы получают право предоставлять юридические услуги в штате Вашингтон»); STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 17 (рекомендуется, чтобы в рамках предлагаемого экспериментального режима для услуг с использованием технологий «эти организации уплачивали регистрационный сбор или сбор за сертификацию для финансирования регулирующего органа, которому поручен надзор»).

²⁷⁴ См. WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 14.

²⁷⁵ Этот вариант содержался, по крайней мере, в одном проекте. См. WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 15 (рекомендовано, среди прочих возможных вариантов финансирования, «чтобы сборы для некоммерческих заявителей и участников [„песочницы“] субсидировались коммерческими заявителями и участниками»).

²⁷⁶ См. STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 15 (этот вариант экспериментального режима был в конечном итоге отклонен; в качестве недостатка было указано, что «запуск программы потребует первоначального финансирования, чтобы регулирующий орган приступил к работе, когда первые заявители начнут представлять свои продукты»).

²⁷⁷ См., например, WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 15 (требовалось разрешение Верховного суда штата Вашингтон на получение грантов «от благотворительных и коммерческих организаций на финансирование правовой реформы»).

²⁷⁸ Такая свобода действий соответствует нормам «песочницы», действующей в штате Юта, и концепции «песочниц», предлагаемых в некоторых других штатах. См. UTAH OFF. OF LEGAL SERVS. INNOVATION, выше прим. 209, at 14 (отмечается, что Верховный суд штата Юта «сохраняет за собой полную свободу действий при рассмотрении и оценке любого рекомендованного органа»); WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 36 (предлагается, чтобы «Верховный суд [штата] имел право по своему усмотрению одобрять или не одобрять» рекомендованный порядок, касающийся конкретной услуги, «особенно если Верховный суд сочтет, что данные не подтверждают вывод о том, что данную нетрадиционную юридическую услугу следует разрешить»).

участия в «песочнице»²⁷⁹. В таких случаях общенациональная «песочница» будет признавать, отслеживать и давать рекомендации относительно аналогичных услуг, когда (и если) будет достигнут национальный консенсус о целесообразности их разрешения. «Песочница» могла бы также рекомендовать, а юрисдикции – внедрять более широкие реформы законодательства в области юридических услуг с учетом полученной информации.

Кроме того, на фундаментальном уровне существует психологическая ценность отделения «песочницы» от юрисдикции, которая в итоге будет осуществлять реформы, основанные на полученных данных. Слишком тесная взаимосвязь между организацией, участвующей в сборе данных, и организацией, которая будет осуществлять последующую реформу регулирования в свете этих данных, может повлиять на результаты²⁸⁰. В случае общенациональной «песочницы» оценка рекомендаций будет проводиться независимо, с надлежащей критической позиции и с полным учетом полученных данных.

Еще один риск принятия решений на основе только местных данных заключается в том, что нормативные решения могут оказаться чрезмерно упрощенными. Дополнительные ориентиры на национальном уровне помогут юрисдикциям избежать разработки универсальных мер реагирования, основанных на ограниченном количестве примеров из локальной «песочницы». Например, как было отмечено в отчете Целевой группы штата Калифорния, «технологическая компания, большинство владельцев которой являются юристами, может способствовать проведению небольших реформ, аналогичных регулированию в крупной профессиональной юридической корпорации, однако этот подход к регулированию не следует рассматривать как универсальную парадигму для всех возможных структур»²⁸¹. В рамках национальной «песочницы» можно получить больше данных и ориентиров, что снижает риск чрезмерного упрощения.

Действительно, самым большим преимуществом национальной «песочницы» являются ценные данные, собранные от участников по всей стране, и влияние, которое эти данные могут оказать на обсуждение вопросов регулирования и принятие решений. «Песочницы» позволяют принимать нормативные решения на основе данных²⁸², что необходимо для ответственной реформы регулирования²⁸³ и в настоящее время является препятствием для внедрения инноваций в сфере регулирования на государственном уровне²⁸⁴. Сбор данных особенно важен для проведения заслуживающей доверия и эффективной реформы правового регулирования, направленной на устранение проблем с доступом к правосудию²⁸⁵.

В такой модели долгосрочные решения на местном уровне могут приниматься с использованием данных о функционировании услуги на национальном уровне, которые формируются на основе регулярных отчетов участника надзорному совету. По истечении срока действия услуги в «песочнице» эти данные будут включены в рекомендации для юрисдикций. Среди обобщенных данных могут быть: оценка эффективности

²⁷⁹ См., например, WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 36 («Верховный суд [штата] может решить, обеспечивает ли конкретная нетрадиционная юридическая услуга [доступ к правосудию] в такой степени, чтобы другие поставщики нетрадиционных юридических услуг следовали тому же порядку (не проходя через „песочницу“)»).

²⁸⁰ См. STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 11 (отмечено, что «порядок оценки и совершенствования предполагает, что изменения будут вноситься на основе полученных знаний, и это может быть очень сложной задачей в условиях регулирования»).

²⁸¹ Там же, at 14.

²⁸² См. WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 9 (поясняется, что требование о представлении данных «позволит Верховному суду [штата] принимать основанные на данных решения о том, какие поставщики нетрадиционных юридических услуг получают право предоставлять их в штате Вашингтон после успешного завершения работы» в «песочнице»).

²⁸³ См. там же, at 42 (аргументируется смягчение ограничений на владение юридическими компаниями; отмечается, что «без информации невозможно действовать с ответственностью»; «песочница» рассматривается как решение обеих проблем).

²⁸⁴ См., например, STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 23 (в качестве возражения против предложения о пересмотре правила 5.4 показано, что «практически нет конкретных доказательств того, что это предложение расширит доступ к правосудию»).

²⁸⁵ См., например, OR. STATE BAR FUTURES TASK FORCE, выше прим. 18, at 12 («Юридическая практика в целом и адвокатская в частности выиграют, если будут уделять больше внимания сбору, распространению и использованию информации, основанной на фактических данных, для поддержки и мониторинга прогресса в реализации своей миссии, ценностей и инициатив»); там же, at 12–13 («Поскольку Коллегия адвокатов стремится вкладывать время и ресурсы в различные инициативы, включая рекомендации данной Целевой группы, важно, чтобы руководство Коллегии адвокатов и Совет управляющих подчеркивали важность использования информации для определения контекста и оценки эффективности этих инициатив»); STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 11 («При отсутствии плана и методологии сбора информации и оценки воздействия изменений в законодательстве не существует надежного способа узнать, оказывают ли изменения в законодательстве какое-либо положительное влияние на критическое положение в области доступа к правосудию»).

в соответствии с поставленными целями²⁸⁶; влияние услуги на улучшение доступа к правосудию²⁸⁷; любая информация, касающаяся причинения вреда потребителю, например, «финансовые потери, некачественное или неполное юридическое обслуживание, несвоевременное предоставление юридических услуг, неисполнение законного права или невыполнение юридического обязательства»²⁸⁸. После успешного завершения участия в «песочнице» каждая юрисдикция получает значимые данные и рекомендации, позволяющие определить, следует ли разрешить конкретной организации предоставлять услуги в данной юрисдикции в долгосрочной перспективе, и если да, то на каких условиях. Юрисдикция также может принять решение о том, следует ли изменить какие-либо нормы и постановления.

Логистика любого долгосрочного лицензирования в соответствии с рекомендацией будет зависеть от нормативной структуры каждой юрисдикции²⁸⁹, что открывает возможности для дальнейших нормативных инноваций в конкретных штатах. Например, согласно проекту штата Вашингтон, Верховный суд штата может принять постановление «о продолжении деятельности поставщиков нетрадиционных юридических услуг в рамках этого [постановления]... установить дисциплинарные меры, которые могут быть применены в случае отклонения услуги от условий, указанных в постановлении, а также сборы или другие обязательства, которые возлагаются на поставщика нетрадиционных юридических услуг при продолжении его деятельности»²⁹⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась в штате Юта, где Управление по инновациям в области юридических услуг предлагало Верховному суду штата принять соответствующее постановление, а затем принимать решение о дальнейшем предоставлении услуг²⁹¹.

Как и в случае с любой «песочницей», после получения лицензии на новую услугу или проведения реформы законодательства потребуются ресурсы для обучения поставщиков юридических услуг и потребителей основам нововведений²⁹². По сравнению с изменениями, вызванными локальными «песочницами», изменения, вызванные общенациональной «песочницей», с большей вероятностью в конечном итоге приведут к широкому распространению передовой практики, чтобы отдельные юрисдикции не «изобретали велосипед». Более того, хотя местные юрисдикции по-прежнему будут нести некоторые расходы на внедрение и обучение, эти расходы будут менее обременительными в свете экономии на более ранних этапах процесса реформы регулирования.

Данные, рекомендации и возможные реформы регулирования также могут быть проанализированы третьими сторонами в интересах регулирующих органов и общественности. Подобным образом *IAALS* «анализирует данные, собранные „песочницей“ [штата Юта], чтобы определить, как на практике работает регулирующая структура и достигает ли она намеченных целей», а также изучает «риск и вред, которые эти организации могут представлять для потребителей, их влияние на рынок, и то, насколько эффективно они справляются с кризисом доступа к правосудию в штате»²⁹³. Конечная цель *IAALS* заключается в том, чтобы «использовать результаты оценки как для постоянного совершенствования новой структуры регулирования в штате Юта, так и для обоснования усилий по реформированию регулирования по всей стране»²⁹⁴. На общенациональном уровне преимущества такого анализа данных возросли бы экспоненциально. Теоретически можно было бы

²⁸⁶ См., например, WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 17.

²⁸⁷ См., например, там же.

²⁸⁸ См., например, там же, at 18.

²⁸⁹ Например, в проекте Верховному суду штата Вашингтон рекомендовалось «создать особые лицензии, которые позволят успешным участникам [„песочницы“] предлагать юридические услуги жителям штата Вашингтон в соответствии с конкретным постановлением суда, определяющим уровень регулирования, которому должна соответствовать юридическая услуга, с ежегодной отчетностью перед [наблюдательным советом „песочницы“ и [Коллегией адвокатов штата] и выплатой [Коллегии адвокатов штата] ежегодных сборов за лицензию». WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 16.

²⁹⁰ Там же, at 18.

²⁹¹ См. UTAH OFF. OF LEGAL SERVS. INNOVATION, выше прим. 209, at 14 (описаны процесс и сущность выполнения распоряжений о функционировании «песочниц» в штате Юта).

²⁹² См. STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 14 («Необходимы значительные ресурсы для обеспечения эффективного обучения и информационной поддержки, чтобы помочь потребителям и юристам понять новые нормативные структуры и последствия для общественной защиты, связанные с использованием новых юридических услуг потребителем или с участием юриста в работе поставщиков таких услуг»).

²⁹³ Cornett & DeMeola, выше прим. 32.

²⁹⁴ Там же.

обмениваться данными через сеть локальных «песочниц» и без общенационального экспериментального режима, однако для обмена данными между юрисдикциями потребовался бы сбор данных в согласованном формате. Некоторые юрисдикции уже рассматривали такую возможность без создания общенациональной «песочницы»²⁹⁵. Однако это более целесообразно организовать на общенациональном уровне с центральным надзорным органом, который мог бы координировать согласование форматов.

Если результатом общенациональной «песочницы» станет выработка подходов к регулированию, это будет способствовать дальнейшим инновациям, направленным на улучшение доступа к правосудию. Отсутствие положительного результата или медленное развитие важных тенденций может привести к обратному эффекту. Об этом предупреждала Целевая группа штата Калифорния: «Если будет создано множество структур для разных новых поставщиков, каждый из которых имеет свои собственные правила и предписания, может возникнуть путаница, которая мешает потребителям взаимодействовать с этими новыми участниками рынка»²⁹⁶.

Учитывая преимущества общенациональной нормативно-правовой «песочницы», в следующем разделе мы проанализируем несколько проблем и возможных критических замечаний и ответим на них, так как, по нашему мнению, эти проблемы и критические замечания не снижают ценности нашего предложения.

V. Ответы на аргументы против реформы и национального регулирования юридических технологий

Автор убежден, что аргументы против реформы правового регулирования и общенационального масштаба в сфере юридических услуг или в более широком смысле не снижают ценности данного предложения, которое касается активизации процессов реформы правового регулирования на национальном уровне.

A. Другие механизмы регулирования уже переданы от индустрии юридических услуг государственным структурам

Одним из возможных аргументов против переноса этих процессов реформы регулирования на общенациональный уровень является то, что юридические услуги регулируются и должны регулироваться только на уровне штата. Однако в отрасли юридических услуг существуют прецеденты переноса некоторых процессов правового регулирования на национальный уровень, при этом с сохранением контроля со стороны регулирующих органов штатов.

Действительно, во многих юрисдикциях требуется, чтобы для получения лицензии на юридическую практику в данной юрисдикции физическое лицо получило степень бакалавра права в юридической школе, аккредитованной Американской юридической ассоциацией (ABA)²⁹⁷. ABA обнародовала стандарты и правила, в соответствии с которыми оцениваются юридические школы²⁹⁸. ABA организует работу экспертов в области юридического образования и проводит оценку юридических школ по всей стране. Хотя юрисдикции сохраняют за собой окончательный контроль над выдачей лицензий в пределах своей юрисдикции, они в значительной степени полагаются на оценки ABA, касающиеся этого важного аспекта квалификации заявителя. Хотя оценка эффективности ABA в этой специфической роли выходит за рамки данной статьи, широкое использование оценок ABA показывает, что юрисдикции не всегда сохраняют контроль над всеми процессами регулирования.

Еще одним аспектом лицензирования поставщиков юридических услуг является оценка личности и пригодности кандидатов при приеме в адвокатуру. Многие юрисдикции передали эту функцию Национальной конференции экзаменаторов адвокатов (*National Conference of Bar Examiners, NCBE*), которая проводит ис-

²⁹⁵ См. WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 10 (отмечено, что «большая часть данных [в штате Вашингтон] будет собираться в том же формате, что потенциально облегчит анализ данных в разных юрисдикциях и позволит в будущем обмениваться информацией с другими штатами, такими как Юта»).

²⁹⁶ STATE BAR OF CAL., выше прим. 120, at 14.

²⁹⁷ См. Law School Accreditation. AM. BAR ASS'N. https://www.americanbar.org/groups/legal_education/accreditation [<https://perma.cc/B53H-4PLF>].

²⁹⁸ См. Winters, E. (ed.) (2022). Standards and rules of procedure for approval of law schools: 2022–2023. AM. BAR ASS'N. https://www.americanbar.org/groups/legal_education/resources/standards/ [<https://perma.cc/XT9T-DS9Y>].

пытания и делает выводы о заявителе, которые обычно принимаются юрисдикциями²⁹⁹. Хотя последние годы экзамены в адвокатуру подверглись тщательному изучению³⁰⁰, стоит отметить, что многие юрисдикции также полагаются на *NCBE* при разработке, администрировании и оценке результатов этих лицензионных экзаменов, используя их в качестве предварительных условий для получения лицензии в своей юрисдикции³⁰¹, сохраняя при этом возможность устанавливать минимальный проходной балл для своей юрисдикции.

Более того, в очень немногих юрисдикциях существуют оригинальные правила профессионального поведения, регулирующие деятельность лицензированных юристов в данной юрисдикции. Вместо этого правила большинства юрисдикций в значительной степени основаны на Типовых правилах профессионального поведения, разработанных и рекомендованных *ABA*³⁰². *ABA* созывает комитеты национальных экспертов для разработки своей версии правил и внесения изменений в них³⁰³. Именно на эти Типовые правила обычно опираются юрисдикции, сохраняя при этом за собой возможность изменять их, когда юрисдикция сочтет это целесообразным.

Учитывая, что многие юрисдикции передают на аутсорсинг некоторые или все процессы регулирования, описанные выше (хотя некоторые из этих процессов являются спорными), есть веские основания полагать, что юрисдикции не будут категорически отвергать создание общенациональной «песочницы» для регулирования юридических услуг на том лишь основании, что это будет аутсорсинг некоторых процессов регулирования. Действительно, поскольку общенациональной «песочнице» присущи гибкость, прозрачность и обязательное соблюдение общественных интересов, она не может подвергаться такой критике, как, например, экзамен в адвокатуру. Скорее, существующие или новые общенациональные организации могли бы взять на себя новую или более активную роль в руководстве реформой правил профессионального поведения, связанных с технологиями, а также в издании рекомендаций, касающихся новых юридических технологий, и – как предлагается в этой статье в качестве отправной точки – в надзоре за общенациональной нормативно-правовой «песочницей». Все это нацелено на ликвидацию пробела в доступе к правосудию по всей стране. Официальное одобрение нетрадиционных услуг и проведение реформ, скорее всего, по-прежнему будут возложены на коллегии адвокатов штатов и верховные суды штатов, подобно тому, как штаты в настоящее время устанавливают свои собственные минимальные баллы на экзаменах в адвокатуру и корректируют правила, основанные на типовых правилах *ABA*, однако эти местные органы власти не должны нести все бремя ответственности за принятие решений в отношении процессов, лежащих в основе реформы регулирования, поскольку эти процессы требуют значительных экспертных знаний, а также сопряжены с эмпирическими и экономическими трудностями.

Хотя создание общенациональной нормативно-правовой «песочницы» по замыслу потребует времени, чтобы в конечном итоге привести к реформам, это все равно более быстрый механизм реформирования регулирования, чем проведение этой работы полностью отдельными юрисдикциями с помощью «песочниц» или других средств. Например, Совет по юридической практике судов штата Вашингтон недавно отметил, что внесение изменений в правила штата относительно рекламирования услуг адвокатов заняло более шестидесяти месяцев с момента подачи предложения до утверждения Верховным судом штата, тогда как «тестирование

²⁹⁹ См. Character and Fitness, NAT'L CONF. BAR EXAM'RS. <https://www.ncbex.org/character-and-fitness/> [<https://perma.cc/FL4W-6Z84>]. («От имени участвующих юрисдикций NCBE проводит проверку личности и пригодности кандидатов, желающих получить лицензию на юридическую практику»).

³⁰⁰ См., например, Francis Ward, S. (2020, April 21). Bar Exam Does Little to Ensure Attorney Competence, Say Lawyers in Diploma Privilege State. *ABA J.* <https://www.abajournal.com/web/article/bar-exam-does-little-to-ensure-attorney-competence-say-lawyers-in-diploma-privilege-state> [<https://perma.cc/S5KW-8U9W>]; Cornett, L., & DeMeola, Z. (2021, August 2). The Bar Exam Does More Harm than Good, INST. FOR ADVANCEMENT AM. LEGAL SYS. <https://iaals.du.edu/blog/bar-exam-does-more-harm-good> [<https://perma.cc/2FJE-89BQ>]; Jones Merritt, D., Chomsky, C., Angelos, C., & Howarth, J. (2021, July 20). Racial Disparities in Bar Exam Results – Causes and Remedies. *BLOOMBERG L.* <https://news.bloomberglaw.com/us-law-week/racial-disparities-in-bar-exam-results-causes-and-remedies> [<https://perma.cc/29VP-MPQ3>].

³⁰¹ См. Jurisdiction Information. NAT'L CONF. BAR EXAM'RS. <https://www.ncbex.org/jurisdiction-information/> [<https://perma.cc/29C6-MY9Y>] (приводится список юрисдикций США с указанием того, какие экзамены в них используются: тест на профессиональную ответственность, экзамен в коллегию адвокатов, эссе, тест на эффективность деятельности).

³⁰² См. выше прим. 213 и соответствующий текст.

³⁰³ См. About the Model Rules. AM. BAR ASS'N. https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/publications/model_rules_of_professional_conduct/ [<https://perma.cc/T9DX-MCXX>] (описана история создания типовых правил и процессов, с помощью которых были разработаны и приняты различные версии законов).

изменений в [„песочнице“] может быть завершено за 24–30 месяцев, поскольку оно будет сфокусировано на конкретных нормах с подтверждающими данными, собранными и проанализированными для подтверждения или отклонения изменений»³⁰⁴. Повышение эффективности доказывает целесообразность механизма реформирования на общенациональном уровне.

В. Другие отрасли регулярно используют преимущества регулирования технологий на общенациональном уровне

Дополнительным ответом на опасения по поводу регулирования юридических технологий на общенациональном уровне является то, что такой подход позволит юридической отрасли встать вровень с другими отраслями, которые уже пользуются преимуществами повышения эффективности и экспертных знаний, доступных благодаря национальному регулированию соответствующих технологий.

Например, хотя врачебные лицензии выдают местные органы власти³⁰⁵, большинство медицинских технологий, используемых врачами, регулируются на национальном уровне экспертами *FDA*³⁰⁶. Это агентство осуществляет регулирование на постоянной основе с помощью контролируемых экспериментов³⁰⁷, включая регуляторные «песочницы»³⁰⁸.

Аналогичным образом, хотя водительские права выдают местные органы власти, сама техника в значительной степени регулируется на общенациональном уровне американскими Департаментом транспорта (*Department of Transportation, DOT*) и Национальным управлением безопасности дорожного движения (*National Highway Traffic Safety Administration, NHTSA*)³⁰⁹.

Безусловно, отрасль юридических услуг уникальна, и не всегда имеет смысл моделировать ее регулирование на основе законов, правил и нормативной практики других отраслей. Действительно, механизм общенациональной нормативно-правовой «песочницы» должен выполнять скорее консультативную функцию, по сравнению с такими органами, как *FDA*, *DOT* или *NHTSA*. Но даже с учетом этой особенности в данной статье мы выявили ряд преимуществ использования знаний, данных и повышения эффективности, доступных на общенациональном уровне в отношении новых правовых технологий.

С. Если перенос процессов регулирования на национальный уровень является разрушительным, то такое разрушение следует приветствовать

Поскольку перенос определенных процессов регулирования, касающихся новых технологий, на общенациональный уровень может нарушить традиционное местное регулирование деятельности поставщиков юридических услуг, важно понимать, что технологии уже давно являются движущей силой прорывных инноваций в сфере регулирования³¹⁰. Так, в 2014 г. профессор Ryan Calo, предлагая создать новое нацио-

³⁰⁴ WASH. CTS. PRAC. OF L. BD., выше прим. 30, at 10.

³⁰⁵ См., например, Our Mission. WASH. MED. COMM’N. <https://wmc.wa.gov/> [<https://perma.cc/8H23-UWP6>] (разъясняется задача государственной комиссии по «обеспечению безопасности пациентов и повышению профессионализма сотрудников посредством лицензирования, повышения дисциплины, установления правил и образования»).

³⁰⁶ См. Overview of Device Regulation. U.S. FOOD & DRUG ADMIN. <https://www.fda.gov/medical-devices/device-advice-comprehensive-regulatory-assistance/overview-device-regulation> [<https://perma.cc/8JY2-SABD>].

³⁰⁷ См. Green, выше прим. 42, at 1273 (поясняется, что установленное Управлением по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов «лицензирование фармацевтической продукции для медицинских целей требует проведения испытаний для подтверждения безопасности и эффективности продукции», и отмечается, что «медицинские методы разрабатываются и совершенствуются», «медицинские знания постоянно развиваются, и традиционные представления часто отбрасываются на основе новых исследований», проводимых в соответствии с научными стандартами).

³⁰⁸ См. (Sharkey & Fodouop, 2022) (показано, что «Управление по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов разработало гибкий и разносторонний подход к регулированию медицинских продуктов на основе искусственного интеллекта, экспериментируя с нормативными „песочницами“ и налаживая партнерские отношения, помимо использования собственных внутренних возможностей в области искусственного интеллекта»).

³⁰⁹ См. Regulations. NAT’L HIGHWAY TRAFFIC SAFETY ADMIN. <https://www.nhtsa.gov/laws-regulations/fmvss> [<https://perma.cc/Y7TP-XWY3>].

³¹⁰ См. Greely, выше прим. 202, at 270 («Этот вопрос [регулирования технологий], в частности, можно решить, если обратить внимание на историю, и не только недавнюю. На протяжении большей части истории Соединенных Штатов новые технологии вызывали к жизни новые схемы регулирования»).

нальное агентство по регулированию робототехники и искусственного интеллекта, отметил: «В прошлом мы формировали официальные институты вокруг конкретных технологий по той очевидной причине, что понимание технологии или набора технологий требует квалифицированного персонала, а также потому, что централизованная координация надзора за технологией является более эффективной»³¹¹. Такая централизация экспертных знаний и координации должна стать отличительной чертой общенациональной нормативно-правовой «песочницы» и освободить местные юрисдикции от обременительного администрирования, в то же время предоставив им возможность пользоваться преимуществами от получаемых данных.

Национальный надзор за юридическими технологиями также получает преимущества от более широких нормативных нововведений, касающихся технологических разработок на национальном и международном уровнях³¹², поскольку многие проблемы, связанные с новыми технологиями, схожи в разных отраслях³¹³. Как отмечали профессор Laurel S. Terry, Steve Mark и доктор Tahlia Gordon еще в 2012 г., «поскольку юристы по всему миру подвержены влиянию одних и тех же факторов глобализации и технологий, во многих местах возникают аналогичные проблемы», а «соответственно, теперь можно говорить об общих тенденциях и вызовах в сфере регулирования юридической деятельности, поскольку регулирующие органы по всему миру пытаются оперативно реагировать на одинаковые изменения» (Terry et al., 2012).

Подробное изучение реформ нормативно-правовой базы с международной и сравнительной точек зрения выходит за рамки данной статьи. Однако стоит отметить, что организация «песочниц» и других реформ на национальном уровне в США выиграла бы от использования данных и опыта реформ в других странах. Специалисты различных исследовательских центров в США, в том числе Deborah L. Rhode Center по вопросам юридической деятельности при Стэнфордской школе права, за последние годы опубликовали ряд работ, предлагающих сравнительные подходы к проблеме владения юридической практикой лицами, не являющимися юристами. Эти подходы целесообразно использовать в рамках экспериментов в общенациональной «песочнице». Так, в отчете, опубликованном указанным Центром в 2020 г., отмечено, что Австралия, Канада, Англия и Уэльс, Германия, Нидерланды, Шотландия, а также Брюссель «отменили нормы, аналогичные [Типовому правилу профессионального поведения] 5.4... [и] продемонстрировали, что привлечение лиц без юридического образования способствует инновациям, при этом не нанося ущерба оказанию юридических услуг»³¹⁴.

Поскольку проблема доступа к правосудию актуальна во всем мире³¹⁵, а технологические преобразования также носят глобальный характер, необходимо налаживать сотрудничество между отраслями и странами, а не только между штатами. Общенациональная нормативно-правовая «песочница» наилучшим образом обеспечивает вовлечение отрасли юридических услуг США в эти важные процессы.

D. Штаты сохраняют полную автономию и полномочия на принятие окончательных решений

Подобно тому, как отдельная юрисдикция не обязана признавать экзамены в адвокатуру NCBE или принимать Типовые правила профессионального поведения ABA, предлагаемый подход не мешает штатам продолжать свои реформы на уровне местного регулирования, инициировать новые или вообще не участвовать в них. Например, юрисдикции, которые уже применяют правовые регулятивные «песочницы» или рассматривают возможность их создания, по-прежнему могут свободно использовать их или изучать возможность их внедрения. Если в какой-то момент они решат, что некоторые аспекты их «песочницы» излишне дублируют процессы в общенациональной «песочнице» или что сотрудничество с последней лучше удовлетворит их

³¹¹ Calo, выше прим. 207, at 15.

³¹² См. Engler, A. (2022, February 1). The EU and U.S. Are Starting to Align on AI Regulation. BROOKINGS. <https://www.brookings.edu/blog/techtank/2022/02/01/the-eu-and-u-s-are-starting-to-align-on-ai-regulation/> [<https://perma.cc/5CF4-4MG6>] (отмечается, что «ряд нормативных изменений и новых назначений в администрации Байдена свидетельствуют о более активной позиции федерального правительства в отношении регулирования искусственного интеллекта (ИИ), что приближает США к Европейскому союзу (ЕС)», и заявляется, что «необходим более унифицированный международный подход к управлению ИИ; это могло бы усилить общий надзор, направить исследования на решение общих задач и способствовать обмену передовым опытом, кодами и данными»).

³¹³ См. Calo, выше прим. 207, at 11 (показана необходимость создания «агентства, целью которого является развитие, изучение и консультирование [различных отраслей промышленности] по вопросам робототехники и ее влияния на общество»).

³¹⁴ Solomon et al., выше прим. 144, at 8.

³¹⁵ См. Schmitz, выше прим. 42, at 2396 (утверждается, что «мы сталкиваемся с кризисом правосудия в Соединенных Штатах и во всем мире»); Standing Order No. 15, выше прим. 153, at 1 (говорится о «кризисе с доступом к правосудию во всем мире»).

потребности иным образом, то они могут сократить или прекратить функционирование местных «песочниц» в пользу партнерства с общенациональной.

С другой стороны, юрисдикции, которые скептически относятся к реформе регулирования или нормативным «песочницам», могут подождать и посмотреть, как будет развиваться общенациональная «песочница». Очевидно, что генерация данных будет затруднена, если слишком много юрисдикций останутся в стороне. Однако в данной статье мы выявили достаточно оснований полагать, что немалое количество юрисдикций захотят участвовать в «песочнице» без каких-либо долгосрочных обязательств, выполнив хотя бы некоторые из рекомендаций, описанных в статье. В этом заинтересованы лицензированные юристы, потребители и активисты, выступающие за повышение доступа к правосудию³¹⁶. Поскольку не участвующие юрисдикции смогут видеть успехи общенациональной «песочницы», как в штате Юта, они с большой вероятностью рассмотрят возможность предоставления временных услуг в рамках общенациональной «песочницы» на этапе тестирования³¹⁷. Также важно подчеркнуть, что участие в общенациональной «песочнице» не подчиняется принципу «все или ничего»: юрисдикции могут следовать одним рекомендациям общенациональной «песочницы» и отклонять другие³¹⁸.

Перенос процессов реформы регулирования на национальный уровень даст возможность всем юрисдикциям использовать опыт, эмпирические данные и экономические преимущества, доступные на национальном уровне. Действительно, опыт первых новаторов, таких как штат Юта, принес большую пользу национальному регулированию и будет и в дальнейшем помогать этой и другим юрисдикциям максимизировать возможности и, соответственно, минимизировать риски регулирования.

Заключение

Юридические технологии обладают потенциалом для позитивного преобразования рынка юридических услуг и улучшения доступа к правосудию. Однако при существующем положении дел, когда отдельные штаты сопротивляются реформе регулирования, юридические технологии несут определенные риски, среди них риски централизации власти, закрепления предвзятости и усиления неравенства в рамках двухуровневой системы юридических услуг. Несмотря на настойчивые призывы к проведению реформы регулирования, учитывающей эти возможности и проблемы, на сегодняшний день было реализовано очень мало изменений, а усилия по изучению механизмов реформы регулирования замедлились или прекратились. Отрасль юридических услуг должна присоединиться к ряду других отраслей, которые добились важных успехов в реагировании на технологический прогресс с помощью реформ регулирования, направленных на максимизацию возможностей и минимизацию рисков. Первоначальный краткосрочный успех нормативно-правовой «песочницы» штата Юта и механизмы реформ, предусмотренные в аналогичных предложениях нескольких других юрисдикций, обеспечивают основу для процессов реформирования законодательства, которые могут быть перенесены на общенациональный уровень. Такое изменение процесса позволило бы использовать опыт, эмпирические данные и экономические преимущества, имеющиеся на национальном уровне, которые были реализованы в других аспектах регулирования юридических услуг, а также в других отраслях, регулирующих

³¹⁶ См. Cornett & DeMeola, выше прим. 32 (утверждается, что, «без сомнения, „песочница“ [штата Юта] дает возможность тысячам потребителей получить разнообразные юридические услуги, создает новые рабочие места для юристов и других специалистов, а также предоставляет судам, политикам и другим заинтересованным сторонам системы правосудия невероятно ценные данные», которые полезны не только для штата Юта, «но также... для других штатов, которые хотят переосмыслить способы предоставления юридических услуг»).

³¹⁷ Там же («Поскольку все больше штатов рассматривают реформу регулирования как средство расширения доступа к юридическим услугам, данные из „песочницы“ штата Юта и их реальное влияние на жизнь граждан должны стать мощным толчком в этом направлении»).

³¹⁸ Действительно, даже в рамках существующих и предлагаемых «песочниц» Верховные суды штатов не обязаны следовать всем рекомендациям местного органа по надзору за «песочницами». См. Utah Off. of Legal Servs. Innovation, выше прим. 209, at 14 (отмечается, что Верховный суд штата Юта «сохраняет за собой полную свободу действий при рассмотрении и оценке любой организации»); Wash. Cts. Prac. of L. Bd., выше прим. 30, at 36 (предлагается, чтобы «Верховный суд [штата] имел право по своему усмотрению одобрять или не одобрять» рекомендованный порядок, касающийся конкретной услуги, «особенно если Верховный суд сочтет, что данные не подтверждают вывод о том, что данную нетрадиционную юридическую услугу следует разрешить»).

некоторые аспекты технологий. Цель данной статьи – инициировать общенациональное обсуждение преимуществ переноса на национальный уровень процессов регулирования, касающихся правовых технологий и инноваций в области доступа к правосудию. Благодаря поддержке со стороны государства реформа регулирования станет более информированной, масштабируемой и благоприятной для формирования системы юридических услуг, в которой юридические технологии смогут реализовать свой потенциал в интересах участвующих сторон по всему спектру юридических услуг и в конечном итоге способствовать устранению пробелов в доступе к правосудию.

Список литературы / References

- Alteneder, K., & Rexer, L. (2014). Consumer Centric Design: The Key to 100% Access. *Journal of the Law Society*, 16(5), 13.
- Asay, C. D. (2020). Artificial Stupidity. *William & Mary Law Review*, 61, 1193.
- Baxter, R. (2022). Dereliction of Duty: State-Bar Inaction in Response to America's Access-to-Justice Crisis. *Yale Law Journal Forum*, 132, 228.
- Brescia, R. H., McCarthy, W. A., McDonald, A. M., Potts, K. B., & Riva, C. (2015). Embracing Disruption: How Technological Change in the Delivery of Legal Services Can Improve Access to Justice. *Albany Law Review*, 78, 553–554.
- Cabral, J. E., Chavan, A., Clarke, T. M., Greacen, J., Hough, B. R., Rexer, L., Ribadeneyra, J., & Zorza, R. (2012). Using Technology to Enhance Access to Justice. *Harvard Journal of Law & Technology*, 26, 257.
- Cruz, S. E. (2019). Coding for Cultural Competency: Expanding Access to Justice with Technology. *Tennessee Law Review*, 86, 364.
- Cyphert, A. B. (2021). A Human Being Wrote This Law Review Article: GPT-3 and the Practice of Law. *UC Davis Law Review*, 55, 404.
- Fortney, S. S. (2019). Online Legal Document Providers and the Public Interest: Using a Certification Approach to Balance Access to Justice and Public Protection. *Oklahoma Law Review*, 72, 94–95.
- Gordon, R. W. (2019). Lawyers, the Legal Profession & Access to Justice in the United States: A Brief History. *Daedalus*, 148(177), 177–178.
- Greely, H. T. (2020). The Law of the Tetrapods. *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*, 22, 266.
- Green, B. A. (2023). Why State Courts Should Authorize Nonlawyers to Practice Law. *Fordham Law Review*, 91, 1274.
- Guttenberg, J. A. (2012). Practicing Law in the Twenty-First Century in a Twentieth (Nineteenth) Century Straightjacket: Something Has to Give. *Michigan State Law Review*, 2012, 415–491.
- Hadfield, G. K., & Rhode, D. L. (2016). How to Regulate Legal Services to Promote Access, Innovation, and the Quality of Lawyering. *Hastings Law Journal*, 67, 1195.
- Himonas, D. G., & Hubbard, T. J. (2020). Democratizing the rule of law. *Stanford Journal of Civil Rights & Civil Liberties*, 16(2), 261–265.
- Jewel, L. A. (2017). The Indie Lawyer of the Future: How New Technology, Cultural Trends, and Market Forces Can Transform the Solo Practice of Law. *SMU Science and Technology Law Review*, 17, 340.
- Johnson, L. D. (2020). Navigating Technology Competence in Transactional Practice. *Villanova Law Review*, 65, 163.
- Kluttz, D. N., & Mulligan, D. K. (2019). Automated Decision Support Technologies and the Legal Profession. *Berkeley Technology Law Journal*, 34, 874. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3443063>
- Knake Jefferson, R. N. (2012). Democratizing the Delivery of Legal Services. *Ohio State Law Journal*, 73(6), 44–45.
- Kunkel, R. (2019). Rationing Justice in the 21st Century: Technocracy and Technology in the Access to Justice Movement. *University of Maryland Law Journal of Race, Religion, Gender and Class*, 18, 382–383.
- McCauley, J. (2016). The Future of the Practice of Law: Can Alternative Business Structures for the Legal Profession Improve Access to Legal Services? *University of Richmond Law Review*, 51, 55, 59.
- McPeak, A. (2019). Disruptive Technology and the Ethical Lawyer. *University of Toledo Law Review*, 50, 466.
- Medianik, K. (2018). Artificially Intelligent Lawyers: Updating the Model Rules of Professional Conduct in Accordance with the New Technological Era. *Cardozo Law Review*, 39, 1515.
- Moore, T. R. (2019). The Upgraded Lawyer: Modern Technology and Its Impact on the Legal Profession. *UDC/DCSL Law Review*, 21, 27.
- Pasquale, F., & Cashwell, G. (2015). Four Futures of Legal Automation. *UCLA Law Review Discourse*, 63, 34.
- Perlman, A. M. (2015). Towards the Law of Legal Services. *Cardozo Law Review*, 37, 82–83.
- Poppe, E. S. T. (2019). The Future Is Bright Complicated: AI, Apps & Access to Justice. *Oklahoma Law Review*, 72, 188.
- Rhode, D. L., & Ricca, L. B. (2014). Protecting the Profession or the Public? Rethinking Unauthorized-Practice Enforcement. *Fordham Law Review*, 82, 2588.
- Sandefur, R. L. (2020). Legal Advice from Nonlawyers: Consumer Demand, Provider Quality, and Public Harms. *Stanford Journal of Civil Rights and Civil Liberties*, 16, 312.

- Sandefur, R. L., & Denne, E. (2022). Access to Justice and Legal Services Regulatory Reform. *Annual Review of Law and Social Science*, 18, 38.
- Schmitz, A. J. (2020). Measuring "Access to Justice" in the Rush to Digitize. *Fordham Law Review*, 88, 2393.
- Sharkey, C. M., & Fodouop, K. M. K. (2022). AI and the Regulatory Paradigm Shift at the FDA. *Duke Law Journal Online*, 72, 107–108.
- Simshaw, D. (2022). Access to AI Justice: Avoiding an Inequitable Two-Tiered System of Legal Services. *Yale Journal of Law and Technology*, 24, 150.
- Simshaw, D. (2023). Toward National Regulation of Legal Technology: a Path Forward for Access to Justice. *Fordham Law Review*, 92(1), 1.
- Staudt, R. W. (2009). All the Wild Possibilities: Technology That Attacks Barriers to Access to Justice. *Loyola of Los Angeles Law Review*, 42, 1122.
- Tepper, R. L. (2020). The Flexible Lawyer: Promoting Agility and Innovation. *Arizona Attorney*, 57, 28.
- Terry, L. S., Mark, S., & Gordon, T. (2012). Trends and Challenges in Lawyer Regulation: The Impact of Globalization and Technology. *Fordham Law Review*, 80, 2663.
- Wald, E. (2022). The Access and Justice Imperatives of the Rules of Professional Conduct. *Georgetown Journal of Legal Ethics*, 35, 421.
- Walters, E. (2019). The Model Rules of Autonomous Conduct: Ethical Responsibilities of Lawyers and Artificial Intelligence. *Georgia State University Law Review*, 35, 1076.
- Yu, P. K. (2020). The Algorithmic Divide and Equality in the Age of Artificial Intelligence. *Florida Law Review*, 72, 344.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 06.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 19.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

Дж. Дж. Норрис¹,
Х. Грол-Прокопчик²

¹ Университет штата Нью-Йорк во Фредонии, США

² Университет штата Нью-Йорк в Буффало, США

Различия в вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг.

Переводчик Е. Н. Беляева

Контактное лицо:

Джесси Дж. Норрис, доктор философии, доцент кафедры уголовного правосудия,
Университет штата Нью-Йорк во Фредонии
E-mail: norris@fredonia.edu

Ханна Грол-Прокопчик, доктор философии, доцент социологии,
Университет штата Нью-Йорк в Буффало

Аннотация

Цель: исследование общих и отличительных признаков при вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: расовые и иные факторы различий в приговорах за терроризм рассматривались в нескольких исследованиях. В отличие от них данная работа охватывает все виды терроризма, преступления разных уровней тяжести, рассмотренные как судами штатов, так и федеральными судами. Используя базу данных всех судебных дел о терроризме в США за период с 2001 по 2018 г. ($n = 825$), авторы выявили различия в приговорах в зависимости от расы и этнической принадлежности, пола, гражданства, вида терроризма и рассмотрения дела судом штата или федеральным судом.

Научная новизна: результаты исследования приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг. свидетельствуют о ряде различий: иностранные граждане и сторонники превосходства белой расы получают более длительные сроки заключения, а иностранные террористы, не связанные с джихадом, – более короткие. Авторы обнаружили лишь ограниченные доказательства расового неравенства, среди них – более длительные сроки для представителей меньшинств при определенных степенях тяжести преступлений. «Гипотеза освобождения», предсказывающая большее неравенство в отношении менее тяжких преступлений, в основном не подтвердилась. Факт возбуждения уголовного преследования в суде штата или в федеральном суде не оказывал существенного влияния на тяжесть приговора. Это свидетельствует о том, что судебное преследование террористов может достаточно эффективно осуществляться в судах штатов. Реальные сроки обвинений по судебным приговорам были снижены относительно первоначальных обвинений более значительно для обвиняемых в антиправительственных действиях, чем для обвиняемых в джихадизме.

© Норрис Дж. Дж., Грол-Прокопчик Х., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 27.06.2025.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(2), 18–40.

URL публикации: <https://scholasticahq.com/criminology-criminal-justice-law-society/>

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с уголовной ответственностью за терроризм.

Ключевые слова:

уголовная ответственность, терроризм, экстремизм, преступность, социальная группа

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Норрис, Дж. Дж., Грол-Прокопчик, Х. (2025). Различия в вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 390–419. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.390-419>

Scientific article

J. J. Norris¹,

H. Grol-Prokopczyk²

¹ State University of New York at Fredonia, USA

² University at Buffalo, USA

Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018

Translator E. N. Belyaeva

Contact:

Jesse J. Norris, PhD, is an Associate Professor of Criminal Justice, State University of New York at Fredonia

E-mail: norris@fredonia.edu

Hanna Grol-Prokopczyk, PhD, associate professor of sociology, University at Buffalo

Abstract

Objective: to research the common and distinctive features when sentencing in the prosecution of terrorism in the United States in 2001–2018.

Methods: the article uses general dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal) research methods.

Results: Few studies have examined racial or other disparities in terrorism sentences. Unlike previous research, this study incorporates all types of terrorism, several severity levels, and both state and federal cases. Using a database including all US terrorism cases between 2001 and 2018 ($n = 825$), the authors test for sentencing disparities based on race/ethnicity, gender, citizenship, state/federal court, and type of terrorism.

The article was first published in English language by *Criminology*, *Criminal Justice*, *Law & Society* and *The Western Society of Criminology* Hosting by *Scholastica*. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(2), 18–40.

Publication URL: <https://scholasticahq.com/criminology-criminal-justice-law-society/>

Scientific novelty: The results show some evidence for disparities, with foreign nationals and White supremacists receiving longer sentences and foreign non-jihadi terrorists receiving shorter sentences. The research found limited evidence for racial disparities, including longer sentences for minority defendants within some severity levels. The “liberation hypothesis” predicting greater disparities for less-serious crimes was mainly unsupported. Whether prosecution occurred in state or federal court had little effect, suggesting that states are well equipped to prosecute terrorists. Compared to jihadi defendants, anti-government defendants received larger “discounts” between initial allegations and charges of conviction, dramatically affecting sentence length.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to criminal liability for terrorism.

Keywords:

criminal liability, terrorism, extremism, crime, social group

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2025). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 390–419. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.390-419>

Введение

Научные исследования документируют расовые и этнические различия практически во всех аспектах уголовного правосудия, от проверок на дорогах до досрочного освобождения из тюрьмы (Carmichael, 2010; Mitchell, 2018). Имеются свидетельства того, что многие из этих различий необоснованны и в значительной степени являются результатом неосознанных предубеждений в отношении меньшинств (Beckett et al., 2006; Mitchell & Caudy, 2015; Payne et al., 2017; Unnever et al., 2017). Первопричины такого неравенства до сих пор служат предметом научного обсуждения. Ряд специалистов рассматривают его как результат системы, в которой доктрина превосходства белой расы (фактически более высокий статус белых людей в американском обществе) снижает суровость системы правосудия по отношению к белым гражданам, вовлеченным в преступную деятельность, а также концентрирует усилия правоохранительных органов на меньшинствах (Isom, 2023). Хотя почти все аспекты судебной системы США тщательно анализируются на предмет наличия неравенства, вынесение приговоров преступникам-террористам является вопиющим исключением.

Ранее исследования по вынесению приговоров за терроризм, как правило, сосредоточивались на конкретных видах терроризма, а не на сравнении всех видов. Ограниченно учитывалась или совсем не учитывалась степень тяжести преступлений. Такие исследования охватывают только дела федерального уровня. Кроме того, большинство доступных исследований указанного неравенства проводились на материалах дел, рассматривавшихся до 11 сентября, включая единственные исследования, в которых сравниваются приговоры, связанные и не связанные с джихадизмом, или анализируются расовые аспекты. Важно, однако, оценить такие различия в приговорах о терроризме после 11 сентября, учитывая широко распространенные опасения по поводу того, что правый терроризм игнорируется или к нему относятся снисходительно, в то время как мусульмане и расовые меньшинства получают более суровые наказания за более легкие преступления террористической направленности¹.

Данная статья устраняет этот пробел в литературе путем анализа уникальной базы данных ($n = 825$) обвиняемых в терроризме, осужденных в период с 2001 по 2018 г. Эта база данных охватывает все виды

¹ Kanno-Youngs, Z. (2019, Oct. 1). Homeland security dept. affirms threat of White supremacy after years of prodding. *New York Times*. <https://www.nytimes.com/2019/10/01/us/politics/white-supremacy-homeland-security.html>; Aaronson, T. (2019, March 23). Homegrown material support: The domestic terrorism law the Justice Department forgot. *The Intercept*. <https://theintercept.com/2019/03/23/domestic-terrorism-material-support-law/>

терроризма как на федеральном уровне, так и на уровне штатов США, выделяет несколько уровней тяжести правонарушений и указывает различия между первоначальными обвинениями и окончательным приговором, а также продолжительность приговора. Это многогранное исследование позволяет провести более полный анализ различий в сроках наказания за терроризм, чем предыдущие работы. Полученные результаты проливают свет на различные аспекты практики вынесения приговоров за терроризм.

Обзор литературы

Неравенство по расовым, этническим и другим основаниям изучалось в самых разных контекстах уголовного правосудия: например, в контексте проверок на дорогах (Roh & Robinson, 2009), наркопреступности (Mitchell & Caudy, 2015) и даже участия в антитеррористических операциях (Norris & Grol-Prokopczyk, 2019). Что касается различий в приговорах, то расовые предубеждения были задокументированы во многих областях, от нарушений правил дорожного движения (Factor & Gur-Arye, 2020) до смертной казни (Donahue, 2014). Например, в одном из исследований было показано, что чернокожие получают примерно на 10 % более длительные сроки заключения, чем белые, осужденные за те же преступления (Rehavi & Starr, 2014). Чтобы понять, существуют ли неоправданные различия, важно учитывать тяжесть преступления и то, предстал ли обвиняемый перед судом. Эти факторы в значительной степени определяют длительность заключения по приговору (Yan & Bushway, 2018).

В работе Ahmed (2016) было выдвинуто предположение, что, как и в случае с наркотиками, борьба с терроризмом непропорционально сильно затрагивает молодые меньшинства и приводит к длительным срокам заключения даже за ненасильственные преступления. Исследований о неравенстве американцев арабского происхождения или мусульман в системе правосудия США недостаточно, но такое неравенство начинает регистрироваться в европейских странах (Bielen et al., 2021). Так, в одном из исследований было показано, что в Великобритании обвиняемые с мусульманскими именами получали почти на 10 % более длительные тюремные сроки, чем другие обвиняемые (Pina-Sanchez & Grech, 2018). В работе Light (2014), посвященной различиям между гражданами и негражданами в судах США, были выявлены различия более значительные, чем различия между представителями меньшинств и белыми. Также были задокументированы различия в приговорах в зависимости от страны или происхождения и гражданства (Logue, 2009).

Ученые предложили несколько подходов для объяснения таких неоправданных различий. Среди них теория «сильной тревоги» (Steffensmeier et al., 2017), гипотеза угрозы со стороны меньшинства (Jordan & Maroun, 2016), гипотеза освобождения (Hester & Hartman, 2017) и теории неосознанных когнитивных предубеждений (Mears et al., 2017). Несмотря на различия, все эти теории предполагают, что неоправданное расовое неравенство является результатом стереотипов об опасности и других качествах меньшинств. Гипотеза освобождения предполагает большее неравенство в отношении менее тяжких преступлений, поскольку более широкие дискреционные полномочия судей в таких делах открывают возможности для влияния внеправовых факторов на принятие решений (Hester & Hartman, 2017).

В нескольких исследованиях рассматривались приговоры по делам о терроризме в США. Основываясь на данных, предоставленных несколькими федеральными правительственными учреждениями, Smith и Dampousse (1996) сравнили террористов, осужденных в период с 1970 по 1991 г., с лицами, не являющимися террористами, и обнаружили, что ярлык «террорист» является самым сильным фактором, влияющим на длительность приговора. Их последующее исследование с использованием тех же данных показало, что юридические переменные в большей степени объясняют различия в приговорах, вынесенных террористам, чем нетеррористам (Smith & Dampousse, 1998). Это подтверждает гипотезу освобождения, поскольку преступления, связанные с терроризмом, считаются более тяжкими и федеральные прокуроры придают им высокий приоритет, что препятствует проявлению дискреционных полномочий судей.

В ходе изучения приговоров за терроризм, проведенного в период с 1980 по 1998 г. с использованием материалов «Исследования проблем терроризма в Америке» (ATS), Smith с соавторами (2002) обнаружили, что террористы из других стран получали более суровые сроки тюремного заключения, чем террористы-американцы. Однако в ходе исследования не учитывалась суровость приговора или влияние признания вины по отношению к участию в суде. Отметим также исследование вынесенных в США приговоров за терроризм, не связанный с джихадом (Murray, 2016). В нем сравнивались дела левых, правых и экотеррористов в период с 1980 по 2012 г.,

на основе анализа данных ATS и проекта по исследованию стратегий обвинения и защиты. Было показано, что экотеррористы получали более мягкие приговоры. Примечательно, что только в этих работах проверялись различия в вынесении приговоров по идеологическому признаку, причем в первой в основном анализировались данные до 11 сентября (без учета степени тяжести), а во второй исключались дела, связанные с джихадом.

Лишь небольшое число исследований по проблеме приговоров за терроризм, направленных на выявление различий, уделяет основное внимание различиям по полу и расе. Недавнее исследование, проведенное с использованием Базы данных по экстремистским преступлениям США (ECDB) (1990–2019), показало, что женщины, осужденные за террористические преступления, получают такие же сроки, как и мужчины, в то время как осужденные за нетеррористические преступления получили значительно меньшие сроки (Corradi, 2023). Другое исследование, основанное на данных ATS (1980–2021), показало, что женщины, обвиняемые в терроризме, получали более короткие сроки и с меньшей вероятностью привлекались к ответственности по статьям о терроризме (Jackson et al., 2023). Изучение дел о терроризме в период с 1980 по 2002 г. на материалах ATS показало, что вероятность прекращения дел латиноамериканцев, обвиняемых в терроризме, была меньшей, а левых и обвиняемых-иностранцев – большей (B. D. Johnson, 2012). В другом исследовании, посвященном вынесению приговоров за терроризм в период с 1980 по 2002 г., обвиняемые в терроризме, по данным ATS, сравнивались с обвиняемыми, не связанными с терроризмом, из базы данных Федерального судебного центра. Авторы обнаружили, что после принятия руководящих принципов средний срок заключения для террористов снизился и что раса и пол являются факторами, определяющими продолжительность заключения как для террористов, так и для нетеррористов (Bradley-Engen et al., 2009). Эти исследования указывают на необходимость оценки расовых различий в более поздних данных, поскольку единственные работы, анализирующие расовые различия, используют данные, полученные до 11 сентября.

Другие исследования по проблеме приговоров за терроризм учитывали различия, однако они анализировали такие вопросы, как временные тенденции вынесения приговоров и влияющие на них факторы. Так, на основе данных, собранных Центром национальной безопасности юридической школы Фордхэма, было проведено исследование судебных преследований ИГИЛ² за период с 2014 по 2017 г. Оно показало, что сроки наказания преступников, связанных с ИГИЛ³, со временем увеличивались, отчасти потому, что в 2015 г. максимальный срок за материальную поддержку терроризма был увеличен с 15 до 20 лет⁴. В более раннем исследовании приговоров, вынесенных ИГИЛ⁵ в период с 2014 по 2016 г., с использованием более ранней версии тех же данных, было выявлено, что средний срок заключения для обвиняемых, связанных с ИГИЛ⁶, составил 9 лет; это ниже, чем для обвиняемых, связанных с «Аль-Каидой»⁷ (Greenberg, 2016). Другое исследование на основе данных ECDB, посвященное убийствам, совершенным правыми экстремистами-американцами, показало, что суровость приговора зависит от нескольких факторов, включая мнение суда о риске повторных правонарушений и связь обвиняемых с экстремистскими группами (Gruenewald et al., 2024).

Небольшое число исследований рассматривает приговоры, выносимые террористам за пределами США. Так, в работе, посвященной терроризму в Великобритании, было установлено, что террористы-джихадисты получали более длительные сроки, чем те, кто руководствовался другими идеологическими мотивами, даже с учетом тяжести преступления. Канадские исследования в этой области фокусируются на изменениях тенденций в вынесении приговоров с течением времени (Amirault & Bouchard, 2015) и влиянии новых законов о терроризме на вынесение приговоров (Amirault et al., 2016).

Если в более ранних работах выявлялись различия по признаку расы, вида терроризма и других факторов, то они либо использовали данные, полученные до 11 сентября, либо исключали материалы по джихадистскому

² ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³ То же.

⁴ Greenberg, K. J. (Ed.). (2016). Case by case: ISIS prosecutions in the United States, March 1, 2014– June 30, 2016. Center on National Security at Fordham Law. <https://static1.squarespace.com/static/5b16a000e17ba39f6f3825ba/t/5d55bbda5e0ed8000152e7cb/1565899739918/CNScasebycaseISISjuly2016.pdf> (ISIS – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

⁵ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ То же.

⁷ «Аль-Каида» – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

терроризму. В последнее время ряд ученых предположили, что право судьи на дискреционные решения приводит к неравенству между правыми и джихадистами, хотя научно это не было подтверждено. Например, правый экстремист, планировавший нападение на федеральное учреждение, не был обвинен в терроризме и получил двухлетний срок заключения, в то время как мусульманин, передавший 200 долларов якобы связанному с ИГИЛ⁸ информатору, был приговорен к 15 годам лишения свободы по Закону о материальной поддержке терроризма⁹. Такие примеры свидетельствуют о том, что к правым террористам относятся более снисходительно, даже несмотря на то, что после 11 сентября в результате правого терроризма в США погибло приблизительно столько же людей, сколько и от джихадистского терроризма¹⁰. Широкая общественность обеспокоена тем, что власти пренебрегают правым терроризмом (Kanno-Youngs, 2019; Norris, 2017); оправданы опасения, что расизм или исламофобия могут привести к более жесткому обращению с обвиняемыми в джихаде (Norris et al., 2024). Следовательно, указанные различия важно изучить эмпирически, что мы и делаем в этой статье.

Данное исследование устраняет очевидный пробел в науке. Единственные работы, в которых сравниваются приговоры обвиняемым в терроризме джихадистов и неджихадистов или оцениваются приговоры за терроризм с учетом расовых различий, используют данные за 1998 или 2002 гг. (B. D. Johnson, 2012; Smith et al., 2002) или данные по Великобритании (Amirault & Bourchard, 2017). Кроме того, до сих пор не проанализированы различия приговоров за терроризм в зависимости от гражданства или от рассмотрения дела в суде штата по сравнению с федеральным судом. Таким образом, наше исследование расширяет понимание различий в вынесении приговоров за терроризм, исследуя все виды терроризма, анализируя факторы расы и гражданства, используя более свежие данные (за 18 лет после событий 11 сентября), включая данные судов штатов и федерального суда, а также учитывая различные уровни тяжести преступлений.

Характеристики настоящего исследования

Как и в исследованиях Murray (2016) и Smith с соавт. (2002), в данной работе рассматриваются различия в приговорах обвиняемым в терроризме, придерживающимся разных идеологий. Однако наше исследование дополнено четырьмя важными аспектами. Во-первых, в отличие от работы Smith с соавт. (2002) мы учитываем тяжесть преступления. Хотя Murray (2016) также учитывает этот параметр, она делит правонарушения на три категории по тяжести, в то время как в настоящем исследовании используются шесть уровней тяжести, что позволяет провести более детальный анализ различий. Это имеет большое значение, поскольку иначе анализ может выявить различия, которые на самом деле объясняются различными уровнями тяжести преступлений обвиняемых, принадлежащих к разным идеологическим или демографическим категориям.

Во-вторых, в нашем исследовании сравниваются приговоры за несколько видов терроризма: джихадистский, правый, левый, сепаратистский и колумбийский терроризм. В работе Smith с соавт. (2002) оценивалась только разница между приговорами за внутренний и международный терроризм, в то время как Murray (2016) сравнивала правый, левый и экологический терроризм. Наше исследование также дополняет работу Murray, проводя различие между разными типами внутри категорий правого и левого терроризма. Мы классифицируем правый и левый терроризм на три подкатегории в каждом. Таким образом, в нашей работе мы выделяем в общей сложности девять идеологических категорий.

Необходимо отметить, что исследователи спорят о целесообразности использования термина «терроризм» по отношению к таким деяниям, как уничтожение собственности, мотивированное идеологией защиты окружающей среды или прав животных (Loadenthal, 2017). Не принимая ничью сторону в подобных дебатах, мы включаем их в наше исследование, потому что государство обычно рассматривает их как формы терроризма, и приговоры, вынесенные таким обвиняемым, следует сравнить с приговорами, вынесенными другим обвиняемым, которых называют террористами. На уровне правительства США «экотерроризм» был однажды назван самой серьезной внутренней террористической угрозой в стране. Существует федеральный Закон

⁸ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Aaronson, T. (2019, March 23). Homegrown material support: The domestic terrorism law the Justice Department forgot. *The Intercept*. <https://theintercept.com/2019/03/23/domestic-terrorism-material-support-law/>

¹⁰ Government Accountability Office. (2017). Countering violent extremism: Actions needed to define strategy and assess progress of federal efforts. <https://www.gao.gov/assets/gao-17-300.pdf>

о борьбе с терроризмом в сфере животноводства, направленный на борьбу с идеологически мотивированными преступлениями активистов по защите прав животных (Hirsch-Hoefler & Mudde, 2014).

В-третьих, в данную работу включены дела, рассмотренные в судах штатов, а не только в федеральном суде, как в предыдущих исследованиях. Это важно, поскольку значительная часть дел о терроризме, не связанном с джихадом, рассматривается судами штата, а не федеральными судами. Исследования показывают, что 82 % убийств, совершенных экстремистами, рассматривались в судах штатов (Chermak et al., 2012).

Наконец, наша работа использует данные, полученные после 11 сентября, в то время как Smith с соавт. (2002) в основном рассматривают преступления, имевшие место до 11 сентября, а исследования Мургау охватывают широкий диапазон лет, но в основном до этих событий. Поскольку трагедия 11 сентября оказала столь значительное влияние на законы и политику, связанные с терроризмом, имеет смысл рассматривать этот период отдельно (Hill et al., 2010).

Основываясь на предыдущих исследованиях и теоретических подходах, изложенных выше, мы выдвигаем следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Длительность заключения по приговору зависит от тяжести преступления.

Гипотеза 2. Длительность заключения по приговору зависит от признания вины.

Гипотеза 3. Длительность заключения по приговору зависит от принадлежности к расовому/этническому меньшинству и от гражданского статуса обвиняемого.

Гипотеза 4. Длительность заключения по приговору зависит от наличия идеологии джихада в составе преступления.

Гипотеза 5. Указанные различия более выражены в случае менее тяжких преступлений (гипотеза освобождения).

Гипотеза 6. Отсутствие идеологии джихада, белая раса и американское гражданство являются факторами смягчения приговора (снижение степени тяжести преступления по приговору по сравнению с первоначальным обвинением).

Данные и методы

Создание всеобъемлющей базы данных, включающей все виды терроризма и дела, возбужденные как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, требует комплексного подхода к сбору данных. В первую очередь мы дополнили материалы, использовавшиеся в предыдущем исследовании, более свежими данными о вынесенных приговорах. Материалы, собранные в работе Norris и Grol-Prokopczyk (2015), содержат 580 дел обвиняемых, арестованных в период с 2001 по 2014 г. (Norris & Grol-Prokopczyk, 2019). Эта база данных была составлена из нескольких источников. Сюда вошли все федеральные дела из базы данных, составленной журналистом Trevor Aaronson на основе «списков судебных преследований Департамента юстиции США (за 2010, 2014 и 2015 гг.), судебные материалы, доступные через систему управления делами федеральной судебной системы, пресс-релизы Департамента юстиции и данные о заключенных из Управления тюрем»¹¹. Поскольку обвинения в терроризме, не связанном с джихадом, обычно не включаются в правительственные списки по делам о терроризме, первоначальная база данных была дополнена делами по «экотерроризму», делами активистов по защите прав животных и правых террористов. Списки таких приговоров взяты из различных онлайн-источников, таких как публикации правозащитной организации «Южный центр правовой защиты бедноты» (*Southern Poverty Law Center*).

Кроме того, для поиска дел по каждой идеологической категории использовались поисковые запросы в Интернете и в базе данных *Newsbank*. Поисковые запросы по базам новостных сюжетов и официальных пресс-релизов о вынесенных обвинительных приговорах осуществлялись по ключевым словам «антиправительственный», «суверенный гражданин», «сторонник движения превосходства белой расы», «правый экстремист», «экотеррорист», «Фронт освобождения Земли», «Фронт освобождения животных», «экстремист», «террорист», а также «приговорен» (с логическим оператором «и»). Таким же образом база данных была рас-

¹¹ Aaronson, T. (2019, March 23). Homegrown material support: The domestic terrorism law the Justice Department forgot. The Intercept. <https://theintercept.com/2019/03/23/domestic-terrorism-material-support-law/>

ширена до 2018 г. Длительность заключения и другие переменные были независимо подтверждены данными официальных пресс-релизов или газетных статей, чтобы избежать неточностей или различий в определениях.

Такой многогранный подход к сбору данных был наиболее целесообразен для нашего исследования, поскольку не все источники данных о вынесении приговоров за терроризм являются всеобъемлющими (Peterka-Benton & Laguardia, 2021; Spaaij & Hamm, 2015). Мы стремились охватить все дела в рамках каждого вида терроризма. В исследование включены все дела по террористическим преступлениям указанных категорий, совершенные как за границей, так и внутри страны, и все обвинительные приговоры, вынесенные судами штатов или федеральными судами США.

Кроме того, мы проанализировали все инциденты, имевшие место с 2000 по 2018 г. и зафиксированные в Глобальной базе данных о терроризме, в результате чего добавили в анализ еще несколько дел. Также мы проанализировали базу данных *TEVUS*, которая содержит материалы *ECDB*, *ATS* и других источников. Для подтверждения длительности приговора в тех случаях, когда она не была указана в других источниках, мы также использовали Список федеральных приговоров за терроризм, опубликованный Департаментом юстиции.

Независимо от источника, каждое дело было проанализировано на предмет его соответствия определению терроризма, принятому в данной работе. Для целей настоящего исследования преступления квалифицировались как терроризм, если они были идеологически мотивированы и имели целью «запугать или принудить гражданское население» или «повлиять на политику правительства путем запугивания или принуждения» (18 USC § 2331). Это означает, что обвиняемые стремились достичь своих идеологических целей, заставляя общественность или государственных чиновников испытывать страх или давление, чтобы они изменили свое поведение в ответ на преступные действия. Чтобы оценить, соответствует ли дело этому определению, были проанализированы действия и заявления ответчиков, описанные в официальных пресс-релизах, новостных сюжетах и в судебных документах, если последние доступны для изучения.

Ошибки включения и исключения были сведены к минимуму благодаря строгим критериям включения и наличию перекрестных ссылок на множество источников по каждому делу. Дела с неоднозначными мотивами или без достаточных подтверждающих доказательств идеологических мотивов были исключены для уменьшения вероятности ложноположительных корреляций. Чтобы предотвратить исключение достоверных случаев, мы провели обширный поиск с использованием нескольких стратегий.

Источники оценивались на предмет надежности и достоверности на основе их происхождения и наличия перекрестных ссылок для обеспечения согласованности. Высоконадежными источниками были признаны официальные пресс-релизы, судебные документы и авторитетные новостные агентства (например, национальные или региональные газеты, такие как *New York Times* или *Chicago Tribune*). Менее известные источники использовались с осторожностью и только в том случае, если они подтверждались другими заслуживающими доверия источниками. В целом достоверность базы данных обеспечивается благодаря комплексным процедурам сбора данных, четким критериям включения случаев и наличию перекрестных ссылок на источники. Протоколы кодирования составлены на основе установленных юридических определений и руководящих принципов вынесения приговоров. Таким образом, наши данные верно отражают тяжесть и другие характеристики террористических преступлений.

Для каждого дела указаны раса/этническая принадлежность преступника, пол, возраст на момент вынесения приговора, вид терроризма, был ли вовлечен информатор, признал ли обвиняемый себя виновным или предстал перед судом, рассматривалось ли дело в федеральном суде или суде штата, длительность приговора, гражданство преступника, год заключения под стражу, было ли дело связано с ИГИЛ¹², выезжали ли преступники за рубеж для участия в террористических группировках, а также тяжесть преступления. Кодировки расы/этнической принадлежности включали белых, чернокожих, представителей Ближнего Востока, Южной Азии, Восточной Азии, латиноамериканцев, представителей смешанной расы, Центральной Азии и коренных американцев. Виды терроризма включали джихадистов, левых, правых, связанных с Колумбией (как левых партизан, так и противостоящих им правых военизированных формирований) и сепаратистов. Помимо этих основных идеологических типов, правый и левый терроризм были подразделены на три отдельные подкатегории каждый, как будет объяснено ниже.

¹² ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Колумбийский терроризм выделили в отдельную категорию из-за большого числа дел и того факта, что он является результатом продолжительных мятежей или гражданской войны в Латинской Америке. В отличие от этого идеологического типа категория сепаратистов в основном включала насильственные сепаратистские движения в азиатских странах. Эти два типа можно было бы объединить в общую категорию иностранного терроризма, не связанного с джихадом, однако мы считаем уместным разделить их из-за большого различия в политических контекстах.

Статус гражданина включает такие виды, как гражданин по рождению, натурализованный гражданин, законный резидент, иммигрант без документов и иностранный гражданин. Физические лица считались иностранными гражданами, если они были гражданами других стран и не проживали в США в момент совершения преступления. В рамках категории «правые» каждое дело кодировалось в зависимости от того, выступал ли преступник против правительства, был сторонником превосходства белой расы или придерживался иных взглядов (пролайферы, выступающие против иммигрантов, против мусульман, сторонники правой идеологии в целом). Категория «левые» также подразделялась на три вида: экотерроризм, защита прав животных и др. Как отмечалось выше, в результате получается в общей сложности девять отдельных идеологических категорий, которые мы включаем во все анализы.

Как пожизненные, так и смертные приговоры кодировались как 50 лет лишения свободы. Хотя смертный приговор по понятным причинам считается более суровым, чем пожизненное заключение, эта разница не поддается количественной оценке, и в любом случае приговор отнимает у осужденных остаток жизни. Другие исследователи также определяли пожизненное заключение как 50 лет (Carlsmith et al., 2007). Мы провели анализ на чувствительность, поочередно кодируя пожизненные и смертные приговоры, например, как 25 лет в обоих случаях или 40 лет для пожизненных приговоров и 50 лет для смертных приговоров. Ни одна из этих альтернативных моделей не повлияла на наши общие выводы.

Два дополнительных соображения подтверждают наше решение о том, что пожизненные и смертные приговоры должны кодироваться одинаково. Во-первых, значительная часть смертных приговоров никогда не приводится в исполнение, что в некотором смысле приравнивает смертный приговор к пожизненному заключению. Например, в Калифорнии содержится 641 заключенный, приговоренный к смертной казни, но с 2006 г. не был казнен ни один, и даже до 2006 г. в год казнили только одного или двоих¹³. В целом только 13 обвиняемых, или 1,6 % от нашей аналитической выборки, были приговорены к смертной казни.

Кроме того, наблюдается растущая тенденция к замене всех смертных приговоров пожизненными заключениями. Это привело к тому, что двум приговоренным к смертной казни в нашей базе данных приговоры были заменены на пожизненные сроки спустя несколько лет после вынесения первоначального приговора¹⁴. В результате одинакового кодирования пожизненных и смертных приговоров наши выводы останутся в силе, даже если приговоры другим подсудимым, приговоренным к смертной казни, будут смягчены после публикации этой статьи.

По тяжести преступления были разделены на шесть категорий в соответствии с базовыми уровнями тяжести правонарушений, указанными в Федеральном руководстве по вынесению приговоров. Высшая категория тяжести (базовый уровень 36 и выше), далее называемая уровнем 6, включает в себя такие преступления, как убийство и непредумышленное убийство. Вторая по значимости категория (от 30 до 35), или уровень 5, включает покушение на убийство, заговор с целью убийства, подстрекательство к убийству и похищение людей или захват заложников. Сюда относится большинство террористических заговоров. Уровень 4 (с 26 по 29) включает материальную поддержку терроризма (18 U.S.C. § 2339B), а также другие преступления, такие как сговор с целью уничтожения оборонных сооружений. Уровень 3 (с 22 по 25) включает такие преступления, как поджог, повреждение имущества с помощью взрывчатых веществ и использование огнестрельного оружия при совершении насильственных преступлений. Уровень 2 (с 15 по 21) охватывает такие преступления, как воспрепятствование осуществлению правосудия, нападение при отягчающих обстоятельствах и незаконное

¹³ Death Penalty Information Center. (2024). Current US death row population by race. <https://deathpenaltyinfo.org/death-row/overview/demographics>; Death Penalty Information Center. (2024). Executions by state and year. <https://deathpenaltyinfo.org/executions/executions-overview/executions-by-state-and-year>

¹⁴ Rush, C. (2022, Dec. 15). Mixed reactions to Oregon governor commuting death row. San Diego Union-Tribune. <https://www.sandiegouniontribune.com/2022/12/15/mixed-reactions-to-oregon-governor-commuting-death-row/>

хранение огнестрельного оружия или взрывчатых веществ. Уровень 1, наименее тяжкая категория (14 и ниже), включает такие преступления, как мошенничество и ложные заявления. Хотя наше исследование включает дела как уровня штатов, так и федерального уровня, все они классифицировались по этим шести категориям тяжести с использованием одних и тех же критериев.

Кроме тяжести преступления, за которое был вынесен обвинительный приговор, каждое дело также кодировалось с точки зрения тяжести предполагаемого основного правонарушения. Так, если в первоначальном пресс-релизе, опубликованном после ареста, власти заявляли, что обвиняемый вступил в сговор с другими лицами с целью совершения нападения, но позже признавали обвиняемого виновным только в совершении преступления с применением оружия, то соответствующая переменная отражает первоначальные обвинения. Это делалось с целью определить, в какой мере разные типы террористов получают смягчение наказания в результате признания вины, решения прокуратуры о предъявлении менее серьезных обвинений или частичного оправдательного вердикта присяжных.

Мы выявили 825 обвиняемых в терроризме. Для одного обвиняемого не удалось установить идеологические мотивы, а для восьмерых – информацию о гражданстве. Исключив эти девять человек, мы получили аналитическую выборку из 816 обвиняемых, в которой содержались данные по всем независимым переменным, и провели анализ в отношении этих обвиняемых. Хотя мы стремились охватить все случаи уголовного преследования за терроризм, наши данные следует рассматривать как выборку за более длительный период времени, включая период до 2001 и после 2018 г. (Ives et al., 2021), а не как полную совокупность. Поэтому мы используем стандартные статистические методы, такие как проверка гипотез.

Результаты исследования

Описательная статистика в табл. 1 показывает характеристики подсудимых с точки зрения демографии, вида терроризма и других переменных. Около половины обвиняемых (52,2 %) руководствовались мотивами джихада, в то время как 28,1 % придерживались правых взглядов, 11,1 % – левых, 5,7 % проживали в Колумбии и 2,8 % были сепаратистами. Что касается расы и этнической принадлежности, то 45,5 % – белые, 16,5 % – чернокожие, 16,9 % – выходцы с Ближнего Востока и 10,5 % – выходцы из Южной Азии. Если кратко обобщить некоторые другие характеристики подсудимых, то около 61 % из них являются гражданами США по рождению, около 93 % – мужчины, около 90 % были привлечены к ответственности в федеральном суде и около 61 % признали себя виновными. Подсудимые принадлежат к различным категориям по возрасту и тяжести преступлений.

Таблица 1

Характеристики обвиняемых в терроризме и средняя длительность приговоров, 2001–2018 гг. (n = 816)

Table 1. Characteristics of Terrorism Defendants and Mean Sentence Length, 2001–2018 (n = 816)

Характеристика / Characteristic	Категории / Categories	Кол-во дел / # of cases	Доля выборки, % / % of total sample	Средний срок заключения (лет) / Average sentence (years)
Тип терроризма / Terrorism Type	Джихадисты / Jihadi	424	52,2	16,6
	Правые / Right-Wing	232	28,1	16,9
	Антиправительственный / Anti-Government	112	13,7	15,8
	Превосходство белой расы / White Supremacist	75	9,2	18,4
	Другое / Other	45	5,5	17,3
	Левые / Left-Wing	90	11,1	5,8
	Экотерроризм / Environmental	48	5,9	5,4
	Права животных / Animal Rights	15	1,8	33
	Другое / Other	27	3,3	7,9
	Колумбийцы / Colombia-related	47	5,7	12,5
	Сепаратисты / Separatist	23	2,8	82

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

Характеристика / Characteristic	Категории / Categories	Кол-во дел / # of cases	Доля выборки, % / % of total sample	Средний срок заключения (лет) / Average sentence (years)
Раса и этническая принадлежность / Race/Ethnicity	Белые / White	371	45,5	14,1
	Чернокожие / Black	135	16,5	17,0
	Выходцы из Ближнего Востока / Middle-Eastern	138	16,9	15,3
	Выходцы из Южной Азии / South Asian	86	10,5	14,8
	Латиноамериканцы / Hispanic/Latino	58	7,1	13,1
	Смешанное происхождение / Mixed	8	1,0	38,5
	Другое (Восточная и Центральная Азия, коренные американцы) / Other (East/Central Asian, Nat. Am.)	20	2,5	14,7
Гражданство / Citizenship ship	Гражданин США по рождению / Native-born citizen	496	60,8	14,7
	Натурализованный гражданин США / Naturalized citizen	102	12,5	15,6
	Законный резидент / Legal resident	61	7,5	14,9
	Незаконный иммигрант / Undocumented immigrant	21	2,6	23,8
	Иностранец / Foreign national	136	16,7	14,6
Пол / Gender	Мужчины / Male	756	92,7	15,4
	Женщины / Female	60	7,4	10,2
Возраст / Age	17–25	185	22,8	14,2
	26–35	263	32,4	15,2
	36–50	224	27,6	14,7
	51	140	17,2	16,9
Юрисдикция / Jurisdiction	Федеральный суд / Federal	731	89,6	13,9
	Суд штата / State	85	10,4	24,4
Наличие информатора / Informant Use	Да / Informant	446	54,7	13,3
	Нет / Non-Informant	370	45,3	17,2
Диспозиция / Disposition	Признал вину / Guilty Plea	499	61,2	10,4
	Осужден судом / Conviction at Trial	317	38,9	22,3
Приговор / Sentence Type	Пожизненное заключение / Life Sentence	61	7,5	50,0***
	Смертный приговор / Death Sentence	13	1,6	50,0***
	Не пожизненное заключение / Non-Lite Prison Term	722	88,5	11,9
	Без тюремного заключения / No Prison Term	20	2,5	0,0
Период / Year	2001–2003	57	7,0	15,0
	2004–2006	96	11,8	12,00
	2007–2009	149	18,3	13,4
	2010–2012	154	18,9	15,8
	2013–2015	180	22,1	16,7
	2016–2018	180	21,1	15,8

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Характеристика / Characteristic	Категории / Categories	Кол-во дел / # of cases	Доля выборки, % / % of total sample	Средний срок заключения (лет) / Average sentence (years)
Тяжесть преступления / Severity	1 (Мошенничество, контрабанда / Fraud, Smuggling)	52	6,4	3,6
	2 (Имущественные преступления / Possession, Property Crimes)	166	20,3	6,8
	3 (Насильственные действия, применение взрывчатых веществ / Violence, Explosives Use)	129	15,8	11,0
	4 (Финансирование терроризма / Material Support)	277	34,0	12,4
	5 (Заговор, покушение на убийство / Violent Plot, Attempted Murder)	147	18,0	27,0
	6 (Убийство / Murder)	45	5,5	47,5
Всего / Total		816	100,0	15,0

*Примечание: **** Как указано в тексте, пожизненное заключение и смертный приговор кодируются одинаково как заключение на 50 лет.

*Note: **** As explained in the text, both life and death sentences were coded for 50 years.

Существуют ли различия в длительности тюремного заключения по признаку расы, вида терроризма или гражданства?

В табл. 2 представлены регрессии по методу наименьших квадратов показателя длительности тюремного заключения в зависимости от демографических и юридических факторов. По нашим данным, асимметрия длительности тюремного заключения (1.3) немного выходит за рамки допустимых значений по ряду критериев (Townsend et al., 2016), но находится в пределах допустимых значений по другим критериям (Hair et al., 2010; Kline, 2016)¹⁵. Учитывая это, а также продолжающиеся дебаты о применимости логарифмического преобразования зависимых переменных (Dunlap et al., 1994; Villadsen & Wulff, 2021), мы представляем регрессии с использованием как исходной, так и логарифмически преобразованной длительности тюремного заключения.

Представленный в табл. 2 регрессионный анализ исходной длительности тюремного заключения показывает, что предикторами более длительных сроков заключения являются: смешанное происхождение, мотивация всех трех подкатегорий правого экстремизма, статус незаконного иммигранта и гражданство другой страны. Поскольку группа смешанного происхождения небольшая и охватывает лишь около 1 % от общего числа данных, ее включение отражает, вероятно, стохастические вариации, а не предвзятое отношение к лицам смешанного происхождения¹⁶.

Принадлежность к сепаратизму и колумбийскому терроризму однозначно связана с более короткими сроками заключения. Регрессия с учетом логарифмически преобразованной длительности тюремного заключения, приведенная в табл. 2, дает аналогичные результаты, за исключением того, что антиправительственная идеология и категории гражданства перестают быть предикторами более длительных сроков заключения, а мотив защиты прав животных незначительно сокращает сроки заключения.

¹⁵ Кроме того, оставшиеся данные, не подвергнутые трансформации, не соответствовали нормальному распределению по критериям Шапиро – Уилка и Колмогорова – Смирнова ($p < 0,01$ в обоих случаях), но соответствовали нормальному распределению после логарифмического преобразования с добавлением константы 2. Поскольку тем самым нарушаются условия метода наименьших квадратов, это дает еще одну причину для логарифмического преобразования параметра длительности тюремного заключения (Villadsen & Wulff, 2021).

¹⁶ Этот результат может вызвать вопрос о том, можно ли объединить некоторые группы этой категории для увеличения размера каждой из них. Однако единственным вариантом было бы объединить группы «смешанное происхождение» и «другое», создав более крупную группу «другое». В альтернативной регрессии (не показана) эта группа также показывает более высокие параметры длительности тюремного заключения. Поскольку этот результат, по сути, получен исключительно в отношении подгрупп смешанного происхождения, а не остальных представителей группы «другие», мы предпочитаем выделять эти две группы отдельно, чтобы избежать ошибочной интерпретации результатов.

Таблица 2

Регрессии по методу наименьших квадратов, показывающие различия в сроках приговоров в зависимости от демографических и правовых характеристик (n = 816)

Table 2. OLS Regressions of Sentence Length on Demographic and Legal Variable (n = 816)

Переменная / Variable	Длительность заключения / Sentence Length		Логарифм длительности заключения / Log of Sentence Length	
	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / SE	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / SE
Раса и этническая принадлежность (относительно белых) / Race/Ethnicity (Ref., White)				
Чернокожие / Black	-1,1	1,5	0,09	0,09
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Middle-Eastern/South Asian	-1,6	1,5	0,03	0,09
Латиноамериканцы / Hispanic	1,1	2,0	0,12	0,11
Смешанное происхождение / Mixed Race	16,3***	3,9	79***	0,22
Другое / Other	2,5	2,0	0,17	0,16
Тип терроризма (отн. джихадистов) / Terrorism (Ref., Jihadi)				
Сепаратисты / Separatist	-9,1***	2,5	-0,57***	0,15
Колумбийцы / Colombian	-9,4***	2,3	-0,35**	0,13
Экотерроризм / Environmental	0,2	2,1	-0,10	0,12
Права животных / Animal Rights	-1,1	3,1	-0,31^	0,18
Другие левые / Other Left Wing	-0,9	2,4	-0,14	0,14
Антиправительственный / Anti-Government	4,3**	1,7	0,10	0,10
Превосходство белой расы / White Supremacist	6,1***	1,8	32**	0,11
Другие правые / Other Right Wing	5,8***	2,0	0,27*	0,12
Гражданство (отн. граждан США по рождению) / Citizenship (Ref., Native-born)				
Законный резидент / Legal Resident	-0,1	1,7	-0,10	0,10
Натурализованный гражданин США / Naturalized Citizen	2,1	1,4	<0,01	0,08
Незаконный иммигрант / Undocumented Immigrant	5,3*	2,5	0,17	0,15
Иностранец / Foreign National	6,5***	1,5	0,14	0,09
Пол (отн. мужчин) / Gender (Ref., Male)	-2,1	1,5	-0,12	0,09
Тяжесть преступления / Crime Severity	-4,0***	0,3	37***	0,02
Судебный процесс (отн. признания вины) / Trial (Ref., Guilty plea)	6,3***	0,3	41***	0,05
Федеральный суд (отн. суда штата) / Federal Court (Ref., State court)	-1,4	1,4	0,07	0,08
Постоянное слагаемое / Intercept	-10,5***	2,5	0,87***	0,15

Примечание: $F = 37,6$ & $38,3$, $p < 0,001$. Скорректированный коэффициент детерминации (в обоих случаях) = $0,49$, $^{\wedge} p < 0,10$, $^* p < 0,05$, $^{**} p < 0,01$, $^{***} p < 0,001$.

Note: $F = 37,6$ & $38,3$, $p < 0,001$. Adj. R-Squared (both) = $0,49$, $^{\wedge} p < 0,10$, $^* p < 0,05$, $^{**} p < 0,01$, $^{***} p < 0,001$.

Рассмотрение дела в суде штата или федеральном суде не влияло на длительность тюремного заключения. Однако дополнительная модель (не показана) выявила значимую связь между наличием идеологии превосходства белой расы и рассмотрением дела в федеральном суде. Сторонники этой идеологии получали более суровые приговоры в федеральном суде, чем в суде штата, с учетом равноценной тяжести преступления и других факторов.

Как и ожидалось, тяжесть преступления и факт признания вины оказывали существенное влияние на длительность заключения, что подтверждает гипотезы 1 и 2. Эти результаты также частично подтверждают гипотезы 3 и 4, поскольку джихадисты получают более длительные сроки заключения, чем некоторые группы, не связанные с джихадом, а незаконные иммигранты и иностранцы получают более длительные сроки заключения, чем граждане США.

Можно было бы ожидать, что расовая принадлежность, гражданский статус и идеология тесно взаимосвязаны, что приводит к потенциальным проблемам коллинеарности. Однако на самом деле, хотя расовая принадлежность и идеология в некоторой степени взаимосвязаны, внутри идеологических категорий сохраняется значительное разнообразие. Например, среди обвиняемых в джихаде 47,6 % были выходцами с Ближнего Востока или из Южной Азии, 29 % – чернокожими, 14,6 % – белыми и 4,5 % – латиноамериканцами. Расовые категории иногда также довольно разнообразны с точки зрения идеологии. В частности, среди белых обвиняемых 59 % придерживались правых взглядов, 17 % – идеологии джихадизма и 23 % – левых взглядов.

В любом случае, чтобы формально оценить коллинеарность наших данных, мы рассчитали фактор увеличения дисперсии (*VIF*) для каждой прогностической переменной. Все значения *VIF* были ниже 2, что указывает на то, что мультиколлинеарность не является существенной проблемой (Fox & Monette, 1992). Кроме того, модели пошаговой регрессии, оценивающие альтернативные комбинации предикторов на основе показателей *AIC*, не дают оснований для исключения переменных. Тем не менее мы провели анализ чувствительности, чтобы определить, повлияло ли включение определенных прогностических переменных на общие результаты.

В частности, мы выполнили три регрессионных анализа, каждый из которых включал только одну из трех основных объясняющих переменных, связанных с неоправданным неравенством. Этими переменными были расовая принадлежность, гражданство и идеология. Единственное различие в результатах этих анализов заключалось в том, что для чернокожих и выходцев из стран Ближнего Востока и Южной Азии модель предсказывала более короткие сроки заключения, а для незаконных иммигрантов и иностранных граждан – не предсказывала более длительные сроки заключения. Эти результаты свидетельствуют о том, что полная модель, приведенная в табл. 2, предпочтительнее. Она показывает, что только после учета как расовой принадлежности, так и гражданства стало ясно, что отсутствие документов и иностранное гражданство предполагают более длительные сроки заключения, в то время как расовая принадлежность сама по себе оказывает незначительное влияние. Более того, только после учета расовой принадлежности и идеологии выяснилось, что более длительные сроки наказания были обусловлены не принадлежностью к белой расе, а крайне правой идеологией.

Являются ли различия более выраженными для преступлений меньшей тяжести?

Чтобы оценить гипотезу 5, которая, в соответствии с гипотезой освобождения, предсказывает большие различия в отношении менее тяжких преступлений, мы выполнили ту же регрессию по методу наименьших квадратов, что и выше, но ограничили анализ преступлениями с уровнем тяжести от 1 до 3 (наименее тяжкие преступления). В этой регрессии чернокожие обвиняемые получили более длительные сроки заключения, чем белые (уровень значимости близок к общепринятым критериям – $p = 0,07$), и, как и в полной модели, сторонники превосходства белой расы получили более длительные сроки заключения ($b = 4,16$, $SE = 2,11$, $p = 0,05$). Интерактивная модель как альтернативный способ сравнения различий с бинарным высоким (от 4 до 6) или низким (от 1 до 3) уровнем тяжести дает аналогичные результаты для чернокожих обвиняемых, приближаясь к достаточному уровню значимости ($b = -4,8$, $SE = 2,8$, $p = 0,089$). Анализ по уровням показал, что значительно более высокие сроки наказания назначались чернокожим обвиняемым только за преступления уровней 3 ($t = 4,3$, $p < 0,01$, $d = 0,94$ по Коэну) и 5 ($t = 2,1$, $p = 0,04$, $d = 0,44$ по Коэну), а обвиняемые с Ближнего Востока и Южной Азии получали более длительные сроки заключения только за преступления пятого уровня тяжести ($t = 3,1$, $p < 0,01$, $d = 0,64$ по Коэну).

Чтобы представить максимально подробную информацию об указанных различиях, приведем средние сроки тюремного заключения для каждой группы в пределах каждого уровня тяжести преступления (табл. 3). Критерии статистической значимости в этой таблице опущены, поскольку наши данные включают почти всю совокупность уголовных дел за терроризм в США за период исследования (только 1 % дел был исключен из-за отсутствия данных). Как было показано, чернокожие обвиняемые получали в среднем более высокие сроки, чем белые, за преступления всех степеней тяжести, кроме 4-й, а обвиняемые из стран Ближнего Востока

и Южной Азии получили более длительные сроки, чем белые, за преступления четырех степеней тяжести, как и латиноамериканцы и лица смешанного происхождения. Иностранцы получали более суровые наказания, чем лица, родившиеся в США, только на 5-м уровне тяжести, а незаконные иммигранты получали более длительные сроки только на 5-м и 6-м уровнях. Натурализовавшиеся граждане получали более суровые наказания, чем лица, родившиеся в США, на всех уровнях, кроме одного, а законные резиденты получали более длительные сроки на трех уровнях.

Что касается идеологических категорий, то самым поразительным результатом является то, что сепаратисты, колумбийцы и все три категории обвиняемых с левыми взглядами получили меньшие сроки заключения, чем джихадисты во всех категориях тяжести, в которых они фигурировали, за исключением колумбийцев, которые получили более длительные сроки заключения на уровне 2. Более того, джихадисты получали более длительные сроки заключения, чем обвиняемые в антиправительственных действиях на трех уровнях тяжести. Единственными террористами, которые получали более длительные сроки заключения, чем джихадисты, более чем по одной категории, были сторонники превосходства белой расы, которые получали более длительные сроки заключения по четырем самым низким степеням тяжести. Результаты, приведенные в табл. 3, следует рассматривать как предварительные, поскольку, хотя в этом исследовании была предпринята попытка охватить всю совокупность лиц, осужденных за терроризм в этот период времени, возможно, что некоторые дела были пропущены, и данные также можно рассматривать как выборку за более обширный период времени.

Поэтому в качестве дополнительного способа оценки различий по степени тяжести преступлений для каждого уровня тяжести были построены отдельные многомерные регрессии; это позволило учесть влияние выхода на судебное разбирательство и других переменных¹⁷. Данные, приведенные в табл. 4 (уровень 6 опущен из-за отсутствия значимых результатов), показывают, что неравенство по признакам расы, идеологической принадлежности или гражданства заметно зависит от степени тяжести преступления. Натурализованные граждане, нелегальные иммигранты и иностранцы получали значительно более суровые наказания, но только на уровне 5. Сторонники превосходства белой расы получили значительно более суровые приговоры только по 2-му уровню тяжести. Низкая степень неравенства по признаку расы свидетельствует о том, что при вынесении приговоров делается поправка на аспекты идеологии и гражданства, хотя чернокожие получают значительно более высокие сроки наказания, чем белые, на 3-м уровне тяжести преступлений, а выходцы с Ближнего Востока или Южной Азии получают более низкие сроки наказания, чем белые, на 4-м уровне¹⁸. На 2-м уровне тяжести преступлений джихадисты получают значительно более высокие сроки наказания, чем сепаратисты, а также чем сепаратисты и колумбийцы на 5-м уровне. Федеральный суд прогнозирует более длительные сроки заключения только на 1-м уровне тяжести, что еще раз свидетельствует о том, что суды штатов хорошо подготовлены для рассмотрения дел о терроризме. Женщины получают более длительные сроки заключения, чем мужчины, на 2-м уровне тяжести, но более короткие – на 4-м уровне (который в основном касается материальной поддержки терроризма).

В целом наши результаты не подтверждают гипотезу освобождения (гипотеза 5), поскольку неравенство не всегда более выражено в отношении преступлений меньшей тяжести. С одной стороны, в высшей категории тяжести преступлений случаи неравенства немногочисленны и незначительны, а некоторые выводы, связанные с проявлениями неравенства (например, более суровые приговоры сторонникам превосходства белой расы и чернокожим), наиболее убедительны на более низких уровнях тяжести. Однако на втором по значимости уровне тяжести (уровень 5) мы видим убедительные доказательства наличия нескольких типов неравенства. При самом низком уровне тяжести иммигранты получают меньшие сроки наказания, чем граждане, родившиеся в США, что противоречит гипотезе освобождения.

¹⁷ В данном случае уместны отдельные регрессии по уровням тяжести преступления, поскольку интерактивные модели были бы громоздкими и сложными для интерпретации, учитывая шесть уровней тяжести и 21 переменную, относящуюся к различиям.

¹⁸ Мы провели альтернативный регрессионный анализ, чтобы проверить, изменит ли результаты включение в модели только этнической принадлежности, но не идеологии или гражданства. Единственным заметным отличием было то, что на уровне 5 происхождение из Ближнего Востока и Южной Азии оказалось фактором более длительных сроков тюремного заключения.

Таблица 3

**Средняя продолжительность приговора в годах в зависимости от степени тяжести
и характеристик подсудимого (n = 816)**
Table 3. Average Sentence Length in Years by Severity Level and Defendant Attributes (n = 816)

Переменная / Variable	Уровень 1 / Level 1	Уровень 2 / Level 2	Уровень 3 / Level 3	Уровень 4 / Level 4	Уровень 5 / Level 5	Уровень 6 / Level 6
Раса и этническая принадлежность / Race/Ethnicity	6,5	7,8	20,0	12,1	27,8	50,0
Чернокожие / Black	2,7	6,7	10,3	14,7	21,2	46,8
Белые / White	3,7	6,1	15,0	12,1	31,4	50,0
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid.-East/S. Asian	3,8	8,3	10,1	10,4	25,1	50,0
Латиноамериканцы / Hispanic	–	–	32,0	20,7	46,3	50,0
Смешанное происхождение / Mixed Race	1,2	5,5	2,8	16,0	50,0	50,0
Другое / Other	6,5	7,8	20,0	12,1	27,8	50,0
Тип терроризма / Terrorism Type						
Сепаратисты / Separatist	–	1,9	2,3	9,1	24,5	–
Джихадисты / Jihadi	3,9	6,9	13,6	13,0	50,7	50,0
Колумбийцы / Colombian	1,8	10,0	–	9,7	20,8	–
Экотерроризм / Environmental	0,5	2,2	6,2	–	–	–
Права животных / Animal Rights	0,5	2,8	6,1	–	–	–
Другие левые / Other Left Wing	0,0	4,4	5,9	–	11,7	50,0
Антиправительственный / Anti-Government	–	6,3	18,7	–	19,9	45,2
Превосходство белой расы / White Supremacist	10,0	11,3	14,1	8,1	19,3	47,4
Другие правые / Other Right Wing	0,0	8,3	11,6	–	23,7	50,0
Гражданство / Citizenship						
Гражданин США по рождению / Native-born Citizen	4,8	6,8	10,9	12,8	21,7	47,4
Законный резидент / Legal Resident	2,2	4,5	12,1	13,1	31,0	–
Натурализованный гражданин США / Naturalized Citizen	3,2	11,4	11,7	13,4	29,0	50,0
Незаконный иммигрант / Undocumented	2,0	–	–	12,5	38,6	50,0
Иностранец / Foreign National	3,0	5,2	–	10,9	34,2	–
Женщины / Female	4,0	11,8	5,9	8,0	17,6	40,0
Мужчины / Male	3,5	6,4	11,6	12,8	27,3	48,1
Судебный процесс / Trial	4,6	9,6	18,9	15,1	30,5	49,0
Признание вины / Guilty Plea	3,2	5,8	7,7	11,0	19,2	45,2
Федеральный суд / Federal Court	3,6	6,8	10,7	12,4	27,9	49,4
Суд штата / State Court	0,0	6,3	12,4	–	19,7	46,5
Общее среднее / Overall Average	3,4	6,8	11,0	12,4	27,0	47,5

Гипотезы 3 и 4, которые предполагают неравенство по признаку расы, гражданства и идеологии, получили некоторое подтверждение, поскольку в некоторых расовых, гражданских и идеологических группах сроки заключения были более длительными. Однако обвиняемые, придерживающиеся правых взглядов (особенно сторонники превосходства белой расы), получали более длительные сроки заключения, чем джихадисты. Кроме того, различия по признаку расы и гражданства были выявлены не для каждой группы небелых граждан или лиц, не являющихся коренными жителями.

Различия в снижении тяжести обвинительного приговора по сравнению с первоначальным обвинением

Далее мы приводим анализ снижения тяжести преступлений, за которые было фактически вынесено обвинительное заключение, по сравнению с тяжестью предполагаемого правонарушения (выраженной в первоначальных обвинениях и/или публичных заявлениях властей при аресте). Во многих случаях ФБР или прокуратура обвиняют подсудимых в совершении определенных серьезных преступлений, таких как

заговор с целью совершения террористических актов, однако в конечном итоге они признаются виновными только в относительно незначительных правонарушениях.

Предположительно, такие первоначальные утверждения (независимо от того, оформлены они официально в качестве обвинений или нет) отражают добросовестное мнение властей о наиболее тяжком преступлении обвиняемых, хотя такие заявления также могут быть направлены на то, чтобы повлиять на судью при вынесении приговора. Например, в одном деле, связанном с обвинениями в применении огнестрельного оружия, прокурор заявил, что обвиняемый якобы готовил заговор с применением насилия: «Мы считаем, что иногда судье важно знать о вещах, которые могут перерасти в обвинения, а могут и не перерасти»¹⁹. Подобное «снижение», когда подсудимым предъявляются обвинения в менее тяжких преступлениях, чем те, в совершении которых они первоначально обвинялись, является возможным источником неравенства и с этой точки зрения анализируется в данной статье.

Таблица 4

Регрессии по методу наименьших квадратов, показывающие различия в сроках приговоров в зависимости от степени тяжести преступления (n = 816)

Table 4. OLS Regressions Measuring Sentencing Disparities by Severity Level (n = 816)

Переменная / Variable	Уровень 1 / Level 1	Уровень 2 / Level 2	Уровень 3 / Level 3	Уровень 4 / Level 4	Уровень 5 / Level 5
Раса и этническая принадлежность (относительно белых) / Race/Ethnicity (Ref., White)					
Чернокожие / Black	3,39 (2,89)	0,93 (3,39)	10,54 (5,22)*	-3,02 (1,87)	1,00 (3,87)
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid.-East/S. Asian	1,68 (1,69)	-4,32 (4,59)	2,26 (5,43)	-3,20 (1,91)^	0,56 (3,78)
Латиноамериканцы / Hispanic	2,72 (2,28)	2,60 (3,66)	-3,97 (4,31)	-1,04 (2,98)	4,15 (5,02)
Смешанное происхождение / Mixed Race	-	-	12,24 (9,38)	6,27 (6,38)	24,50 (7,26)***
Другое / Other	0,98 (4,13)	15,80 (7,42)*	-5,92 (11,09)	-0,20 (3,26)	17,78 (13,45)
Тип терроризма (отн. джихадистов) / Type (Ref., Jihadi)					
Сепаратисты / Separatist	-	-20,62 (9,47)*	-0,90 (12,78)	-3,42 (2,45)	-22,11 (13,24)^
Колумбийцы / Colombian	-2,09 (2,97)	0,69 (8,96)	-	-2,82 (2,75)	-22,37 (5,01)***
Экотерроризм / Environmental	-4,13 (2,90)	-3,76 (4,12)	1,44 (4,21)	-	-
Права животных / Animal Rights	-4,64 (3,94)	-6,17 (3,82)	0,52 (5,92)	-	-
Другие левые / Other Left Wing	-	-0,95 (3,33)	0,56 (5,55)	-	-3,90 (6,36)
Антиправительственный / Anti-Government	-	0,45 (3,08)	6,47 (4,42)	-	2,78 (4,80)
Превосходство белой расы / White Supremacist	4,86 (3,94)	6,48 (3,26)*	3,21 (4,16)	-5,58 (8,82)	3,96 (6,33)
Другие правые / Other Right Wing	-5,14 (3,94)	0,98 (3,71)	5,16 (4,23)	-	6,56 (8,82)
Гражданство (отн. граждан США по рождению) / Citizenship (Ref., Nat- born)					
Законный резидент / Legal Resident	-4,92 (2,02)*	-2,50 (4,57)	-6,74 (6,74)	0,65 (1,82)	6,44 (4,44)
Натурализованный гражданин США / Naturalized Citizen	-3,63 (1,57)*	8,29 (4,72)^	0,36 (6,42)	1,71 (1,57)	7,03 (3,69)^
Незаконный иммигрант / Undocumented	-4,82 (3,75)	-	-	0,10 (2,80)	15,90 (5,10)**
Иностранец / Foreign National	-4,03 (1,63)*	2,97 (4,07)	-	1,40 (1,81)	20,43 (3,73)***
Пол (отн. мужчин) / Gender (Ref., Male)	-1,02 (1,92)	7,91 (2,45)**	-2,44 (2,85)	-4,81 (2,10)*	-11,92 (6,27)^
Судебный процесс (отн. признания вины) / Trial (Ref., Guilty plea)	0,99 (1,29)	6,08 (1,42)***	11,00 (2,45)***	3,54 (1,20)**	11,44 (2,44)***
Федеральный суд (отн. суда штата) / Federal Ct. (Ref., State court)	1,65 (,81)*	1,87 (2,30)	2,98 (2,41)	--	6,16 (4,35)
Постоянное слагаемое / Intercept	<0,01 (3,49)	1,88 (3,71)	2,75 (4,79)	13,68 (1,70)***	7,59 (5,73)

Примечание: ^ $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Уровень 6 не показан, так как все результаты на этом уровне не были статистически значимыми.

Notes: ^ $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Level 6 is not shown due to consistently non-significant results.

¹⁹ Whitehurst, L. (2014, Sept. 14). Provo man targeted by terror task force takes plea deal. Daily Herald (Utah). <https://www.heraldextra.com/news/2014/sep/14/provo-man-targeted-by-terror-task-force-takes-plea-deal/>

В табл. 5 представлены двумерные статистические данные, показывающие, что для некоторых групп подсудимых снижение тяжести приговора действительно отличается по величине. В частности, колумбийцы, защитники окружающей среды и прав животных в среднем получают значительно меньшее снижение приговора, чем джихадисты, что противоречит гипотезе 6. Однако снижение тяжести приговора для антиправительственных террористов оказывается значительно большим, чем для джихадистов, что соответствует гипотезе 6. Чернокожие, латиноамериканцы, выходцы с Ближнего Востока/Южной Азии и лица смешанного происхождения получали более незначительное снижение, чем белые, что также подтверждает гипотезу 6. Таким образом, наша гипотеза 6 оказалась верна для обвиняемых в антиправительственных действиях и большинства групп расовых меньшинств, но не для сторонников превосходства белой расы, левых и иностранцев, не являющихся джихадистами.

Таблица 5

Различия в снижении тяжести приговора в зависимости от характеристик обвиняемых ($n = 816$)**Table 5. Differences in Severity Level Discounts by Defendant Attributes ($n = 816$)**

	Среднее снижение / Mean Discount	Значение t / t -statistic	Значение p / p -value	Коэффициент Коэна d^* / Cohen's d^*
Раса / Race				
Чернокожие / Race Black	0,36	-3,1	<0,01 *	-0,26
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid-East/S. Asian	0,48	-1,7	0,09	-0,14
Латиноамериканцы / Hispanic	0,26	-3,0	<0,01 *	-0,34
Смешанное происхождение / Mixed	0,13	-3,7	<0,01 *	-0,45
Другое / Other	0,75	0,4	0,67	0,10
Белые (точка отсчета) / White (Ref.)	0,64			
Гражданство / Citizenship				
Законный резидент / Legal Resident	0,46	-0,8	0,41	-0,11
Натурализованный гражданин США / Naturalized	0,43	-1,2	0,22	-0,13
Незаконный иммигрант / Undocumented	0,43	-0,7	0,50	-0,13
Иностранец / Foreign National	0,44	-1,3	0,20	-0,12
Гражданин США по рождению (точка отсчета) / Native-b. (Ref.)	0,57			
Тип терроризма / Terrorism Type				
Сепаратисты / Separatist	0,35	-0,7	0,50	-0,12
Колумбийцы / Colombian	0,06	-3,2	<0,01 *	-0,41
Экотерроризм / Environmental	0,19	-3,2	<0,01 *	-0,29
Права животных / Animal Rights	0,07	-4,8	<0,01 *	-0,40
Другие левые / Other Left Wing	0,67	1,0	0,35	0,20
Антиправительственный / Anti-Government	1,10	4,7	<0,01 *	0,59
Превосходство белой расы / White Supremacist	0,59	0,9	0,40	0,12
Другие правые / Other Right Wing	0,47	0,0	0,99	<0,01
Джихадисты (точка отсчета) / Jihadi (Ref.)	0,46			

Примечание: * значения p ниже 0,01 отмечены звездочкой, что означает статистически значимые результаты. Коэффициент Коэна d показывает величину эффекта: очень малая ($|d| < 0,2$), малая ($|d|$ от 0,2 до 0,5), средняя ($|d|$ от 0,5 до 0,8), большая ($|d| > 0,8$).

Note: * P -values of below 0,01 are marked with an asterisk to highlight statistically-significant results. Cohen's d values indicate whether effect sizes are very small ($|d| < 0,2$), small ($|d|$ 0,2 to 0,5), medium ($|d|$ 0,5 to 0,8), or large ($|d| > 0,8$).

Величина эффекта (коэффициент Коэна d) используется в качестве показателя величины неравенства. Значения ниже 0,2 считаются «очень малыми», между 0,2 и 0,5 – «малыми», между 0,5 и 0,8 – «средними», выше 0,8 – «большими» (Cohen, 1988). В табл. 5 показано, что величина эффекта для большинства статистически значимых результатов мала, но является «средней» для обвиняемых в антиправительственных действиях и близка к средней для колумбийцев, защитников прав животных и лиц смешанного происхождения.

В многофакторной регрессионной версии этого анализа (не показана), включающей все потенциальные факторы одновременно, оставались значимыми те же виды терроризма: колумбийский терроризм, борьба за права животных и защита окружающей среды связаны с более низкой величиной снижения тяжести приговора, в то время как антиправительственный терроризм – с более высокой. Никакие другие переменные, связанные с неравенством, такие как раса или гражданство, существенно не влияли на снижение степени тяжести приговора.

Самым неожиданным результатом данного анализа является значительно более высокое снижение суровости приговора в группе обвиняемых в антиправительственных акциях, чем в любой другой группе. Это может быть связано с тем, что в первоначальных официальных пресс-релизах о деятельности антиправительственных экстремистов описываются, как правило, их планы совершения террористических актов, в то время как на практике их часто осуждают за преступления более низкого уровня. Возможно, позже прокуратура понимает, что доказательств преступного сговора недостаточно, и это чаще случается с данной категорией дел. Однако также возможно, что это снижение является результатом снисходительного отношения к обвиняемым в антиправительственных акциях. Этот вывод соответствует структурно-контекстуальной теории, поскольку вполне вероятно, что полиция и прокуратура более тесно сотрудничают при вынесении длительных приговоров джихадистам из-за приоритетности этих дел после 11 сентября.

Более незначительное (в среднем) снижение тяжести приговоров для колумбийцев, вероятно, объясняется тем фактом, что большинство из них обвинялись в материальной поддержке терроризма и были осуждены за это. Осудить за материальную поддержку легко, учитывая широкий спектр возможных действий, которые могут рассматриваться как материальная поддержка; это может также объяснять отсутствие большого снижения приговоров для джихадистов (Price et al., 2012). Например, 24 % обвиняемых в джихаде, которые, как предполагалось, участвовали в террористических заговорах (преступление 5-го уровня), были в итоге осуждены за материальную поддержку терроризма (преступление 4-го уровня). Однако к обвиняемым в антиправительственных действиях пятого уровня законы о материальной поддержке в значительной степени неприменимы (Norris, 2020b), что приводит к сделкам о признании вины за преступления более низкого уровня.

Наиболее распространенная комбинация – это первоначальное обвинение в антиправительственных действиях 5-го уровня (например, в заговоре с целью совершения террористической атаки) и реальное осуждение за преступление 2-го уровня (например, за незаконное хранение огнестрельного оружия). Это сочетание было обнаружено у 29 % всех антиправительственных преступников, но менее чем у 1 % преступников-джихадистов. Проиллюстрируем эту комбинацию на примере правой группы сторонников выживания *River Otter Preppers*. Несколько членов этой группы первоначально обвинялись в заговоре с целью убийства федеральных чиновников, но вместо этого были осуждены по обвинению в хранении оружия или взрывчатых веществ. Еще более яркий пример: антимусульманский экстремист William Tore Tint первоначально обвинялся в заговоре с целью убийства мусульман (преступление 5-го уровня), но был осужден только за ложные показания федеральным служащим (преступление 1-го уровня). 85 % обвиняемых в антиправительственных акциях, приговоры которых были снижены на 3 и более степени тяжести, признали себя виновными.

Указанное снижение может оказывать существенное влияние на характер вынесения приговоров. Удивительно, что среди обвиняемых в антиправительственных действиях, первоначально обвинявшихся в совершении преступления 5-го уровня (обычно в террористическом заговоре), средний срок по приговору составлял 11 лет тюремного заключения, в то время как для преступников-джихадистов, первоначально обвинявшихся в совершении преступления того же уровня, средний срок заключения составлял 25,5 года (табл. 6). Таким образом, приговоры преступникам-джихадистам были более чем в два раза длиннее, чем правым антиправительственным преступникам в той же категории преступлений. Предположительно, это происходит потому, что прокуратура предлагает сторонникам правых сил более выгодные сделки с признанием вины. Сторонники превосходства белой расы и «другие левые» обвиняемые, которые, как первоначально утверждалось, совер-

шили преступление 5-го уровня, также в конечном итоге получили значительно меньшие сроки наказания, чем джихадисты с тем же уровнем тяжести по первоначальному обвинению²⁰.

Основываясь на первоначальных критериях Cohen (1988), средняя продолжительность приговора подсудимых-джихадистов показывает «большую» разницу по сравнению как с обвиняемыми в антиправительственных действиях, так и с «другими левыми» обвиняемыми, и «среднюю» разницу по сравнению со сторонниками превосходства белой расы (хотя этот последний показатель также считается «большим» согласно более позднему стандарту; Gignac & Szodorai, 2016). В любом случае разница в более чем десять лет заключения (25,5 для джихадистов и 14,7 для сторонников превосходства белой расы), безусловно, существенна с практической точки зрения. Обвиняемые из категорий «чернокожие», «выходцы из стран Ближнего Востока/Южной Азии» и «представители смешанной расы» также приговаривались к более длительным срокам заключения, чем белые, при одном и том же 5-м уровне тяжести по первоначальному обвинению.

Таблица 6

Средний срок наказания в зависимости от характеристик подсудимых и начального уровня тяжести преступления (n = 235)

Table 6. Mean Sentence by Defendant Attributes for Defendants in Initial Severity Level (n = 235)

Категория / Category	Средний срок наказания / Mean Sentence	Значение t / t-statistic	Значение p / p-value	Коэффициент Коэна d* / Cohen's d*
Тип терроризма / Type				
Колумбийцы / Colombian	20,8	-0,9	0,38	-0,30
Другие левые / Other Left-Wing	8,5	-6,6	<0,01	-1,10
Антиправительственный / Anti-Government	11,0	-6,4	<0,01	-0,96
Превосходство белой расы / White supremacist	14,7	-4,1	<0,01	-0,71
Другие правые / Other Right-Wing	21,0	-0,8	0,47	-0,28
Джихадисты (точка отсчета) / Jihadi (Ref.)	25,5			
Раса / Race				
Чернокожие / Black	22,8	3,4	<0,01	0,57
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid-East/S. Asian	25,9	4,3	<0,01	0,74
Латиноамериканцы / Hispanic	25,5	2,3	0,05	0,75
Смешанное происхождение / Mixed	42,0	5,1	<0,01	1,92
Белые (точка отсчета) / White (Ref.)	14,7			
Гражданство / Citizenship				
Законный резидент / Legal Resident	25,3	2,2	0,04	0,70
Натурализованный гражданин США / Naturalized	26,1	2,9	0,01	0,76
Незаконный иммигрант / Undocumented	27,0	2,4	0,03	0,83
Иностранец / Foreign National	31,7	4,4	<0,01	1,13
Гражданин США по рождению (точка отсчета) / Native-born (Ref.)	15,8			

Примечание: Сепаратисты, защитники окружающей среды и прав животных исключены из списка из-за отсутствия более чем одного наблюдения.

Note: Separatists, environmentalists and animal rights defendants are excluded due to lack of > 1 observations.

²⁰ Как и следовало ожидать, основываясь на этих результатах, если модель учитывает тяжесть первоначального, а не итогового обвинения, то антиправительственная идеология перестает быть фактором более длительных сроков заключения, чем джихадизм.

Учитывая все уровни тяжести преступлений, обвиняемые в антиправительственных действиях получили более высокое снижение приговора по сравнению с джихадистами как в судах штатов, так и в федеральных судах, но разница в снижении была больше в федеральных судах ($t = 5,7, p < 0,001$), чем в судах штатов ($t = 2,3, p = 0,03$). Среднее общее снижение было выше в федеральных судах (0,5) по сравнению с судами штатов (0,2), что является статистически значимым результатом ($t = -3,1, p < 0,01$). Это верно как для обвиняемых в антиправительственных действиях, так и для обвиняемых в джихаде, что подтвердилось при отдельной проверке.

В целом гипотеза 6 была подтверждена частично, поскольку, как показано в табл. 5, принадлежность к антиправительственной идеологии приводит к более значительному снижению приговора, а статус меньшинства (для трех групп меньшинств) – к менее значительному. Однако, вопреки гипотезе 6, несколько обвиняемых, не относящихся к джихадистам, получили меньшее снижение, чем джихадисты. Краткое изложение наших выводов, касающихся наших шести гипотез, представлено в табл. 7.

Таблица 7

Обобщение результатов рассмотрения гипотез
Table 7. Summary of Evidence for Hypotheses

Гипотезы / Hypotheses	Результаты / Results
Гипотеза 1: Длительность заключения по приговору зависит от тяжести преступления / H1: Crime severity will predict sentence length	Подтверждена. По результатам всех анализов длительность заключения по приговору существенно зависит от тяжести преступления / Supported. Higher severity strongly predicted longer sentence length in all analyses
Гипотеза 2: Длительность заключения по приговору зависит от признания вины / H2: Decision whether to plead guilty will predict sentence length	Подтверждена. По результатам всех анализов длительность заключения по приговору существенно зависит от факта признания вины или выхода в суд / Supported. The decision to go to trial rather than plead guilty strongly predicted sentence length in all analyses
Гипотеза 3: Длительность заключения по приговору зависит от принадлежности к расовому/этническому меньшинству и от гражданского статуса обвиняемого / H3: Racial/ethnic minority and citizenship status will predict sentence length	Подтверждена частично. Некоторые расовые/этнические меньшинства и гражданские группы получали более длительные сроки заключения (с учетом тяжести преступления и других факторов) / Somewhat supported. Some minority racial/ethnic and citizenship groups received longer sentences (net of severity and other controls)
Гипотеза 4: Длительность заключения по приговору зависит от наличия идеологии джихада в составе преступления / H4: Jihadi ideology will predict sentence length	Подтверждена частично. Джихадисты получали более длительные сроки заключения, чем некоторые другие категории лиц, но террористы правого толка получали более длительные сроки заключения, чем джихадисты, за преступления некоторых степеней тяжести / Somewhat supported. Jihadis received longer sentences than some non-jihadi categories, but right-wing terrorists received longer sentences than jihadis in some severity levels
Гипотеза 5: Указанные различия более выражены в случае менее тяжких преступлений (гипотеза освобождения) / H5: Disparities will be more pronounced in lower crime severity levels (liberation hypothesis)	В основном не подтверждена. Связь между уровнем тяжести преступления и проявлениями неравенства оказалась нелинейной. Неравенство в основном отсутствовало на самом высоком уровне, преобладало на втором по значимости, а также присутствовало на некоторых более низких уровнях тяжести преступлений / Mainly unsupported. The association between crime severity level and disparities was non-linear. Disparities were largely absent in the highest level, prevalent in the second-highest, and also present in some lower severity level
Гипотеза 6: Отсутствие идеологии джихада, белая раса и американское гражданство являются факторами смягчения приговора (снижение степени тяжести преступления по приговору по сравнению с первоначальным обвинением) / H6: Non-jihadi motivation, White race, and native-born citizenship will predict larger severity discounts	Подтверждена частично. Антиправительственные террористы получали более значительное, а некоторые расовые/этнические меньшинства – менее значительное смягчение приговора, однако некоторые группы неджихадистов получали менее значительное смягчение приговора, чем джихадисты. Гражданство не оказывало влияния на снижение сроков приговора / Somewhat supported. Anti-government ideology predicts larger discounts, and some racial/ethnic minorities had lower discounts, but some non-jihadi groups received lower discounts than jihadis. Citizenship was not predictive of discount

Дополнительный анализ

Более ранние исследования показали, что в делах, связанных с ИГИЛ²¹, могут выноситься более суровые или более мягкие приговоры²². Мы добавили такие дела к многомерной линейной регрессии и обнаружили, что по делам ИГИЛ²³ были вынесены более длительные приговоры по сравнению с другими делами джиха-

²¹ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

²² Greenberg, K. J. (Ed.). (2016). Case by case: ISIS prosecutions in the United States, March 1, 2014 – June 30, 2016. Center on National Security at Fordham Law. <https://static1.squarespace.com/static/5b16a000e17ba39f6f3825ba/t/5d55bbda5e0ed8000152e7cb/1565899739918/CNScasebycaseISISjuly2016.pdf>; Greenberg, K. J. (2017). The American exception: Terrorism prosecutions in the United States: The ISIS cases, March 2014 – August 2017. Center on National Security at Fordham Law. <https://news.law.fordham.edu/wp-content/uploads/2017/09/TheAmericanException9-17.pdf> (ISIS – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

²³ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

дистов ($b = 4,2$, $SE = 1,6$, $p < 0,01$). Этот результат не удивителен, учитывая всеобщую обеспокоенность по поводу жестокости преступлений, характерной для ИГИЛ²⁴. Однако добавив фиктивную переменную для обвиняемых, которые участвовали или пытались участвовать в иностранной террористической группировке, мы обнаружили, что эти обвиняемые получили более низкие сроки по приговору ($b = -3,8$, $SE = 1,3$, $p < 0,01$). Дальнейший анализ показал, что обвиняемые-джихадисты, пытавшиеся присоединиться к ИГИЛ²⁵ (подгруппа всех дел, связанных с ИГИЛ²⁶), получили в среднем значительно меньшие сроки, чем обвиняемые-джихадисты, пытавшиеся присоединиться к террористическим группировкам, не связанным с ИГИЛ²⁷ (10,5 против 15,2 соответственно; $t = 2,5$, $p = 0,01$). Учитывая большое количество молодых людей, которые (возможно, под влиянием короткого импульса) решили присоединиться к ИГИЛ²⁸ на пике успеха группировки, некоторые судьи, возможно, были относительно снисходительны к этим обвиняемым.

Вероятно, операции по выявлению преступников необходимы для предотвращения террористических атак, однако можно спорить, многие ли из обвиняемых, осужденных в ходе таких операций, совершили бы преступления, если бы их не поощряли к этому информаторы (Field, 2019). Что касается влияния фактора причастности информаторов на вынесение приговора, то вполне возможно, что приговор смягчается, если судья усомнится в самостоятельности подсудимых или их мотивации к совершению атак. Действительно, в некоторых задокументированных случаях (Norris, 2020a) на продолжительность срока наказания или частичный оправдательный приговор влияло мнение суда о провокации к совершению преступления. С другой стороны, если обвиняемые соглашались совершить особо масштабные атаки в рамках таких операций, то это может привести и к более суровым приговорам (Norris, 2019). Gruenewald и соавт. (2019) обнаружили ряд различий между ходом спецоперации по выявлению преступников и успешными террористическими атаками. В частности, в первом случае чаще используются взрывчатые вещества, а не огнестрельное оружие, а также у преступников отсутствует опыт участия в террористической деятельности. Такие различия потенциально могут повлиять на вынесение приговора. Klein и соавт. (2019) обнаружили, что стратегии полицейских расследований (часто с привлечением информаторов) в группах джихадистов и ультраправых были во многом схожими. При этом существуют и некоторые отличия, например, более высокий уровень информирования общественности о расследованиях в сфере терроризма правого толка. Если спецоперации по выявлению преступников будут инициироваться и осуществляться по-разному для разных групп обвиняемых в терроризме, это также может повлиять на особенности вынесения приговоров.

Чтобы исследовать возможную связь между указанными операциями и особенностями приговоров, мы проанализировали влияние наличия информаторов на сроки приговоров. Интересно, что, хотя некоторые секретные операции приводят к длительным срокам заключения, средние сроки по делам с участием информатора были ниже, чем по делам без такового участия. По результатам множественной линейной регрессии (анализ не включен в данную статью) с учетом тяжести преступления и участия в судебном разбирательстве, наличие информатора значительно снижало срок приговора ($b = -2,1$, $SE = 0,67$, $p = 0,002$). Это может быть связано со снисходительностью к обвиняемым, когда речь шла о провокации (Norris, 2020a), или, что более вероятно, с тем, что в таких делах часто фигурируют несколько обвиняемых, некоторые из которых играли меньшую роль в преступлении и, следовательно, получили меньшие сроки наказания. Интересно, что когда в анализ регрессии была включена связь между наличием информатора и идеологией, то единственная значимая зависимость была обнаружена между антиправительственной идеологией и наличием информатора. Это указывает на то, что судьи более снисходительны к обвиняемым в антиправительственных действиях, осужденным в рамках спецопераций, по сравнению с другими обвиняемыми в терроризме, арестованными в ходе тех же операций. Хотя наличие информаторов также предсказывает более низкие сроки наказания среди обвиняемых-джихадистов (что было подтверждено путем исключения дел, не связанных с джихадом, в рамках альтернативного анализа), эффект гораздо сильнее для обвиняемых по антиправительственным делам.

²⁴ То же.

²⁵ То же.

²⁶ То же.

²⁷ То же.

²⁸ То же.

Могут возникнуть сомнения в целесообразности включения дел о государственном терроризме в нашу базу данных из-за различий нормативно-правовой базы в отдельных штатах. Мы считаем, что учет параметров «рассмотрение федеральным судом» и «рассмотрение судом штата» адекватен для проверки различий в вынесении приговоров (хотя и не без ограничений, как будет показано ниже). Тем не менее мы провели дополнительный анализ (не показан в работе), исключив дела, рассмотренные на уровне штатов, чтобы выяснить, повлияет ли это на общие результаты. Интересно, что при использовании полной модели, приведенной в табл. 2, кроме дел, рассмотренных на уровне штатов, все основные результаты остаются теми же, за исключением того, что значительное увеличение сроков наказания наблюдалось только для сторонников превосходства белой расы, но не для террористов антиправительственной или «другой правой» идеологии.

Чтобы оценить недавнее утверждение, что количество приговоров за терроризм в последние годы сократилось²⁹, мы включили в линейную регрессию параметр года вынесения приговора. Результаты оказались значимыми: более поздние годы предсказывали более длительный срок заключения, но этот эффект полностью исчез после учета тяжести преступления. Однако когда были проведены отдельные регрессионные расчеты для каждого уровня тяжести с учетом параметра «признание вины», то в более поздние годы было зафиксировано статистически значимое увеличение сроков приговоров на уровне тяжести 4, который в основном включает преступления по материальной поддержке терроризма. В 2015 г. максимальный срок наказания по этому обвинению в соответствии с федеральным законом был увеличен с 15 до 20 лет, поэтому вполне понятно, что средний срок наказания значительно увеличился. Байесовский структурный анализ временных рядов показал статистически значимое увеличение числа приговоров уровня тяжести 4 начиная с 2015 г. (относительный эффект = 48 %, $p = 0,002$), что подтверждает данное объяснение.

Ограничения исследования

Поскольку в данной работе анализируются только террористы, приговоренные судами штатов или федеральными судами, оно не охватывает все способы борьбы властей США с терроризмом, такие как заключение в Гуантанамо, целенаправленная ликвидация с помощью беспилотных летательных аппаратов и военные действия. Такие методы используются почти исключительно против террористов-джихадистов. Таким образом, в результате учета параметров расы и идеологии в нашем анализе может возникнуть ложное впечатление, что идеология джихадизма и связь с Ближним Востоком/Южной Азией не приводят к более жесткой реакции со стороны правительства США. Если рассматривать ситуацию в самом широком контексте борьбы с терроризмом, то это определенно не так. Мы провели анализ чувствительности, включая эффекты взаимодействия (не показан в статье). Было обнаружено, что обвиняемые в джихаде, которые являются натурализованными гражданами или иностранными подданными, получают более длительные сроки заключения, чем обвиняемые, родившиеся в США, с учетом таких важных переменных, как тяжесть преступления. Таким образом, обвиняемые в джихаде иностранцы с большей вероятностью будут приговорены к более длительным срокам и столкнутся с насильственными формами борьбы с терроризмом.

Еще одним ограничением исследования является то, что из-за отсутствия централизованной информации о вынесении приговоров за терроризм и того факта, что такие приговоры выносятся как федеральными судами, так и судами штатов, потребовалась многогранная стратегия для выявления соответствующих дел, особенно терроризма левого и правого толка. Таким образом, возможно, что некоторые дела не вошли в наш анализ. Кроме того, в некоторых штатах доля срока, которая должна отбываться до освобождения, существенно отличается по сравнению с федеральной системой. В нашем исследовании мы не могли учесть продолжительность приговоров по штатам, но в будущих исследованиях при сравнении приговоров федеральных судов и судов штатов это по возможности нужно сделать.

Из-за нехватки ресурсов в базу данных не были включены приговоры, вынесенные после 2018 г.; кроме того, все данные кодировались одним специалистом – первым автором. Будущие исследования должны включать более свежие данные; кодирование должно осуществляться несколькими сотрудниками для обе-

²⁹ Farivar, M. (2017, July 1). Homegrown US terrorists have received lighter sentences in recent years. VOA News. <https://www.voanews.com/a/homegrown-us-terrorists-lighter-sentences-recent-years/3924813.html>

спечения взаимных проверок. За преступления, связанные с событиями 6 января [2021 г. – захват здания Капитолия в Вашингтоне сторонниками Дональда Трампа. – Прим. переводчика], было осуждено так много обвиняемых (на данный момент по меньшей мере 900 человек)³⁰, что можно провести отдельное исследование о том, как суды относились к этим обвиняемым по сравнению с другими. Предполагаем, что многие из этих преступлений квалифицируются как терроризм и могут рассматриваться при изучении неравенства в сфере борьбы с терроризмом.

Дальнейшие исследования могли бы также сфокусироваться на конкретных видах преступлений террористической направленности, таких как вступление в террористическую группу за рубежом. При этом необходимо выявить наличие неравенства, а также оценить, влияют ли на вынесение приговора такие факторы, как конкретные террористические группы, к которым присоединились обвиняемые; их предполагаемая роль в этих группах; психическое здоровье и другие уязвимости обвиняемых; а в случаях, связанных со спецоперациями по выявлению преступников, – вероятность того, что обвиняемые присоединились бы к террористическим группам самостоятельно, без содействия тайных агентов.

Обсуждение

В данной работе изучены аспекты неравенства в вынесении приговоров по признаку расы/этнической принадлежности, гражданства и идеологической направленности в ходе судебных преследований за терроризм в США в период с 2001 по 2018 г. После учета таких параметров, как «тяжесть преступления», «рассмотрение дела федеральным судом или судом штата», «признание вины или судебный процесс», мы обнаружили, что обвиняемые-джихадисты получали более длительные сроки заключения, чем некоторые категории террористов, не относящиеся к джихаду (колумбийцы и сепаратисты). В то же время террористы правого толка (особенно сторонники превосходства белой расы) получали более длительные сроки заключения. Обвиняемые из числа чернокожих и выходцев из стран Ближнего Востока/Южной Азии приговаривались к более длительным срокам заключения по некоторым категориям тяжести преступлений, а незаконные иммигранты и иностранные граждане – к более длительным срокам заключения, чем преступники, родившиеся в США. Женщины получали более длительные сроки заключения по одной категории тяжести и более короткие – по другой. Тот факт, что наши результаты по расовым и гендерным различиям были несколько неоднозначными, поскольку некоторые различия были выявлены только для определенных уровней тяжести, согласуется с предыдущими исследованиями, которые также не всегда выявляли прямую зависимость срока по приговору от параметров расы и пола (Corradi, 2023; Wrigley & Schumacher, 2023).

Новизна нашего исследования заключается в выводах о том, что сторонники превосходства белой расы получали более длительные сроки заключения, чем обвиняемые в джихаде, а для обвиняемых в антиправительственных действиях снижение строгости наказания было гораздо более значительным, чем для обвиняемых в джихадизме. Эти результаты иллюстрируют преимущество включения всех видов терроризма в исследование неравенства, а также преимущество разделения более широких категорий (например, «правый терроризм») на подкатегории. Кроме того, неожиданным оказался вывод о том, что обвиняемые в джихадизме получают не более длительные сроки заключения, чем обвиняемые левого крыла (с учетом степени тяжести правонарушения). Этот результат не соответствовал ожиданиям потому, что идеология джихада подвергается большей стигматизации, чем мотивы защиты окружающей среды или прав животных, т. е. мотивы большинства обвиняемых, придерживающихся левых взглядов. Это говорит о том, что путем выработки общих руководящих принципов назначения сроков наказания можно ограничить произвол судебных органов и избежать неравенства, по крайней мере, между некоторыми идеологическими категориями.

Неравенство на основании расы, гражданского статуса или идеологии потенциально согласуется с теми теориями неравенства, которые говорят о когнитивных предубеждениях против непопулярных внешних групп. Предположительно, более длительные сроки заключения для сторонников превосходства белой расы могут быть обусловлены более высокой оценкой их опасности или виновности, относительной суровостью

³⁰ Richer, D. R., & Kunzelman, M. (2024, Jan. 5). Hundreds of convictions, but a major mystery is still unsolved 3 years after the Jan. 6 Capitol riot. Associated Press. <https://apnews.com/article/capitol-riot-ian-6-criminal-cases-anniversary-bf436efe760751b1356f937e55bedaa5>

судей в регионах с большим количеством сторонников превосходства белой расы и/или более серьезными правонарушениями этой группы в рамках каждой категории тяжести преступлений. Однако наши данные не позволяют сделать однозначный вывод относительно этих возможных причин.

По иронии, тот факт, что сторонники превосходства белой расы получают более длительные сроки заключения, говорит о том, что попытка этой группы сохранить или расширить привилегии белых с помощью насильственного экстремизма (Isom, 2023) на практике оборачивается отрицанием их собственных привилегий в системе правосудия, что приводит к более суровым, чем ожидалось, срокам тюремного заключения даже по сравнению с террористами-джихадистами. Это служит иллюстрацией бесполезности или контрпродуктивности большинства современных форм терроризма. В качестве метода дерадикализации крайне правых экстремистов было предложено подчеркивать этот вывод (Norris, 2024). В то же время к антиправительственным экстремистам, которые могут подпитываться расистскими идеями, даже если их идеология не ориентирована на расовые аспекты (Vuman, 2023), относятся более снисходительно, возможно, потому, что они не выражают свои взгляды в явно расистских терминах и, таким образом, считаются менее опасными.

По сравнению с обвиняемыми в джихадизме, антиправительственные террористы получали гораздо большее снижение тяжести преступления, за которое они фактически были осуждены, и первоначальным обвинением. Эта разница оказывала существенное влияние на сроки приговора. Например, благодаря этому значительному снижению джихадисты, первоначально обвинявшиеся в совершении преступления 5-го уровня (например, в заговоре с целью убийства), в конечном итоге получали в среднем вдвое больший срок заключения, чем обвиняемые в антиправительственных действиях, первоначально обвинявшиеся в совершении преступления того же уровня. Чернокожие, испаноязычные и представители смешанной расы также получали значительно меньшее снижение, чем белые.

Существует несколько возможных объяснений разницы в степени снижения тяжести обвинений между обвиняемыми в джихадизме и в антиправительственных действиях. Во-первых, эти результаты можно объяснить эффектом снисходительности внутри группы (более благоприятное отношение к белым мужчинам, обвиняемым в антиправительственных акциях) или эффектом жесткости к внешней группе (менее благоприятное отношение к джихадистам) (Piazza, 2015). Большой эффект снисхождения к обвиняемым в антиправительственных акциях предсказывает не только теория неравенства на основе когнитивных предубеждений, но и правовая теория Блэка (Black, 2010), которая предполагает менее суровое обращение с лицами, имеющими более высокий статус или большее культурное сходство с лицами, принимающими решения. Большинство обвиняемых в антиправительственных акциях – белые мужчины-христиане, как и большинство прокуроров и судей (Goodwin & Lindsay, 2018; Shashahani & Liu, 2017)³¹. Более того, хотя антиправительственные экстремистские идеологии характеризуются различными теориями заговора, у них есть некоторые общие черты с господствующим консерватизмом, такие как неприязнь к налогам и регулированию и горячая поддержка прав, закрепленных Второй поправкой.

Во-вторых, также возможно, что во время многих антиправительственных акций власти изначально полагали, что имел место заговор с целью совершения теракта, и объявляли об этом после арестов, но позже приходили к выводу, что это были «просто лозунги», которые не переросли в заговор. Часто такой необоснованный «хайп» после ареста обвиняемых является результатом показаний ненадежных информаторов, которые преувеличивали масштабы заговора или иным образом вводили в заблуждение сотрудников правоохранительных органов (Norris, 2019). Однако этот фактор может также объяснить снижение строгости наказания для джихадистов, и, в принципе, нет причин, по которым он должен быть более распространен в делах, связанных с правами. В-третьих, частично объяснить разницу в таком снижении можно тем, что нелегальной признана материальная поддержка джихадистов, но не антиправительственных преступников. Как отмечалось выше, обвинения в материальной поддержке часто выдвигаются подсудимым-джихадистам в рамках сделок о признании вины, тогда как первоначально они обвинялись в более серьезных преступлениях.

³¹ Reflective Democracy Campaign. (2019). Tipping the scales: Challengers take on the old boys' club of elected prosecutors. <https://wholeads.us/wp-content/uploads/2019/10/Tipping-the-Scales-Prosecutor-Report-10-22.pdf>

Наконец, есть вероятность, что после событий 11 сентября приоритетное внимание уделялось судебному преследованию джихадистов, что привело к активизации усилий ФБР и прокуратуры по вынесению обвинительных приговоров за преступления высокой степени тяжести. На расследования дел о джихадистах затрачиваются дополнительное время и усилия, что не способствует снижению тяжести приговора, ноощряет судебные преследования за серьезные преступления. Это согласуется со структурно-контекстуальной теорией, которая утверждает, что в случае совершения определенных особо важных преступлений различные подразделения системы уголовного правосудия значительно координируют свои усилия по вынесению обвинительных приговоров (Murray, 2016; Norris, 2019; Smith & Damphousse, 1998). Если дело имеет более высокий приоритет, эти же факторы будут способствовать вынесению более строгих обвинительных приговоров высокого уровня, без снижения относительно фактического основного преступления.

Несомненно, существуют законные основания заключать сделки о признании вины, предъявляя обвинения значительно менее серьезные, чем первоначальные. Прокурорам необходимо учитывать множество факторов, таких как ресурсы, вероятность вынесения обвинительного приговора, а также наличие свидетелей и других источников доказательств. Хотя большое снижение уровня тяжести преступления может свидетельствовать о предвзятости, наши данные не позволяют нам достоверно определить, так ли это, поскольку факторы, влияющие на принятие прокурорских решений, в значительной степени скрыты от общественности. Качественное изучение конкретных дел, в том числе, возможно, опрос прокуроров и других лиц, может пролить свет на то, объясняется ли такое снижение для антиправительственных преступников законными факторами или предвзятостью.

Ряд специалистов призывают принять новый федеральный уголовный закон, позволяющий обвинять в терроризме всех, чьи действия соответствуют федеральному определению терроризма (Norris, 2017)³². Идея, стоящая за такими предложениями, отчасти заключается в том, чтобы обвинять всех праворадикальных террористов в терроризме на федеральном уровне, что позволило бы выносить соответствующие приговоры наравне с аналогичными преступниками-джихадистами (Sinnar, 2019). Однако наше исследование показывает, что юрисдикция (суд штата или федеральный суд) не влияет на общую продолжительность приговора. Это говорит о том, что правых террористов можно эффективно преследовать на уровне штатов и что новый федеральный Закон о борьбе с терроризмом, вероятно, имеет главным образом символическую цель – сделать правый терроризм «моральным эквивалентом» джихадизма³³. С другой стороны, поскольку 72 % обвиняемых в антиправительственных акциях были привлечены к ответственности на федеральном уровне, новый закон может быть важен для устранения различий между джихадистами и антиправительственными организациями в степени тяжести преступлений и, следовательно, в вынесении приговоров. Во многих штатах уже имеют те или иные законодательные акты о борьбе с терроризмом в широком понимании, которые еще только рассматриваются на федеральном уровне; однако неясно, как часто штаты реально используют эти законы (Norris, 2020b).

Разница в результатах между антиправительственными террористами и сторонниками превосходства белой расы как по срокам приговоров, так и по степени тяжести предполагает, что для дальнейших исследований, возможно, будет целесообразно разделить категорию «правого терроризма» на различные подкатегории. Несмотря на некоторое совпадение между этими группами на практике, их идеологии весьма различны и во многих контекстах должны анализироваться отдельно³⁴.

³² McCord, M. B., & Blazakis, J. M. (2019, Feb. 27). A road map for Congress to address domestic terrorism. Lawfare. <https://www.lawfaremedia.org/article/road-map- congress-address-domestic-terrorism>

³³ McCord, M. B. (2017, Aug. 21). Criminal law should treat domestic terrorism as the moral equivalent of international terrorism. Lawfare. <https://www.lawfaremedia.org/article/criminal-law-should-treat-domestic-terrorism-moral-equivalent-international-terrorism>

³⁴ Такое терминологическое разделение полезно и в политических целях. Общий термин «правый терроризм», как правило, отталкивает обычных консерваторов, которые опасаются, что их ассоциируют с терроризмом. Действительно, доклад Отдела внутренней безопасности за 2009 г. о «правом экстремизме» вызвал бурю протестов со стороны правых политиков и представителей СМИ, что заставило Генерального прокурора принести извинения и официально отозвать доклад (D. Johnson, 2012). Напротив, аналогичный отчет за 2019 г., в котором анализируются те же угрозы с использованием терминов «антиправительственный» и «сторонник превосходства белой расы» без термина «правый», не вызвал существенной критики (см. Kanno-Youngs, Z. (2019, Oct. 1). Homeland security dept. affirms threat of White supremacy after years of prodding. New York Times. <https://www.nytimes.com/2019/10/01/us/politics/white-supremacy-homeland-security.html>).

Будущие исследования, как качественные, так и количественные, посвященные моделям вынесения приговоров за терроризм, должны быть направлены на оценку различных объяснений наблюдаемого неравенства. В качественных исследованиях этой сферы, а также при изучении отдельных дел о терроризме, которые рассматриваются как чрезмерно суровые или мягкие, могут использоваться различные источники – от судебных решений (см. McGarrity, 2013) до опросов прокуроров. Это поможет определить, какие теоретические объяснения наиболее применимы. Из-за недостатка данных мы не смогли учесть фактор психического здоровья обвиняемых, однако в будущих исследованиях было бы полезно использовать результаты исследования Corradi (2023) для оценки влияния этого фактора на вынесение приговоров всем обвиняемым в терроризме. Более того, в ходе качественных и количественных исследований можно было бы изучить альтернативные объяснения различий в степени снижения тяжести приговоров для различных видов терроризма. В идеале такие исследования могли бы привести к выработке конкретных рекомендаций о том, как уменьшить или устранить необоснованное неравенство в сроках наказаний.

Список литературы / References

- Ahmed, S. (2016). Is history repeating itself: Sentencing young American Muslims in the war on terror. *Yale Law Journal*, 126, 1520–1576. <https://www.yalelawjournal.org/pdf/h.1520.Ahm.ed.1576.rfyg9e76.pdf>
- Amirault, J., & Bouchard, M. (2015). A group-based recidivist sentencing premium? The role of context and cohort effects in the sentencing of terrorist offenders. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 43(4), 512–534. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2014.12.002>
- Amirault, J., & Bouchard, M. (2017). Timing is everything: The role of contextual and terrorism specific factors in the sentencing outcomes of terrorist offenders. *European Journal of Criminology*, 14(3), 269–289. <https://doi.org/10.1177/1477370815578194>
- Amirault, J., Bouchard, M., Farrell, G., & Andresen, M. A. (2016). Criminalizing terrorism in Canada: Investigating the sentencing outcomes of terrorist offenders from 1963 to 2010. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 106, 769–810. <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/iclc/vol106/iss4/4/>
- Beckett, K., Nyrop, K., & Pfingst, L. (2006). Race, drugs, and policing: Understanding disparities in drug delivery arrests. *Criminology*, 44(1), 105137. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.2006.00044.x>
- Bielen, S., Grajzl, P., & Marneffe, W. (2021). Blame based on one's name? Extralegal disparities in criminal conviction and sentencing. *European Journal of Law and Economics*, 51(3), 469–521. <https://doi.org/10.1007/s10657-020-09670-6>
- Black, D. (2010). *The behavior of law*. Emerald.
- Bradley-Engen, M. S., Damphousse, K. R., & Smith, B. L. (2009). Punishing terrorists: A reexamination of US federal sentencing in the postguidelines era. *International Criminal Justice Review*, 19(4), 433–455. <https://doi.org/10.1177/1057567709348357>
- Byman, D. (2023). Is there a wave of right-wing terrorism? A review article. *Political Science Quarterly*, 138(2), 251–270. <https://doi.org/10.1093/psquar/qqad007>
- Carlsmith, K. M., Monahan, J., & Evans, A. (2007). The function of punishment in the “civil” commitment of sexually violent predators. *Behavioral Sciences & the Law*, 25(4), 437–448. <https://doi.org/10.1002/bsl.761>
- Carmichael, J. T. (2010). Sentencing disparities for juvenile offenders sentenced to adult prisons: An individual and contextual analysis. *Journal of Criminal Justice*, 38(4), 747–757. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2010.05.001>
- Chermak, S. M., Freilich, J. D., Parkin, W. S., & Lynch, J. P. (2012). American terrorism and extremist crime data sources and selectivity bias: An investigation focusing on homicide events committed by far-right extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 28(1), 191–218. <https://doi.org/10.1007/s10940-011-9156-4>
- Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). Erlbaum.
- Corradi, A. (2023). Disparities in extreme contexts: The impact of gender and mental health status on the criminal justice outcomes of extremists. *Journal of Criminal Justice*, 88, 102104. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2023.102104>
- Donohue, J. J. (2014). An empirical evaluation of the Connecticut death penalty system since 1973: Are there unlawful racial, gender, and geographic disparities? *Journal of Empirical Legal Studies*, 11(4), 637–696. <https://doi.org/10.1111/iels.12052>
- Dunlap, W. P., Chen, R., & Greer, T. (1994). Skew reduces test-retest reliability. *Journal of Applied Psychology*, 79(2), 310–313. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0021-9010.79.2.310>
- Factor, R., & Gur-Arye, M. (2020). Social solidarity and sentencing disparities between ethnic groups: the case of hit-and-run traffic offenses. *Journal of Empirical Legal Studies*, 17(1), 164–185. <https://doi.org/10.1111/iels.12245>
- Field, A. (2019). Ethics and entrapment: understanding counterterrorism stings. *Terrorism and Political Violence*, 31(2), 260–276. <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1213721>
- Fox, J., & Monette, G. (1992). Generalized collinearity diagnostics. *Journal of the American Statistical Association*, 87(417), 178–183. <https://doi.org/10.1080/01621459.1992.10475190>

- Gignac, G. E., & Szodorai, E. T. (2016). Effect size guidelines for individual differences researchers. *Personality and Individual Differences*, 102, 74–78. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.069>
- Goodwin, M., & Lindsay, M. (2018). American courts and the sex blind spot: Legitimacy and representation. *Fordham Law Review*, 87, 2337–2384. <https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2019/04/03Goodwin-2337-2384.pdf>
- Gruenewald, J., Klein, B. R., Freilich, J. D., & Chermak, S. (2019). American jihadi terrorism: A comparison of homicides and unsuccessful plots. *Terrorism and Political Violence*, 31(3), 516–535. <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1253563>
- Gruenewald, J., Klein, B. R., Hayes, B. E., Parkin, W. S., & June, T. (2024). Examining disparities in case dispositions and sentencing outcomes for domestic violent extremists in the United States. *Crime & Delinquency*, 70(1), 126–156. <https://doi.org/10.1177/00111287221109769>
- Hair, J. F., Black, W. C., Babin, B. J., & Anderson, R. E. (2010). *Multivariate data analysis: A global perspective*. Prentice Hall.
- Hester, R., & Hartman, T. K. (2017). Conditional race disparities in criminal sentencing: A test of the liberation hypothesis from a non-guidelines state. *Journal of Quantitative Criminology*, 33(1), 77–100. <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9283-z>
- Hill, J., Oliver, W. M., & Marion, N. (2010). “Shaping history” or “riding the wave”? President Bush’s influence on the public opinion of terrorism, homeland security, & crime. *Journal of Criminal Justice*, 38(5), 896–902. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2010.06.005>
- Hirsch-Hoefler, S., & Mudde, C. (2014). “Ecoterrorism”: Terrorist threat or political ploy? *Studies in Conflict & Terrorism*, 37(7), 586–603. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.913121>
- Ives, A. R., Zhu, L., Wang, F., Zhu, J., Morrow, C. J., & Radeloff, V. C. (2021). Statistical inference for trends in spatiotemporal data. *Remote Sensing of Environment*, 266, 112678. <https://doi.org/10.1016/i.rse.2021.112678>
- Isom, D. A. (2023). *Gratuitous angst in White America: A theory of Whiteness and crime*. Taylor & Francis.
- Jackson, S. M., Ratcliff, K., & Gruenewald, J. (2023). Gender and criminal justice responses to terrorism in the United States. *Crime & Delinquency*, 69(5), 1044–1070. <https://doi.org/10.1177/00111287211047535>
- Johnson, B. D. (2012). Cross-classified multilevel models: An application to the criminal case processing of indicted terrorists. *Journal of Quantitative Criminology*, 28(1), 163–189. <https://doi.org/10.1007/s10940-011-9157-3>
- Johnson, D. (2012). *Right-wing resurgence: How a domestic terrorist threat is being ignored*. Rowman & Littlefield.
- Jordan, K. L., & Maroun, R. (2016). Minority threat and criminal sentencing: Examining juveniles in the adult criminal justice system. *Journal of Crime and Justice*, 39(1), 41–54. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2015.1133397>
- Klein, B. R., Gruenewald, J., Chermak, S. M., & Freilich, J. D. (2019). A mixed method examination of law enforcement investigatory strategies used in jihadi and far-right foiled terrorist plots before and after 9/11. *Journal of Qualitative Criminal Justice and Criminology*, 7(2), 29–58. <https://doi.org/10.21428/88de04a1.5963ad76>
- Kline, R. (2016). *Principles and practice of structural equation modeling*. Guilford.
- Light, M. T. (2014). The new face of legal inequality: Noncitizens and the long-term trends in sentencing disparities across US district courts, 1992–2009. *Law & Society Review*, 48(2), 447–478. <https://doi.org/10.1111/lasr.12073>
- Loadenthal, M. (2017). “Eco-terrorism”: An incident-driven history of attack (1973–2010). *Journal for the Study of Radicalism*, 11(2), 1–34. <https://doi.org/10.14321/istudradi.11.2.0001>
- Logue, M. A. (2009). “The price of being Mexican”: Sentencing disparities between noncitizen Mexican and non-Mexican Latinos in the federal courts. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 31(4), 423–445. <https://doi.org/10.1177/0739986309347447>
- McGarrity, N. (2013). “Let the punishment match the offence.” Determining sentences for Australian terrorists. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2(1), 18–34. <https://search.informit.org/doi/abs/10.3316/INFORMIT.122586336534150>
- Mears, D. P., Craig, M. O., Stewart, E. A., & Warren, P. Y. (2017). Thinking fast, not slow: How cognitive biases may contribute to racial disparities in the use of force in police-citizen encounters. *Journal of Criminal Justice*, 53, 12–24. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2017.09.001>
- Mitchell, O. (2018). The continuing evolution of race and sentencing research and reviews of this research. *Journal of Criminal Justice*, 59, 29–31. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2017.05.004>
- Mitchell, O., & Caudy, M. S. (2015). Examining racial disparities in drug arrests. *Justice Quarterly*, 32(2), 288–313. <https://doi.org/10.1080/07418825.2012.761721>
- Murray, K. (2016). A comparative analysis of conviction outcomes of American domestic terrorists. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 42(1), 75–88. <https://doi.org/10.1080/01924036.2016.1251952>
- Norris, J. J. (2017). Why Dylann Roof is a terrorist under federal law, and why it matters. *Harvard Journal on Legislation*, 54, 501–541. <https://journals.law.harvard.edu/jol/wp-content/uploads/sites/86/2017/03/54.1-HLL105.pdf>
- Norris, J. J. (2019). Explaining the emergence of entrapment in post-9/11 terrorism investigations. *Critical Criminology*, 27(3), 467–483. <https://doi.org/10.1007/s10612-019-09438-8>
- Norris, J. J. (2020a). How entrapment still matters: Partial successes of entrapment claims in terrorism prosecutions. In A. Sarat (Ed.), *Studies in law, politics, and society* (Vol. 82, pp. 141–166). Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S1059-433720200000082007>
- Norris, J. J. (2020b). When (and where) can right-wing terrorists be charged with terrorism? *Critical Studies on Terrorism*, 13(4), 519–544. <https://doi.org/10.1080/17539153.2020.1810991>

- Norris, J. J. (2024). Could the futility of terrorism inspire deradicalization? Narrative strategies arising from case studies of far-right lone-actor terrorism. *Journal for Deradicalization*, 38, 28–80. <https://journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/view/859>
- Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2015). Estimating the prevalence of entrapment in post- 9/11 terrorism cases. *Journal of Criminal Law & Criminology*, 105(3), 609–677. <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=7566&context=jclc>
- Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2019). Racial and other sociodemographic disparities in terrorism sting operations. *Sociology of Race and Ethnicity*, 5(3), 416–431. <https://doi.org/10.1177/2332649218756136>
- Norris, J. J., McFall, J. P., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Decision-making in terrorism sting operations: is entrapment driven by the sunk-cost effect and intergroup biases? *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*, 19(2), 223246. <https://doi.org/10.1080/18335330.2023.2266712>
- Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(2), 18–40.
- Payne, B., Vuletich, H. A., & Lundberg, K. (2017). The bias of crowds: How implicit bias bridges personal and systemic prejudice. *Psychological Inquiry*, 28(4), 233–248. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2017.1335568>
- Peterka-Benton, D., & Laguardia, F. (2021). The trouble with numbers: Difficult decision making in identifying right-wing terrorism cases. An investigative look at open source social scientific and legal data. *Studies in Conflict & Terrorism*, 47(5), 502–525. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1980981>
- Piazza, J. A. (2015). Terrorist suspect religious identity and public support for harsh interrogation and detention practices. *Political Psychology*, 36(6), 667–690. <https://doi.org/10.1111/pops.12190>
- Pina-Sanchez, J., & Grech, D. C. (2018). Location and sentencing: To what extent do contextual factors explain between court disparities? *The British Journal of Criminology*, 58(3), 529–549. <https://doi.org/10.1093/bic/azx033>
- Price, M., Rubinstein, R. A., & Price, D. (2012). ‘Material support’: US anti-terrorism law threatens human rights and academic freedom. *Anthropology Today*, 28(1), 3–5. <https://doi.org/10.1111/i.1467-8322.2012.00847.x>
- Rehavi, M. M., & Starr, S. B. (2014). Racial disparity in federal criminal sentences. *Journal of Political Economy*, 122(6), 1320–1354. <https://www.doi.org/10.1086/677255>
- Roh, S., & Robinson, M. (2009). A geographic approach to racial profiling: The microanalysis and macroanalysis of racial disparity in traffic stops. *Police Quarterly*, 12(2), 137–169. <https://doi.org/10.1177/1098611109332422>
- Shahshahani, S., & Liu, L. J. (2017). Religion and judging on the federal Courts of Appeals. *Journal of Empirical Legal Studies*, 14(4), 716–744. <https://doi.org/10.1111/iels.12162>
- Sinnar, S. (2019). Separate and unequal: The law of “domestic” and “international” terrorism. *Michigan Law Review*, 117(7), 1333–1404. <https://www.istor.org/stable/45136737>
- Smith, B. L., & Damphousse, K. R. (1996). Punishing political offenders: The effect of political motive on federal sentencing decisions. *Criminology*, 34(3), 289–322. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.1996.tb01209.x>
- Smith, B. L., & Damphousse, K. R. (1998). Terrorism, politics, and punishment: A test of structural- contextual theory and the “liberation hypothesis”. *Criminology*, 36(1), 67–92. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.1998.tb01240.x>
- Smith, B. L., Damphousse, K. R., Jackson, F., & Sellers, A. (2002). The prosecution and punishment of international terrorists in federal courts: 1980–1998. *Criminology & Public Policy*, 1(3), 311–338. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9133.2002.tb00093.x>
- Spaaij, R., & Hamm, M. S. (2015). Key issues and research agendas in lone wolf terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 38(3), 167–178. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.986979>
- Steffensmeier, D., Painter-Davis, N., & Ulmer, J. (2017). Intersectionality of race, ethnicity, gender, and age on criminal punishment. *Sociological Perspectives*, 60(4), 810–833. <https://doi.org/10.1177/0731121416679371>
- Townsley, M., Birks, D., Ruiter, S., Bernasco, W., & White, G. (2016). Target selection models with preference variation between offenders. *Journal of Quantitative Criminology*, 32(2), 283–304. <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9264-7>
- Unnever, J. D., Cullen, F. T., & Barnes, J. C. (2017). Racial discrimination and pathways to delinquency: Testing a theory of African American offending. *Race and Justice*, 7(4), 350–373. <https://doi.org/10.1177/2153368716658768>
- Villadsen, A. R., & Wulff, J. N. (2021). Statistical myths about log-transformed dependent variables and how to better estimate exponential models. *British Journal of Management*, 32(3), 779–796. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12431>
- Wrigley, V. R., & Schumacher, T. (2023). The effects of pretrial detention length on sentencing guideline departures in two Pennsylvania counties. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 11–33. <https://ccils.scholasticahq.com/article/90808.pdf>
- Yan, S., & Bushway, S. D. (2018). Plea discounts or trial penalties? Making sense of the trial-plea sentence disparities. *Justice Quarterly*, 35(7), 1226–1249. <https://doi.org/10.1080/07418825.2018.1552715>

Об авторах

Джесси Дж. Норрис, доктор философии, доцент кафедры уголовного правосудия Университета штата Нью-Йорк во Фредонии. Его исследования касаются правовых вопросов судебного преследования за терроризм, особенно защиты от провокаций, а также нетрадиционных видов терроризма.

Ханна Грол-Прокопчик, доктор философии, занимается медицинской социологией и демографией. Большая часть ее исследований относится к проблемам хронической боли: ее измерению, распространенности, предикторам и последствиям. Автор является главным научным сотрудником проекта «Демография хронической боли: популяционный подход к тенденциям в этой области, неравенству, инвалидности и смертности» (1R01 AG065351; 2020-2025), финансируемого Национальным институтом по проблемам старения. Она также изучает проблему межличностной и международной сопоставимости опросов в области субъективного состояния здоровья, а также вопросы борьбы с терроризмом в США. Автор занимает должность доцента социологии в Университете штата Нью-Йорк в Буффало.

About the Authors

Jesse J. Norris, Ph.D., is an Associate Professor of Criminal Justice at the State University of New York at Fredonia. His research has focused on legal issues in terrorism prosecutions, especially the entrapment defense, and on unconventional types of terrorism.

Hanna Grol-Prokopczyk, Ph.D., is a medical sociologist and demographer. Much of her research focuses on chronic pain: its measurement, its social distribution, and its predictors and consequences. She is principal investigator on a National Institute on Aging- funded project on “The Demography of Chronic Pain: A Population Approach to Pain Trends, Pain Disparities, and Pain-Related Disability and Death” (1R01 AG065351; 2020-2025). She also conducts research on how surveys can best generate interpersonally and internationally comparable measures of subjective health conditions and on U.S. counterterrorism policy. She is an associate professor of sociology at the University at Buffalo, SUNY.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 09.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 19.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТАТЬИ / INTERDISCIPLINARY ARTICLES

Редактор рубрики *И. Р. Бегизhev* / Rubric editor *I. R. Begishev*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.420-432>

УДК / UDC 328.185:343.352:343.9

С. М. Иншаков¹,
В. А. Казакова^{1,2}

¹ *Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия*

² *Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

«Многоэтажное право»: субъектность ответственности за коррупцию

Контактное лицо:

Иншаков Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Web of Science Researcher ID: R-1384-2016

eLIBRARY SPIN-код: 3528-2941

Казакова Вера Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет; главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности научно-исследовательского центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Web of Science Researcher ID: R-1374-2016

eLIBRARY SPIN-код: 1996-1137

Аннотация

Цель: выявление объективных и субъективных факторов правового неравенства в противодействии коррупции.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, исторический, конкретно-социологический, формально-юридический, системный, анкетирование).

Результаты: философско-правовая методика исследования коррупции достаточно продуктивна. Фундаментальные изыскания в области права позволяют дифференцировать факторы коррупции на объективные и субъективные. В качестве объективного фактора неуязвимости коррупции высшего уровня выступают параметры развития правовой культуры социума. Субъективные факторы заключаются в упущении государственными органами антикоррупционного потенциала, характерного для данного этапа культурного развития. Обоснована градация коррупции по ее уровням: низовому, среднему и высшему. Доказано, что коррупция высшего уровня наиболее латентна и неприкасаема для уголовно-правового воздействия. Проведенное исследование позволило сформулировать основные направления антикоррупционной практики: последовательное избавление от рудиментов сословного права и моделирование социально-правовых механизмов, позволяющих наиболее полно реализовать в борьбе с коррупцией потенциал данного этапа восхождения к праву. Приводятся результаты изучения мнения населения о безнаказанности высокопоставленных должностных лиц, замешанных в коррупционных деяниях. В порядке сравнительно-правового исследования изучены антикоррупционные стратегии зарубежных стран (Китая, Сингапура и др.).

Научная новизна: в работе раскрыт механизм устойчивости рудиментов сословного права, который включает в себя следующие элементы: а) обеспечение представителями высшей власти коррупционной безнаказанности группе единомышленников, соратников, исполнителей высшей воли; б) ведение элиты в русло законопослушного поведения, лишение ее коррупционных перспектив. Установлено, что эффективность антикоррупционной практики зависит от возможности преодоления границ, установленных сословным правом для разрушения его рудиментов.

Практическая значимость: предложения и выводы исследования могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, а также формирования научной основы для междисциплинарных исследований по вопросам антикоррупционной политики и практики.

Ключевые слова:

многоэтажное право, сословное право, коррупция, ответственность высокопоставленных должностных лиц

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Иншаков, С. М., Казакова, В. А. (2025). «Многоэтажное право»: субъектность ответственности за коррупцию. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 420–432. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.420-432>

Scientific article

S. M. Inshakov¹,

V. A. Kazakova^{1,2}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

² All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

“Multi-storey law”: subjectivity of liability for corruption

Contact:

Sergey M. Inshakov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of National Security and Law Enforcement, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Web of Science Researcher ID: R-1384-2016

eLIBRARY SPIN-code: 3528-2941

Vera A. Kazakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; Chief Researcher of the Department for the Study of problems of Operational and Investigative support for countering corruption-related Crimes of the Research Center for the Study of Problems of Combating Crime in the Field of Economics of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Web of Science Researcher ID: R-1374-2016

eLIBRARY SPIN-code: 1996-1137

Abstract

Objective: to identify objective and subjective factors of legal inequality in counteracting corruption.

Methods: the article uses the universal dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific methods (comparative legal, historical, specific sociological, formal legal, systematic methods, questioning).

Results: the philosophical-legal methodology of corruption research is quite productive. Fundamental research in the field of law allow differentiating between objective and subjective factors of corruption. The parameters of the legal culture development in society are an objective factor of the invulnerability of top-level corruption. The subjective factor is that the government agencies miss the anti-corruption potential characteristic of this stage of cultural development. The author offers a gradation of corruption by levels: grassroots, middle and higher level. Top-level corruption is proved to be the most latent and untouchable for criminal legal impact. The conducted research allowed formulating the main directions of anti-corruption practice: consistent elimination of the estate law rudiments and modeling of socio-legal mechanisms to fully realize the potential of this stage of ascent to law in counteracting corruption. The article presents the results of a public poll on the impunity of high-ranking officials involved in corruption. The anti-corruption strategies of foreign countries (China, Singapore, etc.) were studied as a comparative legal research.

Scientific novelty: the work reveals the mechanism of stability of the estate law rudiments, which includes the following elements: a) the highest authorities ensure corruption impunity for a group of like-minded people, associates, executors of the supreme will; b) the elite is introduced into law-abiding behavior and deprived of corruption prospects. It was found that the effectiveness of anti-corruption practices depends on the possibility to overcome the boundaries established by estate law against destruction of its rudiments.

Practical significance: the proposals and conclusions of the research can be used to improve criminal legislation and its application, as well as to form a scientific basis for interdisciplinary research on anti-corruption policy and practice.

Keywords: multi-storey law, estate law, corruption, responsibility of high-ranking officials

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Inshakov, S. M., & Kazakova, V. A. (2025). "Multi-storey law": subjectivity of liability for corruption. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 420–432. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.420-432>

Введение

Устоявшимися в науке являются социологический и законоведческий подходы к исследованию коррупции. Суть их в анализе параметров данного негативного феномена, причин и условий преступной деятельности, разработке предложений по совершенствованию антикоррупционного законодательства. Это направление представляется достаточно продуктивным. Однако ряд фундаментальных проблем коррупционно-криминального комплекса остаются за пределами этой исследовательской методики.

Авторы данной статьи предприняли попытку разработки философско-правового подхода к анализу истоков устойчивости и неуязвимости того социального зла, с которым на протяжении тысячелетий безуспешно борется человечество.

Традиционно такие научные направления, как теория права, философия права, воспринимаются в качестве элементов фундаментальной науки, далеких от поиска механизмов решения актуальных проблем социальной практики. Однако в любой сфере деятельности «нет ничего более практичного, чем хорошая теория» (Lynch и др., 2018). По мере развития теории права она включает в исследовательскую орбиту все более сложные проблемы, в том числе и те, которые имеют выход на социальную практику. Одной из таких проблем является коррупция.

Цель: выявление объективных и субъективных факторов правового неравенства в противодействии коррупции.

Задачи:

- анализ российской нормативной базы противодействия коррупции;
- исследование правового неравенства в социальной практике;
- разработка исторических аспектов развития права в плане реализации принципа всеобщего равенства;
- сравнение субъектности ответственности за коррупцию в отечественной и зарубежной правоприменительной практике.

Результаты исследования

Право и социальная практика

Наши исследования показывают, что корни низовой коррупции ведут к коррупции высшего уровня (Инишаков, Казакова, 2019). А устойчивость последней коренится в том, что определенная социальная группа является неприкасаемой для правоохранительных органов. Эта социальная группа оказывается за пределами правового воздействия.

Крупнейший российский правовед С. С. Алексеев в монографии «Восхождение к праву» сформулировал концепцию двухэтажного права. Соответствующий раздел указанной монографии называется «Двухэтажное право: официальная юридическая система и право-невидимка» (Алексеев, 2001. С. 502). Еще более ярко феномен правовой амбивалентности С. С. Алексеев раскрыл в концепции византийского права, отличающегося «изошренными приемами властвования, интригами, всевластным „двором“, подковровыми схватками элит, применением метода войны против непокорных, ложью и фальсификациями» (Алексеев, 2001. С. 191).

Развивая эту концепцию, современный теоретик права С. А. Денисов отметил: «Метод юридического позитивизма прост в употреблении. Исследователь обкладывается законами и по ним судит о праве страны. Изучение реального права требует «полевых» исследований реальных отношений, имеющих место в обществе. Здесь не обойтись без социологических исследований. Это трудоемкая работа, требующая познаний в области экономики, политологии, социологии, психологии, культурологии. Не всем она по силам» (Денисов, 2018. С. 82).

Дискриминация по уровню правовой защищенности отмечается как в российской, так и в зарубежной литературе (Жуйков и др., 2010; Морщакова, 2009; Сото, 2007. С. 73–74; Гафурова, 2020; Панкевич 2015; Бекишиева, 2017).

Специалисты отмечают, что «объем коррупции служивого сословия просто легитимируется как источник дохода, положенный ему по статусу, а потому выводимый из-под действия предназначенных остальному обществу норм закона, социальных норм и неолиберальных принципов экономической конкуренции и прозрачности» (Мартьянов, 2019. С. 36). Это вполне закономерно, так как в современном обществе социальное расслоение определяет не только качество жизни в зависимости от доходов, но и реальную власть, основанную в первую очередь на принадлежности к тому или иному сословию. Это определяет возможность для определенных сословий находиться вне законов или даже над законами и жить «по понятиям». По мнению социологов, «конфликт между „реальностью“ сословного государства и „всамделишной“ совокупностью отечественных корпораций представляется основным содержанием административной и политической жизни» (Кордонский и др., 2012. С. 92). Более того, сословность для России, по их мнению, – явление закономерное: «Россия – страна, в которой в стабильные времена (вне революций и перестроек) доминирует сословное мироустройство, основанное на неравенстве граждан перед законом и различиях в объемах прав и обязанностей перед государством» (Кордонский, 2008. С. 49). Демократия в своем классическом понимании

далеко не всегда соответствует истинному смыслу этого понятия, поэтому нередко ее характеристики связаны с такими эпитетами, как имитационная, ограниченная, фасадная, элитарная и т. д. (Мартьянов, 2019. С. 29).

Наш анализ показал, что природа современного права многослойна. В этой системе не два, а несколько этажей. В данном ракурсе термин «многоэтажное право» представляется более корректным. Эта многоэтажность – один из главных криминогенных факторов. Именно он оказывается главной целью антикоррупционных мер в тех странах, где борьба с коррупцией носит неимитационный характер.

Имитация борьбы с коррупцией как фактор ее устойчивости

Ядром антикоррупционной политики КНР является стратегия борьбы с мухами и львами, где под львами имеются в виду высокопоставленные должностные лица. Это наиболее эффективная стратегия противодействия коррупции, которая, к сожалению, не нашла достаточного распространения в различных странах мира. В большинстве стран типичным является подход, когда к уголовной ответственности привлекаются лишь мухи (т. е. чиновники низкого ранга), а львы остаются безнаказанными. По существу, данный тип антикоррупционной политики предполагает имитационный характер борьбы с негативным феноменом. Такой тип антикоррупционного механизма можно рассматривать как один из главных факторов коррупции. Наиболее ярким примером этого механизма является политическая система Украины. Вот как охарактеризовал этот аспект политической жизни украинский политолог Р. Бортник в интервью журналисту В. Дикому, который спросил, почему высокопоставленные чиновники, причастность которых к коррупции доказана, не привлекаются к уголовной ответственности. Руслан Бортник ответил: «Почему наша система правовая дошла до такого состояния, когда она не реагирует на совершение преступления, на нарушения законов? Серое и черное правят бал. Для меня все это маркеры тяжелой болезни правовой, конституционной системы Украины, тяжелой болезни правоохранительных органов».

Дикий: «А вот Мустафа Найем, Кубраков и все остальные, которых в свое время выбросили за борт. Они же получали огромные деньги за то, чтобы энергообъекты были защищены. Они же не понесли никакой ответственности. Система своих не сдает?»

Бортник: «Мы с Вами неоднократно говорили и до войны [имеется в виду специальная военная операция. – Прим. С. И., В. К.], и в десятилетие после. Я говорил, что максимальная форма наказания в украинской политической системе – остракизм, изгнание из страны. И это ключевой маркер качества системы, когда людей, которые свои, но или провинились, или проворовались, или неэффективны, или потеряли доверие, их просто изгоняют из системы, отгоняют дальше от финансовых потоков, их просто, как метлой, отгоняют чуть дальше. К сожалению, это качество системы, оно не поменялось ни разу за последние лет тридцать. Настоящая революция в Украине произойдет тогда, когда своих будут не изгонять – их будут сажать и в отношении них будут вступать в силу законные судебные решения. Пока что система так не работает. Система эффективно преследует только врагов системы. Вот враги системы – да. У них могут быть серьезные проблемы. Они могут быть изолированы, а своих – нет, а своим – остракизм. Золотой чемоданчик, за границу или какая-то более умеренная хорошая должность. У нас люди, которые находятся в системе, особенно на высоких уровнях, прекрасно знают о том, что делают другие. В этой системе нет святых, практически нет законопослушных, поэтому их нельзя наказывать, потому что если кто-то из них начнет болтать, по-настоящему рассказывать, то это будет как извержение Везувия. Пеплом и жаром накроет все пространство. Поэтому остракизм, изгнание из системы при гарантиях безопасности. И при Кучме, и при Януковиче, и при Порошенко¹, Ющенко, и сейчас происходят те же процессы. Высокопоставленных лиц у нас не привлекают к уголовной ответственности, их назначают на другие должности. Только враги системы могут быть наказаны»².

Ситуация, описанная украинским политологом, характерна для многих стран, в том числе и для нашей. Факт неприкасаемости высших должностных лиц обычно не афишируется, но в общественном сознании он находит довольно адекватное отражение. Проведенное авторами социологическое исследование показало:

¹ Состоит в организации, которая внесена в Перечень экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

² Политические животные или «золотой чемоданчик»: интервью Р. Бортника на канале Дикий live. <https://youtu.be/CCEi2oFbko8?si=DOBrIb0hQt5vrz4q>

71 % опрошенных граждан Российской Федерации считают, что высокопоставленные должностные лица, занимающиеся коррупцией, всегда остаются безнаказанными. К одному из источников коррупции относят «патрон-клиентскую иерархию публичной власти, замыкающую эту власть на узкий круг доверенных лиц и противодействующую функционированию легальной институциональной системы» (Ершов, 2019. С. 81–82). Этот социальный стереотип является одной из важнейших детерминант коррупционного поведения. Неслучайно еще много веков назад итальянский ученый Чезаре Беккария заметил: «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность» (Беккария, 1939).

«Многоэтажное право» как условие неприкосновенности коррупции высшего уровня

Длительный период в мире господствовало сословное право, в соответствии с которым разные социальные группы наказывались по-разному. То, за что одни карались смертной казнью, нередко оставалось безнаказанным для иных социальных групп. Расхождение реального и провозглашаемого права в первую очередь характерно для тех стран, где борьба с коррупцией носит имитационный характер.

Правовое неравенство наиболее остро проявляется в уголовном праве на всех этапах его реализации. Весьма репрезентативное исследование было проведено в России социологами на основе 1,5 млн судебных актов с применением методов множественной логистической и линейной регрессии с включением контрольных переменных. Целью анализа было установление зависимости социального статуса подсудимого на принятие решений суда об оправдании, освобождении от ответственности или от наказания, вынесении приговора к тому или иному наказанию (Волков, 2014). По своему статусу виновные в совершении преступления были классифицированы на социальные группы: правоохранитель, госслужащий, топ-менеджер, предприниматель, офисный работник, рабочий, студент, безработный, заключенный³. Автор публикации пришел к выводу, что на мнение суда и исход дела влияют не только характер и степень общественной опасности совершенного преступления, но и статус виновного: «Уголовные репрессии в современной России направлены преимущественно против социально и экономически маргинальных слоев населения, а также групп с низким социальным статусом» (Волков, 2014). В первую очередь это проявляется в случаях совершения насильственного преступления и мошенничества. Оправдания чаще всего добиваются правоохранители. Они, а также госслужащие и топ-менеджеры чаще, чем другие категории, осуждаются условно. При осуждении к реальному лишению свободы его срок в среднем меньше, чем у рабочих, безработных и заключенных (Волков, 2014).

То, что маргинальные слои населения наказываются строже, подтверждается и зарубежными исследованиями (Chiricos & Bales, 1991. Pp. 701–724; Ulmer, 2012). Это представляется вполне закономерным, исходя из целей наказания, которые не только призваны восстанавливать социальную справедливость, но и исправлять осужденного, и предупреждать совершение новых преступлений. Нередко на практике эти цели вступают во взаимное противоречие. Оно связано с неоднозначностью трактовки целей, в частности, критериев исправления. Уголовно-исполнительная система, как правило, оперирует такими основными характеристиками, как поведение во время отбывания наказания, отношение к основным средствам исправления осужденных (соблюдению режима отбывания наказания и предъявляемым в связи с этим требованиям, труду, образованию, профессиональному обучению, воспитанию и общественному воздействию), степень погашения исков и выполнения алиментных обязательств (Нечаева, 2019). В 2024 г. было принято Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации, в котором обозначены критерии исправления для условно осужденных: «Положительные характеристики с места жительства, учебы, работы или службы, участие в деятельности благотворительных, добровольческих (волонтерских) организаций, патриотических общественных движений, участие в боевых действиях по защите интересов Российской Федерации, иные заслуживающие внимания обстоятельства», а также возмещение вреда, причиненного преступлением⁴.

³ Сохранена терминология автора.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 18 от 25.06.2024. <https://www.vsrfr.ru/documents/own/33742/>

Лица, обладающие высоким социальным статусом, по названным критериям, как правило, гораздо более благополучны. Для их достижения не требуется изоляции от общества. Их нахождение в местах лишения свободы объясняется целью восстановления социальной справедливости путем применения суровой кары. Нахождение в условиях исправительного учреждения для них субъективно гораздо более суровое воздействие, чем для маргинальных слоев. Неслучайно предложение ученых о раздельном содержании так называемых экономических преступников и общеуголовных не нашло отклика в государственной уголовно-исполнительной политике (Селиверстов, 2017). Обсуждение такой новации в том числе содержало аргумент о необоснованном облегчении участи «беловоротничковых» преступников в случае изъятия их из среды общеуголовного элемента (воров, наркосбытчиков, лиц, совершивших насильственные преступления, террористов, педофилов и т. п.). Таким образом, применение к разным лицам сходных наказаний по размеру и сроку на практике не означает равенства хотя бы потому, что субъективно кара и связанные с ней ограничения воспринимаются по-разному в зависимости от социального статуса и особенностей личности осужденного. Проблема приоритетности той или иной цели наказания ни в законе, ни в доктрине не решена. Поэтому строгость или мягкость ответственности зависит от усмотрения суда или правоохранительных органов на досудебных стадиях. С этой точки зрения правосознание правоприменителя влияет на реализацию целей наказания весьма вариативно. Анализируя пенитенциарную деятельность с точки зрения одной из важных функций государства, можно выявить еще одну цель, не зафиксированную в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, но разумеющуюся, – поддержание общественной гармонии, социального спокойствия, устойчивости, недопущения серьезных конфликтов, связанных с несправедливым мироустройством. Этим объясняется самое терпимое отношение к преступности самих правоохранителей, а также госслужащих и представителей элиты. Однако нередко преступления являются следствием раздела сфер влияния преступных кланов, и тогда вектор справедливости весьма существенно корректируется возможностями, в том числе финансовыми, например, по найму наиболее влиятельных адвокатов или представителей власти. Такая корректировка равенства перед законом, как правило, негласна и нигде не зафиксирована. Но какие-то ее предпосылки все же существуют нормативно. К ним можно, например, отнести конструкцию необоснованно широких санкций. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, принятым в целях усиления дифференциации при назначении наказания и проявления экономии репрессии, нижний предел наказания в виде лишения свободы был исключен из санкций большинства статей Особенной части УК РФ. Тем самым возможность проявления гуманизма законодатель в основном переложил на судебную инстанцию. Однако в некоторых случаях эта новация явно нарушила принципы законности и справедливости, когда в особо тяжких преступлениях с максимальным наказанием в 15 лет лишения свободы оказалось возможным, согласно ч. 2 ст. 56 ст. УК РФ, назначить это лишение свободы сроком от 2 месяцев. В число таких деяний попали особо квалифицированные составы умышленного причинения тяжкого вреда здоровью; хищения предметов, имеющих особую ценность; фальшивомонетничества. Кроме того, более 20 лет назад трудно было представить, что ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», санкция которой для основного состава содержит лишение свободы до 20 лет, будет востребована на практике. Сейчас же весьма вероятно, что виновные в этом преступлении предстанут перед судом.

Изменение категории тяжести судом в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, открывающее возможность освобождения от ответственности по разным основаниям лиц, совершивших преступления, отнесенные законодателем к тяжким, с самого начала введения этой новации в УК РФ расценивается юридической общественностью как коррупционноремное. Эти узаконенные пути ухода от ответственности и ее уменьшения – безусловно, яркие примеры легитимного неравенства.

В конце XVIII в. Великая Французская революция провозгласила равенство всех граждан перед законом. Впоследствии это положение стало общепризнанным и во всех странах мира провозглашалось как общетраслевой правовой принцип. Им устанавливается равенство независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В такой редакции он воспроизводится в ст. 4 УК РФ, так как в уголовном праве, наиболее существенно затрагивающем конституционные права граждан, его соблюдение необходимо. Более того, использование служебного положения весьма часто фигурирует в качестве способа, образующего квалифицированный состав с повышенной уголовной ответственностью. В ряде составов преступлений, например в ст. 290 УК РФ «Получение взят-

ки», для субъекта, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющегося главой органа местного самоуправления, предусмотрено более строгое наказание, а его преступление переводится в разряд тяжких.

Однако задекларировать равенство всех граждан перед законом и обеспечить это равенство на деле – это далеко не одно и то же. Словное право практически во всех странах мира остается важной доминантой деятельности правоохранительных органов и судебной системы.

В большинстве случаев «многоэтажность» права – это феномен, который не любит яркого света. Однако в отдельных случаях доказательства его существования проникают в официальную нормативную систему.

Конституция содержит общую норму, закрепляющую принцип равенства граждан перед законом в ст. 19. В гл. 4 Конституции РФ, посвященной Президенту Российской Федерации, специальными нормами предусмотрены исключения для действующего и пребывающего в отставке Президента, касающиеся привлечения его к ответственности. В ст. 91 и 92.1 Конституции провозглашается неприкосновенность Президента, а в ст. 93 – возможность лишения его неприкосновенности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в его действиях признаков преступления. При этом, если в трехмесячный срок Совет Федерации не примет такого решения, оно считается отклоненным. Положения о неприкосновенности Президента продублированы также в ст. 3 Федерального закона «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (№ 12-ФЗ от 12 февраля 2001 г.):

«1. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру.

2. Неприкосновенность Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку.

3. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, может быть лишен неприкосновенности Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Совет Федерации) только на основании выдвинутого Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления...»⁵

Таким образом, речь не идет о возможности привлечения к ответственности действующего или утратившего полномочия Президента Российской Федерации при совершении преступлений небольшой или средней тяжести.

Тем самым правовой иммунитет Президента распространяется на весь период нахождения в должности и после отставки. Он касается большинства умышленных и неосторожных деяний, направленных практически на любой охраняемый уголовным правом объект. Это могут быть преступления против здоровья личности, конституционных прав, здоровья населения, общественной и государственной безопасности, экономической деятельности, экологической безопасности, государственной службы, порядка управления, правосудия и т. д., в том числе относимые к коррупционным. Зарубежная практика знает не только случаи отрешения от должности высших должностных лиц, но и присуждения им наказаний, связанных с лишением свободы на длительные сроки (Израиль, США, Аргентина, Украина, Киргизия, Грузия и т. д.) Так, например, Пак Кын Хе, Президент Южной Кореи, была осуждена на 25 лет лишения свободы за ряд коррупционных преступлений, но впоследствии помилована. Экс-президент Египта Мухаммед Мурси в 2016 г. был приговорен за шпионаж в пользу Катара и некоторые другие преступления к пожизненному заключению, во время долгих судебных разбирательств в 2017 г. он скончался⁶.

⁵ О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи. № 12-ФЗ от 12.02.2001 (ред. от 22.12.2020). (2001). Собрание законодательства Российской Федерации, 7, ст. 617.

⁶ Бывшие и действующие главы государств, осужденные по решению суда. (2023, 17 мая). РИА Новости. https://ria.ru/20230517/osuzhdennye_glavy_gosudarstv-1872359836.html

Учитывая сложности политических реалий, установлению иммунитета действующего Президента РФ в какой-то мере можно найти оправдание. Но тот факт, что Президенту, вышедшему в отставку, гарантируется безнаказанность при совершении преступлений, не относящихся к разряду тяжких, с позиций принципа равенства граждан перед законом объяснить уже весьма затруднительно. Объяснение простое – существуют социальные сферы, в которых этот принцип не работает. В свое время великий физик А. Эйнштейн открыл удивительный феномен – кривизна пространства. Эта теория справедлива и по отношению к социально-правовым реалиям. Высокопоставленные должностные лица создают такую кривизну правового пространства, что все самые жесткие меры за совершение преступлений обходят их стороной.

Порядок привлечения к ответственности должностных лиц субъектов Российской Федерации также отличается особенностями, ограниченными ст. 18 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁷, предусматривающий для такого рода случаев особый порядок производства по уголовным или административным делам. В литературе предлагается распространить такой же порядок на более широкий круг должностных лиц, в частности, на глав субъектов Российской Федерации (Жуков, 2008. С. 133–134). Однако практика последних лет показывает, что именно этими высокопоставленными должностными лицами нередко совершаются коррупционные деяния⁸. Поэтому расширение категорий лиц, чье положение осложняет пресечение коррупционных преступлений, нецелесообразно» (Чепус, 2014). В соответствии с ч. 5 ст. 29 вышеназванного закона для высшего должностного лица субъекта в случае предъявления обвинения в совершении преступления предусмотрен порядок временного отстранения его от должности Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации⁹.

Весьма яркую характеристику одной из негативных сторон социально-правовой ситуации в нашей стране дал сенатор Ф. А. Клинецвич: «Мариуполь, который взяли, а потом отошли, – это был элемент распасовки. Сегодня больших людей, совершивших коррупционные схемы, ну очень больших, их никогда не посадят в тюрьму и не накажут публично, их потихонечку назначают на какие-то второстепенные должности. Я вот не хочу об этом говорить, потому что много живых из тех людей, которых я за свою жизнь видел, как снимали с должностей и назначали с повышением, снижая значимость очень высокой должности. Можете представить, очень высокую должность деградировали, чтобы его снять с министра и поставить на эти вещи. В этом есть свои расклады. Никто на это не будет обращать внимания и не скажет правды. И нельзя это делать»¹⁰.

Выдающийся российский криминолог А. И. Гуров, длительный период возглавлявший высшие государственные структуры по борьбе с коррупцией, заметил: «...нельзя требовать от правоохранительных органов эффективной борьбы, если определенные категории лиц, находящихся у власти, по-прежнему стоят над законом, ибо они наделены правом неприкосновенности, перекрывающим иммунитет дипломатического работника» (Гуров, 1995. С. 291). При этом он не просто зафиксировал факт наличия в нашем государстве должностных лиц, которых невозможно привлечь к уголовной ответственности, но и показал один из механизмов, посредством которого этот порок правовой системы детерминирует коррупцию: «...каждый участник системы, стремясь обезопасить себя, безуспешно пытается вовлечь в нее вышестоящего руководителя, в результате чего коррупция достигает самых высших эшелонов власти, парализуя ее на всех уровнях» (Гуров, 1995. С. 287).

⁷ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации № 414-ФЗ от 21.12.2021 (ред. от 13.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). (2021). Собрание законодательства Российской Федерации, 52 (часть I), ст. 8973.

⁸ Должностные преступления: громкие дела 2021 года. (2021, 17 декабря). <https://www.advo24.ru/publication/dolznochnnye-prestupleniya-gromkie-dela-2021-goda.html>; Злоупотребление должностными полномочиями – самые громкие приговоры 2023 года. (2023, 28 августа). <https://www.advokat-sarkisov.ru/blog/zloupotreblenie-dolznochnnymi-polnomochiyami-samye-gromkie-prigovory-2023-goda.html>

⁹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации № 414-ФЗ от 21.12.2021 (ред. от 13.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). (2021). Собрание законодательства Российской Федерации, 52 (часть I), ст. 8973.

¹⁰ Франц Клинецвич: вторая фаза очень большой войны. <https://www.youtube.com/live/jCNLBHUKD7c?si=ei5y55yEGtPb6jIw>

Заключение

Анализ социальной практики показывает, что трансформация сословного права во всеобщее, предполагающее равенство граждан перед законом, – процесс далеко не завершённый. В качестве «невидимки», существующей в теле официальной нормативной системы, сословное право оказывается довольно живучим феноменом, устойчивым по отношению к попыткам избавиться от него. Не будет преувеличением констатировать, что эта невидимая нормативная система весьма могущественна. Настолько могущественна, что и общество, и государство на данном этапе социокультурного развития оказываются неспособными избавиться от него.

Механизм устойчивости рудиментов сословного права включает следующие элементы:

1. Обеспечение представителями высшей власти коррупционной безнаказанности группе единомышленников, соратников, исполнителей высшей воли. Здесь мы имеем дело с двуединой мотивационной установкой. С одной стороны, безнаказанная коррупция чиновников – стимул к активной деятельности. С другой – угроза исключения из группы неприкасаемых за нарушение корпоративных правил, которые с определенной долей условности можно назвать неписанным элитарным правом.

2. Введение элиты в русло законопослушного поведения, лишение ее коррупционных перспектив – дело не только сверхсложное, но и весьма небезопасное. Высшая власть всемогуща. Но Кеннеди застрелили. Известный борец с коррупцией в Сингапуре Ли Куан Ю в период, когда борьба с коррупцией в его стране достигла наивысшего напряжения, чувствуя угрозу своей жизни со стороны коррупционеров, дважды не ночевал в одном и том же месте. И даже такой антикоррупционный титан, как Сталин, по мнению ряда исследователей, был отравлен (Авторханов, 1991). Пришедший к власти в 2016 г. Президент США Дональд Трамп инициировал проверки финансовой деятельности Федеральной резервной системы и Министерства обороны США. Недостачи, выявленные в ходе этих проверок, исчислялись триллионами долларов. Однако аудиторские компании отказались от продолжения ревизии, и никаких мер принято не было¹¹. И ревизорам, и политикам, которые назначили ревизию, хотелось остаться в живых. Неслучайно древняя китайская мудрость гласит: «Императору не стоит быть слишком строгим со своими подчиненными».

Перешагнуть исторический этап рудиментарного сословного права с помощью суровых наказаний коррупционеров невозможно. Культура человечества, в том числе правовая культура, развивается поступательно. Ее трансформация требует много времени. Этот процесс лишь частично поддается управлению. Культура – феномен упругий. Попытки ускорения в этой сфере чаще всего завершаются фиаско.

Значит ли это, что усилия по борьбе с коррупцией бессмысленны? Нет! Речь идет лишь о том, что уровень правовой культуры социума формирует определенные рамки, преодолеть которые не удастся. Под указанными рамками мы имеем в виду уровень эффективности антикоррупционной практики. В этом ракурсе можно выделить два направления противодействия этому социальному злу. Первое направление – реализация по максимуму возможностей данного этапа развития социума. В Израиле в столичной тюрьме отбывают наказание осужденные за преступления президент страны, премьер-министр и два министра. Вероятно, эти показатели корректно определить как высший уровень реализации современного антикоррупционного потенциала. Справедливости ради надо заметить, что Израиль в данном виде единоборств – чемпион. Повторить такой рекорд не удалось ни в одной стране мира. Россия, конечно, отстает, но не безнадежно. Министры, губернаторы, заместители министров – рамки отечественной антикоррупционной практики достаточно широки.

Второе направление – это ограничение и разрушение рудиментов сословного права. Здесь лидирует Сингапур. Аксиомой успешной борьбы с коррупцией стала установка премьер-министра страны Ли Куан Ю, который заявил: «Чтобы побороть коррупцию, начните с того, что посадите трех своих друзей»¹². Китайская стратегия наказания за коррупцию львов и мух – это тоже разрушение рудиментов сословного права, которое активно реализуется на практике. Так, согласно данным Комиссии по дисциплине Китая, в период с января по сентябрь 2024 г. наказанию за коррупцию подверглись 589 тысяч человек. В числе наказанных оказались

¹¹ Катасонов, В. (2024, 21 июля). Дональд Трамп и Федеральный резерв: взвешенный подход с намеком на реформы. Фонд стратегической культуры. <https://www.fondsk.ru/news/2024/07/21/donald-tramp-i-federalnyy-rezerv-vzveshennyu-podkhod-s-namyokom-na-reformy.html>

¹² Сингапурское чудо: чтобы побороть коррупцию, начните с того, что посадите трех своих друзей. (2018, 28 мая). Kun.uz. <https://kun.uz/ru/70476301>

53 сотрудника провинциального и министерского уровня, более 2,7 тысячи сотрудников департаментов и бюро, 74 тысячи чиновников поселкового и районного уровня¹³.

Завершая анализ, можно констатировать, что философско-правовая методика исследования коррупции достаточно продуктивна. Фундаментальные изыскания в области права позволяют дифференцировать объективные и субъективные факторы коррупции. В качестве объективного фактора неустойчивости коррупции высшего уровня выступают параметры развития правовой культуры социума. Субъективные факторы – это упущение государственных органов в плане реализации по максимуму антикоррупционного потенциала, характерного для данного этапа культурного развития.

Исследования в указанной сфере позволяют сформулировать стратегические направления антикоррупционной практики: последовательное избавление от рудиментов сословного права и моделирование социально-правовых механизмов, позволяющих наиболее полно реализовать в борьбе с коррупцией потенциал данного этапа восхождения к праву.

Список литературы

- Авторханов, А. Г. (1991). Загадка смерти Сталина. *Новый мир*, 5, 194–233.
- Алексеев, С. С. (2001). *Восхождение к праву. Поиски и решения*. Москва: НОРМА.
- Беккария, Ч. (1939). *О преступлениях и наказаниях*. Москва: Юридическое изд-во НКЮ СССР.
- Бекишиева, С. Р. (2017). Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 18–25.
- Волков, В. В. (2014). Влияние социального статуса подсудимого на решение суда. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4, 62–85.
- Гафурова, Н. (2020). Верховенство права как универсальный принцип обеспечения прав человека. *Вестник юридических наук*, спецвыпуск. <https://cyberleninka.ru/article/n/verhovenstvo-prava-kak-universalnyy-printsip-obespecheniya-prav-cheloveka>
- Гуров, А. И. (1995). *Красная мафия*. Москва: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник».
- Денисов, С. А. (2018). «Двухэтажное» право. В кн. В. Д. Перевалов (отв. ред.), *Проблемы правопонимания: коллективная монография по результатам III Алексеевских чтений* (с. 76–82). Екатеринбург: УрГЮУ.
- Ершов, Ю. Г. (2019). Коррупция как угроза государственности. В сб. *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием* (с. 80–90). Екатеринбург: Ин-т философии и права Урал. отд. Рос. акад. наук.
- Жуйков, В. М. и др. (2010). *Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: коллективная монография*. Москва: Статут.
- Жуков, А. П. (2008). *Ответственность органов исполнительной власти в системе разделения властей субъектов РФ: дис. ... канд. юрид. наук*. Ростов н/Д.
- Иншаков, С. М., Казакова, В. А. (2019). *Стратегии противодействия коррупции: классические и реальные*. Москва: Русайнс.
- Кордонский, С. Г. (2008). Сословная структура постсоветской России (Ч. 1). *Мир России*, 3, 37–66.
- Кордонский, С. Г., Дехант, Д. К., Моляренко, О. А. (2012). Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования. *Мир России*, 2, 62–102.
- Мартыанов, В. С. (2019). Двойные стандарты в определении коррупции как вызов общественному согласию. *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции*, 1. <https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.2451>
- Морщакова, Т. Г. (2009). Верховенство права и конституционные основы единообразия судебного применения. В сб. *Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике* (с. 296–339). Москва: Статут.
- Нечаева, Е. В. (2019). О критериях определения степени исправления осужденных к уголовным наказаниям. *Уголовно-исполнительное право*, 14(3), 222–227.
- Панкевич, Н. В. (2015). Противодействие коррупции в пространствах социального исключения. *ОНС: Общественные науки и современность*, 3, 78–89.

¹³ Комиссия по дисциплине Китая: 589 тысяч человек наказано за коррупцию. (2024, 26 октября). RT. https://m.dzen.ru/news/story/4a3c99f2-25c2-57ad-a3e7-60b41f87d6bd?lang=ru&from=main_portal&fan=1&annot_type=trust&t=1729930051&persistent_id=2995764553&cl4url=d56ee6cb373c43ad0c43783d43063e86&tst=1729930639&story=20683f44-51a1-5d8c-ba57-2452458a2559&utm_referrer=m.dzen.ru

Селиверстов, В. И. (2017). Отбывание лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом использования их интеллектуального и креативного потенциала: новый научный проект. *Уголовно-исполнительное право*, 12(1), 34–38.

Сото, Э. (2007). *Иной путь: Экономический ответ терроризму* (пер. с англ. Б. Пинскера). Челябинск: Социум.

Чепус, А. В. (2014). Общая характеристика института привлечения к ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 4(30), 107–111.

Lynch, El., Mudge, Al., Knowles, S., Kitson, Al., Hunter, S., & Harvey, G. (2018). "There is nothing so practical as a good theory": a pragmatic guide for selecting theoretical approaches for implementation projects. *BMC Health Services Research*, 18(1), 857. <https://doi.org/10.1186/s12913-018-3671-z>

Chiricos, T. G., & Bales, W. (1991). Unemployment and Punishment: An Empirical Assessment. *Criminology*, 29(4), 701–724. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1991.tb01085.x>

Ulmer, J. T. (2012). Recent Developments and New Directions in Sentencing Research. *Justice Quarterly*, 29(1). <https://doi.org/10.1080/07418825.2011.624115>

References

Alekseev, S. S. (2001). *Ascent to law. Search and solutions*. Moscow: NORMA. (In Russ.).

Avtorkhanov, A. G. (1991). Mystery of Stalin's death. *Novyi mir*, 5, 194–233. (In Russ.).

Bekisheva, S. R. (2017). Legal state and the rule of law: problems of correlation and practical implementation in the Russian legal system. *Law Herald of Dagestan State University*, 18–25. (In Russ.).

Bekkariya, Ch. (1939). *On crimes and punishments*. Moscow: Law Publishing House of the USSR People's Commissariat of Justice. (In Russ.).

Чепус, А. В. (2014). General characteristics of the institute of bringing senior officials of the subjects of the Russian Federation to justice. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 4(30), 107–111. (In Russ.).

Chiricos, T. G., & Bales, W. (1991). Unemployment and Punishment: An Empirical Assessment. *Criminology*, 29(4), 701–724. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1991.tb01085.x>

Denisov, S. A. (2018). "Two-storey" law. In V. D. Perevalov (Ed.), *Issues of law interpretation: collective monograph based on the results of the 2nd Alekseev's Readings* (pp. 76–82). Ekaterinburg: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. (In Russ.).

Ershov, Yu. G. (2019). Corruption as a threat to statehood. In *Topical issues of scientific support of the Russian state policy in combating corruption: collection of works based on the results of the 3rd All-Russian scientific conference with international participation* (pp. 80–90). Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Gafurova, N. (2020). The Rule of Law as a Universal Principle of Ensuring Human Rights. *Review of Law Sciences*, Special edition. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/verhovenstvo-prava-kak-universalnyy-printsip-obespecheniya-prav-cheloveka>

Gurov, A. I. (1995). *Red mafia*. Moscow: Samocvet, MIKO "Kommercheski vestnik". (In Russ.).

Inshakov, S. M., & Kazakova, V. A. (2019). *Strategies of corruption counteraction: classical and actual*. Moscow: Rusayns.

Kordonskiy, S. G. (2008). Estate structure of post-Soviet Russia (Part. 1). *Universe of Russia*, 3, 37–66. (In Russ.).

Kordonskiy, S. G., Dekhant, D. K., & Molyarenko, O. A. (2012). Estate components of Russia's social structure: hypothetical-deductive analysis and modeling. *Universe of Russia*, 2, 62–102. (In Russ.).

Lynch, El., Mudge, Al., Knowles, S., Kitson, Al., Hunter, S., & Harvey, G. (2018). "There is nothing so practical as a good theory": a pragmatic guide for selecting theoretical approaches for implementation projects. *BMC Health Services Research*, 18(1), 857. <https://doi.org/10.1186/s12913-018-3671-z>

Martyanov, V. S. (2019). Double standards in defending corruption as a challenge to public consent. In *Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation*, 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.2451>

Morshhakova, T. G. (2009). Rule of law and constitutional principles of uniformity of judicial application. In *Rule of law and issues of its provision in law enforcement practice* (pp. 296–339). Moscow: Statut. (In Russ.).

Nechaeva, E. V. (2019). On the criteria for determining the degree of correction of those sentenced to criminal penalties. *Penal law*, 14(3), 222–227. (In Russ.).

Pankevich, N. V. (2015). Anticorruption policies in the spaces of social exclusion. In *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 78–89. (In Russ.).

Seliverstov, V. I. (2017). The serving imprisonment convicted of economic and official crimes with the use of their intellectual and creative potential: new research project. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*, 12(1), 34–38. (In Russ.).

Soto, H. (2007). *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism* (transl. from Eng. by B. Pinsker). Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).

Ulmer, J. T. (2012). Recent Developments and New Directions in Sentencing Research. *Justice Quarterly*, 29(1). <https://doi.org/10.1080/07418825.2011.624115>

Volkov, V. V. (2014). The Influence of Socio-Economic Status of Defendants on Court Decisions. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4, 62–85. (In Russ.).

Zhujkov, V. M. et al. (2010). *Rule of law and issues of its provision in law enforcement practice*: collective monograph. Moscow: Statut. (In Russ.).

Zhukov, A. P. (2008). *Responsibility of executive authorities in the system of separation of powers of the Russian subjects*: Cand. Sci. (Law) thesis. Rostov on Don. (In Russ.).

Вклад авторов

С. М. Иншаков разрабатывал концепцию статьи, участвовал в обзоре литературы, в формулировке всех разделов статьи.

В. А. Казакова участвовала в обзоре литературы, в формулировке всех разделов статьи, осуществляла финальную редактуру.

The author's contributions

S. M. Inshakov developed the concept of the article, participated in literature review and in formulating all article sections.

V. A. Kazakova participated in literature review and in formulating all article sections, and performed final editing.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 26.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 15.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики Р. А. Григорьев / Rubric editor R. A. Grigoryev

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.433-447>

УДК / UDC 316.722:316.752:338.2(470+571)

Д. А. Афиногенов¹,
О. О. Смирнова^{2,3}

¹ Академия военных наук, г. Москва, Россия

² Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Россия

³ Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва, Россия

Цивилизационно-ценностный подход в стратегическом планировании

Контактное лицо:

Афиногенов Дмитрий Александрович, доктор политических наук, эксперт РАН, профессор, Академия военных наук

E-mail: afinogenov_d@inbox.ru

eLIBRARY SPIN-код: 3129-2204

Смирнова Ольга Олеговна, доктор экономических наук, доцент, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; Всероссийская академия внешней торговли (СОПС ВАВТ)

E-mail: 7823091@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2127-0571>

eLIBRARY SPIN-код: 9858-3813

Аннотация

Цель: в статье исследуются возможность и перспективность применения цивилизационно-ценностного подхода в стратегическом планировании, который является новым и нетрадиционным для данной области знаний. Авторы ставят задачу показать, как учет культурных, исторических и духовных ценностей может повысить эффективность управленческого воздействия на процессы развития и обеспечения национальной безопасности России.

Методы: исторический, философский, систематизации и экстраполяции современной проблематики, естественно-научный метод междисциплинарного анализа, метод аксиологии. Эти подходы позволили комплексно рассмотреть роль цивилизационно-ценностных факторов в стратегическом планировании.

Результаты: исходя из того, что в деле обеспечения национальной безопасности стратегическое планирование имеет ключевую роль, авторы предприняли попытку применить эти основания к стратегическому планированию, имея в виду главную цель – повышение эффективности его управленческого воздействия на процессы развития и обеспечения безопасности. Для реализации данной цели в статье рассмотрены вопросы роли и места цивилизационно-ценностного подхода в стратегическом планировании.

Научная новизна: впервые обоснована необходимость интеграции цивилизационно-ценностных факторов в парадигму стратегического планирования России. Предложены новые концепты, такие как «совокупная национальная мощь» и «гуманитарно-технологическая революция», которые расширяют теоретическую базу экономического явления.

Практическая значимость: исследование закладывает фундаментально новый подход для дальнейших разработок по вопросам цивилизационно-ценностного подхода стратегического планирования, направленного на обеспечение безопасности, укрепление национальной идентичности и суверенитета России. Применение данного подхода позволит превратить стратегическое планирование в реальный политический инструмент, нацеленный на формирование перспективного облика России на основе адаптивности к угрозам и вызовам, инновационности и ресурсной гибкости, а также суверенности в выборе форм и методов решения важнейших управленческих задач.

Ключевые слова:

стратегическое планирование, стратегическое управление, цивилизационное развитие России, социокультурные процессы, адаптивность, инновационность, ресурсная гибкость, цивилизационно-ценностный код России

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Афиногенов, Д. А., Смирнова, О. О. (2025). Цивилизационно-ценностный подход в стратегическом планировании. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 433–447. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.433-447>

Scientific article

D. A. Afinogenov¹,

O. O. Smirnova^{2,3}

¹ Academy of Military Sciences, Moscow, Russia

² Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ All-Russia Academy of Foreign Trade, Moscow, Russia

Civilizational-value approach in strategic planning

Contact:

Dmitry A. Afinogenov, Dr. Sci. (Political Science), Expert of the Russian Academy of Sciences, Professor, Academy of Military Sciences

E-mail: afinogenov_d@inbox.ru

eLIBRARY SPIN-code: 3129-2204

Olga O. Smirnova, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; All-Russia Academy of Foreign Trade

E-mail: 7823091@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2127-0571>

eLIBRARY SPIN-code: 9858-3813

Abstract

Objective: the article explores the possibility and prospects of applying a civilizational-value approach in strategic planning, which is new and unconventional for this field of knowledge. The authors set out to show how taking into account cultural, historical and spiritual values can increase the effectiveness of managerial impact on developing and ensuring Russia's national security.

Methods: historical and philosophical methods, systematization and extrapolation of modern problems, the natural-scientific method of interdisciplinary analysis, the method of axiology. These approaches made it possible to comprehensively consider the role of civilizational-value factors in strategic planning.

Results: based on the key role of strategic planning in ensuring national security, the authors attempted to apply these foundations to strategic planning, bearing in mind the main goal – to increase the effectiveness of its management impact on development and security. To this end, the article discusses the role and place of the civilizational-value approach in strategic planning.

Scientific novelty: for the first time, the authors substantiated the need to integrate civilizational-value factors into the strategic planning paradigm in Russia. New concepts such as “cumulative national power” and “humanitarian and technological revolution” were proposed, which expand the theoretical basis of the economic phenomenon under study.

Practical significance: the research sets a fundamentally new approach for further studies on the civilizational-value approach to strategic planning aimed at ensuring security, strengthening national identity and sovereignty of Russia. This approach will turn strategic planning into a real political tool aimed at shaping Russia’s future image based on adaptability to threats and challenges, innovation and resource flexibility, as well as sovereignty in choosing forms and methods for solving critical managerial tasks.

Keywords:

strategic planning, strategic management, civilizational development of Russia, socio-cultural processes, adaptability, innovativeness, resource flexibility, civilizational-value code of Russia

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Afinogenov, D. A., & Smirnova, O. O. (2025). Civilizational-value approach in strategic planning. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 433–447. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.433-447>

Введение

Проблематика цивилизационно-ценностных оснований государственной политики России в последние годы становится все более важной и значимой. В Послании Федеральному Собранию России 2024 г. Президент РФ заявил, что Россия была и остается оплотом традиционных ценностей. «Ценности любви и взаимной поддержки, доверия передаются в семье из поколения в поколение. Так же, как культура, традиция, история, нравственные устои и, конечно, главное предназначение семьи – это рождение детей, продолжение рода человеческого, воспитание детей, а значит, и продолжение всего нашего многонационального народа»¹, – сказал глава государства.

В Стратегии национальной безопасности России² определен национальный интерес «Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» и стратегический национальный приоритет «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Сформирован соответствующий пакт документов стратегического планирования, приняты «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³, сформирована и реализуется государственная политика в этой области.

В Концепции внешней политики России отмечено, что «...более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии... определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁴.

Одновременно в Стратегии национальной безопасности России (ст. 19) отмечается, что «...на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. (2024, 29 февраля). <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. (2022). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

⁴ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229. (2023). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов»⁵.

Мы видим, что ценностные основания становятся важнейшим фактором государственной политики обеспечения национальной безопасности. Эти основания исходят, с одной стороны, от реальных угроз в гуманитарной сфере, таких как фактор возможной утраты национального самосознания, подмены традиционной картины мира в общественном сознании и сознании каждого человека, вестернизация образования, культуры и здравоохранения.

С другой стороны, цивилизационно-ценностные основания госполитики опираются на геополитические аспекты, суть которых в том, что Россия – это сухопутная цивилизация с традиционно крестьянским (до XX в.) укладом хозяйства. Российскому народу и обществу свойственен такой цивилизационный признак, как «коллективизм и созидательность». Цивилизация, основанная на защите своих национальных ценностей, прежде всего православия, многонациональном характере государственности, традиции сосуществования, взаимодействия и взаимообогащения различных народов и культур накладывает свой отпечаток и на форму и методы стратегического планирования и стратегического управления. Прежде всего – с точки зрения того, что система формирования национальных интересов России на протяжении многих веков осуществлялась на основе первичности государственного интереса.

Таким образом, цивилизационно-ценностные основания во многом играют роль важнейших постулатов суверенного развития и обеспечения безопасности. Здесь ключевым направлением видится определение мировоззренческих, научно-теоретических и методологических основ стратегического планирования в Российской Федерации. Это направление сегодня представляется наиболее важным для обеспечения национальной безопасности России, так как недостатки в научном обосновании методологии стратегического планирования могут иметь самые негативные последствия для экономической, политической, информационной и культурной суверенности России. А потеря экономической и политической идентичности, суверенитета России и нанесение ей врагом катастрофического социального и материального ущерба может быть следствием утраты национального самосознания и изменения самого человека, гражданина России (Иванов, Афиногенов, 2024).

Исходя из указанных вызовов, цель настоящего исследования – на основе анализа исторического контекста и проблематики сегодняшнего дня дать импульс новому направлению развития стратегического планирования в РФ, основанного на цивилизационно-ценностном подходе.

Логика построения исследования основывается на сопоставлении западной политической культуры, где парадигма превосходства трансформировалась в постулаты стратегического планирования и концепт силы в международных отношениях, ведущих к примату силового подхода к решению конфликтов, с одной стороны, и цивилизационно-ценностных оснований развития России, связанных с духовно-нравственным выбором народа, – с другой. Объективно показано, что с распадом СССР реализация западных стандартов в российской практике привнесла конфликт и зачастую чужеродность утверждаемых отдельных документов и, как следствие, их нереализуемость. В этой связи привнесение в практику стратегического планирования культурно-ценностного подхода является краеугольной задачей данного исследования.

Результаты исследования

Трансформируя эти вопросы на проблематику стратегического планирования, авторы исходили из того, что в основе стратегического планирования лежит проблема стратегического целеполагания – важнейшего элемента и базовой основы любой государственной политики. При этом целеполагание как основа принятия решений и реализации практических мер для достижения поставленных целей должно опираться не только на технократические подходы к планированию и управлению, но и на цивилизационно-ценностные основания мировоззрения лица, принимающего решение. То есть на те основания, которые определяют, по сути, философию обеспечения безопасности той или иной социально-экономической системы.

Если мы посмотрим на западную политическую культуру, то такие классики политического реализма, как Х. Маккиндер, Г. Моргантау, Д. Мэхем, Н. Спайкман, З. Бжежинский, У. Кеннон, Г. Киссенджер и ряд

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. (2021). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

иных, обосновывали обеспечение безопасности преимущественно с позиции силы, путем завоевания и разграбления новых земель и экспансии на эти территории социокультурного кода западноевропейцев. Например, Г. Моргентау в труде «Реалистическая теория международной политики» заложил принцип понимания национальных интересов через власть и могущество и сформулировал постулат, в котором «...цели внешней политики должны определяться в терминах национальных интересов и подкрепляться соответствующей силой» (Абросимов и др., 2022). Сегодня это выражается в том, что «...господствующей идеологией американской политики с начала 90-х годов – после распада СССР, окончания холодной войны и биполярного миропорядка – стал американоцентризм. Главной целью американской политики стало недопущение появления на мировой арене в целом и в каждом из регионов мира силы (государства), способной бросить вызов лидерству США» (Назаров, 2022. С. 52). Анализ также показывает, что целеполагание западной политической науки предполагает сочетание силовых и несиловых средств и способов обеспечения безопасности. Как отмечают эксперты, «...необходимость постоянно корректируемого и сбалансированного использования всех инструментов американской мощи: военной, политической, экономической, дипломатической, разведывательной, информационно-пропагандистской, культурной и т. д.» является характерной чертой американской стратегии безопасности (Назаров, 2022. С. 58).

В качестве целеполагания можно также рассматривать доминирующую в правящем американском классе парадигму превосходства американской нации, убеждение в уникальности и одновременно универсальности мессианской роли Америки в мире, избранности американского народа. Как отмечал писатель Г. Мелвилл: «Мы, американцы, особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы несем миру ковчег свободы»⁶.

Такое понимание прямо трансформируется в постулаты стратегического планирования, принятые на Западе. Как отмечает, например, М. Неймарк, «новая американская Стратегия национальной безопасности, принятая 12 октября 2022 г. без каких-либо иносказаний и полутонов, позиционирует США как „глобальную державу с глобальными интересами“, которая призвана и дальше „продолжать руководить с силой и целеустремленностью“» (Неймарк, 2023. С. 5). При этом, как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности США от 2022 г., «во всем мире потребность в американском лидерстве как никогда велика»⁷.

Преломляя эти подходы к цивилизационно-ценностным основаниям политики Запада, можно полагать, что приоритет концепта силы в международных отношениях, а также примат силового подхода к решению всех проблем является наиболее существенной отличительной чертой американского и в целом западного подхода к пониманию мироустройства. Особенно отчетливо это проявляется в формуле избранного президента Д. Трампа «Сделаем Америку снова великой», которая предполагает восстановление этого величия за счет, прежде всего, внешних ресурсов и широкого использования для этого политических, дипломатических, экономических и военных возможностей.

Что же касается российского опыта, то цивилизационно-ценностные основания всегда были важным компонентом политики в области обеспечения безопасности нашего тысячелетнего государства.

Цивилизационно-ценностные основания России как великой державы, государства-цивилизации во многом сформировались за счет более чем 200-летнего взаимодействия с Великой степью. Еще до битвы на Калке (1223 г.) взаимодействие с кочевыми народами наложило свой отпечаток на формат цивилизационно-ценностного фактора в развитии России, формируя ее цивилизационное своеобразие. Такое своеобразие имеет несколько аспектов.

Первое – развитие России разворачивается при ведущей роли государства, которое «призвано обеспечить единство и территориальную целостность страны с огромной территорией и суровым климатом, с полиэтническим, поликонфессиональным населением, а также в условиях многочисленных внешних вызовов и угроз» (Пантин, 2021). Тезис о ведущей роли государства и сбережении национальной идентичности можно проследить с эпохи Александра Невского. Достаточно вспомнить знаменитую формулу Александра Невского «...крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке», которая говорила о выборе для Руси одного из двух цивилизационных подходов: тюрко-мусульманского, который не ставил задачу рекрутировать славян

⁶ Melville, H. (1850). *White Jacket; or, The World in a Man-of-War* (Ch. 36.). London: Richard Bentley.

⁷ U.S. Naval Institute Staff. (2022, October). 2022 U.S. National Security Strategy. <https://news.sni.org/2022/10/12/2022-u-s-national-security-strategy>

в свою веру, что сохраняло национальную идентичность Руси, и подхода Ватикана, ставившего целью переход России в католичество, что было совершенно неприемлемо с точки зрения духовно-нравственного выбора русского народа. Поэтому решение Александра Невского обеспечило сохранение важнейшей ценности России – православия – и представляло собой отчетливое государственное стратегическое целеполагание, что составило основу вектора стратегического развития страны на несколько веков вперед.

Период царствования Ивана IV (Грозного) дал нам бесценный опыт рассмотрения мощи государства как непреложного фактора отстаивания ее интересов на внешнеполитическом и внутривнутриполитическом контуре. На внешнем контуре основным смыслом российского государства стало приращение русских земель, так как мощь страны во многом ассоциировалась с ее территорией и ресурсами. На внутреннем контуре российская государственность обеспечивалась за счет совершенствования государственного управления, главным принципом которого становится укрепление неограниченной монархии, основанной на единовластии. Как отмечал Иван IV (Грозный), «сила русских правителей заключается в том, что они «изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!» Те же страны, где цари были «послушны епархом и сигклитом», в «погибель приидоша» (Мышинская, 2005). Таким образом, политика укрепления государственности выстраивалась на основе принципов централизации управления, что сохраняет свою актуальность по сей день.

Цивилизационно-ценностный подход в формировании внешней и внутренней политики отчетливо можно проследить, рассматривая период царствования Петра Великого, Екатерины Великой, всех императоров России от Николая Первого до Николая Второго. Свое практическое выражение он получил в развитии идеи служения Отечеству, в проведении целой серии военных и гуманитарных реформ, в оценке влияния Запада на национальные интересы и цивилизационное развитие России.

Второе заключается в том, что векторы общественного, геополитического и культурного развития России периодически радикально меняются, включая чередование либеральных реформ и антилиберальных контрреформ. Так, «либеральные реформы Александра I сменили контрреформы Николая I, затем снова – либеральные реформы Александра II и сугубо консервативные нововведения Александра III. Революция 1917 г. привела к военному коммунизму, а суровая политика 50-х годов прошлого века – к так называемой оттепели 60-х»⁸. Вслед за оттепелью последовал так называемый брежневский застой, а за застоєм – перестройка Горбачева и радикальные либеральные реформы 1990-х гг. Все эти циклические преобразования имеют различную природу и историю, однако вследствие такого турбулентного развития долгое время не удавалось сформировать концептуальное видение стратегического курса развития России, оценить роль и значение в становлении этого курса цивилизационно-ценностного фактора.

Что касается научного обоснования данного феномена, то в XX в. цивилизационно-ценностный подход наиболее четко можно проследить в работах И. А. Ильина, в которых русский философ, сопоставляя отечественные и зарубежные взгляды на цивилизационно-ценностные основы бытия, отмечает, что «...Европа не знает нас, потому что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет, прежде всего, сердцем и воображением и лишь потом волею и умом» (Ильин, 1956).

Вместе с тем движение по пути прогресса, проведение военной реформы и реформ С. Ю. Витте и П. А. Столыпина (финансовая реформа и внедрение золотого стандарта, активное железнодорожное строительство, попытки решения земельного, крестьянского и рабочего вопросов), а также идея П. А. Столыпина о том, что «реформы в своей совокупности должны непременно способствовать укреплению государственного единства и целостности России» (Столыпин, 1991. С. 63), показали, что цивилизационно-ценностные основы в политической и экономической жизни страны неразрывно связаны с вопросами стратегического планирования, стратегического управления и промышленной модернизации страны, которые должны были осуществляться на основе «исторического ядра» государственности – русского народа и православия.

Ясную взаимосвязь цивилизационно-ценностного подхода с национальными интересами страны, вопросами стратегического планирования можно проследить и в советское время вплоть до периода перестройки (1985–1991 гг.), когда эта связь оказалась разорванной. Провозглашалось, что «...целью СССР становится

⁸ Лапкин, В., Пантин, В. (2007). Динамика образа России и циклы реформ-контрреформ. Неприкосновенный запас, 1. <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/dinamika-obraza-rossii-i-cikly-reform-kontreform.html>

политика перестройки, демократизации, гласности, приоритет общечеловеческих ценностей как основа государственной политики в противовес идеологии КПСС о «классовом подходе» и «классовой морали» (Назаров, 2024). И такая подмена национальных интересов абстрактными общечеловеческими ценностями привела страну в определенный период нашей истории к упадку и деградации государственности.

Невнимание к историческим культурно-цивилизационным основам российской государственности привело к тому, что на протяжении более чем полутора десятков лет в новой России главная идея развития страны формулировалась под преобладающим влиянием либеральных ценностей. Несмотря на то, что эксперты отмечали «бесперспективность некритического копирования американской национальной инновационной системы в российских условиях, мы имеем дело с иной социально-экономической средой, в которой низок спрос, мало денег и нет доступного банковского кредита для инновационного сектора экономики» (Малинецкий, 2018. С. 27). Настойчиво осуществлялось встраивание России в ценностную и управленческую обойму Запада, что практически обнуляло возможность учета национальных интересов и не давало развиваться стратегическому планированию.

И только в последние 15–20 лет в России начался процесс формирования национальных интересов, стал разрабатываться инструментальный стратегического планирования и широко применяться ценностный (аксиологический) подход в управлении, который «опирается на человеческий потенциал как основу организации, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, гибко реагирует и производит своевременные изменения в организации, отвечающие вызову со стороны окружения»⁹ (Виханский, 1998. С. 296).

С учетом этого в начале 2000-х гг. главной идеей развития страны и обеспечения национальной безопасности стала парадигма укрепления суверенитета и восстановления институтов государственности, а главное, что присуще именно цивилизационно-ценностному подходу, большое внимание стало уделяться содержанию стратегического целеполагания.

По мнению ряда авторов, «целеполагание как процесс постановки целей есть отправная точка всего процесса стратегического планирования. Качество формирования набора целей в конечном счете определяет траекторию и саму возможность их достижения» (Блохин и др., 2019). Поэтому в его рамках определяются не только стратегические задачи и методы их решения, но и учитываются традиционные ценности, смыслы, традиции, которые оправданно считаются самым консервативным, т. е. наиболее устойчивым элементом в структуре той или иной культуры, ее так называемым цивилизационным ядром или кодом¹⁰. И в этой связи абсолютно прав профессор А. И. Подберезкин, считая, что «среди таких важнейших институтов государства существуют как идеи, ценности, так и вытекающие из этих идей стратегии. Таким образом, формулирование “главной идеи” означает выбор стратегии государства как важнейшего института его развития и обеспечения безопасности» (Подберезкин, 2023).

Следовательно, «стратегическое целеполагание, определяя основные цели развития и обеспечения национальной безопасности, приоритеты, на которых следует сосредоточить основные усилия и ресурсы, представляет собой творческий, научно обоснованный и осознанный процесс определения стратегических целей и задач, направлений и методов их достижения с учетом ожидаемого варианта будущих угроз и рисков и возможных инструментов их нейтрализации» (Назаров, Афиногенов, 2022).

Таким образом, применительно к проблематике стратегического планирования под цивилизационно-ценностными основаниями стратегического планирования можно понимать приоритет вопросов целеполагания в стратегическом управлении, основанном на совокупности культурных, исторических, духовных и моральных ценностей, определяющих направление и приоритеты развития страны. А с практической точки зрения «важность учета цивилизационно-ценностного факторакратно повышается при разработке и реализации различных проектов и программ развития на федеральном, региональном и местном уровнях» (Назаров, 2021). Неучет этих факторов ведет к огромной растрате интеллектуальных, финансово-экономических и иных ресурсов, что тормозит развитие страны, снижает ее возможности по обеспечению безопасности.

⁹ Виханский, О. С. (1998). Стратегическое управление: учебник (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: Гардарики.

¹⁰ Шевцова, Н. П. (2005). Проблема ценности в творчестве Н. А. Бердяева и И. А. Ильина: общее и особенное: автореферат дис. ... канд. филос. наук. https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002870431.pdf

Привнесение в политическую практику цивилизационно-ценностного фактора дает основания для введения в научный оборот ряда новых научно-методологических концептов, лежащих в основе государственной политики обеспечения национальной безопасности. Один из таких концептов – понятие совокупной национальной мощи, заключающейся в комплексном повышении способности государства к парированию угроз безопасности и обеспечению динамичного развития.

В специальной литературе совокупная национальная мощь определяется как «усредненный показатель научно-технического, политического, экономического, военного и культурного потенциала государства и общества, дающий возможность данному государству развиваться в условиях региональных, международных угроз и вызовов, преодолевать внутренние и внешние политико-экономические катаклизмы, продвигать и распространять национальные ценности и духовный потенциал»¹¹. Другая точка зрения заключается в том, что национальная мощь определяется «не монетаристскими параметрами, не наличием денег и “золота в хранилищах”, а современными характеристиками мощи: энергоносители, технологии, ресурсы, демография, образование, знания, инфраструктурные проекты, человеческий потенциал» (Радиков 2019). Опубликованный в 2005 г. доклад-исследование американской корпорации «Ренд» «Измеряя национальную мощь» (*Measuring National Power*) определяет мощь государства (*State power*) на трех уровнях: 1. Ресурсы (возможности) государства или текущая мощь. 2. Как отражается эта мощь в национальных процессах (*National processes*). 3. Итоговая мощь государства, или какое государство доминирует в данных обстоятельствах¹². Есть ряд и иных подходов, среди которых наиболее интересен китайский, где совокупная мощь рассматривается как «интегральный показатель политического, военного, научно-технического, информационного и иных потенциалов страны, включающий в себя совокупность факторов, определяющих способность страны развиваться, сопротивляться трудностям и внешнему воздействию, отстаивать свою систему ценностей и т. д.»¹³. Таким образом, в целом под совокупной мощью можно понимать своего рода макропоказатель, объединяющий все имеющиеся материальные и духовные возможности, которые общество способно реализовать для решения стоящих перед ним и государством задач. Такой макропоказатель дает возможность уйти от ведомственного функционала при формировании национальных интересов и несет в себе отчетливое стратегическое целеполагание. С точки зрения стратегического планирования это дает возможность комплексного подхода к определению системы приоритетных действий и мер для решения, в том числе и «силовыми» методами, важнейших задач развития и обеспечения безопасности.

Кроме того, сегодня набирает силу новый фактор, способствующий повышению значимости мировоззренческих основ стратегического планирования. Это фактор обеспечения лидерства в развитии науки и технологий, в том числе и в сфере общественно-политических наук, а также в плоскости нового понимания соотношения состояния научно-технологического комплекса страны и высокого качества жизни, что ведет к повышению конкурентных преимуществ России за счет роста качества человеческого потенциала.

Речь идет о так называемой концепции гуманитарно-технологической революции (Иванов и др., 2018), суть которой заключается в том, что «на новом этапе развития человечества доминирующим направлением станет создание дружелюбного технологического пространства как фактора обеспечения роста качества жизни, базирующегося на технологических секторах, обеспечивающих повышение качества жизни: энергетика, материалы, информационные технологии и технологии жизнеобеспечения, включая биологию, медицину, продовольствие и социальные технологии» (Иванов и др., 2018). Как видно из данного подхода, все указанные подходы имеют длинный временной лаг и не могут ограничиваться принятыми на сегодня трех- и шестилетними горизонтами планирования.

Повышение качества человеческого потенциала наиболее ярко будет проявляться на этапах формирования новых поколений людей, поддерживающих новую философию мышления. Это произойдет через 25–30 лет, когда новое поколение станет реальной движущей силой общественного развития. Но, чтобы стать такой

¹¹ Веранян, К. (2017, 14 июля). «Совокупная национальная мощь» государства. Фонд Норава. http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=15920

¹² Прохожев, А. А. (2005). Общая теория национальной безопасности: учебник (2-е изд., доп.) Москва: Изд-во РАГС.

¹³ Фостийчук, Ю. (2013, 20 ноября). Совокупная мощь государства: китайский подход. Центр стратегических оценок и прогнозов. <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/416/sovokupnaya-moshh-gosudarstva-kitajskij-podhod-4893>

силой, надо с детства воспитывать понимание стратегических целей развития страны и гражданского общества, сущности национальных интересов и целей развития России, традиционных российских ценностей.

На повестку дня выходит вопрос горизонтов стратегического планирования. Сегодня Основами госполитики в сфере стратегического планирования в РФ предусмотрено, что «стратегическое планирование осуществляется на долгосрочную (10–20 лет), среднесрочную (5–10 лет) и краткосрочную (3–5 лет) перспективу»¹⁴. Однако существующая управленческая практика в исполнительной власти продолжает сосредотачиваться на решении задач краткосрочного и среднесрочного планирования. В государственных органах часто доминирует мнение, что в условиях сложной геополитической ситуации и нестабильности необходимо разрабатывать антикризисные планы стабилизации, которые имеют краткосрочный характер и не требуют стратегического планирования (Ленчук и др., 2020).

Вместе с тем, исходя из того, что стратегическое планирование должно обеспечивать принятие и выполнение решений государственной важности, рассчитанных на длительные сроки реализации и требующих больших финансовых и иных ресурсных расходов, а также из инертности цивилизационно-ценностных факторов, влияющих на развитие страны в парадигме государство-цивилизация, необходимо существенное расширение горизонта стратегического планирования. Например, китайский опыт стратегического планирования предполагает формирование долгосрочных программ территориального развития, и «Национальная программа развития западных провинций Китая» рассчитана до 2050 г. (Табуева, 2020).

В Российской Федерации нет пока опыта подобного долгосрочного стратегического планирования. Исключение – «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.»¹⁵.

Однако глобальное целеполагание на длительный период времени с учетом пути России как государства-цивилизации уже может быть сформировано. Вариантом такого целеполагания может стать цивилизационно-ценностная формула, суть которой в том, что с учетом вызовов и угроз современности, в условиях нарастания конфронтации с коллективным Западом Россия на рубеже 2070 г. должна завоевать позиции ведущей державы глобального Севера, имеющей свои национальные интересы во всем мировом пространстве и строящей свое лидерство на основе реализации концепции сбережения народа России, осуществления гуманитарно-технологической революции и формирования многополярного мира. Такой подход дает возможность не только достаточно четко выделить долгосрочные стратегические приоритеты развития и безопасности, уточнить стратегические национальные интересы, определить этапы данного пути, их содержательную часть, но и позволяет выделить перспективные направления для завоевания такого лидерства, спланировать распределение ресурсов, сформулировать базовые стратегические цели развития Российской Федерации.

В частности, такими целями могли бы стать концепты сбережения российской нации, концепт развития России как независимого многоэтнического государства с собственным цивилизационным путем развития, концепт гуманитарно-технологической революции, концепт формирования сбалансированного гражданского общества страны на основе традиционных морально-нравственных ценностей, концепт надежного обеспечения обороны и безопасности России.

Однако эффективной система стратегического планирования может стать только при условии комплексного совершенствования системы стратегического управления, отвечающей сегодняшнему цивилизационному витку развития и новым задачам, стоящим перед страной и обществом. Как мы уже отмечали, видение будущего и требования к соразмерной системе управления под поставленные задачи являются наиболее насущными вопросами теории и практики современности, и принятый сегодня процесс стратегического управления не дает возможности заглянуть «за горизонт» (Смирнова, 2020).

Отличительная черта сегодняшней реальности – отсутствие разумного проекта будущего и общемировой концептуальный тупик. Современный мир вступил в большой антропологический переход, где на смену тоталитарным глобалистским проектам доминирования во всех сферах жизнедеятельности приходит новая

¹⁴ Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», ст. 10.

¹⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3052-р от 29.10.2021. СПС «Консультант Плюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/

смысловая парадигма, которая основана на взаимности, примирении, согласии, смысловом «сжатии»¹⁶, где главным качеством в хозяйственно-технологической, политически-управленческой, цивилизационно-этнической, гуманитарно-антропной сферах становятся многоукладность, множественность, разнообразие. Уже сформированы тенденции к перестройке системы управления и смены парадигмы управления на основе «сетевое управление», и «сетевая реальность» вносит особенно мощные коррективы во все процессы, включая процесс управления.

Сеть обнаруживает несколько концептуальных поворотов, сильно отличающихся от всего комплекса привычных концептов, в которых мир пребывал в течение последних сотен лет (Смирнова 2024). С одной стороны, новая «сетевая реальность» вносит значительные изменения, такие как широкое распространение человеко-машинных систем, что приводит к уменьшению роли личного опыта и увеличению зависимости от информационных технологий. Это также способствует росту ценности информации как материального ресурса и ее воздействию на восприятие. В условиях этой новой реальности стратегическое управление может трансформироваться в совокупность сложных цифровых алгоритмов.

Поэтому в условиях «цифровой» среды становится актуальной задача усиления роли идеологии как инструмента влияния на поведение людей. В ближайшем будущем в цивилизационной борьбе одержит победу тот, кто добьется в этом наибольшего успеха. На фоне изменений в мировой экономике и пересмотра социокультурных основ ключевую роль играет когнитивная борьба за психологическое, политическое и геокультурное превосходство, а также за подрыв культурного кода противника (Смирнова 2023), за внесение в его смысловую, семантическую и управленческую системы антисистемных элементов, т. е. элементов, разрушающих цивилизационную культурную сложность, а также систему управления.

Когнитивная борьба – важнейший фактор. Однако мы в ней пока проигрываем, так как формирование в нашей стране значительного количества трудов и материалов по тематике цивилизационного развития России, проектов будущего (по оценкам – более 400 наименований, из которых собственно проектных разработок – более 50, монографий – около 150, статей – более 200) не решило пока главную задачу – создания и концептуального утверждения будущего облика России.

Заключение

Говоря о цивилизационно-ценностном подходе в стратегическом планировании, можно сделать ряд выводов, имеющих прямое отношение к политической управленческой практике.

Первое. На протяжении многовековой российской истории в основе развития страны и обеспечения ее безопасности лежали вопросы развития и сбережения государственности. По сути, именно это определяло стратегическое целеполагание всего существования России как независимого государства цивилизации, опирающегося на православную религию, глубинные традиции отстаивания независимости страны, многоконфессиональность и многоукладность жизни общества, традиции служения Отечеству, а также способность гражданского общества и власти к консолидации в трудные для России периоды защиты Отечества. В историческом контексте именно эти основания предопределяли верховенство принятия тех или иных решений обеспечения политического и духовного суверенитета, ибо именно политическая, экономическая, военная и иная суверенность формирует путь развития России как государства-цивилизации. Не потеряло это своего значения и сегодня.

Однако история показывает, что глубоких традиций стратегического планирования, которые были бы рождены веками назад и использованы в настоящее время, у российской государственности нет. Процесс формирования и реализации государственной политики достижения национальных интересов зачастую был скорее ситуативен, чем рассчитан на долгосрочную перспективу. Поэтому в контексте исторического анализа говорить о наличии какой-либо скоординированной государственной политики реализации национальных целей и приоритетов достаточно сложно. Зачастую политика изменялась под влиянием различных внешних и внутренних факторов, а также мироощущений и миропонимания власть предержащих.

¹⁶ Сретенский проект будущего. Ноосфера – саморегулирующее, осмысленное и направляющее начало. Сретенский клуб имени С. П. Курдюмова. https://spkurdyumov.ru/uploads/2021/11/1-Kolesova_tezisy.pdf

Это особенно четко прослеживается в том, что Россия неоднократно в своей истории ориентировалась на Запад, перенимая от него новые компетенции и технологии, политические взгляды и нарративы, нормы жизни гражданского общества. И всегда, когда эти устремления и попытки, а также практика руководствоваться в политике либеральными ценностями и нормами морали заменяли национальные интересы, результаты были плачевны. Достаточно вспомнить периоды крушения самодержавия и империи в начале XX в., а также политику перестройки и распад СССР, чтобы понять: отход от базовых констант существования России как независимого суверенного государства цивилизации чреват его распадом.

Однако сегодня на основе положений базовых документов стратегического планирования – Стратегии национальной безопасности РФ и Концепции внешней политики России в редакции 2023 г. – наметился существенный разворот от господствующего последние 30 лет в российском политическом пространстве тренда на «встраивание» России в «западную» цивилизацию к пониманию необходимости самобытного, самостоятельного и максимально суверенного развития, основанного на традиционных российских ценностях, объективной мировоззренческой картине современного мира, отказа от политики вестернизации общественно-политической жизни страны, ее культуры и информационного пространства.

Российский ценностный подход сегодняшнего дня отличается от западных воззрений тем, что он показывает руководителю, осуществляющему стратегическое планирование и стратегическое управление, что значение идеалов, ценностей и целей, а также уровень институализации общественных отношений и ряд иных факторов гуманитарного плана имеют не менее важное значение для выработки и принятия решений, чем разработка различного рода стратегий, программ и планов. Таким образом, для стратегического планирования как сложного организационного феномена в рамках государственной политики цивилизационно-ценностные основания становятся важнейшим фактором.

Второе. Опыт государственного строительства показывает, что базовым принципом цивилизационно-ценностного основания стратегического планирования является комплексный подход. Такой подход включает в себя не только политические, экономические и военные аспекты, но и учет в реальной политике глубоко укорененных ценностей общества и понимание исторического контекста, культурных традиций и культурного многообразия общества, его обычаев и идеалов, политических и иных практик.

Комплексный подход дает возможность для широкого моделирования ситуации и формирования на этой основе перспективного облика России. При этом кратно возрастают роль и значение государственного управления, которое с точки зрения комплексности должно отвечать требованию «необходимой сложности в управлении» вновь пересобранной государственной и общественной системы и реализовывать три ключевых качества стратегического управления: адаптивность, инновационность и ресурсную гибкость (Смирнова, 2024). При этом контуры такого управления должны формироваться под технологии нового уклада и новый технологический уклад в целом. То есть процесс управления должен учитывать уникальные социальные, экономические и политические условия страны, а также ее стратегические цели на международной арене и внутри страны и ее ресурсный потенциал на всех направлениях. Такой учет характерен для успешных социально-экономических систем, которые могут свободно манипулировать своими ресурсами и, внедряя инновации, перестраивать свою структуру.

Не менее значимым для политической практики представляется и то, что сегодня цивилизационный подход в преломлении к перспективам нового мироустройства оказывается альтернативой глобалистскому подходу и однополярности. Идея о наличии нескольких цивилизаций, отличающихся по своим ценностям и принципам организации жизни, соответствует концепции формирования многополярного мира, в котором каждая из этих цивилизаций может выступать в роли одного из мировых центров силы¹⁷. При этом контуры цивилизационного развития России могут быть определены Стратегией национальной безопасности России, а более детальное раскрытие основных направлений развития может быть сформулировано за счет формирования оптимальной архитектуры документов стратегического планирования, созданной на основе подходов и принципов, рассмотренных в данной статье.

¹⁷ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». (2023, 5 октября). <http://kremlin.ru/events/president/news/72444>

Во многом именно на этой основе решается задача достижения морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства¹⁸. На этом направлении стратегическое планирование приобретает новое качество, превращаясь в реальный инструмент формирования перспективного облика России и обеспечения безопасности. Это крайне важно для практики государственного управления обстоятельство, так как делает планирование и управление не столько технократической, сколько политической функцией государства.

Третий вывод говорит о том, что противостояние России и коллективного Запада не имеет перспектив своего мирного разрешения даже в долгосрочной перспективе. Мировые процессы глобализации и информатизации, сокращение ресурсной базы развития и ряд иных факторов критически обострили отношения России и коллективного Запада. В основе конфликта – различное понимание ряда базовых ценностей. Если западные миссионеры несли и несут в мир примат своей исключительности, избранности и опираются исключительно на вектор силы в решении международных проблем, то российский подход, как правило, не посягает на ценностные основы своих партнеров, уважает их цивилизационный выбор и самобытность. Это является, с одной стороны, принципиальным фактором несовпадения позиций России и Запада даже в долгосрочной перспективе, но с другой – важнейшим фактором стабильности Российской Федерации сегодня, а также успешного развития проекта БРИКС, в рамках которого Россия играет ключевую роль.

С учетом такой перспективы на первый план в среднесрочном и долгосрочном стратегическом планировании выходят два вопроса: выбор долгосрочной стратегии развития России и повышение комплексной мощи страны для обеспечения ее безопасности, сохранения цивилизационной идентичности и суверенности, а также реализации собственного алгоритма развития.

Что касается первого, то в рамках долгосрочной стратегии развития России необходимо сформировать перспективный облик России на рубеже, например, 2075 г. как государства-цивилизации, способного на основе использования своих конкурентных преимуществ и военной мощи создать привлекательную основу новой модели мироустройства и реализовать функции морального лидерства в мире.

Что касается вопроса повышения комплексной мощи страны для обеспечения ее безопасности, сохранения цивилизационной идентичности и суверенности, то ростки формирования такой мощи мы видим как в части развития инструментов социально-экономического развития страны (Национальные проекты, пространственное планирование и Стратегия пространственного развития, переход к 6-летнему бюджетному планированию и т. д.), так и в части развития военного компонента российского государства.

На примере СВО очевидно повышение значения и роли стратегического анализа и стратегического прогноза в процессе принятия решений, важность новых подходов в планировании в условиях высокотехнологичного характера вооруженной борьбы, взрывного роста новых средств вооруженной борьбы, прежде всего БПЛА, всестороннего развития систем и средств ПВО. Важным является и планирование применения кадров, прошедших горнило боевых действий, в управленческой деятельности на уровне федерального центра и субъектов Российской Федерации.

И, наконец, надо иметь в виду, что стратегическому управлению как важнейшей части стратегического планирования присуща прямая зависимость не только от канонов, предписанных, например, Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁹, но и от мотивации субъекта управления, от его представлений о сущности и значении национальных идеалов и интересов, от цивилизационно-ценностных оснований его мировоззрения. И если в западном мире эта мотивация исходит от идей национального превосходства и исключительности, приоритета личностных ценностей над социально значимыми и общественными, гипериндивидуализация сознания и мироощущения, то для российского цивилизационно-ценностного подхода и российской политической и управленческой культуры характерны иные акценты, прежде всего такие, как справедливость, коллективизм и взаимовыручка, служение Отечеству и патриотизм.

В целом значение влияния цивилизационно-ценностных факторов на стратегическое планирование весьма велико. Однако сегодня российское научное сообщество пока еще далеко не в полной мере озабочено

¹⁸ Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. Ст. 19. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

¹⁹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. № 172-ФЗ от 28.06.2014. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>

необходимостью изменения парадигмы мышления в части стратегического планирования и пока содержательной «драки» за смыслы и образы будущего, за стратегическое целеполагание и оптимизацию форматов управления не наблюдается.

Проводимые дискуссии и форумы не совмещают между собой, как правило, проблематику стратегического планирования и вопросы ценностных оснований российского общества. Исключением служит лишь проведенный осенью 2024 г. в Санкт Петербурге форум «Стратегическое планирование в городах и регионах России», где на одной из панельных площадок рассматривался вопрос «Стратегическое планирование – ценностно ориентированный подход»²⁰.

Однако это только первый шаг и, скорее, исключение из общих правил, потому что краеугольные вопросы: как принятая система ценностей влияет на вопросы планирования и управления, есть ли необходимость уточнения базового набора ценностей и следует ли рассматривать такое новое для российской политической науки явление, как модель цивилизационного развития России, – пока не выносятся на обсуждение.

В этой связи авторы рассчитывают, что сделанная в статье попытка применить нелинейное мышление к вопросам увязки стратегического планирования с цивилизационно-ценностными основаниями государственной политики обеспечения национальной безопасности способна показать всю необходимую «смысловую сложность» стратегического планирования и стратегического управления завтрашнего дня в России.

Необходима широкая научная дискуссия, результатом которой будет проект цивилизационного развития страны, объединяющий стратегический и цивилизационный подходы, учитывающий как текущие глобальные тренды, так и уникальные культурные и исторические особенности страны, синтез традиций и современности в целях достижения устойчивого и гармоничного будущего.

В целом вопросы развития и сбережения государственности во все времена определяли стратегическое целеполагание развития России как независимого государства. Вместе с тем современная практика стратегического планирования не включает указанные аспекты в базовые цели и задачи подготовки документов стратегического планирования.

Это вступает в диссонанс с российской политической и управленческой культурой, которой характерны такие акценты, как справедливость, коллективизм и взаимовыручка, служение Отечеству и патриотизм. Поэтому задача проработки проблематики стратегического планирования и вопросов учета ценностных оснований российского общества в стратегиях развития страны, проработанный в данном материале, сегодня выходит на первый план и требует дальнейшего развития как в научном плане, так и в практической реализации.

Список литературы

- Абросимов, Н. И., Агеев, А. И., Аксютин, О. Е., ... Шульц, В. Л. (2022). *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Исследования и разработки проблем национальной безопасности*. Москва: МГОФ «Знание». EDN: FVCZSW
- Блохин, А. А., Адамян, Э. А., Китаев, А. Е., Миронова, И. И. (2019). Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 2, 3–25. EDN: CDIDPT
- Иванов, В. В., Афиногенов, Д. А., ... Суворов, В. Л. (2024). *Стратегическое планирование и национальная безопасность: Теория, методология, практика*. Москва: КРАСАНД. EDN: PJQYLC
- Иванов, В. В., Малинецкий, Г. Г., Сиренко, С. Н. (2018). *Контуры цифровой реальности. Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего*. Москва: Ленанд. EDN: IQZAQM
- Ильин, И. А. (1956). *Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг.* Т. I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза.
- Ленчук, Е. Б., Войтоловский, Ф. Г., Кувалин, Д. Б. (2020). Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности, перспективы. *Проблемы прогнозирования*, 6(183), 46–55. EDN: LIOIWS. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55>

²⁰ Круглый стол «Стратегическое планирование – ценностно ориентированный подход». XXII Общероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России», г. Санкт-Петербург, 10–11 октября 2024 г. <https://forum-strategov.ru/forum-strategov-about.html>

- Малинецкий, Г. Г. (2018). Стратегическое планирование, междисциплинарные подходы и инновационное развитие России. *Инновации*, 4(234), 27.
- Мышинская, Н. Н. (2005). Представления Ивана Грозного о задачах государства. *Историческое обозрение*, 6, 63–75.
- Назаров, В. П. (2021). *Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования в Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз*: дис. ... д-ра полит. наук. EDN: GMIJGT
- Назаров, В. П. (2022). *Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования*: монография (под общ. ред. Т. А. Алексеевой). Москва: КНОРУС. EDN: WOPQAY
- Назаров, В. П. (2024). Национальные интересы во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*, 17(1), 7–21. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21>
- Назаров, В. П., Афиногенов, Д. А. (2022). Стратегическое планирование в России: новый этап развития. *Политические исследования*, 4, 32–46. EDN: FIDKAM. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04>
- Неймарк, М. (2023). Мессианство и гегемония в современной геополитике: американский эксклюзив. *Обозреватель*, 1, 5. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_1_6
- Пантин, В. И. (2021). Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций. *Вестник Института социологии*, 12(4), 111. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.754>
- Подберезкин, А. И. (2023). *Современная стратегия национальной безопасности России*: монография. Москва: Издательский дом «Международные отношения».
- Радиков, И. В. (2019). Дилеммы могущества российского государства в современном мировом порядке. В сб. А. Я. Касюк, И. К. Харичкин (ред.), *Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 апреля 2019 г.* (с. 42–49). Москва: Московский государственный лингвистический университет. EDN: OLLMYT
- Смирнова, О. О. (2023). Когнитивные технологии экономических войн. *Теневая экономика*, 7(4), 369–390. EDN: FTHTPN. DOI: <https://doi.org/10.18334/tek.7.4.120343>
- Смирнова, О. О. (2020). Контуры трансформации стратегического планирования в России: от документов к стратегическому управлению. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 11(2), 148–161. EDN: ZULQEK. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.148-161>
- Смирнова, О. О. (2024). Три шага к стратегическому управлению. В сб. *XIV Всероссийское совещание по проблемам управления: сборник научных трудов, Москва, 17–20 июня 2024 г.* (с. 3460–3465). Москва: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН. EDN: JIULMG.
- Столыпин, П. А. (1991). *Нам нужна Великая Россия. Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911*. Москва: Молодая гвардия.
- Табуева, Е. Ю., Консовский, А. А. (2020). Система стратегического планирования в Китайской Народной Республике. *Молодой ученый*, 42(332), 138–141.

Reference

- Abrosimov, N. I., Ageev, A. I., Aksyutin, O. E., ... Shultz, V. L. (2022). *Security of Russia. Legal, socio-economic, and scientific-technical aspects. Research and development of national security issues*. Moscow: Znanie Moscow State University of Economics. (In Russ.).
- Blokhin, A. A., Adamyan, E. A., Kitaev, A. E., & Mironova, I. I. (2019). Comparative Assessment of Public Management Objectives in Russia's Economy. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 3–25. (In Russ.).
- Ivanov, V. V., Afinogenov, D. A., ... Suvorov, V. L. (2024). *Strategic planning and national security: theory, methodology, practice*. Moscow: KRASAND. (In Russ.).
- Ivanov, V. V., Malinetsky, G. G., & Sirenko, S. N. (2018). *Contours of digital reality. Humanitarian-technological revolution and the choice of the future*. Moscow: Lenand. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. (1956). *Our tasks: Works of 1948–1954*. Vol. I. Paris: Publication of the Russian General Military Union. (In Russ.).
- Lenchuk, E. B., Voitlovsky, F. G., & Kuvalin, D. B. (2020). Strategic planning in public governance: experience, opportunities, prospects. *Problemy prognozirovaniya*, 6(183), 46–55. (In Russ.). EDN: LIOIWS. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-46-55>
- Malinetsky, G. G. (2018). Strategic planning, cross-disciplinary approaches and innovative development of Russia. *Innovations*, 4(234), 27. (In Russ.).
- Myshinskaya, N. N. (2005). Ivan the Terrible's ideas about the tasks of a state. *Istoricheskoe obozrenie*, 6, 63–75. (In Russ.).
- Nazarov, V. P. (2021). *Development of the theoretical and methodological foundations of strategic planning in the Russian Federation in the context of new challenges and threats*: Dr. Sci. (Political science) thesis. (In Russ.).
- Nazarov, V. P. (2022a). *Development of the theoretical and methodological foundations of strategic planning*: monograph. Moscow: KNORUS. (In Russ.).

- Nazarov, V. P. (2024). National interests in Russia's foreign policy. *Bulletin of MGIMO University*, 17(1), 7–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21>
- Nazarov, V. P., Afinogenov, D. A. (2022). Strategic planning in Russia: a new stage of development. *Polis. Political research*, 4, 32–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04>.
- Neymark, M. (2023). Messianism and hegemony in contemporary geopolitics: American exclusive. *Observer*, 1, 5. (In Russ.). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_1_6
- Pantin, V. I. (2021). Civilizational features of the development of Russia in the context of modern social transformations. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 12(4), 111. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.754>
- Podberezkin, A. I. (2023). *Modern strategy of the national security of Russia*: monograph. Moscow: Publishing House “Mezhdunarodnye otnosheniya”. (In Russ.).
- Radikov, I. V. (2019). Dilemmas of the Russian state power in the modern world order. In A. Ya. Kasyuk, & I. K. Kharichkin (Eds.), *Modern Russia in the global political process: global and regional dimensions: works of the International scientific-practical conference, Moscow, April 16–18, 2019* (pp. 42–49). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.).
- Smirnova, O. O. (2023). Cognitive technologies of economic wars. *Shadow Economy*, 7(4), 369–390. <https://doi.org/10.18334/tek.7.4.120343>
- Smirnova, O. O. (2020). Outlines of Strategic Planning Transformation in Russia: from Documents to Strategic Management. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 11(2), 148–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.148-161>
- Smirnova, O. O. (2024). Three steps to strategic management. In *14th All-Russia Meeting on management issues: collection of scientific works, Moscow, June 17–20, 2024* (pp. 3460–3465). Moscow: V. A. Trapeznikov Institute of Management Problems of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Stolypin, P. A. (1991). *We need Great Russia. Full of collected speeches in the State Duma and The State Council. 1906–1911*. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Tabueva, E. Y., Konsovsky, A. A. (2020). Strategic planning system in the People's Republic of China. *Molodoy ucheny*, 42(332), 138–141. (In Russ.).

Вклад авторов

Д. А. Афиногенов – замысел данной публикации, постановка проблематики и историческая ретроспектива вопроса ценностей российской и западной цивилизации. Проработка вопросов национальной безопасности в контексте ценностно ориентированного подхода как фактора обострения отношений России и коллективного Запада.

О. О. Смирнова – разработка методических подходов для решения поставленной в данной публикации проблематики. Проработка вопросов трансформации стратегического планирования и управления на ценностно ориентированных основах, исходя при этом из задач комплексности системы управления, ее адаптивности, инновационности и ресурсной гибкости для развития страны.

The author's contributions

D. A. Afinogenov – provided the idea of the publication; formulated the problem area and historical retrospective of the values of Russian and Western civilizations; elaborated the national security issues using the value-based approach as a factor in the aggravation of relations between Russia and the collective West.

O. O. Smirnova – developed methodological approaches to address the issues raised in the publication; studied the issues of transformation of strategic planning and management using the value-based approach and addressing the management system complexity, adaptability, innovative character and resource flexibility for the state development.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 01.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 06.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

А. А. Шутова¹,
И. Р. Бегишев¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Этические принципы создания и применения биопринтных технологий

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: shutovaaa@ieml.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>
Scopus Author ID: 57219032918
Web of Science Researcher ID: GOG-9089-2022
eLIBRARY SPIN-код: 5235-4319

Контактное лицо:

Бегишев Ильдар Рустамович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
E-mail: begishev@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>
Scopus Author ID: 57205305394
Web of Science Researcher ID: T-2409-2019
eLIBRARY SPIN-код: 8859-9395

Аннотация

Цель: разработка комплексной системы этических принципов для формирования нормативной правовой базы и практической имплементации цифровых биопринтных технологий в клиническую практику.

Методы: исследование базируется на применении общенаучных методов научного познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частно-научных методов научного познания, включая логико-юридический метод.

Результаты: этико-правовые вопросы 3D (трехмерной) биопечати как развивающейся области высокотехнологичной медицинской помощи еще не получили широкого обсуждения среди специалистов, занимающихся проблемами биоэтики. Сфера 3D-биопечати включает в себя не только вопросы передовых технологий печати тканей и органов человека, но и поднимает целый пласт междисциплинарных проблем науки. Цифровая трансформация системы здравоохранения неизбежно повлечет совершенствование нормативного регулирования биопринтных технологий, однако с учетом определенной стабильности закона на это потребуются значительное количество времени.

Научная новизна: разработана система этических принципов, которые могут быть заложены в основу правотворческого процесса данной цифровой технологии и ее практической реализации в клинической медицине. Этические принципы, выделенные нами в системном виде, могут послужить основой для развития и внедрения отечественного правового регулирования биопринтных технологий. На основе сформулированных этических принципов можно продумать конкретные меры по совершенствованию отечественного законодательства и в целом предотвратить потенциальные негативные последствия, возникшие в результате их применения, что позволит технологии развиваться и не будет рассматриваться как стремление со стороны государства установить над ней контроль.

Практическая значимость: результаты исследования, включая теоретические положения, практические рекомендации и выводы, могут быть эффективно использованы для формирования правовой среды биопринтных технологий, развития научных исследований на пересечении медицины, цифровых технологий и фундаментальной науки и совершенствования нормативной правовой базы в сфере оказания высокотехнологичной медицинской помощи.

Ключевые слова:

3D-биопечать, 3D-биопринтер, биопринтная ткань, биопринтные технологии, биопринтный орган, биочернила, донор, здравоохранение, цифровые технологии, этика, этический кодекс

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Шутова, А. А., Бегишев, И. Р. (2025). Этические принципы создания и применения биопринтных технологий. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 448–463. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.448-463>

Scientific article

A. A. Shutova¹,

I. R. Begishev¹

¹ *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

Providing digital security of healthcare system with criminal-legal means

Albina A. Shutova, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher of Scientific-research Institute for Digital Technologies and Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: shutovaaa@ieml.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3015-3684>
Scopus Author ID: 57219032918
Web of Science Researcher ID: GOG-9089-2022
eLIBRARY SPIN-code: 5235-4319

Contact:

Ildar R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Institute of Digital Technologies and Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: begishev@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>
Scopus Author ID: 57205305394
Web of Science Researcher ID: T-2409-2019
eLIBRARY SPIN-code: 8859-9395

Abstract

Objective: to develop a comprehensive system of ethical principles for the formation of a regulatory framework and the practical implementation of digital bioprinting technologies in clinical practice.

Methods: the research is based on the application of general scientific methods of scientific cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, systematic approach), as well as private scientific methods of scientific cognition, including the logical and legal method.

Results: the ethical and legal issues of 3D (three-dimensional) bioprinting as a developing field of high-tech medical care have not yet been widely discussed among specialists dealing with bioethics issues. The field of 3D bioprinting includes not only advanced technologies for printing human tissues and organs, but also raises a whole range of interdisciplinary scientific issues. The digital transformation of the healthcare system will inevitably entail an improvement in the regulatory regulation of bioprinting technologies, however, given the certain stability of the law, this will take a significant amount of time.

Scientific novelty: a system of ethical principles has been developed that can form the basis of the law-making process of this digital technology and its practical implementation in clinical medicine. The ethical principles outlined by us in a systematic form can serve as the basis for the development and implementation of domestic legal regulation of bioprinting technologies. Based on the formulated ethical principles, it is possible to consider specific measures to improve domestic legislation and, in general, prevent potential negative consequences resulting from their application, which will allow technology to develop and will not be considered as an attempt by the state to establish control over it.

Practical significance: the research results, including theoretical provisions, practical recommendations and conclusions, can be effectively used to form a legal environment for bioprinting technologies, develop scientific research at the intersection of medicine, digital technologies and fundamental science, and improve the regulatory framework in the field of high-tech medical care.

Keywords:

3D bioprinting, 3D bioprinter, bioprinted tissue, bioprinting technologies, bioprinted organ, bio ink, donor, healthcare, digital technologies, ethics, code of ethics

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Shutova, A. A., & Begishev, I. R. (2025). Providing digital security of healthcare system with criminal-legal means. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 448–463. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.448-463>

Введение

Биопринтные технологии представляют собой новую революционную область в регенеративной медицине, которая позволяет уйти от классической трансплантации, быстро заменять больные органы на здоровые и в целом создавать и заменять органы и ткани человеку из своих собственных клеток (что исключит отторжение трансплантата). Достижения биопринтинга многообещающие, преимущества для пациентов огромны. Технология имеет потенциал для революции на рынке здравоохранения, в частности в фармацевтическом секторе, решая некоторые ключевые проблемы после прохождения длительного и дорогостоящего процесса исследований и разработки таких новых методов лечения (Khan & Siddique, 2022). 3D-печать привела к удивительным достижениям в медицине, способствуя спасению жизней, снижению затрат на здравоохранение и улучшению качества жизни людей. Производство биопринтных органов позволит сократить время на проведение операции, тем самым может сохранить жизнь нуждающимся в органах и (или) тканях людям. По мнению экспертов, в свете положительных сторон большинство организаций считают эту биоцифровую технологию морально оправданной (Беликова, 2020 С. 36–37). Многими авторами делается однозначный вывод о том, что технология 3D-биопечати – это инновация, спасающая жизни, и ее огромный потенциал хорошо оценивается учеными и врачами (Vijayavenkataraman et al., 2016. P. 1033).

Несомненно, значительное место будет отдаваться формированию правового регулирования правоотношений в сфере биопринтинга. На данный момент стоит констатировать как недостаточность легальной терминологии, так и возможные риски, возникающие в связи с новым и инновационным характером технологии, а также необходимость устранить правовые пробелы (Галюкова, 2023. С. 93). По мнению М. А. Ахмадовой, использование современных биомедицинских технологий порождает целый комплекс правовых проблем, требующих адекватного разрешения (Ахмадова, 2020. С. 197). Мы поддерживаем позицию о том, что перед массовой пересадкой напечатанных на 3D-биопринтере органов и тканей человека необходимо решить несколько важных этико-нормативных вопросов, в том числе проблемы противодействия биопреступности (Ксенофонтова, 2020. С. 105). Поэтому уже сейчас биоэтические и правовые аспекты 3D-биопечати должны получить свое широкое обсуждение во всем мире. Представленная публикация призывает общественность обратить внимание на проблему становления биопринтных технологий в России, имеющиеся этические дилеммы, а также необходимость формирования правовых основ, которые, с одной стороны, не ограничат развитие биоцифровой технологии, а с другой – позволят технологии быть безопасной и снизить имеющиеся риски.

На данный момент имеется огромное количество проблем, возникающих по причине применения технологии биопринтинга, связанные:

- с формированием понятийно-категориального аппарата;
- источником происхождения клеток;

- определением того, чем будет являться непосредственно напечатанный на биопринтере орган или ткань и каков их правовой режим (статус);
- тем, какими договорами будет опосредована процедура биопечати (к примеру, договором дарения или пожертвования);
- тем, потребуется ли самостоятельное правовое регулирование данной технологии или можно будет использовать имеющиеся правовые средства, регулирующие сходные общественные отношения (к примеру, законодательство о донорстве, трансплантации, биомедицинских клеточных продуктах и т. д.);
- определением того, кто будет нести ответственность за вред, причиненный в результате биопечати, и др.

Подобные вопросы, несомненно, нуждаются в осмыслении и нормативном регулировании, однако необходимо время, которое позволит понять эффективность применения цифровой инновации, ее перспективы и имеющиеся проблемы, а также разработать модель правовой регламентации и охраны общественных отношений. Кроме того, стоит учитывать, что попытку правового регулирования применения и использования биопринтных технологий многие могут воспринять как препятствие к развитию технологии, стремление со стороны государства установить над ней контроль. Так, по мнению авторов, общие дебаты последних лет сводятся к попытке разрешить колебание между юридическими попытками регулирования 3D-биопринтинга и концепцией полного запрета на такую деятельность (Pashkov & Harkusha, 2017. Рр. 480–482).

В связи с изложенным представляется обоснованной разработка Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструктов (далее – Кодекс) (Шутова, Бегишев, 2023. С. 239–247), который может служить основой для развития, построения и внедрения системы отечественного правового регулирования биопринтных технологий в Российской Федерации.

Результаты исследования

Общие положения

Регулирование любой биоцифровой технологии основывается на биоэтических принципах. Полагаем, что этические принципы биопринтинга должны быть соблюдены на каждом его этапе, начиная с определения источника происхождения клеток и заканчивая трансплантацией тканевого (органного) конструкта в тело человека. Этапы 3D-биопечати подробно были раскрыты в публикации Хесуани с соавт. (2018. С. 38) и не вызывают острую дискуссию.

В отечественной и в зарубежной литературе авторы выделяют этические проблемы развития биопринтных технологий. Нами были проанализированы работы, посвященные указанной проблематике, и на основе этого создана база этих этических принципов, которая легла в основу разработки Кодекса. Выделяются такие этические проблемы биопринтинга, как конфиденциальность, информированное согласие, право интеллектуальной собственности, а также вопросы требований к безопасности, качеству и эффективности технологических процедур (Salvaterra, 2023. Р. 2). Авторы обозначают, что важны следующие принципы: защита прав человека, сопутствующие риски и ограничение коммерциализации технологий биопечати (Kaul, 2023. Рр. 379–384). В работах значительное внимание уделяется проблеме безопасности, качества и эффективности как самой технологии, так и продуктов 3D-биопечати (Kirillova et al., 2020). Специалисты утверждают, что биопринтинг должен характеризоваться прозрачностью, надежностью и общественным доверием к технологии (Childress et al., 2024. Рр. 570–584). В литературе внимание обращается на проблемы источника происхождения клеток, стабильности и биосовместимости клеток и материалов, утилизацию 3D-печатных материалов, обеспечения их качества и безопасности до тестирования биопечатных материалов в испытаниях на животных и людях (Goddard & Dodds, 2020. Рр. 43–64). Зарубежные исследователи выделяют, помимо требований к клеткам и материалам, проблемы созревания и функциональности тканей, а также надлежащую васкуляризацию и иннервацию (Papaioannou et al., 2019). Этический диалог должен регулироваться принципами уважения к человеческой жизни и самоопределения человеческой личности (Girón Morazán, 2019. Рр. 104–114). Обращается внимание на обеспечение ответственного использования биологических материалов (Kantaros et al., 2025). Авторы указывают на прозрачность технологии как основополагающее требование для продвижения

и повышения общественного доверия, эффективности, безопасности и качества (Rizzo et al., 2023. Pp. 80–84). Значительное внимание уделяется вопросам неравенства и различий в доступе к технологиям 3D-биопечати (Li, 2014. Pp. 282–304).

На основе изучения имеющихся теоретических концепций авторов относительно этических проблем биопринтинга, собственных исследований нами сделаны выводы о том, что, исходя из значительного количества субъектов, которые вовлекаются в процесс создания и применения биопринтных технологий, этические принципы должны пронизывать следующие группы субъектов применительно к определенной стадии жизненного цикла рассматриваемой цифровой инновации:

- 1) этические принципы оборота донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов;
- 2) этические принципы взаимодействия с донорами клеток и с пациентами;
- 3) этические принципы создания биопринтных технологий;
- 4) этические принципы применения биопринтных технологий.

Этические принципы оборота донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов

Клетки, биочернила и биопринтеры – все это необходимые компоненты процесса биопечати, и каждый из них создает биологические, технические и этические проблемы, а также неясность в отношении клинической и экономической эффективности. В результате возникает ряд трудностей с интеграцией 3D-биопечати в широкую клиническую медицинскую практику (Jovic et al., 2020). Остановимся и подробно рассмотрим этические принципы оборота донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

Принцип стандартизации подразумевает под собой то, что процедура взятия донорских клеток для последующего их использования в биопринтинге для создания тканевых (органных) конструкторов, а также процедура разработки и применения биочернил должны осуществляться в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги), которые на данный момент не разработаны. Поэтому нам представляется, что стоит ожидать как минимум разработку двух нормативных правовых актов. Первый будет посвящен правовому регулированию биопринтных технологий, их пониманию, принципам (в виде федерального закона), а второй – ведомственному правовому акту Минздрава России, определяющему порядок проведения процедуры, права и обязанности медицинского работника и пациента и иные вопросы.

Принцип качества означает то, что медицинские работники должны осуществлять исследование качества донорских клеток на жизнеспособность и их способность к размножению. При этом правильный выбор клеточного материала в биопринтинге имеет важную и решающую роль, так как именно он определит функционал тканевой конструкции (Полянская и др., 2022. С. 87). Клиницисты утверждают, что существует широкий спектр материалов, которые можно использовать в биопечати. Помимо клеток и коллагена, аутологичные стволовые клетки являются вариантом использования в качестве биочернил для печати различных органов и тканей, поскольку они могут легко адаптироваться к тканям хозяина (Li & Faulkner, 2017. P. 443).

В свою очередь биочернила должны соответствовать требованиям биосовместимости (Егоров, Семенчук, 2022. С. 31), т. е. не вызывать побочных реакций со стороны организма, и биоразлагаемости, т. е. могут безопасно распадаться в ходе естественных процессов, пригодны для биопечати. Медицинские работники должны осуществлять исследование качества биочернил на жизнеспособность. Биочернила, из которых изготавливаются биопринтные ткани (органы), должны быть нетоксичными, прочными и поддающимися васкуляризации и окончательной интеграции в ткани. Исходные материалы должны быть адаптированы для получения желаемой биоинженерной конструкции и пригодны для имплантации человеку. По мнению специалистов, в настоящее время существует ограниченное количество биочернил, которые пригодны для биопечати и которые точно отражают архитектуру ткани, необходимую для восстановления функции органа после печати (Dey & Ozbolat, 2020).

Из вышеназванного принципа вытекает следующий – **принцип клинической эффективности**, подразумевающий под собой проведение клинической эффективности применения донорских клеток и биочернил. Медицинские работники должны осуществлять исследование качества биопринтных тканевых (органных) конструкторов на жизнеспособность и способность к трансплантации.

Вышеназванный принцип обуславливает необходимость осуществлять **тестирование** клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов на наличие вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции.

Кроме того, стоит обсуждения источник происхождения клеток (Matai et al., 2020). Когда дело доходит до происхождения клеток, предпочтительным типом клеток являются живые клетки человека или животных, поскольку они, вероятно, позволят обеспечить более массовое производство. Однако клетки животного происхождения несут в себе риск передачи заболеваний (Veeravalli et al., 2023).

Принцип объекта гражданских прав подразумевает под собой то, что донорские клетки, взятые для биопринтинга, биочернила и непосредственно сами биопринтные тканевые (органные) конструкторы до завершения процедуры трансплантации являются объектами гражданских прав. При этом зарубежные исследователи уделяют особое внимание нескольким проблемам, которые можно сгруппировать в четыре, а именно:

- проблемы, связанные с биопринтерами (масштабируемость, поддержание клеток в процессе печати при печати конструкций человеческого масштаба);
- вопросы, связанные с биочернилами (потенциальные проблемы с животным происхождением биочернил и различиями биочернил от партии к партии и их последствиями);
- дилеммы, связанные с тканеспецифичными биочернилами и их значением;
- препятствия для клинического перевода, включая этические и юридические аспекты биопечати.

После имплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов в тело человека на них распространяет действие положение законодательства, регламентирующее ограничение на изъятие органов и (или) тканей человека. С момента внедрения в тело человека биопечатные продукты становятся частью его тела, нематериальным благом, в отношении которого прекращаются все вещные и обязательственные права.

Принцип безопасного хранения клеток, биочернил и тканевых (органных) конструкторов. Медицинские работники должны обеспечить безопасное хранение донорских клеток и биочернил в биобанке (Kostenko, 2023). Напечатанный тканевый (органный) конструктор помещается в биореактор, поддерживающий их жизнедеятельность и способствующий росту клеток, пролиферации, васкуляризации, ремоделированию органов и созреванию. При этом тканевый (органный) конструктор, изготовленный в результате биопринтинга, находится в комфортной среде с оптимальной температурой, получает нужные питательные вещества и кислород, необходимые во время его созревания. Медицине известны случаи, когда либо биоматериал, либо клеточный компонент были загрязнены, что приводило к инфицированию.

Принцип безопасной транспортировки означает, что медицинскими работниками должны быть обеспечены подходящие условия для транспортировки донорских клеток, биочернил, а также напечатанных тканей (органа) к операционной для процедуры биопринтинга.

Принцип доступности результатов исследований (испытаний) доклинических означает, что результаты доклинических и клинических испытаний, результаты имплантации биопринтной ткани (органа) подлежат обязательному опубликованию в медицинских научных журналах.

Для этого предлагаем создать и вести глобальный реестр всех результатов доклинических и клинических испытаний, чтобы медицинские работники и исследователи по всему миру были осведомлены об имеющихся разработках и достижениях в данной области.

Принцип доклинических и клинических испытаний результатов биопринтинга на людях и животных. Доклиническое тестирование требуется не только для конечного биопринтного продукта, но и для тестирования отдельных элементов продукта по отдельности, например, воздействия биоматериала или типа клетки в организме. Одной из проблем, вызывающих беспокойство в ходе клинических испытаний сложных биопечатных продуктов, является потенциальная необратимость лечения и связанные с этим последствия (Gilbert et al., 2018. Pp. 73–91). В свою очередь процедура доклинических исследований (испытаний) биопринтных тканевых (органных) конструкторов должна осуществляться в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги), которые должны быть разработаны.

Несмотря на то, что конечной целью подходов биопечати является производство органов для трансплантации, биопечатные модели органов также обладают большим потенциалом для исследовательских целей, чтобы служить альтернативой экспериментам на животных (Berg & Kurreck, 2021).

Принцип трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов. В процессе биопечати должна быть соблюдена стерильность. Процесс должен быть безопасным, эффективным и поддаваться кор-

ректровке в режиме реального времени. Тканевой (органный) конструктор должен быть иммунологически совместим с организмом пациента и иметь подходящий размер для пересадки. Медицинские работники должны организовать процедуру трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

Медицинские работники должны учитывать **принцип переносимости** трансплантируемых в организм пациента биопринтных тканевых (органных) конструкторов. Религиозные и культурные проблемы, связанные с 3D-биопечатью, необходимо признавать и уважать, обеспечивая соответствие технологии общественным ценностям и нормам.

Этические принципы взаимодействия с донорами клеток и пациентами

Принцип контроля за разработкой цифровой модели пациента. Для создания цифровой модели (цифрового шаблона будущего трехмерного образа) CAD-файла в процессе биопечати с использованием специального программного обеспечения необходимым является получение специального разрешения. По мнению зарубежных авторов, разработка цифровой модели поднимает ряд этико-правовых вопросов относительно конфиденциальности. В случае технологии биопечати цифровая 3D-модель будет представлять персонализированные данные человека. Такую информацию следует считать конфиденциальной, и необходимы специальные правила, регулирующие получение, хранение, обращение, обработку и применение такой информации. Поэтому важная роль должна быть отведена тому, что разработка и применение цифровой модели пациента осуществляются медицинскими работниками в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

Принцип анамнеза заключается в том, что медицинские работники перед назначением процедуры выбора донора клеток и перед назначением процедуры трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов пациента должны исследовать его здоровье и изучить полный анамнез донора.

Принцип добровольного донорства. Процедура взятия клеток у донора осуществляется на добровольной основе. Однако полагаем возможным допустить добровольное донорство клеток за плату (в перспективе). По мнению группы исследователей, оплачиваемое донорство (к примеру, сдача клеток стромально-васкулярной фракции, полученной из жировой ткани) не влечет существенный вред здоровью и позволяет соблюсти этические нормы (Мелерзанов и др., 2016. С. 11–13). При этом необходимо будет разрешить следующие вопросы:

- указать количество сдаваемого биоматериала;
- указать частоту сдачи;
- определить требования к донору, критерии здоровья для разрешения подобного вида донорства и иные вопросы.

Принцип запрета на принуждение состоит в том, что запрещаются оказание давления на донора для получения его клеток в целях производства биочернил, угрозы применения к нему насилия, убийства, иные формы принуждения, влекущие уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Принцип этического соответствия заключается в том, что медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать его религиозные, культурные и социальные убеждения.

Принцип генетического соответствия. Медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать генетические заболевания донора клеток и его родственников. Пациент должен быть извещен о наличии генетических заболеваний у донора клеток и его родственников.

Принцип наследственного соответствия. Медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать наследственные заболевания донора клеток и его родственников. Пациент должен быть извещен о наличии наследственных заболеваний у донора клеток и его родственников.

Принцип гистосовместимости. Медицинские работники перед назначением процедуры выбора донора клеток (трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов) должны осуществлять тестирование на гистосовместимость.

Принцип биологической совместимости. Медицинские работники перед назначением процедуры выбора донора клеток (трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов) должны осуществлять тестирование на биологическую совместимость.

Принцип инфекционной реакции. Медицинские работники должны устранять риски, связанные с введением вирусной, бактериальной, протозойной, грибковой и прионной инфекции в организм донора клеток и пациента. Кроме того, развитие технологий получения индуцированных плюрипотентных клеток открывает перспективы для аутологичной биопечати. Однако в ряде ситуаций аутологичные клетки не могут быть применены, в частности в случае наличия генетических заболеваний. Деление «взрослых стволовых клеток» ограничено, что также ограничивает их использование для биопечати органов, которые могут быть применены для аутотрансплантации. Тем не менее тенденция к аутологичному применению клеток наиболее выражена. При этом могут использоваться не только находящиеся все большее применение мезенхимальные стволовые клетки, но и клетки, получаемые из плаценты, пупочного канатика и пуповинной крови.

Принцип иммунологической реакции означает то, что медицинские работники должны устранять риски, связанные с иммунологической реакцией и иммунным ответом организма донора клеток и пациента.

Принцип аллергической реакции определяет то, что должны быть устранены любые риски, связанные с аллергической реакцией организма донора клеток и пациента.

Принцип информированного согласия. Донор клеток и пациенты должны быть извещены об осуществлении в отношении них процедуры взятия донорских клеток, о возможных побочных эффектах и непредвиденных реакциях. Донор клеток должен быть извещен о том, каким образом и в каких целях будут использованы его донорские клетки.

Процедура взятия донорских клеток, процедура трансплантации биопринтных тканевых (органных) конструкторов должны допускаться только при наличии информированного согласия донора.

В свою очередь, пациент должен быть извещен о применении в отношении него медицинских изделий на основе биопринтных технологий, о возможных побочных эффектах и непредвиденных реакциях.

Принцип защиты прав и интересов. Донор клеток и пациент имеют право на защиту своих прав и интересов при осуществлении процедуры взятия донорских клеток и при применении в отношении него биопринтных технологий.

Принцип хранения и защиты данных. Медицинские работники должны хранить персональные данные доноров клеток и пациентов в базе данных с учетом требований информационной безопасности, в том числе в контексте обеспечения безопасности биометрических данных (Утеген, Рахметов, 2023. С. 825–844).

Принцип конфиденциальности данных. Медицинские работники должны известить доноров клеток и пациентов о том, что их персональные данные собираются и обрабатываются. Сведения о донорах клеток, состоянии их здоровья, иные сведения, полученные в ходе процедуры взятия клеток у донора, составляют врачебную тайну.

Принцип пропаганды донорства. Медицинские работники должны осуществлять пропаганду донорства на постоянной основе в целях привлечения потенциальных доноров к сдаче клеток в целях создания биопринтных тканевых (органных) конструкторов.

Принцип сохранения здоровья пациента означает, что пациенты могут являться донорами своих клеток для последующего производства биопринтных тканевых (органных) конструкторов, если им не установлен запрет по медицинским показаниям.

Принцип этического соответствия заключается в том, что медицинские работники в процессе процедуры выбора донора клеток должны учитывать религиозные, культурные или социальные убеждения пациента. Важным вопросом является применение ксеногенных материалов. Однако благодаря методам генной инженерии могут быть созданы генетически модифицированные животные, способные стать донорами соединительнотканых каркасов (подложек) для последующего засеивания человеческими клетками с целью создания трансплантатов. При этом приходится опасаться переноса зоонозных инфекций и вирусов (Мелерзанов и др., 2016. С. 11–16).

Принцип послеоперационного наблюдения (мониторинга). Необходимо тщательно следить, как напечатанная на биопринтере ткань (орган) выполняет свои функции после пересадки в тело человека. Необходимо проведение послеоперационного ухода и контроля за пациентом в связи с возможными послеоперационными осложнениями. Важной является разработка стандартов оказания медицинской помощи (медицинской услуги), определяющих правила проведения послеоперационного ухода и контроля за пациентами.

Этические принципы создания биопринтных технологий

Принцип благополучия означает, что разработка и производство биопринтных технологий должны быть направлены на благо пациентов и общества, а не только преследовать интересы бизнеса. Разработчики биопринтных технологий должны убедиться, что их продукты повышают качество медицинской помощи и улучшают здоровье пациентов. Биотехнология должна стремиться приносить пользу жизни людей (O'Mathúna, 2007. Рр. 113–119). Реализация указанного принципа поднимает новую этическую проблему – социального расслоения. По мнению зарубежных исследователей, будет создана многоуровневая система терапевтической замены органов, при которой те, кто может позволить себе платить за собственные органы, будут жить дольше, избегая негативных физических последствий приема иммунодепрессантов. В то время как другие будут ждать, пока появится донор человеческих органов, а затем им придется подвергаться суровому режиму приема лекарств, чтобы предотвратить эпизоды отторжения пересаженного органа (Vermeulen et al., 2017. Рр. 618–624).

По мере того, как мы продвигаемся по исследовательскому пути к разработке препарата или технологии, возникают этические вопросы в отношении защиты людей и общества от опасности и эксплуатации со стороны исследователей. По мере того, как новые биотехнологические продукты выходят на рынок, врачи и пациенты балансируют на еще одной грани – между неизвестным риском и обещанием пользы (Kuszler, 2006).

Принцип безопасной разработки закладывает основу тому, что разработчики и производители биопринтных технологий должны убедиться, что их продукты безопасны и не могут навредить пациентам и иным объектам правовой охраны.

Принцип безопасного применения. Внедрение биопринтных технологий в клиническую практику должно быть основано на доказательной медицине, а также на методах проверки, воспроизводимости и надежности. Разработчики и производители биопринтных технологий обязаны обеспечить качественную установку биопринтера, его настройку, техническое обслуживание и мониторинг работы на постоянной основе, оборудовать их различными системами безопасности. Разработчики должны применять стандарты безопасности программного обеспечения, в том числе защиту от вирусных атак, обновления безопасности, а также тестирование на наличие уязвимостей и ошибок. Разработчики и производители должны обеспечивать продукты системами аутентификации и авторизации для предотвращения их несанкционированного доступа и использования в неправомерных целях. Техническая документация по применению биопринтных технологий должна быть ясной и доступной для медицинских работников, которые работают с ней.

Мы поддерживаем мнение авторов, согласно которому ожидаются риски от последствий тотальной децентрализации производства, когда биопринтер практически может быть приобретен любым гражданином для домашнего использования (Романовская, Романовский, 2023. С. 37). Вопрос использования биопринтеров в коммерческих целях также должен найти свое нормативное решение, а деятельность по пересадке готовой биопринтной ткани (органа) человеку должна, по нашему мнению, подлежать лицензированию.

Согласно **принципу запрета разработки методов, направленных на улучшение тела человека**, биопринтные технологии не должны использоваться для придания человеческому телу новых, беспрецедентных или творческих способностей исключительно ради удовольствия или желания человека, когда это не обусловлено необходимостью оказания медицинской помощи (медицинской услуги). Создание биопринтных тканевых (органных) конструкторов не должно способствовать превращению человеческого тела или отдельных его органов в биологическое оружие или ограничению конкуренции в определенных сферах.

Принцип прозрачности и объяснимости означает то, что разработчики и производители биопринтных технологий должны гарантировать, что их продукты разработаны с учетом прозрачности и объяснимости процедуры и результатов.

Разработчики и производители биопринтных технологий должны предоставлять медицинским работникам полную информацию о том, как работает их продукт, к примеру, биопринтер, и какие результаты от напечатанных на нем тканевых (органных) конструкторов стоит ожидать.

Принцип послерегистрационного мониторинга обязует производителей после регистрации продукта и вывода его на рынок осуществлять непрерывный мониторинг его работы в целях выявления побочных эффектов или непредвиденных реакций при его применении.

Послерегистрационный мониторинг биопринтных технологий осуществляет федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения.

Принцип государственного регулирования свидетельствует о том, что разработчики и производители биопринтных технологий должны осуществлять надзор за соответствием выведенных на рынок продуктов требованиям безопасности, надежности и эффективности.

В ходе испытаний биопринтных технологий не должны создаваться условия, которые могут угрожать жизни и здоровью людей.

Принцип ответственности определяет то, что разработчики и производители биопринтных технологий должны убедиться, что их продукты соответствуют стандартам качества и безопасности, перед тем как представлять их на рынок. Разработчики и производители биопринтных технологий должны быть готовы взять на себя ответственность за любые проблемы, возникающие из-за некорректного использования продукта. Определение того, кто несет ответственность за любой вред, причиненный биопечатными органами – будь то производитель, хирург или другая сторона, – будет достаточно сложной задачей. Установление четкой правовой основы ответственности будет иметь важное значение для обеспечения того, чтобы потерпевшие получили адекватную компенсацию и чтобы медицинские работники и производители несли ответственность за свои действия (Ricci, 2023).

Этические принципы применения биопринтных технологий

Принцип благополучия граждан подразумевает то, что медицинские работники должны применять биопринтные технологии в целях оказания медицинской помощи пациентам, что будет в целом соответствовать положениям Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Применение подобной цифро-биологической технологии может значительно улучшить качество оказываемой медицинской помощи населению.

Применение биопринтных технологий должно соответствовать **принципу надежности и безопасности**, а получаемые на их основе результаты (напечатанные на биопринтере органы и тканевые конструкторы) не должны быть направлены на причинение вреда жизни и здоровью пациентов (реципиентов).

Важным способом обеспечения безопасности биопринтных технологий является создание прозрачной системы проверок и клинических испытаний, которые в совокупности гарантируют соответствие подобных изделий высоким стандартам качества и безопасности.

Важнейшим является **принцип добровольного информированного согласия пациента на применение в отношении него биопринтных технологий**. Медицинские работники и медицинские организации обязаны информировать пациентов обо всех аспектах их медицинского обследования и лечения, включая использование биопринтинга, с их согласия.

Согласие на использование биопринтной технологии в отношении пациента должно быть добровольным. Пациенту должны быть разъяснены его права и обязанности, права и обязанности медицинского работника, возможные последствия, преимущества и риски, продолжительность, характер вмешательства, а также то, как они будут влиять на его здоровье и общее состояние. В информированном добровольном согласии должна быть указана полная информация о составе продукта с биопечатью, процессе имплантации, обо всех конфликтах интересов, рисках, возможных последствиях и побочных эффектах.

В процессе 3D-биопечати могут возникнуть проблемы при получении информированного согласия в экстренных ситуациях, когда пациент не может выразить информированное согласие (de Kanter et al., 2023). Получение информированного согласия также может быть оспорено в ситуациях, когда участник не имеет полной возможности принять решение о донорстве (например, некоторые пациенты могут находиться в отделениях интенсивной терапии). Ребенок должен дать согласие сам, но в ситуациях, когда он не способен дать согласие, это за него делают родитель или опекун. Поэтому авторы предлагают обращаться в Комитет по этике, который может одобрить исследование без согласия пациента (Li & Faulkner, 2017).

Интересной позицией представляется мнение Д. Е. Богданова, который полагает, что дачу пациентом добровольного информированного согласия можно оценивать как принятие на себя риска неблагоприятных последствий, которые могут наступить в результате биопринтинга (Богданов, 2020а. С. 98).

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. (2011). Собрание законодательства Российской Федерации, 48, ст. 6724.

Специалистами предлагаются следующие способы реализации данного принципа:

- согласие всегда должно сопровождаться механизмами надзора, чтобы предотвратить неприемлемые риски для пациентов (Cossu et al., 2018);
- информация может подкрепляться консультацией независимого медицинского специалиста (Taylor et al., 2014).

Принцип квалификации медицинских работников подразумевает под собой то, что врачи должны знать и соблюдать действующие нормативные правовые акты, регулирующие их профессиональную деятельность, а также быть обучены применению биопринтных технологий, знать стандарты оказания медицинской помощи с использованием цифро-биологической технологии. А с учетом того, что применение новых технологий в медицине, стоматологии и фармакологии полностью изменило здравоохранение, это обуславливает необходимость массового внедрения цифровых технологий в медицинское образование (Shopova et al., 2022).

Кроме того, медицинские работники обязаны знать инструкции по безопасному использованию биопринтных технологий, правила взаимодействия с ними, а также инструкция по процедурам экстренного выключения или отключения биопринтера и иного оборудования в случае необходимости.

Государство должно поощрять прохождение медицинскими работниками профессиональной переподготовки или повышения квалификации по программам «Применение медицинских изделий на основе биопринтных технологий» в системе непрерывного медицинского образования на бесплатной основе. Интересным представляется исследование авторов, которые изложили требования к работнику лаборатории медицинских аддитивных технологий и его основные должностные обязанности, а также требования к стажу и знаниям (Приходько и др., 2019. С. 10–15).

Принцип конфиденциальности и защиты данных означает, что медицинские работники должны извещать пациентов, что их персональные данные собираются и обрабатываются при применении медицинских изделий на основе биопринтных технологий. Персональные данные пациентов и иные сведения, составляющие медицинскую тайну, используемые для обучения и работы медицинских изделий на основе биопринтных технологий, должны быть защищены и обрабатываться в соответствии с принципами конфиденциальности и защиты данных. Сведения о факте обращения пациента за оказанием ему медицинской помощи с использованием медицинских изделий на основе биопринтных технологий, состоянии его здоровья, иные сведения, полученные при высокотехнологическом медицинском вмешательстве, составляют врачебную тайну.

С целью предотвращения нарушения конфиденциальности или права пациента на неприкосновенность частной жизни должна быть создана система мониторинга. По мнению Д. Е. Богданова, злоумышленники могут получить доступ к информации и манипулировать трехмерными моделями в противоправных целях (Богданов, 2020b. С. 687).

Принцип соответствия. Медицинские изделия на основе биопринтных технологий должны соответствовать действующим стандартам оказания медицинской помощи.

Принцип защиты прав и законных интересов пациентов. Пациент имеет право на защиту своих прав и интересов при применении в отношении него биопринтных технологий. Медицинские работники должны извещать пациентов о том, что биопринтные технологии используются в их медицинском обследовании и операции, какие побочные эффекты или непредвиденные реакции при его применении возможны, при этом пациенты подписывают добровольное информированное согласие. Несомненно, при применении биопринтных технологий необходимо минимизировать риски возможных негативных последствий для пациентов. Именно поэтому защите прав пациента и прозрачности проводимых исследований уделяется особое внимание в зарубежных исследованиях (Patuzzo et al., 2018).

Принцип защиты прав и законных интересов медицинских работников. Медицинский работник имеет право на защиту своих прав и интересов при применении биопринтных технологий в отношении пациентов, в том случае если он действует в соответствии с существующим законодательством на основании стандартов оказания медицинской помощи. При применении биопринтных технологий необходимо минимизировать риски возможных негативных последствий для медицинских работников.

Заключение

В связи с тем, что разработка правовых норм, направленных на регулирование биопринтинга, – это процесс чрезвычайно сложный и длительный, полагаем, что уже сейчас стоит задуматься и начать подобную законотворческую инициативу. В связи с этим своеобразное «мягкое право», которое будет гибко воздействовать на субъектов, вовлекаемых в процесс на всех этапах жизненного цикла цифровой технологии (субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструкторов)), в виде применения этических принципов, считаем положительной тенденцией (Гуляева, 2023). Несомненно, целью правовой регламентации подобных общественных отношений является необходимость своевременного предупреждения и пресечения противоправных деяний в данной сфере, которые могут возникнуть с внедрением биопринтных технологий, а также выбор наиболее эффективной модели правового регулирования подобных правоотношений, в том числе и с использованием уголовно-правовых средств.

И если биотехнология находится в зачаточном состоянии, как считает большинство, крайне важно, чтобы ученые, предприниматели и правительства вступили в диалог об этических и общественных вопросах, возникающих на пути научного прогресса (Kuszler, 2006. Рр. 491–502).

Список литературы

- Ахмадова, М. А. (2020). Некоторые вопросы правового регулирования биопринтинга в России. *Социально-политические науки*, 10(2), 196–204. EDN: CPTHGM. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-2-196-204>
- Беликова, К. М. (2020). Биопринтинг и выращивание натуральных тканей и органов в странах БРИКС (на примере Бразилии, Индии, Китая и ЮАР): подходы законодательства об интеллектуальной собственности. *Право и политика*, 5, 35–57. EDN: TIKUXK. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.5.32826>
- Богданов, Д. Е. (2020a). Влияние биопринтных технологий на развитие гражданско-правовой ответственности. *Lex Russica*, 73(9), 88–99. EDN: UKPPIE. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.088-099>
- Богданов, Д. Е. (2020b). Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 50, 678–704. EDN: MCRMYT. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-678-704>
- Галюкова, М. И. (2023). Предпосылки уголовной ответственности за биопринтинг. *Lex Russica*, 76(1), 85–97. EDN: GOKGVV. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.085-097>
- Гуляева, П. С. (2023). Медицинские нанороботы в фокусе права. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 89–122. EDN: WNRAOE. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.4>
- Егоров, И. А., Семенчук, О. В. (2022). Применение технологии 3D-печати в медицине. *Кронос*, 7(4), 29–32. EDN: ZESKRP. DOI: <https://doi.org/10.52013/2658-7556-66-4-8>
- Ксенофонтова, Д. С. (2020). Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том числе биопринтных, органов и тканей. *Lex Russica*, 73(9), 100–107. EDN: KMQCRY. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.100-107>
- Мелерзанов, А., Мишра, А., Мантурова, Н. (2016). Трехмерная биопечать органов: этические и законодательные аспекты. *Врач*, 5, 11–13. EDN: VZVXNB
- Полянская, А. А., Гиркина, Д. Б., Стерлева, Е. А., Кузнецова, О. В., Сергеев, Ю. А. (2022). Биопринтинг в медицине. Особенности и перспективы использования. *Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral»*, 1. EDN: ZRUTOR
- Приходько, А. А., Виноградов, К. А., Вахрушев, С. Г. (2019). Меры по развитию медицинских аддитивных технологий в Российской Федерации. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*, 2(36), 10–15. EDN: GFCCPE. DOI: <https://doi.org/10.31556/2219-0678.2019.36.2.010-015>
- Романовская, О. В., Романовский, Г. Б. (2023). Правовое регулирование аддитивных технологий в современной биомедицине. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 27(1), 21–40. EDN: JQLHKU. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-21-40>
- Утеген, Д., Рахметов, Б. Ж. (2023). Технология распознавания лиц и обеспечение безопасности биометрических данных: компаративный анализ моделей правового регулирования. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(30), 825–844. EDN: DRGDDJ. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.36>

Хесуани, Ю. Д., Сергеева, Н. С., Миронов, В., Мустафин, А. Г., Каприн, А. Д. (2018). Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати. *Гены и Клетки*, 13(3), 38–45. EDN: YXDITJ. DOI: <https://doi.org/10.23868/201811031>

Шутова, А. А., Бегишев, И. Р. (2023). Проект Этического кодекса субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, применению и утилизации медицинских изделий на основе биопринтных технологий, по взаимодействию с пациентами и донорами клеток, по обороту донорских клеток, биочернил и биопринтных тканевых (органных) конструктов. *Правопорядок: история, теория, практика*, 4(39), 239–247. EDN: FZIKAK. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2023-39-4-239-247>

Berg, J., & Kurreck, J. (2021). Clean bioprinting - Fabrication of 3D organ models devoid of animal components. *ALTEX*, 38(2), 269–288. EDN: NTDJIN. DOI: <https://doi.org/10.14573/altex.2009151>

Childress, J. F., Brister, E., Thompson, P. B., Wolf, S. M., Callier, S. L., Capron, A. M., Pruett, T. L., & Zuchowicz, N. (2024). Ethical Issues in Emerging Technologies to Extend the Viability of Biological Materials Across Time and Space. *The Journal of Law, Medicine & Ethics: a Journal of the American Society of Law, Medicine & Ethics*, 52(3), 570–584. EDN: DEELEF. DOI: <https://doi.org/10.1017/jme.2024.139>

Cossu, G., Birchall, M., Brown, T., De Coppi, P., Culme-Seymour, E., Gibbon, S., Hitchcock, J., Mason, C., Montgomery, J., Morris, S., Muntoni, F., Napier, D., Owji, N., Prasad, A., Round, J., Sapra, P., Stilgoe, J., Thrasher, A., & Wilson, J. (2018). Lancet Commission: Stem cells and regenerative medicine. *The Lancet*, 391(10123), 883–910. EDN: YDNZET. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(17\)31366-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(17)31366-1)

de Kanter, A. J., Jongsma, K. R., Verhaar, M. C., & Bredenoord, A. L. (2023). The Ethical Implications of Tissue Engineering for Regenerative Purposes: A Systematic Review. *Tissue engineering. Part B: Reviews*, 29(2), 167–187. EDN: TJTYGJ. DOI: <https://doi.org/10.1089/ten.TEB.2022.0033>

Dey, M., & Ozbolat, I. T. (2020). 3D bioprinting of cells, tissues and organs. *Scientific Reports*, 10, 14023. EDN: IEFVLA. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-70086-y>

Gilbert, F., O'Connell, C. D., Mladenovska, T., & Dodds, S. (2018). Print Me an Organ? Ethical and Regulatory Issues Emerging from 3D Bioprinting in Medicine. *Science and Engineering Ethics*, 24(1), 73–91. EDN: SMBGPQ. <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9874-6>

Girón Morazán, G. (2019). Las fronteras éticas de las aplicaciones biotecnológicas. *Apuntes De Bioética*, 2(1), 104–114. <https://doi.org/10.35383/apuntes.v2i1.246>

Goddard, E., & Dodds, S. (2020). Ethics and Policy for Bioprinting. In J. M. Crook (Eds.), *3D Bioprinting. Methods in Molecular Biology* (Vol. 2140, pp. 43–64). Humana, New York, NY. https://doi.org/10.1007/978-1-0716-0520-2_4

Jovic, T. H., Combella, E. J., Jessop, Z. M., & Whitaker, I. S. (2020). 3D Bioprinting and the Future of Surgery. *Frontiers in Surgery*, 7, 609836. EDN: FWPGXF. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsurg.2020.609836>

Kantaros, A., Ganetsos, Th., Petrescu, F. I. T., & Alysandratou, E. (2025). Bioprinting and Intellectual Property: Challenges, Opportunities, and the Road Ahead. *Bioengineering*, 12(1), 76. EDN: VGKEBQ. DOI: <https://doi.org/10.3390/bioengineering12010076>

Kaul, R. (2023). 13 – Social and ethical considerations of bioprinted organs. In D. M. Kalaskar (Eds.), *3D Printing in Medicine* (2d Ed., pp. 379–384). Woodhead Publishing. <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-89831-7.00005-5>

Khan, Z., & Siddique Dr, Afifa. (2022). 3D Bioprinting and Organ Transplantation: Patient Dream or Ethical Nightmare? *Journal of Ethics and Emerging Technologies*, 32(1), 1–9. <https://doi.org/10.55613/jeet.v32i1.96>

Kirillova, A., Bushev, S., Abubakirov, A., & Sukikh, G. (2020). Bioethical and Legal Issues in 3D Bioprinting. *International Journal of Bioprinting*, 6(3), 272. EDN: VIGFJQ. DOI: <https://doi.org/10.18063/ijb.v6i3.272>

Kostenko, A., Connon, C. J., & Swioklo, S. (2022). Storable Cell-Laden Alginate Based Bioinks for 3D Biofabrication. *Bioengineering*, 10(1), 23. EDN: DXZKNK. DOI: <https://doi.org/10.3390/bioengineering10010023>

Kuszler, P. C. (2006). Biotechnology entrepreneurship and ethics: principles, paradigms, and products. *Medicine and Law*, 25(3), 491–502.

Li, P., & Faulkner, A. (2017). 3D Bioprinting Regulations: A UK/EU Perspective. *European Journal of Risk Regulation*, 8(2), 441–447. <https://doi.org/10.1017/err.2017.19>

Li, Ph. (2014). 3D Bioprinting Technologies: Patents, Innovation, and Access. *Law, Innovation and Technology*, 6(2), 282–304. <https://doi.org/10.5235/17579961.6.2.282>

Matai, I., Kaur, G., Seyedsalehi, A., McClinton, A., & Laurencin, C. T. (2020). Progress in 3D bioprinting technology for tissue/organ regenerative engineering. *Biomaterials*, 226, 119536. EDN: ENYIKC. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biomaterials.2019.119536>

Shopova, D., Mihaylova, A., Kasnakova, P., Yaneva, A., Hristozova, M., Shirkov, Y., Sarafian, V., Semerdjieva, M., & Bakova, D. (2022). (Bio)printing in modern medical education. *ICERI2022 Proceedings* (pp. 7157–7161). <https://doi.org/10.21125/iceri.2022.1819>

O'Mathúna, D. P. (2007). Bioethics and biotechnology. *Cytotechnology*, 53, 113–119. EDN: BFUAPH. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10616-007-9053-8>

Papaioannou, T. G., Manolesou, D., Dimakakos, E., Tsoucalas, G., Vavuranakis, M., & Tousoulis, D. (2019). 3D Bioprinting Methods and Techniques: Applications on Artificial Blood Vessel Fabrication. *Acta Cardiologica Sinica*, 35(3), 284–289. EDN: IKWTMH

- Pashkov, V., & Harkusha, A. (2017). 3-D Bioprinting Law Regulation Perspectives. *Wiadomości Lekarskie*, 70(3), 480–482. EDN: WIWBIA
- Patuzzo, S., Goracci, G., Gasperini, L. et al. (2018). 3D Bioprinting Technology: Scientific Aspects and Ethical Issues. *Science and Engineering Ethics*, 24, 335–348. EDN: NYETDD. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9918-y>
- Ricci, G., Gibelli, F., & Sirignano, A. (2023). Three-Dimensional Bioprinting of Human Organs and Tissues: Bioethical and Medico-Legal Implications Examined through a Scoping Review. *Bioengineering*, 10(9), 1052. EDN: MPYVYR. DOI: <https://doi.org/10.3390/bioengineering10091052>
- Rizzo, M. L., Turco, S., Spina, F., Costantino, A., Visi, G., Baronti, A., Maiese, A., & Di Paolo, M. (2023). 3D printing and 3D bioprinting technology in medicine: ethical and legal issues. *La Clinica Terapeutica*, 174(1), 80–84. <https://doi.org/10.7417/CT.2023.2501>
- Salvaterra, E. (2023). Human Fabrication: An Ethical Viewpoint. *Stem Cell & Regenerative Medicine*, 7(2), 1–2. EDN: KGZUJM
- Taylor, D. A., Caplan, A. L., & Macchiarini, P. (2014). Ethics of bioengineering organs and tissues. *Expert Opinion on Biological Therapy*, 14(7), 879–882. EDN: WFHIJX. DOI: <https://doi.org/10.1517/14712598.2014.915308>
- Veeravalli, R. S., Vejandla, B., Savani, S., Nelluri, A., & Peddi, N. C. (2023). Three-Dimensional Bioprinting in Medicine: A Comprehensive Overview of Current Progress and Challenges Faced. *Cureus*, 15(7), e41624. EDN: HTINXU. DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.41624>
- Vermeulen, N., Haddow, G., Seymour, T., Faulkner-Jones, A., & Shu, W. (2017). 3D bioprint me: a socioethical view of bioprinting human organs and tissues. *Journal of Medical Ethics*, 43(9), 618–624. EDN: YGUYZU. DOI: <https://doi.org/10.1136/medethics-2015-103347>
- Vijayavenkataraman, S., Lu, W.F., & Fuh, J. Y. H. (2016). 3D bioprinting – An Ethical, Legal and Social Aspects (ELSA) framework. *Bioprinting*, 1–2, 11–21. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.bprint.2016.08.001>

References

- Akhmadova, M. A. (2020). Some questions of legal regulation of bioprinting in Russia. *Sociopolitical Sciences*, 10(2), 196–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-2-196-204>
- Belikova, K. M. (2020). Bioprinting and culture of tissues and organs in the BRICS countries (on the example of Brazil, India, China, and South Africa): approaches of legislation on intellectual property. *Law and Politics*, 5, 35–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.5.32826>
- Berg, J., & Kurreck, J. (2021). Clean bioprinting - Fabrication of 3D organ models devoid of animal components. *ALTEX*, 38(2), 269–288. <https://doi.org/10.14573/altex.2009151>
- Bogdanov, D. E. (2020b). Techno-Determinism in Private Law: Influence of Bioprinting on Developing the Concept of Protecting the Right to Digital Image. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 50, 678–704. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-678-704>
- Bogdanov, D. E. (2020a). The Impact of Bioprinting Technologies on the Development of Civil Liability. *Lex Russica*, 73(9), 88–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.088-099>
- Childress, J. F., Brister, E., Thompson, P. B., Wolf, S. M., Callier, S. L., Capron, A. M., Pruett, T. L., & Zuchowicz, N. (2024). Ethical Issues in Emerging Technologies to Extend the Viability of Biological Materials Across Time and Space. *The Journal of Law, Medicine & Ethics: a Journal of the American Society of Law, Medicine & Ethics*, 52(3), 570–584. <https://doi.org/10.1017/jme.2024.139>
- Cossu, G., Birchall, M., Brown, T., De Coppi, P., Culme-Seymour, E., Gibbon, S., Hitchcock, J., Mason, C., Montgomery, J., Morris, S., Muntoni, F., Napier, D., Owji, N., Prasad, A., Round, J., Saprai, P., Stilgoe, J., Thrasher, A., & Wilson, J. (2018). Lancet Commission: Stem cells and regenerative medicine. *The Lancet*, 391(10123), 883–910. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(17\)31366-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(17)31366-1)
- de Kanter, A. J., Jongsma, K. R., Verhaar, M. C., & Bredenoord, A. L. (2023). The Ethical Implications of Tissue Engineering for Regenerative Purposes: A Systematic Review. *Tissue engineering. Part B: Reviews*, 29(2), 167–187. <https://doi.org/10.1089/ten.TEB.2022.0033>
- Dey, M., & Ozbolat, I. T. (2020). 3D bioprinting of cells, tissues and organs. *Scientific Reports*, 10, 14023. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-70086-y>
- Egorov, I. A., & Semenchuk, O. V. (2022). Application of 3D-printing technology in medicine. *Chronos*, 7(4), 29–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.52013/2658-7556-66-4-8>
- Galyukova, M. I. (2023). Background Causes for Criminal Liability for Bioprinting. *Lex Russica*, 76(1), 85–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.194.1.085-097>
- Gilbert, F., O'Connell, C. D., Mladenovska, T., & Dodds, S. (2018). Print Me an Organ? Ethical and Regulatory Issues Emerging from 3D Bioprinting in Medicine. *Science and Engineering Ethics*, 24(1), 73–91. <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9874-6>
- Girón Morazán, G. (2019). Las fronteras éticas de las aplicaciones biotecnológicas. *Apuntes De Bioética*, 2(1), 104–114. (In Spanish). <https://doi.org/10.35383/apuntes.v2i1.246>

- Goddard, E., & Dodds, S. (2020). Ethics and Policy for Bioprinting. *Methods in molecular biology (Clifton, N.J.)*, 2140, 43–64. https://doi.org/10.1007/978-1-0716-0520-2_4
- Gulyaeva, P. S. (2023). Medical nanorobots in focus of law. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 89–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.4>
- Hesuan, Yu. D., Sergeeva, N. S., Mironov, V., Mustafin, A. G., & Kaprin, A. D. (2018). Introduction to 3D bioprinting: the history of the formation of the direction, principles and stages of bioprinting. *Genes and Cells*, 13(3), 38–45. <https://doi.org/10.23868/201811031>
- Jovic, T. H., Combella, E. J., Jessop, Z. M., & Whitaker, I. S. (2020). 3D Bioprinting and the Future of Surgery. *Frontiers in Surgery*, 7, 609836. <https://doi.org/10.3389/fsurg.2020.609836>
- Kantaros, A., Ganetsos, Th., Petrescu, F. I. T., & Alysandratos, E. (2025). Bioprinting and Intellectual Property: Challenges, Opportunities, and the Road Ahead. *Bioengineering*, 12(1), 76. <https://doi.org/10.3390/bioengineering12010076>
- Kaul, R. (2023). 13 – Social and ethical considerations of bioprinted organs. In D. M. Kalaskar (Eds.), *3D Printing in Medicine* (2d Ed., pp. 379–384). Woodhead Publishing. <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-89831-7.00005-5>
- Khan, Z., & Siddique Dr, Afifa. (2022). 3D Bioprinting and Organ Transplantation: Patient Dream or Ethical Nightmare? *Journal of Ethics and Emerging Technologies*, 32(1), 1–9. <https://doi.org/10.55613/jeet.v32i1.96>
- Kirillova, A., Bushev, S., Abubakirov, A., & Sukikh, G. (2020). Bioethical and Legal Issues in 3D Bioprinting. *International Journal of Bioprinting*, 6(3), 272. <https://doi.org/doi:10.18063/ijb.v6i3.272>
- Kostenko, A., Connon, C. J., & Swioklo, S. (2022). Storable Cell-Laden Alginate Based Bioinks for 3D Biofabrication. *Bioengineering*, 10(1), 23. <https://doi.org/10.3390/bioengineering10010023>
- Ksenofontova, D. S. (2020). Legal and Bioethical Changes in the Commodification of Human, Including Bioprinted, Organs and Tissues. *Lex Russica*, 73(9), 100–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.100-107>
- Kuszler, P. C. (2006). Biotechnology entrepreneurship and ethics: principles, paradigms, and products. *Medicine and Law*, 25(3), 491–502.
- Li, P., & Faulkner, A. (2017). 3D Bioprinting Regulations: A UK/EU Perspective. *European Journal of Risk Regulation*, 8(2), 441–447. <https://doi.org/10.1017/err.2017.19>
- Li, Ph. (2014). 3D Bioprinting Technologies: Patents, Innovation, and Access. *Law, Innovation and Technology*, 6(2), 282–304. <https://doi.org/10.5235/17579961.6.2.282>
- Matai, I., Kaur, G., Seyedsalehi, A., McClinton, A., & Laurencin, C. T. (2020). Progress in 3D bioprinting technology for tissue/organ regenerative engineering. *Biomaterials*, 226, 119536. <https://doi.org/10.1016/j.biomaterials.2019.119536>
- Melerzanov, A., Mishra, A., & Manturova, N. (2016). Three-dimensional bioprinting of organs: ethical and legislative aspects. *Vrach*, 5, 11–13. (In Russ.).
- Shopova, D., Mihaylova, A., Kasnakova, P., Yaneva, A., Hristozova, M., Sbirkov, Y., Sarafian, V., Semerdjieva, M., & Bakova, D. (2022). (Bio)printing in modern medical education. *ICERI2022 Proceedings* (pp. 7157–7161). <https://doi.org/10.21125/iceri.2022.1819>
- O'Mathúna, D. P. (2007). Bioethics and biotechnology. *Cytotechnology*, 53, 113–119. <https://doi.org/10.1007/s10616-007-9053-8>
- Papaioannou, T. G., Manolesou, D., Dimakakos, E., Tsoucalas, G., Vavuranakis, M., & Tousoulis, D. (2019). 3D Bioprinting Methods and Techniques: Applications on Artificial Blood Vessel Fabrication. *Acta Cardiologica Sinica*, 35(3), 284–289.
- Pashkov, V., & Harkusha, A. (2017). 3-D Bioprinting Law Regulation Perspectives. *Wiadomości Lekarskie*, 70(3), 480–482.
- Patuzzo, S., Goracci, G., Gasperini, L. et al. (2018). 3D Bioprinting Technology: Scientific Aspects and Ethical Issues. *Science and Engineering Ethics*, 24, 335–348. <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9918-y>
- Polyanskaya, A. A., Gurkina, D. B., Sterleva, E. A., Kuznetsova, O. V., & Sergeev, Yu. A. (2022). Bioprinting in medicine. Features and prospects of use. *International Journal of Applied Sciences and Technologies “Integral”*, 1. (In Russ.).
- Prikhodko, A. A., Vinogradov, R. A., & Vakhrushev, S. G. (2019). Measures for the Development of Medical Additive Technologies in the Russian Federation. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 2(36), 10–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.31556/2219-0678.2019.36.2.010-015>
- Ricci, G., Gibelli, F., & Sirignano, A. (2023). Three-Dimensional Bioprinting of Human Organs and Tissues: Bioethical and Medico-Legal Implications Examined through a Scoping Review. *Bioengineering*, 10(9), 1052. <https://doi.org/10.3390/bioengineering10091052>
- Rizzo, M. L., Turco, S., Spina, F., Costantino, A., Visi, G., Baronti, A., Maiese, A., & Di Paolo, M. (2023). 3D printing and 3D bioprinting technology in medicine: ethical and legal issues. *La Clinica Terapeutica*, 174(1), 80–84. <https://doi.org/10.7417/CT.2023.2501>
- Romanovskaya, O. V., & Romanovskiy, G. B. (2023). Legal regulation of additive technologies in modern biomedicine. *RUDN Journal of Law*, 27(1), 21–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-21-40>
- Salvaterra, E. (2023). Human Fabrication: An Ethical Viewpoint. *Stem Cell & Regenerative Medicine*, 7(2), 1–2.
- Shutova, A. A., & Begishev, I. R. (2023). Project of an Ethical Code of subjects implementing activity of creating, applying and utilizing medical products based on bioprinting technologies, interacting with patients and cell donors, turnover of donor cells, bioink and bioprint tissue (organ) constructs. *Legal and Order: History, Theory, Practice*, 4(39), 239–247. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2023-39-4-239-247>

Taylor, D. A., Caplan, A. L., & Macchiarini, P. (2014). Ethics of bioengineering organs and tissues. *Expert Opinion on Biological Therapy*, 14(7), 879–882. <https://doi.org/10.1517/14712598.2014.915308>

Utegen, D., & Rakhmetov, B. Zh. (2023). Facial Recognition Technology and Ensuring Security of Biometric Data: Comparative Analysis of Legal Regulation Models. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(3), 825–844. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.36>.

Veeravalli, R. S., Vejandla, B., Savani, S., Nelluri, A., & Peddi, N. C. (2023). Three-Dimensional Bioprinting in Medicine: A Comprehensive Overview of Current Progress and Challenges Faced. *Cureus*, 15(7), e41624. <https://doi.org/10.7759/cureus.41624>

Vermeulen, N., Haddow, G., Seymour, T., Faulkner-Jones, A., & Shu, W. (2017). 3D bioprint me: a socioethical view of bioprinting human organs and tissues. *Journal of Medical Ethics*, 43(9), 618–624. <https://doi.org/10.1136/medethics-2015-103347>

Vijayavenkataraman, S., Lu, W. F., & Fuh, J. Y. H. (2016). 3D bioprinting – An Ethical, Legal and Social Aspects (ELSA) framework. *Bioprinting*, 1–2, 11–21. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.bprint.2016.08.001>

Вклад авторов

А. А. Шутова – проведение исследования, подготовка и редактирование текста.

И. Р. Бегишев – разработка концепции, итоговая переработка статьи, утверждение окончательного текста статьи.

Author's contribution

A. A. Shutova – conducting research, preparing and editing the text

I. R. Begishev – developing the concept, final revision of the article, approval of the final text of the article

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (И. Р. Бегишев) является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (I. R. Begishev) is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 02.02.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 24.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Бегишев Ильдар Рустамович, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ildar R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Professor of Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Pavel A. Kabanov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminology, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Elvira Yu. Latypova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Шаббар Джеффри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom